

Игорь
Саврасов

of Satan

Малытийское эхо

Андрей Петрович по просьбе своего учителя, профессора-историка Богдановича Г.Н., приезжает в его родовое «гнездо», усадьбу в Ленинградской области, где теперь краеведческий музей. Ему предстоит познакомиться с последними научными записками учителя, в которых тот увязывает библейскую легенду об апостоле Павле и змее с тайной крушения Византии. В семье Богдановичей уже более двухсот лет хранится часть древнего Пергамента с сакральным, мистическим смыслом. Хранится и другой документ, оставленный предком профессора, моряком из флотилии Ушакова времён императора Павла I. С двумя племянницами профессора, Верой и Ириной, Андрей отправляется на Мальту и в Сиракузы, по следам апостола, чтобы поискать в катакомбах другую часть Пергамента. А ещё Укладку Сатаны... Разгадывать тайну открытия учителя Андрею помогает его дар Видеть сокрытое, Верочка же владеет умением расшифровывать знаки, строить невероятные по объёму и глубине информационные и логические матрицы... Великолепие природных ландшафтов и очарование барочной архитектуры делают путешествие героев праздничным, но... это лишь смягчает ту захватывающую динамику опасных, буквально авантурных приключений и сюжетных поворотов, когда липнущие к сердцу «кляксы страхов» сменяются очищающим эликсиром любви. Но и любви необычной... Другая большая сюжетная линия романа связана с мальтийским периодом в истории рыцарей-иоаннитов. Великий магистр Ордена Жан Паризо де ля Валетт и его верный секретарь сэра Оливер Старки, благородные и мужественные монахи-воины забирают у Сулеймана Укладку, спасают Орден, оплод христианского мира на тот период. Рыцари одерживают победу в Великой осаде... Андрей, Вера и Ирина нашли ту другую часть Пергамента и весь его возвращают Святому Престолу и Ордену. Заслуги русских исследователей высоко оценены. Однако Андрей одержим поисками ещё и Укладки. Богдановичи хотят выкупить усадьбу, вернуть своему роду и создать на её базе фамильное командорство Мальтийского Ордена. И снова поиски, снова опасные приключения... Цель близка, Укладка совсем рядом, только вот... «если долго вглядываться в бездну, бездна начинает вглядываться в тебя»... Но есть Удача, есть живая вода Любви и Путь открыт, и Андрей Петрович следует за своей новой Судьбой.

Игорь Саврасов

Мальтийское эхо

Да благословен будет твой путь, странник.

«Тьма, накрывшая Средиземное море, ветер и волны, взбесившиеся вдруг, опрокинули корабль, на котором Савл должен был следовать в Рим. Кто-то крикнул (Савлу показалось, что это был Лука): «Мальта близко и, если лечь грудью на осколок мачты, можно продержаться до берега».

Андрей улыбнулся: эта фраза, этот поклон Михаилу Афанасьевичу когда-то, кажется в 94-м, показали ему впечатляющим ходом. Он писал тогда повесть об апостоле Павле, но журнал, сделавший этот заказ, не мог больше поддерживать духовные искания в смутные времена 90-х и потихоньку «сдулся».

Сейчас Андрей решил перечитать несколько мест из своей повести, но мысли как-то растекались, и их направление было почему-то обратным, к истокам. Так бывает, когда неспешно собираешь чемодан в дорогу.

Екатеринбургский университет, где Андрей работал доцентом истории, тоже не мог оплачивать литературно-исторические исследования, и новым занятием, которое приносило какие-то деньги, стало разыскивание по частным заказам родословных, чаще всего туманных.

Тема апостольства и изучение различных апокрифов раннего христианства увлекали Андрея еще со времен учебы в Санкт-Петербургском (тогда еще Ленинградском) университете. Их преподаватель истории Западной Европы, а затем научный руководитель, профессор Георгий Натанович Богданович, в те идейно-бездарные 70-е достаточно осторожно, но все же поддерживал увлечение Андрея. На нападки коллег, что он, дескать, поддерживает в среде студентов богоискательство, спокойно и иронично отвечал, что коль уж историческое движение определяется крупными изменениями в сознании народов под влиянием проповедей всякородных демиургов и пассионариев, то почему бы в высокородные демиурги не «записать» апостолов Христовых. Научным же «коньком» самого профессора было исследование глубинных причин падения Византийской империи, и он намеревался покопаться в сложных отношениях римско-католической и греко-православной церквей. В общем, такой вот «троянский» конек-горбунок!

В 1979-м Ученый совет факультета осудил и запретил к открытым публикациям исследования Г.Н., тот впал в депрессию, а в начале 90-х вообще уехал из Питера. Мы, студенты, восхищались эрудицией Богдановича, его умением отыскивать факты, а главное — глубоко, всесторонне и весьма оригинально осмысливать их. Какое-то время мы называли его Титаныч, а затем он превратился в Г.Н.

Андрей и еще двое учеников Г.Н., Юрий и Ольга (неразлучная троица), еще какое-то время пытались морально поддержать учителя, но в рецензиях на наши работы замелькали фразы... крайне предосудительно для советского историка...», и пару глав в наших с Юрием диссертациях пришлось серьезно переделать. Ольга же со своей строптивостью вообще поменяла вектор исследований и занялась историей искусств.

Андрей отложил рукопись повести, улыбнулся про себя: «Ах, Оля-Оленька, какие огромные волшебные крылья раскинул Петербург над моей любовью к тебе и над твоей к... моему другу Юрию! Вечный город мистификаций! Наши бесчисленные прогулки втроем белыми ночами...».

Первый Съезд народных депутатов, выступления Сахарова, публикации Рыбакова, Гроссмана и других вызвали смятение в наших душах, но уже через год стало ясно — новая игра...

Ольга и Юрий уехали из страны и, не стремясь к обетованным американским берегам, остались в Вене. Возможно, этому выбору способствовало то обстоятельство, что Ольге удалось удивительным образом быстро сдать в одно из австрийских издательств свою книгу о храмовом искусстве в Европе XII–XVIII веков. Андрей уехал в Екатеринбург. Лет пяти Ольга и Юра звонили довольно часто, пару раз Андрей приезжал к ним в Вену, затем звонки стали все реже, и вот, в 2003-м Ольга сообщила, что Юрка полюбил другую, чешку русского происхождения, Татьяну, что живет он теперь в Праге. Что заставило пятидесятилетних людей искать другие берега и причалы? По телефону ни у Ольги, ни у Юрия спрашивать о мотивах таких поисков (или порывов?) было неудобно. Просто кораблекрушение...

Их сын Сергей и Ольга собирались вернуться в Петербург.

Ну, что ж, дорожная сумка собрана, в боковом отделении расположилась толстая тетрадь с повестью о святом Павле. Пора на вокзал.

А собраться в дорогу Андрей был призван вот какой надобностью. Где-то с полгода назад Г.Н. прислал письмо, в котором уже совсем старческим нетвердым почерком сообщал, что с трудом разыскал его, Андрея. Что уже более десятка лет живет в Ленинградской области и работает в небольшом краеведческом музее. Но, главное, он просил приехать, чтобы познакомить Андрея с «увлекательнейшими материалами — историей о том, какую роковую роль в завоевании Византии турками сыграла сброшенная с руки святого Павла змея».

Это письмо навело Андрея на грустную мысль о том, что такая вот склонность к мистике просыпается (чаще с возрастом) у людей глубокого ума и уводит с «ясных полей» здравого смысла. Он ответил на письмо, написал, что очень рад и очень заинтересован поисками профессора и во время летнего отпуска непременно приедет повидаться и поболтать о тайнах истории. Слово «поболтать» было написано умышленно, как обозначившее некую границу отношений. Дело было еще и в том, что Г.Н. просил в письме иметь при себе загранпаспорт с шенгенской визой, например, на Мальту. Да уж, историческое расследование может оказаться не виртуальным.

И вот беда, Г.Н. скончался, и эту скорбную весть принесло другое письмо, полученное в июне, за пару недель до отпуска. Писала женщина, представившаяся Марией Родиславовой, родственницей Г.Н. Убеждала срочно приехать «поработать с бумагами Георга». Также в письме были указаны номера трех сотовых телефонов с просьбой сразу по получении письма позвонить по первому из них.

Андрей не замедлил со звонком.

— Здравствуйте, меня зовут Андрей Петрович. Мои соболезнования.

— Здравствуйте! Я Мария Родиславовна. Я очень надеялась на ваш звонок, спасибо, — голос старушечий, но с ноткой какого-то магнетического аристократизма. — Я с младшей внучкой, Ириной, живем в музее, где жил и Георг.

— Хорошо, я думаю приехать к вам 1–2 июля.

— Прекрасно. В Петербурге вас может встретить моя старшая внучка, Вера Яновна, а здесь, уже в усадьбе, Иришка.

— Музей на территории усадьбы?

— Да, до встречи. — Голос её вдруг стал каким-то глухим, — *Сатана вновь близок к*

своей укладке...

Мистика. О чем это она?

Просторные привокзальные площади и исходящие линии железнодорожных веток невольно напомнили змей на голове мифической медузы-горгоны. Помнится, что взгляд этой милой крылатой дамы превращал все живое в камень. Какое-то чувство подсказывало Андрею, что и обратные превращения тоже возможны и что с образом змеи ему не раз придется столкнуться в этом путешествии.

Я остановлю тебя, читатель, чтобы сказать, что имена основных героев тебе уже названы, и привлечь внимание к чудеснейшему свойству ума человека — творческому замыслу. Глубоко погруженный в творческий процесс человек уже несет в себе свои создания или открытия в достаточной их полноте, и они лишь «растут» в нем. Писатель весьма неплохо знает характеры своих героев. Но не все перипетии их судеб. Наверное, чтобы не только читателю, но и писателю не было скучно, он, например, может неожиданно толкнуть своих героев в крутой поворот сюжета. У литературных героев должна быть своя собственная судьба, и автор интригуется себя и читателей такими поворотами. Помните, у Пушкина: «И даль свободного романа я сквозь магический кристалл еще не ясно различал»?

Вот и посадка в скорый фирменный «Екатеринбург — Санкт-Петербург». Сколько замечательных часов было проведено Андреем на этом маршруте. Правда, уже давненько... Любая туристическая или, скажем, необременительная деловая поездка таит в себе столько впечатлений! Позволим себе вспомнить очаровательную попутчицу в двухместном СВ, прочитанные увлекательные книги или интересных собеседников в тех купе, и как будто становишься чище и... новее!

В дороге нужно было почитать и освежить в памяти написанное о св. Павле. Это была вторая Андреева повесть, и работа над ней захватывала в свое время не на шутку. Была еще первая повесть, названная с известным сарказмом «Повесть временных лет», с ударением именно на этом «е». Она была написана в 92-м, в период перехода от недоразвитого социализма к чему-то новому, и была полна язвительности. Андрей после долгих раздумий решил, что в повести «нет света», и не отдал ее даже редактору.

Прошелся по перрону вдоль киосков: минеральная вода, кефир, бутерброды, яблоки, помидоры, влажные салфетки, пара газет. Ну, и хватит, наверное.

Плацкартный вагон, очень демократично. Правда, нижняя полка в середине вагона. Высокая цена на билет оправдывалась появившимися кондиционерами и биотуалетами. Ура! Это победа! Это прорыв! Нет нужды «терпеть нужду» и до, и во время, и после остановки. И ста лет не прошло в России...

Вагон заполнялся постепенно. Вот рядом на боковые места села пожилая пара. Видимо, муж с женой: добродушное внимание друг к другу. Затем на верхние полки в купе пристроились девушка с парнем. Тут не поймешь: вроде вместе, вроде студенты. Может, едут домой после сессии, может, отдыхать по путевке или без оной. Андрею пришла в голову наивная мысль: а что, если Питер сможет составить конкуренцию Турции и Таиланду и приворожить молодых, как его когда-то? Но эти культурологические мечтания быстро рассеялись, как только лексикон молодых людей выдал их приоритеты: пиво, бабки и т. п. Четвертый, мужчина лет пятидесяти, на нижнюю полку. Из непростых «простых». Рысьи острые глаза шукшинских героев, любителей «срезать» в любом разговоре. Да, не хотелось бы этих «Печек-лавочек». Судя по тому, как неспешно, основательно устраивался мужчина,

как многозначительно поставил на столик бутылку водки, другую под столик, как развернул обильную закуску, это был военнослужащий в отставке. Андрей предусмотрительно спрятался за газетой.

— Меня зовут Николай, — отрекомендовался сосед.

— Андрей Петрович.

— Давай за знакомство, — Николай налил водки.

— Извините, Николай, не могу и не хочу. Давление, знаете ли, да и поработать с рукописью нужно. — Андрей решительно достал повесть, вооружился ручкой и начал работать.

— Хм, ну и ладно, вечер длинный. — Николай мгновенно выпил один. — Кем работаешь? — налил себе вторую и снова мгновенно выпил.

Просить Николая обращаться на «Вы» в этой ситуации не стоило.

— Преподаватель истории. И вот еще повесть написал.

Эта неосторожность, если не сказать хвастливость, сразу потребовала унижительных оправданий и вранья.

— Везу в редакцию. Утром, сразу по приезде, необходимо быть в издательстве.

— А я вот служил, вышел в отставку майором, — сказал Николай гордо. Потом нахмурился, налил третью и мгновенно выпил. — Пусть теперь другие послужат.

Николай все больше пьянел и мрачнел.

— А о чем там у тебя? — сосед кивнул на рукопись.

— Да так, истории из древности.

— А почему из древности? Лучше бы что-нибудь о природе или об армии. Лукавые вы все... — глаза Николая сузились и стали злыми.

Между писателем и вероятным читателем возникла пропасть. Андрей вспомнил, как в молодости встречался с «рабочими коллективами» и читал по линии общества «Знание» лекции о трудном международном положении. И сам был в этом трудном положении. Всем этим токарям и наладчикам было наплевать на судьбу Луиса Корвалана. А вот что касается истории или литературы, некоторые мнили себя большими знатоками...

Уйти в вагон-ресторан и там поработать? Нет, эти хемингуэевские штучки могут иметь самые серьезные последствия. Придется продолжать «творческую встречу».

Андрей убрал рукопись в сумку, лег, прикрыл глаза газетой и стал по памяти «пробегать» повесть.

«Павел — первоверховный апостол, священномученик. Прежде он назывался Савлом и был гонителем христиан».

Николай допил бутылку, плотно закусил, прилег и стал что-то бубнить себе под нос о «главном в жизни». Студенты куда-то пропали сразу и надолго, видимо, где-то рядом ехали друзья. Семейная пара на боковых местах почаявничали и улеглись подремать. Вообще, вагон на удивление был тихий, ни тебе фанатов, ни тебе дембелей. Удача прямо, не вагон — а «философский пароход».

«Апостол Павел из гонителя превратился в свидетеля о Христе. Он ведь не был, как другие апостолы, с Христом живым и вдруг оказался лицом к лицу с Христом воскресшим. Савл, по поручению Синедриона и римских властей, был направлен в Дамаск с целью преследования учеников Христа. Но Господь усмотрел в Савле «сосуд избранный», и на пути туда, ослепив, а потом вернув ему зрение, призвал к апостольскому служению».

«Да», — подумал Андрей, вспомнив Пушкинского «Пророка», — «Прав Николай: есть

«главное в жизни»». Он вспомнил так же, как в студенческие годы наряду с лекциями Г.Н. ему очень нравились лекции по философии, которые читал профессор Гисманик Марк Григорьевич. Он был похож на монаха-капуцина, с венчиком кудрявых волос вокруг лысой большой головы, с вкрадчивым, мягким, чуть картавым голосом, с пухлыми пальчиками, которые аккомпанировали мыслям. И с таким обликом Марк Григорьевич нес гражданско-политическое служение воинствующего атеиста. Он читал лекции, участвовал в диспутах. Даже нам, студентам, было видно: притворялся. Вспомнилось, как на экзамене по историческому материализму Андрею попался вопрос о роли искусства. В учебниках того времени эта роль была скучнейшая: воспитательная, познавательная и эстетическая. В общем, «кушать подано». С гениями все вроде понятно: одни, как апостол Павел, «глаголом жгут сердца людей», другие рисуют, ваяют, сочиняют музыку. Вопрос «С кем вы, мастера культуры?» Андрей периодически обдумывал, переиначивая «Зачем вы, многочисленные мастера культуры?». Наиболее импонировал ответ умницы Ю. Лотмана. С его точки зрения, даже у Создателя впереди поле случайностей и проблема выбора, и мир движется вперед по одному из возможных путей, оставляя позади себя ту историю, которую мы пытаемся понять и изучать. Так и самый обыкновенный «мастер слова» может в свое удовольствие сочинять свои истории. В конце концов, если веришь в себя, делай что хочешь, и не всегда, что надо. Пиши свои сочинения «в стол», покажи соседке. Если повезло читать лекции по гуманитарным дисциплинам, то можно в меру «полетать».

Николай наконец-то заснул. Рукопись снова была извлечена из сумки. Андрей листал рукопись быстро, выхватывая из повествования главное и делая пометки на полях. Особенно Андрея занимала история кораблекрушения апостола Павла у берегов Мальты.

Как прекрасно приехать в Ленинград ранним утром. Восемь лет учебы студентом, затем аспирантом в 1970–1979 годах — самое лучшее время в жизни, самое главное время для жизни. В те далекие годы Андрей слышал песню, кажется Рождественского, и связал ее с Питером: «...город в утренней дымке, город ранней весной... город, где ты невидимкой рядом со мной». Услышал один раз, и больше, почему-то, никогда. А запала в душу навсегда. И сам город невидимкой убаюкивает душу, возрождает любовью.

Когда позднее ненадолго наезжал в Питер, по делам или просто отдохнуть на день-другой, маршрут составлялся традиционный. Сейчас пять утра, сумка оставлена в камере хранения Московского вокзала, отсюда же в 6:30 завтрашнего утра нужно следовать дальше до места. Побродить Андрей планировал до полуночи, а затем можно почитать и подремать на вокзале, если на ночь не удастся снять жилье.

Вот и стрела Невского проспекта, с полчаса неспешно можно пройти пешком в сторону Адмиралтейства, потом проснувшимися троллейбусами до Казанского собора. Дальше, оставляя справа Дворцовую площадь, через сквер — до «Медного всадника». Утро чудесное, как чудесны творения Росси, Монферрана и Фальконе. Вдоль Невы путь лежал до Дворцового моста. Андрей с волнением и нежностью оглядел панораму, остановил взгляд на родном университете. Будто в некоем театре раздвинулись, слегка колыхаясь на ветру, волшебные шелковые занавесы, и вот уже неровными мазками пишется один сюжет из былого, другой... Наверное, так создавался «Руанский собор» Моне. Андрей подумал, что гении импрессионизма улавливали какой-то миг и оставляли его в этом дымчатом искривленном «ковровом» пространстве навсегда, и для себя, и для потомков.

Неторопливо пошел по мосту. Вот Стрелка Васильевского острова. Опять завораживают монументальные формы русского ампира, теперь в архитектуре Тома де Томона. Наш герой обошел ростральные колонны и обратно по мосту вышел на Дворцовую площадь. Ампирный ансамбль площади и барочная пышность Зимнего Дворца — Росси и Растрелли.

Андрею всегда было важно знать имена архитекторов, их судьбы. Он вспомнил, как Кваренги, проходя мимо Смольного монастыря Растрелли, снимал шляпу. Хмурый был человек Кваренги, но умел отдавать должное.

Звонок на сотовый, неожиданный в четверть десятого утра:

— Здравствуйте, Андрей Петрович. Меня зовут Вера Яновна, я внучка Марии Родиславовны. Она сообщила мне, что вы должны быть завтра в усадьбе, дала ваш телефон и просила позвонить. Вы уже в Питере?

— Здравствуйте, Вера Яновна. Я в Ленинграде.

— С приездом. Может, вам что-то нужно? Я живу здесь и работаю в Историко-архивном институте. Мы почти коллеги. Я знаю, что вы учились в Ленинграде, и в плане экскурсии моя помощь не требуется. Но все-таки...

Андрей нарочно сказал «в Ленинграде», как бы давая понять, что у него уже назначено свидание со своим городом, и то, что незнакомка тоже повторила «в Ленинграде», выдавало в ней необходимую меру понимания.

— Нет, нет, спасибо за заботу. Я поброжу, вспомню прошлое. Вы помните у Ахмадулиной: «А этот город мной любим за то, что мне не скучно с ним...»?

— Что ж, понимаю. Но имейте в виду — она засмеялась, — что мы с вами в скором

времени должны будем совершить одно увлекательное и, надеюсь, плодотворное путешествие на Мальту! Нужно поискать кое-какие сведения об апостоле Павле. Это же ваш «конек».

— Ну, если предстоит романтическое кораблекрушение... — довольно вяло, но иронично отозвался Андрей.

— Посмотрим. До встречи. Удачи. — Разговор оборвался, не обнаружив в собеседнице ни легкомысленности, ни даже кокетства.

«Вот тебе и на», — подумал Андрей. «Ну, пока меня не забросили на остров Мальта, я еще успею погулять по Васильевскому острову».

А сейчас — вдоль Мойки, минуя Певческий мост, снова к Неве, через Троицкий мост в район Петропавловской крепости. Андрей посидел в скверике, затем перекусил в кафешке. Он недолгое время, будучи аспирантом, снимал угол тут неподалеку, возле мечети.

Теперь обратно, через Троицкий мост, любуясь панорамами. Он довольно быстро пересек Летний сад и вышел к Фонтанке. Зашел в церковь Святого Пантелеймона. Опять к Фонтанке. Здравствуй, Чижик-Пыжик. С первой попытки «приземлил» монетку на фуражку Чижики (ну, надо же, как повезло, значит, еще будет везти!) и отправился к Михайловскому замку. Этот замок вызывал у Андрея печальные мысли. Здесь убили Павла. К этому русскому царю, великому магистру мальтийского ордена рыцарей-иоаннитов, в отличие от многих других историков, он испытывал уважение. Он считал, что если бы не заговоры вокруг Павла, Средиземноморский поход адмирала Ушакова не позволил бы Наполеону вторгнуться ни на Мальту, ни в Россию, и Мальта оказалась бы «под крылом» Российской империи, а владение таким стратегическим форпостом между Западом и Востоком напомнило бы всем о величии Третьего Рима.

Становилось душно. Несколько дневных часов Андрей любил проводить подальше от центра. Он сюда еще вернется, вечером. Метро «Василеостровская». Средний проспект, «малая Родина». Вспомнилась строчка из одного стихотворения Бродского: «...между выцветших линий на асфальт упаду...» Студентами они с Юрием снимали маленькую однокомнатную квартирку в районе 11-й линии. Вот этот дом, вот эти окна, из которых он три года выглядывал, не идет ли к ним в гости Ольга. Потом какое-то время он снимал комнату у Балтийского вокзала, на улице Шкапина. Район совершенно невзрачный, но чудные хозяева, старенькие уже тетя Маша и дядя Костя любили его, как родного сына, и баловали вкуснейшими борщами. Юрий в то время снимал комнату недалеко от Технологического института. Ольга была «ленинградочкой», жила на Московском проспекте возле Парка Победы и гостевала чаще, видимо, у Юры.

Андрей свернул налево, на Большой проспект. Его широкая, спокойная гладь, как будто речная, давала возможность отдохнуть пару часов на лавочке, почитать и подремать. Но сначала неплохо бы пообедать в кафе «Фрегат», отдавая дань традиции.

Сколько славных «кутежей» устраивали на казавшуюся тогда значительной стипендию. Складывались по «десятке» — и на столе праздник: бутылочка «Рислинга», три горшочка жаркого из кролика «по-меньшиковски», три салата «по-морскому», три большие, стилизованные под Петровские времена, кружки хмельного кваса на бруснике. Сейчас, естественно, другая, впрочем тоже «фрегатная», обстановка и другое меню. Андрей заказал салат «Цезарь», рассольник «Ленинградский», котлету «Адмиралтейскую». И кружку, тоже стильную, в виде роstra корабля, фирменного кваса.

Пообедал, чуть прогулялся, выбирая лавочку с видом на видневшиеся вдаль

причалившие белоснежные лайнеры, присел и «поплыл в дреме».

Проснулся через час, совершенно отдохнувшим. Но боль в коленях (артроз!) заставила посидеть еще час. Оказывается, «плыл» он все время своего сна на Мальту.

Существовало множество интереснейших мальтийских легенд, и Андрей очень сожалел, что в пору написания повести ему не удалось «покопаться» в них как следует. А может быть, не зря судьба уготовила ему путь на этот остров? Видимо, именно легенда о змее не дает покоя профессорской семье.

А сейчас можно вернуться в центр, вечером он в Ленинграде мил и не суетен. Андрей вновь добрался до Казанского собора, в этом месте всегдалюдно, и наш герой хотел посмотреть на людей. Так, броуновское движение толпы, интересных лиц мало. В Питере увидеть интересных людей чаще удавалось в кафе «У Бирона», во внутреннем дворе дома-музея Пушкина на Мойке, как в Москве в саду «Эрмитаж». Он побрел вдоль канала Грибоедова до Банковского мостика. Вот дом, где жила бабушка Ольги. Когда они с Юрой и Ольгой гуляли в центре, непременно ее навещали. Пока троица выгуливала вдоль канала любимого бабушкиного мопса, Лидия Геннадьевна (так звали бабушку) успевала напечь вкуснейших пирогов и оладий. Нет, тут не следует задерживаться. Пройдя по Невскому, через сквер двинулся к Александринке и улочке Зодчего Росси. Остановился напротив памятника Екатерине Второй. Что привлекало к ней, этой грузной женщине, столько талантливейших ее героев-любовников? Наверное, не только ее пресловутая страстность и полнота, а редкая для женщин харизматичность и полнота власти, которой она обладала.

На Гороховой и Садовой Андрей задумался, как обычно, о сочинительстве. Вспомнились планы написать серию рассказов или повесть, или даже роман в образах чего-то «аристократически-петербургского». Вспомнилась и песенка Окуджавы:

...Исторический роман сочинял я понемногу,
Пробиваясь как в туман от пролога к эпилогу.
Каждый пишет, что он слышит,
Каждый слышит, как он дышит,
Как он дышит, так и пишет,
Не стараясь угодить.
Так природа захотела,
Почему — не наше дело,
Для чего — не нам судить.
Были дали голубы,
Было вымысла в избытке
И из собственной судьбы
Я выдергивал по нитке.
В путь героев снаряжал,
Наводил о прошлом справки,
И поручиком в отставке
Сам себя воображал...

Точнее и лучше не скажешь!

Сокровенной мечтой Андрея было встретить здесь, где-нибудь в Мучном переулке,

призраков-героев Гоголя и Достоевского! И один раз нечто подобное случилось! Поздним вечером он провожал Ольгу, было на удивление пустынно, и лишь по мостику через Мойку брел какой-то человек. Туман над рекой позволил разглядеть его только когда он приблизился и обратился к ним.

— Дайте, люди добрые, огоньку. Папиросочка у меня вот есть. Одна. Ну, да мне уже больше не надобно.

Совершенно бледное лицо, растрепанные длинные серые волосы, как будто ослепшие белесые рыбы глаза, грязноватая полосатая пижама и... босой. В начале ноября! Руки и ноги тоже бледные, грязные. Он прикурил, поблагодарил поклоном и исчез. Натурально растворился в тумане! Пьяница? Сумасшедший? Призрак?! Ни крика, ни всплеска воды. Просто наш, отечественный, призрак!

Андрей направился в сторону Русского музея. Оставалось поужинать в «Бродячей собаке», если повезет, посмотреть на тамошнюю богему, может быть, будет некое театрализованное представление.

И в самом деле, кроме добротного ужина «давали» Даниила Хармса, тоже во вполне добротном исполнении. И весело.

Настроение было прекрасное, силы восстановились, пора на вокзал. Жаль, что даже известные репертуарные театры и, пожалуй, более даже столичные, уже не могут не нарядить «дядю Ваню» и «Бориса Годунова» в джинсы.

Все-таки Андрей устал и воспользовался предложениями стоявших у входа в вокзал группы людей насчет ночлега. Больше всего ему приглянулось место на Лиговке, в десяти минутах от вокзала. И хозяин квартиры с серьезным, как выяснилось позже в разговоре, именем Владимир Ильич, был солиден и внушал доверие. Пенсия бывшего инженера-маркшейдера не обеспечивала и скромных потребностей. Андрей хорошо понимал инженера, он сам два месяца назад испытал удовольствие от получения первых пенсий. «Неуверенность в завтрашнем дне» из-за малости даже суммарных доходов доцента плюс пенсионера «обрезала» разные жизненные планы и препротивно свербила в сознании.

До дома и обратно на вокзал к электричке Владимир Ильич довез на своей машине. Ему ведь попутно все: домой и на «работу» у вокзала.

Хорошо, что раннее утро, в электричке не душно, довольно чисто и малоллюдно. «Через три часа буду на месте», — подумал Андрей и задремал под стук колес...

Встречать Андрея было не нужно, и ему не хотелось этого. От станции нужно было идти в направлении храма (храм всегда на возвышенном месте, и его видно отовсюду). Дорога змейкой следовала излучинам реки вверх, и вот, оставляя позади себя поле, засеянное чем-то желтым, открылся вид... на детский сон. Этот сон запомнился на всю жизнь. Сзади поле, слева вдоль дороги высокий, из бетонных плит забор, дорога, мощеная камнем, за забором несколько заброшенных строений среди соснового бора. Вот у забора знакомый по сну киоск рядом с автобусной остановкой, справа, через дорогу, несколько зданий застройки еще XIX века с сильно облупившейся лепкой и штукатуркой. На домах таблички: улица Вознесенская. Неплохо. Далее вдоль дороги вниз снова открылся вид на реку, строения закончились, и вверх потянулась грунтовая дорога, где виднелись за забором из рабицы парк и усадьба. Чувство покоя и тихой радости не покидало Андрея. И колени не болели от часовой ходьбы вверх-вниз.

Краеведческий музей располагался в небольшой классической русской усадьбе, видимо, не так давно отреставрированной. Широкая терраса с белыми колоннами, на террасу ведет лестница, тоже широкая. На террасе плетенные столик и два кресла. Усадьба оштукатурена в цвет охры, а мезонин, углы и окна с отделкой бледно-зеленого цвета. Умиротворенность.

Этот стиль Андреа Палладио, автора и городского дворца, и загородной усадьбы или виллы, и всевозможных ротонд, со времен позднего Возрождения «дожил» до советских Дворцов культуры и американских особняков. Наши «образованцы» любят по любому поводу «вякнуть», что «все это было». Да, конечно, было. Культура питается традициями. Палладио, например, в основу своих творений, положил традиции античной архитектуры.

Андрея ждали. Парадные двери открыла пожилая женщина. На вид ей было под восемьдесят, но эти глаза, темно-синие и глубокие, эта стать, эти аккуратно уложенные гофрированные молочные волосы, строгое фиолетовое платье выдавали вековые дворянские корни. Такие женщины, будучи молодыми, могли сочетать и лукавость взгляда на балах в блистательных залах, и непроницаемость глаз в тиши кабинета за томиком Ахматовой.

— Здравствуйте, Андрей Петрович, меня зовут Мария Родиславовна. Проходите в дом.

— Здравствуйте. Примите еще раз мои соболезнования, мы очень любили Георгия Натановича, но я не мог раньше...

— Хорошо, сударь, я понимаю. Поставьте поклажу здесь. Давайте попьем чаю, потом вам покажут усадьбу и вашу комнату. Умыться с дороги — по коридору до конца и налево.

Посмотрела как-то внимательно и обронила:

— Возможно, вы задержитесь здесь надолго.

Как так? Что за бесцеремонность? Ну ладно, отпуск доцента два месяца и есть временные возможности дней на 5 погрузиться и в мир бумаг Г.Н., и в мир берегов прекрасного Волхова. Но ведь и только. А на обратном пути побродить по историческим пригородам Санкт-Петербурга (подзабыл уже и Гатчину, и Стрельну). Еще хотелось из Питера прокатиться в Хельсинки дней на пять.

Он умылся и вернулся в комнату.

— Я должна вам сказать, что Георгий и я — дальние родственники. Эта земля — родина наших предков. В этом имении до революции жили и прадед, и дед, и отец Георга, видный астроном. Предыдущие поколения и вообще корни — в Российском флоте. Мои же

корни в Силезии, но об этом в свое время.

Она о чем-то задумалась и продолжила:

— Вам следует также знать, что до образования музея здесь в 80-е годы был интернат, в котором я работала заведующей. Георг приехал из Петербурга сюда в 96-м, неожиданно (интернат к этому времени практически уже не существовал). Он ведь всегда отличался смелостью в мыслях и делах, глубоким остроумием и обожал яркие повороты и в истории, и в жизни. Он обратился в мэрию нашего городка с предложением организовать в усадьбе Краеведческий музей. И, представьте себе, только что победивший на выборах новый мэр дал распоряжение открыть музей. Мало того, этот чиновник надеялся прославить свою родовитую, кажется, из купцов, фамилию и в спонсорском широком замахе выделил средства не только на архивные материалы и экспонаты, но и на приобретение старинной мебели и предметов обихода. Я осталась помогать профессору и в делах музейных и... Должность у меня — старший хранитель. — Мария Родиславовна усмехнулась. — Директором музея и научным консультантом временно теперь назначена моя внучка, Ирина, и... теперь вот вы, Андрей Петрович, становитесь хранителем... Извините, меня утомляют новые знакомства и... объяснения... Гешины бумаги передаст вам Ириша.

Она сделала паузу, как-то боком отошла к шкафу, огромному, с фанерной отделкой из карельской березы, в трех створках медальоны: по центру большое овальное зеркало в орнаментальном обрамлении, по бокам круглые из буковых пород деревьев. Крепко сжала в худой старушечьей лапке бронзовую ручку створки шкафа в виде львиной головы и еле слышно проговорила:

— Наш Георг получил Имя и Провидение от Георгия Победоносца. Был и наказ... как убить Дракона.

Голос все тише.

— Один самец змеи оплодотворяет 3000 самок и они снова рожают...

Села в кресло, положила руки на подлокотники. Кисти совсем белые и змейки вен набрякли.

— Вы, Андрей, имеете Имя и Назначение от Андрея Первозванного и Петра Первоворховного. Вы должны помнить, что... *Сатана ищет Укладку*.

Пауза. Появившийся вдруг польский акцент пропал, и Мария Родиславовна продолжила уверенным голосом:

— Мы должны дать вам лишь небольшой срок, 2–3 дня, чтобы убедиться (хоть Геша и выбрал вас) в вашей чистоте и силе. И откроем нашу семейную тайну, однако только в той мере, в какой сами в нее посвящены.

В комнату вошла девушка лет 25. Огромные, каре-зеленые глаза посмотрели сначала тревожно на бабушку, потом на Андрея — с любопытством. Темно-русые волосы, чуть вьющиеся, собраны сзади в аккуратный пучок. И та же стать, что и у бабушки, и грациозность от природы и породы.

— Здравствуйте, Андрей Петрович. Я Ирина Яновна Богданович. С приездом. Мы рады.

— Здравствуйте.

— Давайте, я покажу вам дом и вашу комнату.

Две анфилады комнат первого этажа. С двух противоположных торцов каждой из анфилад — лестницы наверх, в мансардную часть. Остатки кафельных печей замаскированы фотографиями и документами в рамках. Музейная атмосфера всюду.

— Почти весь первый этаж — музейные помещения. Я изредка провожу здесь

экскурсии. У нас с бабушкой внизу только пять комнат. Кабинет, гостиная, столовая, бабулина спальня и ванная с туалетом. В гостиной вас встретили, наверху библиотека и две спальня комнаты. Одна из них для вас. А у моих прадедов здесь было как обычно: к гостиной примыкала диванная комната, к столовой — буфетная, ну и в дальней части поварская с лакейской. Сейчас все, конечно, перестроено и перекроено.

— Да, — сказал Андрей, — нет «тапереча» ни лакейских, ни диванных. Только у новых «хозяев».

Ирина вдруг рассмеялась и показала рукой на фотографию суровых «комиссаров в пыльных шлемах».

— Это знак, — она прижала пальчик к губам.

— Кстати, ваша бабушка тоже говорит со мной как-то многозначительно и слова ее загадочны.

— Они загадочны для тех, кто не знает Слово Знака, — девушка стала серьезной.

— Ну, да, узнаю Титаныча. Он любил значительные фразы.

— Назовите пару.

— «Если долго вглядываться в бездну, бездна начнет вглядываться в тебя».

— А еще?

— «Чтобы узнать, открыта ли дверь, нужно толкнуть ее». Я чувствую, что мне вы приготовили какую-то тайную дверь...

— Вы догадливы и подаете надежды.

Ну и фраза. Андрею не понравилось, что ему, 60-летнему ученому мужу, эта аристократическая «фифа» будет диктовать правила. Но он тут же отбросил обиду: в конце концов, её возраст позволяет быть в меру легкомысленной. Его-то студентки за редким исключением лишь к 5-му курсу становятся «интересными» молодыми женщинами, выказывая и вкус, и образованность, и умение вести себя «как леди». А у Ирины это все с детства...

— Не огорчайтесь и не обижайтесь, — она тронула его за руку. — Вы, пока, как пессимист, думаете, что оброненная монета обязательно упадет в решетку люка.

— Отнюдь, — он вспомнил удачу с «Чижиком».

И снова экзамен:

— Что вы, Андрей Петрович, знаете о мифологии змей?

Господи, дались им эти змеи.

— Ну, попадались пару раз...

Он посмотрел на девушку внимательно, по-мужски. Ноги, грудь, шея, затылок с нежными завитками волос, узкие девичьи плечи. И добавил примирительно:

— А если я отвечу на ваш вопрос, могу я рассчитывать на «троечку с плюсом»?

— Посмотрим.

— В мифопоэтической традиции язычества змей посылают боги. Змея охраняет источники мудрости и является символом восстановления...

— Да, да, вот именно восстановления. Дальше.

— В христианстве — символ зла, искушения.

Он наморщил лоб, вспоминая.

— В Евангелии от Марка сказано, что уверовавшие будут спокойно брать ядовитых змей и даже пить их смертоносный яд. Знаменательна история про апостола Павла и змею.

Андрей Петрович не удержался и похвастал, что у него с собой его повесть о Павле.

— Что вы говорите?! Какое совпадение! Дядю Георга тоже крайне волновала эта тема! Слово Знака! Разрешите прочесть? — видно было, что она взволнованна. Глаза вспыхнули, на щеках румянец, губки неожиданно припухли и приоткрылись.

Андрей приободрился, чувствуя, что тянет на «отлично» и продолжил.

— Говорят, что на Мальте с тех пор нет ядовитых змей. Мальтийцы шутят, что святой Павел змеиный яд отдал мальтийским женщинам.

Ну, надо же, девушка вдруг улыбнулась и посмотрела довольно приветливо.

— Замечательно, Андрей Петрович! Давайте прогуляемся до реки, а потом будем обедать. Мы сейчас у дверей вашей комнаты. Моя рядом, а дальше библиотека. Располагайтесь. Я переоденусь, и встретимся через полчаса внизу.

— И, пожалуйста, давайте общаться попроще, — улыбнулся Андрей.

— Я постараюсь, — рассмеялась Ирина.

Комната небольшая, очень уютная обстановка — круглое окно, видимо, выходило на восток, так как, несмотря на то, что было затворено и не зашторено, в комнате не было душно. Он подошел к окну, отворил. Прекрасный вид на реку, которая здесь делала поворот. Один берег, дальний, крутой, скалистый и лесистый, а ближний к усадьбе — достаточно пологий.

Кровать, две прикроватные тумбочки, шифоньер с зеркалом, небольшой, небольшие же и письменный стол, и кресло, и два стула. Мебель вся современная. Кроме кресла, старинного и тщательно отреставрированного. Да еще, пожалуй, парусника, одиноко причалившего на столе с медной табличкой, имевшей трудноразличную надпись «Дозоръ. Георгу от деда». Андрей вспомнил, что такой парусник он видел у Г.Н. дома. Они, его студенты-дипломники, были приглашены на чай, домой к профессору, отметить защиту. Точно. Г.Н. поднял в одной руке бокал с шампанским, в другой этот парусник с Андреевским крестом, легонько стукнул бокалом о судно и сказал: «В путь, друзья! Будьте в Дозоре, семь футов под килем!». Андрей вдруг подумал, что профессор жил в этой комнате последние годы.

Мужчина заглянул в шифоньер, пустой — лишь два полотенца. Огляделся еще раз. Ни фотографий, ни картин, обои свеженаклеенные. Открыл ящик стола. Четыре тетради, исписанные крупным, быстрым и неровным почерком профессора. Сверху лежал портрет Ушакова, к которому на скрепку прицеплена записка: «В путь, Андрей! В Дозор! Ваш Г.Н.». Андрей аккуратно закрыл ящик, нежно коснулся парусов, посмотрел с грустью вдаль за окном, взял полотенце, купальные плавки и вышел.

Ирина была в легких голубых бриджах, в белоснежном топики и такой же белоснежной кепке в морском стиле. На ногах голубые кроссовки. Во время прогулки она была весела, движения легки и упруги. Ну тебе вице-адмирал Нельсон при Трафальгаре. Андрей зачем-то вспомнил его имя: Горацио. Вот почему девушка «монтировалась» с Нельсоном: Грация — Горацио!

Поплавали лишь с полчаса — у Андрея разболелась голова.

— Андрей Петрович, что с вами? Вы меня не слышите? — Она смотрела растерянno и обиженно.

— Нет, Ирина, что вы! Ландшафты изумительны! Я, видимо, немного устал с дороги.

— Давайте вернемся, и вы отдохнете часок перед обедом.

— Можно я подремлю в библиотеке? — Ему не хотелось признаться, что лечь на кровать, где, возможно умирал Г.Н., ему было трудно. — Посмотрю книги.

— Ах, вот что! Вы думаете... Дядя действительно жил в вашей комнате. Но чаще в кабинете, и спал, и умер там, на диване. — Она была поразительно догадлива! — А в библиотеку мы пойдем с вами чаевничать после обеда. Вместе, — она засмеялась. — Пока! — Упорхнула.

Он зашел к себе, поставил будильник на сотовом, лег в кровать и мгновенно заснул.

К обеду Ирина снова переоделась. Это умение женщин в каждом наряде выглядеть совсем по-другому! Зеленое платье с желтыми вставками. Волосы собраны гладким зачесом назад и скреплены зеленым шелковым бантом. Андрей тоже кое-что предпринял — побрился и надел свежую сорочку.

Обедали в столовой. Круглый стол, «венские» стулья. Помещение не вместило бы и десяти человек. В прежней, не перестроенной усадьбе, столовые располагались в самой большой комнате.

Посуда — фарфор и мельхиор, — видимо, из 30-х годов XX века. С блестящей поверхности супницы спортсменки-комсомолки смотрели блестящими глазами и улыбались ярко-красными губами. Призывали, конечно, к здоровому образу жизни и, в частности, к умеренности в еде.

Обед был очень простой, но вкусный и сытный. За обедом в основном молчали. Мария Родиславовна обронила лишь несколько фраз, что в усадьбе четыре человека: она с внучкой, Анна Никитична и Дмитрий Платонович. Последние занимаются всеми хозяйственными делами по дому и саду. Живут они во флигеле. Андрей поблагодарил за обед, сказал, что ему нравится в доме, хочется посмотреть и сад, и окрестности.

Ириша открыла бабушке, что гость написал повесть об апостоле Павле, та ответила спокойно: «Геша знал, кому доверить наше дело». В заключение она сказала, что чаевничает после обеда обычно у себя, а Иришка в библиотеке.

В библиотеке был уже готов чайный стол: самовар, красивые чашки, тарелки с домашним печеньем и вазочки с вареньем.

— Это все Анна Никитична. Мы с вами как-нибудь заглянем к ним во флигель. Там чудесно!

Внимание Андрея привлекла обстановка. По всей ширине одной из стен, от пола до потолка, располагался дубовый книжный шкаф. Такие шкафы называли «шведскими». У двух больших венецианских окон с тяжелыми вишневого цвета портьерами стол, покрытый зеленым сукном. На столе лампа: два амура поддерживают зеленый стеклянный абажур. Четыре полукресла, тоже дубовые, обитые черной кожей, у одной из стен — солидный диван, тоже, видимо, сочетание дуба и черной кожи, прибитой желтыми гвоздиками. Андрей живо представил себе кабинеты советских академиков по фильмам середины XX века. Эти диваны с высокой прямой деревянной спинкой и орнаментом поверху...

— Что, понравился диван? Такой же точно в кабинете внизу. — Ирина прервала его раздумья.

— Я подумал, что на... — он осекся.

Он представил себе, как лежал на таком диване профессор в свои последние дни.

— Я подумал, что крупные ученые, писатели, художники и музыканты, хотя и оставляют после себя свои творения, оставляют умирать на черной коже кусочки истины.

— Позволю себе возразить, — серьезно сказала девушка. — Истина в мыслеобразах, в вибрациях Вселенной, и умереть с телом человека не может.

Попили чай. Ирина молчала, Андрей тоже молча оглядывал книжные полки.

— Сейчас начало третьего, ужинаем мы в семь часов. В вашей комнате, в ящике стола тетради дяди, они пронумерованы, возьмите сюда первую. Я говорю сюда, так как, может, потребуется моя помощь. Он торопился: писал то в тетради, то на отдельных листочках; я помогала ему разбирать бумаги и подклеивать. А мне, пожалуйста, принесите вашу повесть. Жду с нетерпением!

Ему не захотелось усматривать в последней фразе девушки иронию, ее интерес показался ему искренним. Может быть, она, понимая, как непросто отдавать в руки первым читателям свой труд, хотела его приободрить. Он принес в библиотеку две тетради. Свою отдал Ирине, с тетрадью Г.Н. сел за стол. Кресло было очень удобным. Открыл — и сразу записка для него. Профессор писал, что иногда в рукопись будет вкладывать записки. В первой сообщалось, что это — главный, итоговый труд его жизни, что публиковать его до особых указаний Веры Яновны не следует, что последняя тетрадь содержит сведения о некоем артефакте и связанном с ним открытии Г.Н., которое может произвести переворот в мировоззренческих науках.

Это уж точно. Профессор всегда умел «рыть» глубоко, теперь пласты «перевернул». Андрей был взволнован, опять разболелась голова.

— Ой, я забыла снять бант. Можно я положу здесь. — И положила на край стола. Бант пахнул ее волосами, но это не вызывало у Андрея раздражения, наоборот, спазмы в висках прошли.

— О Боже, у вас, Андрей Петрович, почерк такой же ужасный, как у дяди. — И, боясь обидеть, добавила, — дядя шутил, что так пишут пророки. А я ведь филолог, опыт чтения рукописи у меня есть.

Андрей повернулся к ней. Она ладной и ухоженной кошкой расположилась в углу огромного дивана.

— Скажите, Ирина, откровенно, сколько времени я должен пробыть здесь. И что я должен извлечь из работ профессора, кроме, естественно, интереса?

— Потерпите пару дней. У вас много работы, — она была опять серьезна.

Потом, смягчившись, добавила, излучая из глаз какой-то загадочный то яркий, то спокойный изумрудный свет.

— Мы не можем пока так вот просто все объяснить. Почитайте тетради. — Улыбнулась. — Христос ведь только с несколькими подготовленными учениками разговаривал более-менее ясным языком, с остальными и вовсе притчами.

— А если я не готов. Скажу вам совершенно откровенно, что я давно не занимался настоящей работой и... — Андрей замолчал.

— Говорите, я слушаю.

— Погружаясь с головой в научную или писательскую работу, я заболеваю этой самой головой, и происходит что-то странное: я начинаю постоянно предвидеть какие-то события, чьи-то слова...

— Я знаю это, и это замечательно!

— Но я лишаюсь покоя, сна. Вот и сейчас...

Девушка встала с дивана, подошла сзади и положила ладошки на лоб Андрея. Ладошки пахли земляникой. Боль мгновенно улетучилась.

— Мы с Анной Никитичной утром, до вашего приезда, варили земляничное варенье, — сказала она просто.

— Хм, это все впечатляет. А как вы догадались о том, что я почувствовал аромат

земляники от ваших рук?

— Но ведь мои руки были у вас на лбу. Проще простого.

Андрей посмотрел на девушку с восхищением и уважением.

— Вас, дорогая, неплохо иметь в друзьях.

— Давайте работать.

— Да, конечно, но еще немного поболтаем.

Ему для работы нужен был всегда некий кураж и некий «наркотик» вдохновения.

— А скажите мне, милая колдунья, как филолог, вот что.

Андрей прикрыл глаза, и в сознании, будто во время некоего интерактивного спиритического сеанса, как из тумана соткались образы Ницше и Достоевского.

— Ницше, этот философ, отшельник и странник, — Андрей опять заговорил очень взволнованно, — считал, что жестокая игра букета его болезней, его сверхчувствительность законченного неврастеника, в какой-то безумной алхимии недр психологии приводила к всплескам творческой мощи. Он признавал этот феномен, однако для поиска наиболее благоприятных условий существования своего больного организма не только предпринимал неоднократные перемены места жительства, но и основательно штудировал даже геологическое строение региона.

— Это интересно, продолжайте. — Она как-то присматривалась к Андрею. Тот вдохновенно продолжал.

— И наш Федор Михайлович как будто любил свою «священную болезнь». Каждый приступ эпилепсии он гениально «выворачивал» в свои гениальные тексты.

— Вы что же, Андрей Петрович, хотите сказать, что индивидуальные психологические отклонения у названных вами людей и, например, еще Стивенсона, Ван Гога, Гоголя — это непереносимое условие творчества? Мне кажется, это сложный вопрос, и адресовать его нужно врачам, философам-мистикам и теософам. Я стою на позициях эзотерики и убеждена, что гениальным творцам вибрации в виде слов, образов, звуков идут «сверху», кому-то от светлых сил, а кому-то от темных. Например, Гёте и Толстой считали, что благодаря лишь здоровому образу жизни они могли проникать в неведомые, «подземные» тайники души.

— В их «блюдах» поэтому меньше перца! — Пытался парировать Андрей.

— Может быть. А Пушкин, а Моцарт! Всё как будто без труда, всё легко. «Над вымыслом слезами обольюсь». Можно поправить «над промыслом». — Улыбнулась Ирина.

— Можно поправить «мадерой обопьюсь», — засмеялся и Андрей. — Ну, все-все, работать. Меня очень вдохновляет ваш зеленый бант на столе.

— Только не надевайте его, вам он не подойдет. — Опять за ней последнее слово.

Да, мастерица на острое словцо. И последней мыслью перед тем, как он углубился в чтение, была: «Нет, все-таки остроумие и образованность не самое сильное оружие женщин. Гораздо лучше уметь чувствовать мужчину и лечить его».

Андрей читал быстро и с большим интересом. Тема записок излюбленная: Византия. Сначала он подумал, что все ведь изучено вдоль и поперек. Однако дух этих новых сочинений явно еще более остро «заточен» на теософию. Чувствовалось даже определенная претензия на «Византийской теме» попытаться раскрыть некие тайны истории, связанные с мистикой и религией. Много ссылок и на работы неортодоксального христианства. Есть даже цитаты из «Тайной доктрины» Е.П. Блаватской.

«Почему же все мы, ученики профессора, и люди новых поколений, а главное он-то сам, Андрей, стали уж очень умудренными и б-о-о-о-льшими скептиками?» — подумал Андрей.

И тут же ответил себе: «Наверное, кровь. В воспитании и образовании дворян роль религии была основополагающей и непререкаемой. Да и простым людям тоже с молоком матери передавалась Вера как единственный нравственный Абсолют. Императив Канта».

Он вдруг устыдился, как часто на лекциях, касаясь религиозных тем, позволял себе «ереси». Ну, ведь действительно, и при язычестве, и при набравшем силу христианстве, и при появившемся в VII веке исламе (в переводе с арабского — покорность!) лилась кровь. Если несколько сотен лет не появлялось нового пророка или Мессии, начинали драться между собой.

Профессор также пытался найти корни этого зла. Почему крестовые походы против мусульман за освобождение «гроба Господня» в начале XIII века вдруг повернули в Византию против своих же, греко-православных (восточно-римских) христиан?

Вспомнился Андрею и другой профессор — Осипов. Православный богослов, умница лекции проработаны тщательно, изложение эмоционально. Но вот что обидно: как только речь заходила о католицизме, лицо становилось недоброе, «терялось лицо». Этот путь «не ведет к Храму».

Г.Н. лишь бегло упоминал в записях первое тысячелетие. Первые века Византийской империи, от образования в 330 году Константином Великим новой столицы Римской Империи на месте греческого города Византия Константинополя и до 1071 года, были временем расцвета. Потом появились турки, а затем в 1204-м — крестоносцы-латиняне. А ведь Византия, простиравшая свое влияние от Испании до Сирии, от Руси до Италии, дала всему западному миру новый эволюционный толчок и в религии, и в культуре. Русские князья, от Олега и Игоря до Владимира, «наскакивавшие» на Византию, ходившие на неё военными походами, сами были «завоеваны» в конце концов красотой и смыслом византийского христианства. И Русь была крещена!

Профессор очень толково и доказательно сопрягал религиозные, политические и культурные процессы, анализировал множество фактического материала. Средневековый мир усложнялся, мышление людей, еще полное мистики, тайн и символов, все объемнее заполнялось христианским богословием. Но и этого было мало. Управлять, судить законами только церковными становилось невозможно. Стали открываться университеты, в Византии родилось Римское право. Наконец открыли Аристотеля. Даже мусульмане перевели на арабский этого древнегреческого ученого и философа. Аристотелизм потеснил платоновскую школу. Фома Аквинский, арабские схоласты и метафизики развивали его учение в западной и восточной школах. В Азии появилось много нового, интересного в науке и мировоззрении. Это новое «перетекло» в Европу, чему способствовали путешествия из Европы в Азию. И походы Чингисхана в Азию и Восточную Европу, хоть и сопровождались опустошениями и жутким кровопролитием, с глобальной, исторической, точки зрения «обогащали» мир.

В этих первых двенадцати веках нашей эры профессор явно искал корни чего-то, пока не ясного Андрею. Логически он подходил к «повороту». И читать было настолько увлекательно, да и почерк был пока вполне сносным и знакомым, что за три часа была прочитана почти вся тетрадь. Кроме того, с половины тетради профессор начал оставлять большие пустые междустрочия, затем пустые страницы, а в конце вообще текст оборвался, оставив 10–15 листов свободными. Хотел вернуться к записям позже и продолжить, исправить? Кто знает? «Слепые» пятна истории?

В памяти всплыло, как еще на первых лекциях учитель цитировал остроумца Леца: «Если из истории выбросить всю ложь, это не означает, что останется одна только правда.

Может вообще ничего не остаться». Однако если студент плохо отвечал на семинарах или экзаменах, он безжалостно ставил «двойки» и всякий раз говорил очень серьезно чей-то другой афоризм: «Историк — пророк, взгляд которого устремлен в прошлое».

Андрей взглянул в сторону дивана. Девушки не было. «Так, до ужина еще сорок минут, выйду-ка я в сад», — подумал он. «За этот ад, за этот бред, пошли мне сад на старость лет», — вспомнились строчки Цветаевой.

Опять возникло чувство умиротворения, будто был уже здесь, но пошел-пошел и заблудился в чаще, и задержался лет на 30 с прогулки. Ровный парковый лес, аллея прямой стрелой от задней террасы. Кое-где аккуратные скамейки, несколько клумб со скромными однолетниками. «Почему это непременно «на старость лет»?» — в голове возникла бодрящая мысль. Затем другая: «Здесь мне легко и интересно».

Ужин был накрыт в гостиной, квадратной комнате, в каждом углу которой вдоль стен и вокруг небольшого овального стола стояли несколько стульев с высокими прямыми спинками. Шкаф Андрей уже видел. Странно, но когда утром он зашел в эту комнату, то не обратил внимания, что кроме замечательного шкафа здесь были и ковер во весь пол, и рояль в центре комнаты.

— Сядьте здесь, Андрей Петрович, — сказала Мария Родиславовна повелительно. Егс это задело, и он съязвил:

— Извините, Мария Родиславовна, а вы своих крепостных, — он указал на себя, — в городок погулять на пару часов выпускаете?

Анна Никитична вкатила одну, затем другую тележку с едой. Ужин легкий, кефирно-молочный, фрукты, овощи.

— Если вам, Андрей Петрович, нужно в храм, Дмитрий Платонович может вас отвезти к литургии, — взглянула неодобрительно на Андрея.

— Да нет, я просто водочки хотел прикупить, — соврал Андрей назло.

Пауза.

Бабушка время от времени перебрасывалась с внучкой незначительными фразами хозяйственного плана, потом встала.

— Спасибо. Я пойду к себе. Спокойной ночи.

Ирина поцеловала бабушку, попрощалась и обернулась к Андрею, когда та вышла из гостиной. Девушке было явно неудобно за бабушку, но досталось преимущественно Андрею.

— У бабушки иногда к вечеру бывает дурное настроение, а чаще она после ужина просит меня поиграть на рояле. Ну, зачем вы про крепостных? И про водку?

— А что она так строга со мной: «Сядьте, Андрей, здесь». Ладно, завтра за завтраком буду искать с вашей бабушкой самый нежный контакт. И, в конце концов, меня тоже можно понять. Я только «соскочил» в отпуск после всех этих идиотских зачетов и экзаменов, и вдруг попал на вашу... «планету». Здешний уклад мне по душе, но не привычен, я же сейчас «отвязанный», почти свободный отпускник.

Они улыбнулись друг другу.

— Вам, Андрей Петрович, ваша работа не по душе?

— В образовании все без конца реформируют, историческую науку перекраивают. Людям моего поколения стало трудно работать, а молодежь в науку и преподавание не стремится.

— Не бойтесь перетасовать колоду жизни, может быть, ваши козыри ждут вас. И вообще, отнеситесь к положению «здесь и сейчас» с доверием, — она как будто заглянула

ему в душу, — и еще: бабушка из средневекового рода Яромира, поэтому бывает и ярой и миролюбивой, — она снова улыбнулась.

Андрей вновь внимательно и с любопытством посмотрел на девушку. На ней была кремовая шифоновая блузка, заправленная в юбку из тонкой джинсовой ткани цвета «хаки», обута в туфельки, бежевые, на невысоком каблуке. Девушка заметила его взгляды, и, судя по тому, что он втянул живот, поняла, что оценка была выше удовлетворительной.

— Давайте прогуляемся, — весело предложила девушка.

Еще не было прохладно, но она накинула на плечи коротенький вязаный жакетик. Надела спортивные брючки и кроссовки.

— Вы готовы, Андрей Петрович? — Она постучала в комнату мужчины.

У Андрея не было с собой такого разнообразного гардероба, да и вообще не было. Он лишь поменял брюки на треники, еще приличные, и туфли на кеды.

— Готов хоть на край света, — отозвался из-за двери.

— У нас в семье не любят фразу «край Света».

Пошли другой тропинкой, нежели днем. Снова вышли к берегу Волхова, но в этом месте обрывистому, крутому. С этой точки обзора река была иной, серой, тревожной, с мощным напором течения. И это замечательное, вечернее ленинградское небо, тоже серое, с чередованием рваных черных и оранжевых пятен, пятен истории Петрограда.

«Да, — подумал Андрей, — понятно, почему на Ростральных колоннах одна из символических рек — Волхов. Струи, как гривы и бороды древних волхвов».

Андрей с обрыва посмотрел вниз. Гряда огромных валунов, как будто утоляющий жажду сказочный дракон, уходила в воду. Оттого и волнение в реке. Он не успел и рта открыть, как девушка, совершив какой-то невероятный слалом, оказалась на узкой полоске песка у реки.

— Я, Ирина, дорог вашей бабушке своим *Назначением*, и не могу рисковать.

Мужчина осторожно, держась руками за что попало, позорно сползал с обрыва. Руки у него сильные, в отличие от ног.

Прогулка заняла примерно час, после чего девушка сказала:

— Нужно возвращаться, я должна заглянуть к бабушке. В десять она ложится спать, а сейчас уже без четверти.

— Не забудьте надеть красную шапочку, взять пирожков и спросить, почему у нее такие острые зубки, — сострил Андрей.

— Я оценила ваше остроумие, Андрей Петрович. Только вот про зубки — лишнее. Она добрая, просто сегодня день был непростой, она вас совсем не знает и... Наши семейные секреты раньше не открывали.

Зашли в дом.

— Спокойной ночи, — попрощалась девушка.

— Добрых снов, — протянул Андрей.

— Если завтра, — улыбнулась, — вы с бабулей не поцапаетесь, мы втроем после ужина посидим в гостиной или в библиотеке, я могу поиграть на рояле, а можем поиграть в лото или карты, бабушка научит вас гадать и раскладывать пасьянс. Если у нее будет хорошее расположение духа, она покажет вам семейные альбомы (старинные, жуть). А какая она рассказчица! Еще у нас есть старинные гравюры, карты, описания походов русских мореплавателей.

— Спокойной ночи, Ирина!

— Я вам на стол поставила дядин парусник. Смотрите на него, мечтайте о дальних

странах.

— Тогда мне приснятся детские сны.

— Вот и прекрасно.

Первый день в этом заповеднике «тайн» действительно был им чересчур насыщенным, и в надежде, что никто из призраков, полагающихся в приличном старинном доме, его не потревожит, он сладко отдался Морфею.

Проснулся Андрей Петрович рано. Отлично выспался. Видимо, в природных (не городских) условиях солнце в окошко буквально стучится: «Вставайте, граф, вас ждут великие дела!». «Ну вот, поспал ночку в дворянском гнездышке — уже и граф» — усмехнулся Андрей. Птицы пели, как сумасшедшие. Зовут из дома. Эх, прямо на речку, искупаться!

Он подошел к крутому бережку, надеясь потренироваться и спуститься к воде как-то более удачно, чем вчера вечером. И без помощи рук! Это у него получилось.

Поплавал и быстро, как ящерица, взобрался наверх.

Завтрак был в столовой. Когда пришел Андрей, Мария Родиславовна пила чай. Пила, как положено дворянке и бывшей заведующей интернатом: сидя с прямой спиной, как-то торжественно, и в то же время неспешно, позволяя утренним облачкам размышлений растворяться в чайных парах. На ней было платье с белым кружевным воротничком. Чепчика, однако, не было. «Модничает, бабуля. Как без чепчика-то?» — подумал Андрей. Но седые волосы были причесаны и уложены очень красиво.

— Доброе утро, — сказал Андрей.

— Доброе. Как вы, Андрей Петрович, провели ночь? — Бабуля была в добром расположении духа.

— Спасибо, отлично выспался.

— Летом мы рано ложимся и рано встаем.

— Мне такой режим вообще по душе, — ответил Андрей.

— Прощу вас. — Она не указала на стул, а сделала рукой обычную дугу приглашения.

В столовую вошла Ирина, легко вкатив две тележки с завтраком. От кастрюлек шел горячий аромат!

— Доброе утро, Андрей Петрович, — с бабушкой она, видимо, уже виделась.

— Доброе утро, добрая фея, — улыбнулся Андрей — Позвольте полюбопытствовать, где раздобыли скатерть-самобранку? Что-то кухни я в доме не заметил.

— Готовит Анна Никитична во флигеле. Иногда я ей помогаю. А Дмитрий Платонович подвозит все к дому.

Завтрак был обильный. Каши необыкновенно вкусные. Были и нарезки колбас, сыров, булочки, пирожки и соки. От пирожков было трудно оторваться.

— Нужно вашей Анне Никитичне воспеть какую-нибудь кулинарную оду. Напишу сегодня, — расплылся в улыбке Андрей, пережевывая шестой пирожок.

— Пейте чай, Андрей Петрович, — добродушно сказала Мария Родиславовна. — Чай у нас особенный. Вера привозит из Петербурга. Ее поклонник работает на таможне, контрабандистом, — и хохотнула.

Очевидно было, что у бабули и чувство юмора есть.

— А есть ли кофе? — Спросил Андрей.

— Кофе вредно, настоящего в доме нет. Что-то во флигеле есть, для кулинарных целей. Могу принести, — сказала девушка.

— Нет, нет, спасибо. Раз таможня не дает «добро» на кофе, будем пить чай, крепкий.

Андрей посмотрел на Марию Родиславовну. Лицо у той было сосредоточенным. И она тоже смотрела на него. Изучающее. Прямо в глаза.

— Вас, Андрей Петрович, все ваши годы беспокоит ваш *Дар*, он и причина ваших болезней.

«Вот Ирина! Вот болтушка! Нельзя доверять девушкам!»

— Внучка здесь ни при чем, — прочитала мысли пожилая женщина. — Она мне ничего про это не говорила. Нам, во-первых, о вас рассказывал Геша. Он тоже умел *Видеть*. Во-вторых, ваши глаза время от времени фокусируются в одну точку, и вы тоже начинаете *Видеть*. Это точка Алефа.

— Дорогая Мария Родиславовна! Стоит ли так драматизировать в восемь утра?

Эту фразу Андрея она пропустила мимо ушей и продолжила.

— С утра до обеда мы работаем. Обед в два часа. Работа над материалами Георга очень непроста. Вы ведь пока прочли лишь первую тетрадь, там особых секретов нет. Это введение в «Канал времени».

«Пиковая дама» в своем амплуа.

— Профессор «копает» очень глубоко и на больших просторах пространства и времени. Мне интересно, — сказал Андрей.

— Копают археологи, а историки и философы *Видят*, — поправила пожилая женщина, — ко мне можно обращаться пани Мария.

Андрей поблагодарил за завтрак и, уходя, спросил разрешения поработать в саду.

— Я там усмотрел симпатичную ротонду.

— Конечно, — ответила Ирина. — Я сама люблю там читать. Я схожу ненадолго во флигель помочь там кое в чем и к вам присоединюсь, с вашего разрешения.

— Отлично!

Андрей ушел к себе в комнату, взял тетради Г.Н. и неспешно прогулялся до беседки. Она стояла в глубине сада, и из нее усадьба совсем не просматривалась из-за деревьев. А вот ряд строений неподалеку (видимо, флигель и хозяйственные постройки) были видны отчетливо.

Он читал. Читал опять с необычным душевным подъемом. Этот душевный подъем передавался ему от профессора, который буквально источал своими записками запах начавшейся Эпохи Возрождения. Пронзительная мощь гигантской волны культуры, проникавшей в умы и сердца человечества, от простых людей до сильных мира сего, дала заряд держаться «на плаву» гуманистическим открытиям и вообще европейской цивилизации еще несколько сотен лет. Флорентийская республика, высокородные банкиры Медичи, меценаты, вскормившие из своих ладоней, полных золота, многих художников, скульпторов, архитекторов. И гордо стоящий «Давид» Микеланджело и «Джоконда» Леонардо, спокойно улыбающаяся «подобревшему» миру, и многое другое — величайшие подарки человечеству и подпорки ему от Высокого Возрождения. Наверно, именно потому что слой общества, обладавший деньгами и властью, сам был религиозен и образован, увлекался сам искусством и философией, повсеместно появлялись талантливые ремесленники (тогда это звучало гордо). Эти ремесленники из своих рядов, в свою очередь выдавали «на гора» гениев. И простой люд, как бы включаясь в этот понятный ему уклад, готов был, чаще добровольно и сознательно, жертвуя личным, в первую очередь на новых заселениях, строить шедевры архитектуры.

Во второй тетради профессор время от времени возвращался к главному в записках — Византии. Сложные и непонятные Андрею споры на первых Вселенских Соборах IV–V веков, как сгущавшиеся и чернеющие тучи, вели к расколу в 1054 году Западной (римско-католической) и Восточной (греко-православной) церквей.

Андрей оторвался от чтения и немного прошелся в раздумьях. Не давала покоя очередная записка учителя для него: «Как-то слишком внезапно наука перешла с латыни на арабский. Поговорите об этом с Верочкой, она превосходный филолог и лингвист. Знает несколько языков, в том числе латынь и арабский. И коль скоро я упомянул Веру Яновну, вы, Андрей, должны знать, что именно ей мы с Марией поручили разобрать семейный архив наших предков, и особенно... этот клочок древнего *Пергамента*...».

Далее текст в записке был тщательно зачеркнут, и в конце лишь: «Я умышленно оставляю в рукописи пустые строчки и листы, предлагаю вам с Верой при необходимости их заполнить».

Впечатляла фраза «семейный архив». «Сохранили! А как вам «клочок древнего *Пергамента*»? Ну, доберусь я до этого клочка!» — подумал Андрей Петрович.

В записках было много спорного. Бывало, касаясь тонкостей и темных пятен истории и работая лишь с Андреем, учитель цитировал А. Дюма: «История — это гвоздь, на который можно вешать свои картины». Андрей, когда писал повесть об апостоле Павле, прекрасно понимал, что дает критикам повод воспользоваться «ножом и вилкой». И, тем не менее, сам, вороша «темные ретроспективы», успокаивал себя афоризмом некоего мудрого человека, что «ложь расположена ниже правды, но художественный вымысел — выше»!

Андрей Петрович вернулся в беседку. Там сидела Ирина, очень задумчивая.

— Ох, извините, Андрей Петрович, я вас не заметила. Вот с удовольствием читаю вашу повесть.

— Да это вы меня извините, — улыбнулся Андрей.

— За что?

— Оторвал от удовольствия.

— А как ваши успехи? — Она взглядом показала на тетради.

— Первую и вторую полосу препятствий я, кажется, прошел.

— Иронизируете, как обычно. А вообще, вы молодец, прочли две тетради. А я вот историю знаю поверхностно, да и Бог не дал мне столько таланта, как сестре.

— Простите еще раз, но мне с вашей сестрой предстоит работать и путешествовать. Не хотелось бы пускаться в дорогу в полном неведении о человеке, с которым предстоит пройти, наверное, сложный путь. Да и невежливо.

— Вы не похожи на человека, который робеет перед женщинами!

— Я не о робости говорю... А о вашей сестре самые общие сведения, ничего личного.

— О личном у нас не принято говорить без надобности. О вашей вот жизни личной мы ничего не знаем.

— Я думаю, гораздо важнее понять внутренний мир интересного тебе человека. — Андрей хотел еще что-то добавить, но воздержался.

— Вере 37, не замужем. Она красавица и доктор наук, лингвист, архивист. Достаточно? — Потом добавила: А я вот сносно знаю лишь польский и английский. Она в бабую: у той в багаже польский, естественно, но ещё и французский, и итальянский, и немецкий. Разумеется, английский. Ах, да, у Верочки ещё арабский в совершенстве. Легко переводит латынь, старославянский.

Андрей позавидовал и грустно подумал о своем английском.

— Компания та еще, любой заробееет, — нахмурился Андрей Петрович. Но лицо терять нельзя. — Вы, наверное, любите читать?

— Если вы о романах, то ценю и люблю пять десятков. Больше люблю стихи, рассказы,

новеллы, — вскинула брови и уточнила доверчиво: Люблю больше поэмы «без слов».

— Это что — живопись, музыка, архитектура?

— Да, но это меня «затягивает», поэтому я дозирую. В галерее 3–4 картины на один «заход», ну и тому подобное, — и загадочно, — но есть ещё, самое любимое.

— Теряюсь в догадках.

— Да садоводство и дизайн!

Андрей принялся рассматривать парк.

— Скажите, пани, а вам тут не страшно в одиночку?

— Нет, во-первых, ещё с советских времен вся территория обнесена забором, во-вторых, мэр, который учредил музей, обеспечил нас сигнализацией и видеонаблюдением, в-третьих, Дмитрий Платонович имеет ружье, он морской офицер в запасе и попадает в глаз чайке, что называется «на взмах ресниц».

Андрей сомневался, что чайки имеют ресницы, но почему-то моргнул.

— В-четвертых, — весело продолжала Ирина, — во флигеле у Платоныча живут две кавказские овчарки, Брэд и Пит. И, наконец, бабушка говорит, что зло само бежит от усадьбы. А вот, посмотрите, как раз идет наш Платоныч!

К ним приближался двухметровый худощавый мужчина, с короткой седой стрижкой, с твердым взглядом серых глаз с прищуром. На плече он держал здоровенное бревно, а в правой руке топор. Андрей, как замороженный, смотрел на эту загорелую жилистую руку.

— Здравствуйте, Дмитрий Платонович! Я утром была у вас во флигеле, но вас не видела.

— Доброе утро, Иришка. Я рыбачил спозаранку, — голос у Платоныча был басовитый и добродушный.

— Здравствуйте, меня зовут Андрей.

— Здравствуйте. Дмитрий. Честь имею, — ответ был суховат, но лицо стало приветливее. Он двинулся дальше.

— Впечатляет охрана? — Гордо спросила девушка.

— Вполне. Ещё один вопрос. Все это хозяйство требует средств?

— Да все просто: зарплаты, пенсии, экскурсии, мэрия выделяет крохотные средства на ремонтные работы. Натуральное хозяйство, в конце концов. Вот Верочка предложила построить в парке ещё один флигель с большой крытой террасой для отдыха и творческих занятий питерских интеллектуалов. Такое небольшое «Переделкино» и «Комарово» в перспективе. Кстати, бревно Платоныч тащил туда. Строит один.

Обед прошел в теплой дружеской атмосфере. Стороны обменялись несколькими фразами о прочитанном. Иришка сказала, что у Андрея Петровича определенный литературный талант и спросила у него разрешения дать почитать повесть бабушке.

— Конечно. Но предупреждаю, что я — не Чехов, — сказал с опаской Андрей Петрович.

— Это ничего, — усмехнулась пани Мария, — что-то тревожное было в этом гении. И его пресловутая деликатность, как тонкая поющая стрела, направленная прямо в сердце. Я люблю из наших Тургенева и Набокова.

— Бабуля — литературный критик, была главным редактором одного «толстого» питерского журнала, сама писала, поддерживала молодые дарования... Давно, в 60-70-е годы...

— Да, да, помню за публикацию в журнале эссе об образности в творчестве Бунина и Набокова получила строгий выговор, а за поддержку Иосифа Бродского «выперли»

окончательно.

Но в литературный диспут Андрею вступать не хотелось. Вспомнил, что все в этом писательском террариуме зыбко: Евтушенко будто тоже поддержал Бродского, за что высокомерный нобелевский лауреат ответил «нерукопожатием».

После паузы Мария Родиславовна решила поменять тему разговора:

— Вас, Андрей Петрович, внучка еще не знакомила с хозяйством Анны Никитичны и ее мужа? Там, во флигеле, райский уголок и у Иришки...

— Ах, бабуля, не рассказывай! Я потом сама покажу. А Платоныча сегодня видели в саду.

После обеда все разошлись по своим комнатам. Андрей заглянул в библиотеку, взял томик Пастернака и улегся на диван. Чуть почитал, чуть вздремнул и опять взял в руки тетради Г.Н. Сел в кресло, к столу.

Видно было и по почерку (профессор безжалостно выбрасывал то предлоги, то союзы, то суффиксы) и стилю (перепрыгивал из столетия в столетие, с имени на имя, с факта на факт), что он торопился. И часто «соскакивал» в первое тысячелетие.

«Именно изучение истории Византии, этой Восточно-Римской империи, поможет раскрыть тайны Средневековья и не только его... Расположение Византии между Западом и Востоком имело и геополитическое значение для замыслов Константина и Юстиниана. Это *Нить Накала*».

Андрей вспомнил, что минареты, окружившие потом этот храм, Бродский назвал «ракетами земля-воздух». В точку! Профессор искал причины образования теологической пропасти между католической и православной церквями. Мосты, связывавшие их, становились нитями, *а нити становились нитями накала!*

Андрей не интересовался особо религиоведением, а вот профессор-то мог бы быть классным митрополитом! Задела мысль, что в отличие от него, явно ориентированного на православие, Андрей симпатизировал обрядности католицизма. Ну, ведь ерунда же! Но подними кто-нибудь воинственные знамена за «истинную веру», да позомбируй всерьез, два интеллигентных человека, учитель и ученик, могли бы посмотреть друг на друга, мягко говоря, недоверчиво. А если еще поперчить национальным вопросом!

Андрей Петрович работал над рукописью столь серьезно и глубоко, как не работал уже лет десять. Глаза фокусировались в точку, туманились, но вместо обычной головной боли от напряженного труда, мысли, со странной скоростью и ясностью пронизывали века, память «выдавала на гора» тьму фактов, имен и событий, кажется, им забытых.

Профессор среди оставленных пустых мест в тексте, то и дело «уходил» в сторону, отвлекаясь, как бы от некой главной линии. То он рассуждал о гениальности и религии, то его интересовала тема гений и злодейство. Мера того и другого интересовала Г.Н. Мера гениальности и мера злодейства. И в каком контексте. Если, например, в историческом, говоря о Наполеоне — это одно, а в художественном, например, говоря о Достоевском — да, гениален, да, религиозен, но какой грешник! Старец Амвросий назвал его «Кающийся». Хорошо сказано!

Андрей попытался вспомнить «чистеньких» гениев. Или, точнее, без «известных» фактов биографии. На память пришло несколько имен, из которых он больше симпатизировал Лао-цзы. Вытекающий из его системы даосизма образ действий — это уступчивость, покорность, отказ от желаний и борьбы. Созерцание и мысль. Мысль в образах природы. Правитель-мудрец, по мнению Лао, должен, отвергнув роскошь и войну,

направить народ к первозданной чистоте. Таковы, наверное, подумал Андрей, Старцы и сегодняшнего дня. В основе их поведения истинная, сокровенная религиозность. Быть публичными и выказывать свою гениальность они не желают. И в то же время быть их духовными чадами желают и интеллектуалы, и сильные мира сего, и даже митрополиты, и даже Патриарх. Кирилл своим красноречием, образованностью и мудростью симпатичен был Андрею. Как и митрополит Илларион. Изредка бывая в православных храмах, он вглядывался в лица, вслушивался в речь тамошних батюшек и не находил отлика в своей душе.

Второе тысячелетие до его середины, профессор считал самым сложным периодом в истории Европы. В XI–XIV веках византийские иконы пришли в Западную Европу. На них Христос изображался не только просто распятым, а мудрецом с величественным ликом. Все более в архитектуре храмов чувствовались византийские мотивы. И вместе с тем это было время войн, бесконечных завоеваний и перекраивания территорий, зачастую под религиозным предлогом. Норманны и на Сицилии, и в Париже, нормандская династия в Англии. И уже храмы и замки в нормандском стиле не только в Англии, но и на Сицилии, и по всей Южной Европе. Появление университетов, сначала в Константинополе, Кембридже, Париже, Риме и т. д.

И вновь Г.Н. возвращается к главной теме: разломы в христианстве и, как следствие, всё возрастающая агрессивность ислама. В 1204 году крестоносцы (христиане!) взяли Константинополь и образовали в Византии Латинскую империю. Это был второй большой разлом в христианстве.

В самой Западной римско-католической церкви тоже назревали внутренние грозящие расколом события. И хотя умы католиков завоевал в начале XIII века великий святой и великий мистик Франциск Ассизский, и велико было могущество церкви, и ее роль в государственном управлении, и ее богатства множились, назревали следующие большие разломы: и гуситские войны, и Реформация и позже Контрреформация, и появление протестантов, лютеран, англиканской церкви. Все это красной обжигающей нитью накала будет задавать траекторию развития Европы на несколько веков. А сплоченный мусульманский мир будет высматривать добычу, где бы вырвать кусок из тела Европы: в Византии, на Балканах и дальше в Австрии, Венгрии...

Но пока Византия оправлялась от ран. И XIII, и XIV века были относительно спокойными. В Византии появились знаменитые книжные базары, где можно было найти самые редкие книги, в большинстве своем на арабском языке. Вместе с тем характер византийцев отличался склонностью к суевериям, всякого рода приметам, знакам. Талисманы против сглаза были повсюду — сглаз связывали с завистью. Зависть и погубит Византию!

Андрей оторвался от чтения, прикрыл глаза и вспомнил, как в 1983 году знакомые пригласили его в Венгрию пожить неделю у них в доме. Маленький городок. Хозяева Калман и его жена — католики. Мать жены, Мария, славянка из Словакии, православная. И вот когда однажды вечером пошли в гости к родной сестре Калмана, он шепотом, прижав палец к губам, сообщил заговорщицким тоном, что его сестра — протестантка. Вот тебе и конец XX века. «В каждом веке есть свое средневековье» — это Лец!

В каждой семье, в каждой голове свои «тараканы», свои «скелеты в шкафу». Эх...

Ещё Андрею вспомнилось, как профессор на лекциях часто цитировал Блаженного Августина, хотя не как одного из отцов церкви, теолога, а как родоначальника христианской

философии истории, неоплатоника. Но ему не припомнилось, чтобы Г.Н. называл имя другого отца церкви, тоже теолога, тоже философа-платоника, Василия Великого, современника Августина. Может в то «застойное» время он не обладал необходимой архивно-культурологической информацией в полном объеме?

В дверь постучали. Ирина негромким голосом позвала его на ужин.

После ужина девушка пригласила Андрея в свою комнату послушать музыку, посмотреть семейные фотоальбомы. Пришла и бабушка.

Комната Ирины была побольше, чем у Андрея. Обстановка удивила его.

— Лет двадцать назад я мечтал довольно серьезно о даче с такой вот точно мебелью. Не сбылось.

— Это все заслуга сестры. И ее вкус. Она дама состоятельная, часто гостит в усадьбе, — просто сказала Ирина.

Плетеная мебель! Это дорого, но очень красиво. Два плетеных полукресла, круглый стол, тоже плетеный. Трельяж в плетеном обрамлении. Большой сундук. Его плетение напомнило милых бабушек и прабабушек. В сундуках хранили приданое! Плетеные были и небольшой шифоньер, и даже диван, покрытый толстым, мягким шелковым пледом. Неплетеным был лишь комод. Изящный, старинный, с гнутыми боковыми стенками и медной фурнитурой. «Чиппендэйл»! Наверное, бук. Даже стоящий на камоде современный музыкальный центр не вызывал диссонанса.

— Да, комод рода Богдановичей. Мы использовали в реставрации мебели уцелевшие буковые, грабовые и ореховые детали. Какие-то плетения «нанизаны» на эти, чаще фанерованные детали. А само плетение выполнил местный мастер из нашей ивы. Ива здесь повсюду, — сказала девушка.

Она поставила Вагнера, затем Прокофьева, достала из комода два фотоальбома, кожа на которых была настолько потертой, что могла помнить еще Александра Третьего. Запах тоже был из XIX века, очень трогательный.

Андрей Петрович листал альбомы. Все молчали. Затем посмотрели старинные гравюры, литографии, большей частью касавшиеся морских путешествий предков хозяев.

Андрей понимал это молчание: рассказывать об этих красавцах в мундирах и сюртуках и красавицах в мехах и кружевах было пока преждевременно. Это и так был акт доверия!

— Кстати, Прокофьев замечательно играл еще и в шахматы, — заметил Андрей. — Сделал ничьи с великими Ласкером и Капабланкой. И вообще был очень самоуверенным человеком.

Пани Мария все это время весьма серьезно посматривала на Андрея Петровича, как обычно изучая его. Но тут с уважением произнесла.

— Вы, Андрей Петрович, весьма образованный человек. И слог в вашей повести, я почитала немного, очень хорош! И пора поговорить.

— Спасибо, — промолвил Андрей.

— Днем позвонила Вера, куплены два билета до Мальты, туда и обратно, сроком на неделю. Вылет через два дня. Вы готовы, Андрей Петрович, через сутки отправиться в путь? Тетради Георга потребуют еще вашего внимания... — Мария Родиславовна запнулась. Она волновалась.

— Да, готов. Последнюю тетрадь я хотел бы взять с собой. Я как раз работаю с ней. И еще... — он сделал паузу, обдумывая фразу.

— Нет, тетрадь брать нельзя, нужно успеть прочесть здесь. А об этом вашем «и еще» не

следует беспокоиться. Вера Яновна едет в командировку, и вы тоже. У нее научный договор с мальтийскими архивистами и грант. Так что в средствах вы не будете стеснены. Вы — привлеченное к работе научное лицо.

«Научное лицо» приобрело более уверенный вид.

Мария Родиславовна снова посмотрела на него испытующе.

— Давайте отдыхать. Спокойной ночи, молодые люди, — и ушла.

— Спокойной ночи, Андрей Петрович, — сухо сказала Ирина. — Сегодня я не пойду гулять перед сном. Мне нужно поразмыслить над... одной главой из вашей повести.

— Спокойной ночи и плодотворных размышлений, — ответил Андрей и улыбнулся на прощание.

Он чувствовал усталость, пошел к себе и быстро уснул. Размышлять о чем-либо ему не хотелось. Утро вечера мудренее!

За завтраком Ирина предложила поработать в саду, в беседке. Андрей ответил:

— Это чудесно. Как заметил Б. Шоу, сад — это лучшее место для того, чтобы узреть Бога.

Мария Родиславовна опять одарила его приветливым взглядом.

— Я думаю: вы понравитесь Верочке, — и лукаво добавила: И я люблю интересных и умных мужчин.

— Весьма польщен, мадам. Я буду стараться.

— Не перестарайтесь. Сестра не проста, она лучший в России специалист по тайнописи и раскусит любое коварство, — съязвила девушка.

— Вы еще очень молоды, милая Ирина, а в то же время как филолог должны уважать слова Гете: «Единственный способ омолодиться — это волочиться за молоденькими девушками», — наставительно сказал Андрей.

— Ага, а плата за это — отдать душу дьяволу, как Фауст, — наступала девушка, — и не очень-то Вера молоденькая.

— Внучка, не спорь, милая. Андрей Петрович, конечно, прав. Он просто, как всегда, немного ироничен. — Мария Родиславовна привстала, чтобы уйти и добавила: Ужасно скучно проводить время вдвоем с мужчиной даже в деловой обстановке, если в этих отношениях нет хоть капли поэзии и совсем чуточку флирта. Как две чаши, одна богемского, другая венецианского стекла, стоящие рядом долгие годы без вина.

И ушла, ступая тихо, будто бережно неся за собой шлейф воспоминаний.

В саду веяло утренней прохладой. Девушка достала андрееву повесть. Она почему-то была «не в духе».

— Я выборочно прочитаю несколько отрывков вслух и спрошу потом кое о чем. Это займет немного времени, — попросила Ирина.

— Да, конечно, если смогу — отвечу, — приободрил ее Андрей.

Отрывки касались легенды об апостоле Павле и Змее.

— Это написано от лица свидетеля, человека с затонувшего судна? — спросила девушка.

— Да, — ответил Андрей, вглядываясь в лицо Ирины.

— Меня интересует, собственно, какие первоисточники и насколько подробно вы изучали в работе над повестью, — серьезно спросила Ирина. — Может быть, даже древние документы?

— Эпизод со змеей описан в греческом тексте, что-то брал из Деяний Святых Апостолов. Всех деталей я уже не помню. Прошло почти 20 лет. Но почему и вас, и ваших родных так волнует этот эпизод? — рассеяно ответил Андрей.

— Теперь более года не дает покоя Верочке. Она кое-что уже «расшифровала» в том *Пергаменте*. Впрочем, вам, Андрей Петрович, нужно работать, и вы многое поймете из последней тетради дяди Георга.

— Вы чем-то, Ирина, сильно взволнованы. Чем? — мужчина строго смотрел в глаза девушки.

— Я трусиха и боюсь этой поездки. Вера не хочет, чтобы излишне волновалась бабуля. И меня, и бабулю не посвящает в детали. Но я... лечу на следующий день после вас с

сестрой. И... я лечу не на Мальту, а в Сиракузы. Это рядышком. Для подстраховки. С бабулей вам не нужно об этом говорить.

Ирина ушла. Андрей принялся читать. Почерк стал совсем торопливым. Может быть, самочувствие профессора стало хуже, а может, какая-то неведомая сила мешала писать. Г.Н. описывал конец Византии. Фразы сжатые, отрывистые, с большими пропусками, лишь изредка давался анализ ситуации и звучали собственные рассуждения профессора.

«В последние годы Византия жила в окружении врагов, искала друзей и чувствовала конец».

«Территория Византии сужалась, а турецкие владения расширялись».

«В 1451 году турецким султаном становится Мухаммед (Мехмед Второй), девятнадцати лет. Он одновременно и коварен, и учен, пылок и любит искусство, отважный воин, лицемерный дипломат и гениальный стратег-военачальник. Он читает Цезаря и Аристотеля в подлинниках».

«Мехмед знает, что понимания между греческой и римской церковью как не было, так и нет, и помощи Константинополю ждать неоткуда!».

Андрей усмехнулся: восточная мудрость и хитрость всем известна, а в умении строить лабиринты коварства, в стратегии и тактике равных не найти. Специалисты смешивать халву с ядом!

«5 апреля 1453 года неисчислимая армия турок заполняет всю равнину перед Константинополем».

«Штурм назначается на 29 мая».

«И вдруг один трагический и таинственный эпизод определяет судьбу Византии. Таких неправдоподобных и загадочных случаев в истории наберется немного. Несколько турок бродят между первой и второй городскими стенами и замечают небольшую дверь, так называемую керкапорту. По загадочному недосмотру (!) она оказалась незапертой! Янычары (эти элитные отряды султана) проникают внутрь крепости и неожиданно нападают с тыла. И турки, и византийцы поднимают вопль: «Город взят!» И этот крик «обрушает» всякое сопротивление. Может ли быть, чтобы «забытая» дверь повернула течение истории на многие века? Точка бифуркации.»

«Но все дело в том, что дверца эта, эта керкапорта была *заперта*! Совершенно... забыть...».

Далее текст обрывался, и Андрей заметил, что пара страниц из тетради Г.Н. были аккуратно удалены!? И в этом месте снова вложена записка для Андрея. Профессор извинялся, что пишет отрывисто, тезисно. Он себя плохо чувствует.

«Другие, может (... неразборчиво...) факты и соображения... устно... Мария и Вера...».

Г.Н. написал еще несколько незначительных (вроде бы) страниц.

«Рок ворвался через эту дверь! Но люди должны узнать правду».

«Двери в крепостных стенах византийцы украшали орнаментами-оберегами. Но *Сатана* вошёл...»

«Мехмед был восхищен собором Святой Софии и сказал: «Здание будет использоваться для Аллаха». На следующий день крест падает наземь и... Разрушенная и разграбленная Византия в течение веков будет одновременно сковывать духовное и культурное развитие равнодушной доселе Европы и разжигать огонь Возрождения...».

Какая мудрая грусть истинного историка была в этих последних строчках профессора, нашего дорогого Титаныча.

Андрея Петровича вновь пронзила мысль: Храм Священной Премудрости един для всего человечества! Но где дорога, где путь к нему?

Он прогулялся по саду в глубокой задумчивости. Чья-то рука легла ему на плечо сзади. Ах, это Ирина.

— Время обеда, Андрей Петрович. Бабуля не любит опозданий.

— Разрешите, милая, задать вам один вопрос, — Андрей неуверенно посмотрел девушке в глаза.

Та опустила глаза и слегка покраснела.

— Я знаю, о чем вы. Это бабушка удалила из последней тетради дяди несколько страничек. Но вы должны понять этот ее шаг. Во-первых, она это сделала еще до знакомства с вами. Во-вторых, даже сейчас, когда она доверяет вам, она не имеет права до времени раскрыть все карты. Наш род на протяжении двух веков берег свои секреты. И мы должны. А время узнать о них вам, дорогой Андрей Петрович, придет тогда, когда Верочка с вашей помощью раскроет ряд других секретов. Простите.

— Да, конечно. Я понимаю. Мне лишь не совсем понятна моя роль. Чем я могу помочь?

— Я этого не знаю. Вернее, не знаю точно, в деталях. Но бабуля и дядя *Видят* ваше *Назначение*. Вы умеете *Видеть*. И вы поймете *Слово Знака*. Я плохо умею все это объяснять.

— А... — начал было Андрей.

— А листочки эти из тетради, пергамент и некоторые архивы наших предков находятся у сестры.

За обедом Мария Родиславовна была особенно торжественна и даже величественна. Говорила четко, решительно, строго глядя в глаза Андрея. Но Андрей Петрович теперь уже не обижался. То ли привык, то ли понимал, что на него возлагается особая миссия. Так вот, наверное, старый генерал-отец провожает на войну своего сына, молодого капитана. О том, что Ириша тоже отправится в путь, она не проронила ни слова. Вероятно, ей было тяжело говорить об этом.

Спина прямая, голова высоко поднята, в кулачке зажат какой-то предмет.

— Завтра утром Платоныч отвезет вас с внучкой в Петербург. Возьмите в дорогу что-то из нашей библиотеки. И обязательно вашу повесть о Павле. Вера должна прочесть, — сделала паузу. — Ириша хочет показать вам флигель, там она планирует поужинать. Это вам талисман на удачную дорогу. Мужчины в нашем роду его брали с собой, покидая дом, — она протянула руку и разжала кулачок, добавив, — и берегли женщин, что были рядом.

Миниатюрный компас, старинный, теплый от ладошки Марии Родиславовны.

— Спасибо, я очень тронут. Честно. И еще, мне не хочется уезжать из вашей удивительной усадьбы, я привык к вашему дому, к вам с Ириной. — Андрей был взволнован.

Несмотря на все обстоятельства и неожиданности, встретившие его здесь, работу с бумагами Г.Н., усадьба привнесла в душу Андрея одновременно и умиротворение, и силу, но и малую толику тревоги о будущем. Не находя больше слов, но желая выразить искреннюю признательность и готовность, Андрей Петрович поклонился и поцеловал руку пани Марии так, как это делали в галантном XIX веке.

Та наградила его улыбкой! Но тут же твёрдо сказала:

— Ну все, Андрюша, довольно, довольно. Буду вас ждать. Ждать с победой. До встречи, — и ушла, с прямой спиной, с высоко поднятой головой, с сухими глазами.

— Ого, Андрей Петрович! Как ласково назвала вас бабуля. И как вы поклонились и

поцеловали руку! Настоящий гвардейский поручик! Я завидую, — девушка тоже одарила его улыбкой и добавила: Бабуле сестра сказала, что я еду в Италию на недельку отдохнуть. Ну... и быть рядом... с Верочкой, «на всякий случай». Сначала в Сиракузах.

Зашли в библиотеку. Девушка присела в кресло, начала листать какую-то книгу. Андрей рассеяно бродил взглядом по книжным полкам.

— Да, вы правы, — она опять прочитала мысли. — Женщины любят мужчин-победителей! А кроме того, вы сюда еще вернетесь... и не раз... и надолго...

— Вы думаете?

— Я знаю. Мальтой вряд ли закончится наш поиск.

— Скажите мне, милая, ваша сестра тоже читает мысли?

— К сожалению нет. — Она задумалась. — У Верочки все еще сложнее. Ее психическая энергия трансформирована таким образом, что все силы сосредоточены на каких-то сложнейших математических или, скажем, шахматных задачах, и мелкие вибрации от людей и событий она отбрасывает. У нее идеальное «плетение» мысли, — засмеялась. — Не зря она любит плетеную мебель. Она ищет не *Слово Знака*, не образ, а *Код Знака*, т. е. главный, точный узор.

— Да... — протянул Андрей. — Вы в Сиракузах будете дня три-четыре? — Андрей подбирал слова.

— Я не знаю точно, — во взгляде и ожидание, и грусть, и тревога, и все то, что отражается молодых особ с прекрасной наследственностью.

Ирина вдруг встала, пошла к себе в комнату, договорившись встретиться на террасе через час.

Андрей взял с книжных полок два томика Бродского, причем прозу. Его интересовали впечатления поэта о Стамбуле и Венеции. Взял также «Гений места» Петра Вайля. Ну и прекрасно. И достаточно. С этими попутчиками не заскучаешь.

Он отнес книги в свою комнату, вздекнул минут тридцать, потом встал, умылся, причесался и вышел на террасу.

Девушка ждала его, перебирая что-то в двух больших «челночных» клетчатых сумках.

— Вот и вы, Андрей Петрович. Будьте рыцарем, помогите донести до флигеля.

— С удовольствием! А что там? — любопытствовал Андрей шутливо.

— Секрет, — засмеялась она.

Андрей бодро взял сумки по полпуда каждая. Да уж, рыцарь-тяжеловес. Что там у неё? Вот и флигель.

— Здравствуйте, Андрей Петрович. Проходите к нам, будем рады. — Анна Никитична была в переднике, волосы подвязаны косынкой, руки в муке. — Извините, вид у меня... но Иришка сказала, что вам понравились мои пирожки...

— А что, на ужин будут пирожки? — улыбнувшись, спросил Андрей.

— Да, конечно, — засмеялась хозяйка. — И с собой завтра возьмете в Питер. Девчонки совсем тощие.

— Сегодня он пусть ест сколько хочет, а завтра я буду выдавать поштучно, — прищурившись, заявила Ирина.

— Ого, Андрей Петрович, а вы уже под каблучком, — хохотнула женщина.

— Да, пани Мария и пани Ирина взяли меня в серьезный оборот.

— Ладно, ладно. Мы уже знаем, как вы умеете входить в доверие к женщинам, — шутила девушка. — Теперь вот подлизываетесь к Анне Никитичне. Вам нельзя мучное и

жирное, потому что у вас болят колени. Зачем вам лишние килограммы носить?

— Все, сдаюсь. За ужином штук 7–8, а завтра, послезавтра в Питере по 5–6 в день, — Андрей заискивающе посмотрел на женщину, ища поддержки.

— Напеку, напеку много.

Разговор о пирожках «завел» Брэда и Пита. Собак пришлось поместить в вольер из металлических прутьев и рабицы. Те быстро умолкли.

— Я управлюсь через часик, а Иришка проведет для вас свою любимую экскурсию. Тут ее владения. Платоныч называет это «садик принцессы», — Анна Никитична с нежностью посмотрела на девушку.

Та была смущена. Она любила бывать во флигеле, видимо, не только потому, что здесь ее «садик», но и потому, что здесь она была окружена нежностью и любовью хозяев.

За флигелем, образуя букву «П», были расположены две длинные хозпостройки с множеством дверей, вдоль этих построек дорожки из утрамбованного гравия, а все внутреннее пространство занимал... райский уголок.

Большую часть «садика» занимала сдвоенная в виде крыльев парящей чайки пергола, длинная, широкая и высокая. Каркас был алюминиевый, покрыт карболатом, боковые стенки смонтированы по системе шкаф-купе.

Андрей нечто похожее видел в усадьбе Шереметьевых в Кусково, в загородных венских резиденциях Габсбургов.

В цветнике были и цветы, и множество лиан, и небольшие шарообразные и пирамидальные туи, можжевельник. В оформлении были использованы керамика и сварные металлические конструкции, но больше деревянные обработанные лаком коряги из леса. Из цветов, которые были расположены и в перголе и вне ее преобладали циннии, «веселые ребятки», дельфиниумы, флоксы, астры и пионы. На двух красивейших альпийских горках были и разнообразные почвопокровные, и ирисы, и хосты и многое другое.

— Мне очень помогает Платоныч. Все эти конструкции и весь тяжелый физический труд по строительству и агротехнике лежит на нем. Чего стоят эти его красивые строения со множеством дверей, да и многое другое.

— Я восхищен! — Андрей смотрел на девушку с нескрываемым восторгом. — А вот зачем столько дверей?

— Эх, Андрей Петрович! Каждая такая дверь имеет строго напротив еще одну, которая со стороны огорода. Это за постройками. Догадались?

— Нет.

— Платоныч называет эти постройки линкольнами. Двери ведут в «каюты», и для удобства в каждой «каюте» свой вход, и в ней конкретный инвентарь и прочее. Для порядка.

— Гениально! — сказал Андрей.

— А с моей стороны фантазии, идеи и вся... ботаника, — скромно заключила «принцесса».

— Не скромничайте. Фантазии, знаний и таланта здесь безмерно много.

— Спасибо. А в тех двух тяжелых сумках, что вы донесли, два дубочка и два кедра в горшках. Их четыре года нужно было выращивать в комнатных условиях. Я планирую перед флигелем сделать красивую лужайку (газон), посадить там дубы, кедры, сделать из коряг стильные лавочки, столики. Ну, в общем, есть проект. Это в конце августа, после жары. Может, примите участие?

— Заманчиво, — Андрею идеи садоводства и ландшафтного дизайна были когда-то

весьма близки. — А меня местные лесные колдуньи не упрячут навсегда в эти коряги?

— Бойтесь? — она усмехнулась, — Пойдемте, посмотрим огород.

. — Нет, дорогая. — Анна Никитична стояла на пороге с кувшином и двумя стаканами. — Хотите холодного брусничного квасу. Андрей Петрович, наверное, устал, проходите в избу. И зачем ему мой огород?

— А огород-то богатый и ухоженный. Все есть: овощи, кусты ягодные, всякая зелень. Наша хозяйюшка, кудесница и колдунья, — Иришка усмехнулась в сторону Андрея, — и варенья наварит, и солений запасет. Угадайте, что в основе кулинарного искусства Анны Никитичны. Вот вы сейчас, не заходя в дом, уже учуяли, наверное, запахи необыкновенные.

— Любите вы меня экзаменовать, — пробурчал Андрей.

— Русская печка! Это чудо! — Воскликнула девушка.

— А-а-а — протянул Андрей. — Но ведь жарко сейчас. Лето.

— Печка вынесена в отдельное помещение, а от нее котел, насос, батареи, — уточнила хозяйка. — Все как обычно.

Выпив аж три стакана квасу, Андрей вдруг понял: это же точно как в его любимом «Фрегате»!

— Вы знаете, это удивительно, но точно такой квас делают в Питере, в кафе «Фрегат»!

— Ничего удивительного, — за спиной Андрея выросла фигура Платоныча, — я тоже любил это кафе и молодым офицером, когда не был в походах, бывал там часто. А однажды мой кок взял там несколько рецептов. Давайте, друзья, в дом, в дом.

— Да, ужин готов, — пригласила еще раз Анна Никитична.

— Я тут подшаманил свою «Ласточку», и если ваш аппетит меня удовлетворит, дам команду вечером покататься по реке и порыбачить. А сейчас команда «Сушить весла. За стол!»

— «Ласточка» — это его любимая моторка, — вставила жена, — Он только что не спит в ней.

Нет у автора подходящих слов, чтобы описать хотя бы приблизительно этот великолепный ужин и хлебосольство хозяев!

После ужина Андрей Петрович сел с Платонычем на веранде сыграть партию в шахматы. Анна Никитична все хлопотала, все приговаривала.

— Ты, дочка, не спорь. Платоныч все довезет, все дотащит до места. Вот тут, в термосах, будет утром горячий чай на моих травах. Пирогов свежих напеку, разных, и с луком-яйцом, и с яблоками, и с рыбой, и с мясом. Картошки горячей на томлю в печке с вологодским маслом, укропом, все ладненько. Ой, варенье из крыжовника не забыть, Веруська любит.

...Вечером на реке было уже прохладно. Платоныч бережно накинул на плечи «принцессы» свитер, подал шапочку. Андрею он выдал толстую тельняшку огромного размера.

— Надевай поверх рубахи, она чистая, — усмехнулся в усы. — Ну вот, человеком выглядишь.

— А фуражку и бинокль?

— Это нужно заслужить, — отрезал Платоныч. — А вот вещицу одну я тебе в дорогу дам. Верочка заказала. Трость. Специальную.

Поднялись по реке вверх километров на двадцать до большого залива. Лодка была старенькая, и мотор жутко рычал. На лавку он бросил какой-то тулупчик, сам сидел

буквально на борту, к которому была прикреплена кожаная подушка. Управлял отлично, проходя повороты реки с такими брызгами и под таким креном, что дух захватывало.

— Ирина, вы не предлагали своим экскурсантам такой аттракцион? Продаю идею, — крикнул Андрей.

— Представляю этих, главным образом учительниц истории, в моторке... — засмеялась девушка.

— Вы недооцениваете историков, — обиделся доцент истории.

Платоныч немного покружил по затону, выбирая место причалить. Нашел, надел болотные сапоги, выпрыгнул из лодки, держа фал! Подтянул за фал лодку ближе к берегу, подал руку Ирине. Но берег был крутой, глина и мокрая трава, поэтому он быстрым точным движением подхватил ее на руки и поставил на сухое место. Андрей, не дожидаясь руки (и не рассчитывая на этот шаг со стороны сурового морского волка), выпрыгнул из лодки сам, причем вполне достойно.

Платоныч взял рыбачьи снасти и ушел подальше. То ли потому, что рыбалка любит тишину и уединение, то ли там, где у берега в воде колышется высокая трава и тростник, клев лучше. Андрей рыбачить не умел, но рад был случаю еще раз побродить по берегу босиком. Беззаботно, как в юности, смотреть, как заполняет вода маленькие следы в песке от девичьих изящных ступней.

Потом они искупались в теплой к вечеру воде.

— Утром уезжаем рано, в шесть, нужно... раньше лечь спать... И бабушка попросила раньше, — проговорила девушка.

Улов Платоныча был невелик. Он проворчал, что лет двадцать пять назад рыба в реках была, а потом, не выдержав этих новых «демократических свобод», так же молча, как и жила, уплыла куда-то, где действительно свободно и не так грязно.

— А почему вы не рыбачите? Бабуля считает, что вас называли в честь апостолов Андрея и Петра. Они были до крещения рыбаками.

До усадьбы добрались быстро. Так же быстро Ирина убежала, пожелав спокойной ночи.

Платоныч сказал на прощание:

— Утром в Питере будет не до разговоров. Скажу сейчас. Не знаю, зачем вам с Верой Яновной нужно на Мальту, но я там бывал и знаю: русскому офицеру, просто русскому надо беречь свою честь, честь Родины, честь женщины. Старик Натаныч последний год перед кончиной вел себя странно, все выпрашивал меня о морских легендах. Сначала я думал, что раз он потомок русских моряков, то ему это просто интересно. Но нет, — Платоныч сделал паузу, — нет, глаза у него горели как-то нехорошо. Если ты с Верочкой едешь по его делам.... Ну ладно.... Будь здоров!

И ушел как-то ссутулившись.

... Андрей проснулся в три, уложил сумку, побрился. Подошел к окну, минут десять задумчиво смотрел на луну в темном еще небе. Вдруг к горизонту протянулась светлая, лунная дорожка. Улыбнулся про себя, вспомнив, как Пилат брел по такой вот дорожке. Может, это хорошая примета в дорогу. Кто знает?

Когда они уже садились в машину, в светящемся окне Марии Родиславовны появился ее силуэт, окно отворилось, и Андрею послышалось: «С Богом, дети!» — хороший знак. Знак Слова.

В красном плаще с нашитым на груди белым крестом рыцарей-госпитальеров, в белых шелковых получулках с черными подвязками под коленями, в коричневых туфлях, держа в руках меч, ранним утром 14 февраля 1560 года вдоль Большой гавани прогуливался 49 великий магистр Ордена рыцарей Св. Иоанна Жан Паризо де ля Валетт.

Да, мой дорогой внимательный читатель: автор эту главу начинает с поклона Михаилу Афанасьевичу.

Меч с красивым витым серебряным эфесом нужен был в бóльшей мере, чтобы опираться на неровную каменистую почву форта Св. Эльма. Он также давал некую опору и тем раздумьям, которые приводят гроссмейстера сюда каждое утро вот уже почти месяц. Что касается опасности нападения — она была маловероятна: мальтийцы, большей частью христиане, относились к рыцарям доброжелательно, понимая, что Орден — оплот христианского мира. Подплыть незаметно суднам корсаров или турок было невозможно: форты охранялись рыцарями круглосуточно.

Другая, бóльшая опасность нападения занимала мысли великого магистра. В возрасте 28 лет он участвовал в защите Родоса, когда в 1522 году Сулейману с огромным трудом удалось одержать победу над Орденом. Сейчас до ля Валетта доходили сведения, что Сулейман очень недоволен тем, что король Карл V предоставил иоаннитам Мальту, важнейший форпост Средиземноморья. Еще Сулейман весьма сожалел о том, что дал возможность именно ля Валетту вместе со всеми госпитальерами благополучно покинуть Родос.

Странным в поведении султана было и то обстоятельство, что он разрешил погрузить на «Святую Анну» не только знамена, но и огромный, многотонный архив Ордена и многотысячную библиотеку. Может быть такому великодушию рыцари были обязаны симпатии Сулеймана ко всему европейскому, в том числе к европейским женщинам. Великий магистр чувствовал схожесть линий жизни с султаном: они родились с разницей в один год. Судьбе было угодно и умереть обоим с разницей в два года.

Рыцари, эти воины-христиане, склонны были к средневековому мистическому суеверию. Ни особый аристократизм, ни выдающаяся образованность не могли избавить их от того, чтобы видеть в ряде крутых поворотов их истории, да и ряде частных случаев Господне Провидение, чудеса, знаки Судьбы и пр.

Три недели, заполняя этим практически все время, свободное от строительства укреплений, ля Валетт вместе со своим секретарем, сэром Оливером Старки, которому полностью доверял, разбирали архивы и штудировали тома библиотеки. Этот рыцарь, как и великий магистр, пользовался огромным авторитетом в Ордене. И, как и ля Валетт, свободно владел кроме родного английского, французским, итальянским, испанским, греческим, арабским и турецким языками. Да еще немного некоторыми древнеарабскими диалектами. Нравилась магистру, истинному французу и пылкому гасконцу, спокойная уверенность сэра Старки.

Причинами же, сподвигнувшими гроссмейстера и его секретаря к таким хлопотным архивным поискам были следующие странные обстоятельства.

Дело в том, что временный дворец великого магистра, дома членов Большого совета, епископа, заведующего канцелярией казначея, находились в Мдине, бывшей до появления

рыцарей древней столицей Мальты. В Мдине жили и несколько десятков рыцарей, капелланов и оруженосцев. Личный секретарь гроссмейстера жил в его дворце. В Мдине функционировал совет, хранилась казна, архивы и библиотека. Но город расположен в центре острова, далеко от Большой гавани, которую требовалось охранять, укреплять и держать там флот. Конечно, при необходимости гонец мог доскакать на лошади до гавани за два с половиной — три часа, но ежедневные заботы вынуждали магистра и большую часть рыцарей жить лагерем на полуострове Шеберрас, выступающим в море между Большой гаванью и гаванью Марсамшетт и занимавшем стратегическое положение. Ля Валетт недавно привез сюда архив и часть библиотеки.

Так вот, живя на этом полуострове, гроссмейстер частенько гостил в доме одной благородной мальтийской семьи, расположенного неподалеку от лагеря. Хозяин имел корни в Провансе и симпатизировал ля Валетту. Кроме того, он был убежденный христианин и с горячей сердечностью сопереживал беспокойству магистра, связанного с возможностью турецкого нападения на Мальту. Остров так много веков находился во власти то римлян, то арабов, то норманнов. Бывали хозяевами и германцы, и французы и испанцы. Мальтийцы хотели стабильности и больше всех других боялись турецкого владычества.

Одна из служанок, пожилая мальтийка, прислуживавшая за столом и, наверное, прислушавшаяся к разговорам, начала как-то внимательно приглядываться к гостю и, наконец, как раз месяц назад попросила великого магистра о разговоре с глазу на глаз...

Принимать простых людей, не членов Ордена, ля Валетту доводилось крайне редко. На всякий случай он справился у хозяина того дома, где она служила, относительно ее благонадежности и насколько ей можно доверять.

Тот заверил ля Валетта, что ей можно доверять полностью, что несколько поколений женщин из ее рода прислуживают их фамилии. Но вот что такое секретное она хочет поведать магистру, он не имел понятия.

Ля Валетт решил, что обстановка должна быть официальной. Он пригласил женщину в свой дворец в Мдине. Рыцарь сидел в дубовом кресле с высокой резной спинкой, одна рука придерживала меч, другая свободно лежала на подлокотнике. На нем был черный берет и черный плащ. На груди большой золотой крест, покрытый белой эмалью. Крест висел на золотой цепи, над ним располагались корона, а еще выше — изображение герба. Сэра Старки он попросил быть в соседней комнате, чуть приоткрыв дверь.

Женщина вошла в зал. Взгляд ее был строг и спокоен. В руках она держала медный цилиндрический пенал, напоминающий футляр для подзорной трубы среднего размера. Магистр предложил ей сесть, но она отказалась.

— Я умею говорить по-французски, господин.

— Слушаю тебя, — ответил гроссмейстер.

— В этом футляре пергамент, которому несколько сотен лет. Он передается в нашем роду по наследству. Сначала этот рассказ передавали устно, затем он был записан в этом пергаменте на древнеарабском языке. — Было заметно, что женщина все более волновалась, и французская речь стала неуверенной.

— Я слушаю с вниманием, но лучше тебе говорить на своем родном языке. — Магистр действительно внимательно всматривался то в глаза женщины, то на футляр.

А что, если она хочет ввести его в заблуждение, может быть и не умышленно, в заблуждаясь сама? А может осмеливается втянуть его в некую интригу?

— Вы, господин, сможете прочесть на этом языке?

— Смогу, — и то ли ля Валетт повел взгляд в сторону двери, за которой находился Старки, то ли тот произвел какой-то шорох, но странная женщина нервно повернула туда голову.

— Продолжайте! Не беспокойтесь ни о чем!

— Я сильно простудилась в молодости, когда выходила в море рыбачить с отцом и братьями, и Бог не наградил меня наследниками. А братья погибли. Больше некому хранить это, — она бережно приложила футляр к груди. — Я отдаю его Вам, господин, и в ваших руках будет Большая тайна, которая поможет бороться со Злом.

Глаза мальтийки увлажнились, и в руках появилась дрожь. Но через мгновение она справилась с собой.

— Что в этом рассказе? — Спросил магистр заинтересованно.

— Это история, как теперь я думаю, читая Библию, о кораблекрушении Святого Павла у берегов Мальты и о змее, которая хотела его укусить. А еще о том Черном человеке, который, когда все ушли, тайно, из тлеющего костра достал что-то, положил в шкатулку (Укладку) и исчез во мгле ночи.

Женщина говорила довольно связно и грамотно.

— В Библии есть рассказ об этом кораблекрушении и о змее. Но там ничего не сказано ни о каком Черном человеке. — Строго сказал ля Валетт.

— Мой предок штормом был тоже выброшен на берег в ту страшную ночь и, укрываясь за скалой, наблюдал за всем.

— Хорошо, благодарю тебя за доверие и преданность нашей Вере. Оставь пергамент, до свидания.

Мальтийка низко поклонилась, отдала футляр и вышла.

Великий магистр открыл пенал, достал пергамент и развернул его. Сомнений, что это древний документ, у него не было: кожа старинной выделки, довольно ветхая, текст зыбкий, плохо просматривающийся. Хранили неправильно.

Он окликнул Старки.

— Что вы думаете об этом, сэр? — Спросил ля Валетт.

Старки все видел в щель дверного проема и все слышал.

— Если вы, гроссмейстер, дадите мне два дня поработать с этим документом, порыться в наших архивах, библиотеке, я, думаю, смогу ответить на ваш вопрос, — сказал рыцарь.

Магистр опять отметил выдержку и рассудительность своего секретаря.

— Хорошо, жду доклада через два дня. От всех прочих дел на это время Вы освобождены. Разумеется, все должно быть в строжайшем секрете.

— Разумеется, гроссмейстер, — ответил Старки, взял пенал, поклонился и удалился из залы.

По истечении этих пары дней сэр Старки был на аудиенции у великого магистра. Он принес пергамент и еще папку с какими-то документами.

Ля Валетт сразу заметил, что лицо Оливера, обычно бледное, было в красных прожилках волнения, глаза стального цвета, всегда холодные, были красные, веки набухшие от напряженного труда.

— Доброе утро, великий магистр.

— Доброе утро, дорогой Оливер! Садитесь вот здесь у камина. Я вижу у вас серьезные новости. Сейчас подадут горячего меда.

Сэр Оливер положил на стол магистра документы и сел к огню.

— Пергамент подлинный. Датировать его можно примерно 300–400 г. от рождения Христова. У нас в архивах есть пергамент этого же периода с таким же способом нанесения текста. Что касается самого текста, то события о кораблекрушении апостола Павла относятся к 60 г. н. э. и за большой промежуток времени в несколько поколений, некоторые факты и их смысл могли быть искажены. Здесь, в папке, мой перевод текста пергамента и те архивные материалы, выписки из книг, что могут Вам потребоваться, сир. Кое-где я приложил свои записки, — сэр Старки сделал паузу и, когда уже встал, чтобы удалиться, добавил, — Я думаю, этот пергамент крайне важен для Ордена и всех христиан! Свои соображения, как он увязан с историческими событиями в Византии, на Родосе и прочее я, если позволите, выскажу несколько позже. — Старки удалился с поклоном.

Гроссмейстер прочел перевод сэра Оливера. В глубокой задумчивости подошел к окну. Уже рассвело. Наверное, где-то 7 утра. Он любил вставать рано и главные вопросы обдумывать утром. А уж тем более принимать важные решения. Хотелось выйти из сырого помещения (зима на Мальте влажная) в сад, но шел дождь с песком. Здесь его называли «африканским». Африка близко, и мавританский ветер Сирокко нес колючий песок на юго-восточную Европу!

Новенький «уазик» Nanter преодолевал версты по ухабистой дороге с легкостью пантеры, уходящей от залпа охотника. В глазах этих больших кошек не бывает страха, не бывает даже отражения того, что они могут стать добычей. Они привыкли сами быть охотниками. А увертливый и быстрый заяц рожден жить в страхе. Вот так одни довольствуются травкой, другие ищут свежего мяса. Но азарт погони все равно спотыкается об этот удар плети ужаса от дышащей в затылок смерти.

Андрей пребывал в благодушном состоянии, даже не просто покойном, а именно в благодушном настроении охотника, только начинающего охоту. Пока лишь поиск зверя, его норы или его тропы. Удовлетворение от заготовленных хитроумных ловушек. А может, огромная мускулистая рука Платоныча, лежащая на руле, его рысиный взгляд, впёртый в дорогу, предвещали удачу. Иришка, расположившаяся на заднем сидении, тихонько побрякивающие нотным строем дороги баночки с вареньем, добавляли в общую, уютную мизансцену «женщину в тылу». Еще теплые, наверное, пироги Анны Никитичны звали на привал.

Молчали каждый о своем. Андрей пошел на провокацию:

— А ведь мы, Дмитрий Платонович, выехали без завтрака, и уже больше часа в дороге. Нужен привал. Что по этому поводу говорит Морской устав? — он заинтересованно посмотрел на водителя.

— Верно говоришь, Андрей Петрович. Завтрак должен быть. По положенности, — отозвался моряк. — Да и оправиться не мешает.

— По положенности, — Андрей тоже употребил это военное словечко.

— Очень изящная словесность, — хмуро вставила девушка.

— Да... — протянул Андрей, ловко парируя, — одно слово: женщина на борту.

— Что, мешает оправляться каждые полчаса? — не сдавалась девушка.

— Ладно вам, — Платоныч остановил прения. — Сейчас за пригорком будет поворот, где ровный березовый перелесок с полянками. Там и почаевничаем.

Действительно, быстро нашли сухую поляну, достали припасы еды и два термоса. Ирина на правах хозяйки расстелила какое-то покрывало, на него сверху постелила белую скатерть. Приговаривала:

— Помидоры, огурцы малосоленые, — она любовно открыла баночку с крохотными огурчиками. — Самые первые. А вот еще свежие огурчики. Яйца вареные, лук-перо, пироги. Здесь черный чай, крепкий. Это любит Платоныч. А в этом термосе для нас с вами, Андрей Петрович, травяной, вкуснейший и в меру бодрящий. Вот влажные, вот простые салфетки.

Слово «в меру» она произнесла в наставительном тоне. Еще добавила:

— Здесь, в пластиковой коробке, есть еще бутерброды с копченой колбасой и сыром. Мы их покупали для гостя, вдруг он предпочитает эту нездоровую пищу, — бросила взгляд в сторону Андрея.

— Да ладно уж. Не нужно, я вот пирожком откушаю. — проворчал Андрей.

Мужчины «налегли» на пироги, в основном мясные и огурчики с помидорами. Девушка «склевала» пирожок с капустой, яйцо, помидорку и два свежих огурчика.

Горка пирогов быстро «присела».

— Водитель, как рулевой на судне, должен быть сыт. Андрей Петрович тоже. Он у

нас... нет там, на Мальте, как я понимаю, будет вроде лоцмана, — Платоныч утер усы и налил себе большую кружку крепкого черного чаю.

— Как же, как же, по положенности, — Ириша засмеялась.

«Лоцман» немного смутился и даже потерял прежнюю безмятежность: он, если честно, абсолютно не представлял всей дороги и всех камней преткновения на пути. И своей задачи тоже. Но должность «лоцмана» ему понравилась. Вполне почетно.

И снова в путь. Через двадцать минут начались окраины Санкт-Петербурга. Наконец-то ехали по асфальту.

Платоныч объявил:

— Пробок вроде нет. Куда мы, принцесса? К Верочке или к Юлии Станиславовне?

— К маме. Сестрѐнка уже отправилась на работу. У неё перед поездкой особенно много дел. Дай порулить, Платоныч.

— Нет, принцесса. Ты гонщица безбашенная. Нет. Водишь ты хорошо, но тренируйся в усадьбе, без меня. Я же даю тебе машину. Короче — не сейчас... перед дальней дорогой.

Андрею нравилось, как нежно этот суровый воин опекал свою «принцессу».

Он также понял, что Юлия Станиславовна — мама Ирины и Верочки, сноха Марии Родиславовны.

— Мы сначала к маме, Андрей Петрович. Вы сегодня остановитесь у нее, а вылетаете завтра утром. Остальное обсудим уже на Садовой. Где-то через час будем дома, — сделала паузу. — Извините, я должна вас представить родственником Платоныча, приехавшим в Питер в командировку на пару дней... Мама, как ни странно, любит общение, живет воспоминаниями и рассказами о театре...

— Я бы мог переночевать в гостинице, — сказал Андрей.

Ирина будто не расслышала, задумавшись о чем-то.

— Еще прошу: маме ни слова о дяде, его записках и поездке на Мальту...

— Ты не волнуйся, дочка. Давай я скажу в двух словах — вмешался Платоныч.

Он сухо, в виде рапорта, рассказал Андрею о том, что муж Марии Родиславовны преподавал основы судовождения в кораблестроительном институте. Умер он по старости и болезни 5 лет назад. Старше был жены своей на 6 лет. Их сын, отец Верочки и Иришки, окончил Высшее военно-морское училище в Ленинграде, служил командиром на подводных лодках. И однажды в походе на Средиземном море рассказал своему заму по политчасти о каких-то секретах своей семьи по... вопросу религии, что ли... Политрук доложил командованию и мужа Юлии отправили на сушу, заниматься ремонтными работами в порту. Тот начал пить, попал в «дурку» и умер там 10 лет назад. Юлия — актриса, служила в различных театрах Питера. Сейчас не играет, подрабатывает в театральных студиях и с удовольствием занимается внуком, сыном Иришки. Ему шестнадцать, зовут Павел. И живет с бабушкой. После смерти мужа Юлия, и так-то впечатлительная чересчур дама (актриса!) была долго в депрессии и попросила отдать ей на воспитание внука. Иришка согласилась. И еще, — Платоныч сделал паузу, — Юлия винит... в каком-то смысле... в том, что муж увлекся «религией» Марию Родиславовну и Натаныча. Поэтому ты, Андрей, мой родич в командировке.

— Достаточно, Платоныч, — вмешалась девушка. — Кстати, если вам захочется побывать на могиле дяди Гриши, то он, как и все наши родные, похоронен на лютеранском Смоленском кладбище на Васильевском острове.

— Обязательно, — отозвался Андрей Петрович.

Минут десять ехали молча. Раздался звонок на Иринин сотовый. Звонила Вера. В какой-то момент разговора Андрей увидел в зеркале растерянный взгляд девушки, направленный на него.

— ...нет, это совершенно бесцеремонно, Вера... Ну, хорошо, только предложи это сама... Я дам ему телефон... — слышны были обрывки фраз телефонного разговора.

Она хмуро отдала телефон в руки Андрея.

— Доброе утро, Андрей Петрович, — сказала Вера. — Я сейчас на работе. Давайте мы с вами встретимся в районе Казанского собора в 17:00 у памятника Барклаю-де-Толли. Предлагаю вам купить путеводители по Мальте и Сицилии, погуляйте и почитайте. Погода великолепная. И еще: взяли ли вы свою повесть? Не забудьте, пожалуйста. Да, передал ли вам Платоныч трость? Погуляйте с ней сегодня, чтобы привыкнуть. — Пауза. — И главное: наша поездка может иметь некоторое осложнение. Об этом при встрече. — Снова пауза. — Не считите мою просьбу бестактной, но вам необходимо приобрести во внешности европейский лоск. Это вопрос дипломатического протокола, и расходы отнесем в графу «представительские». Хотите сами зайдите в магазины, но лучше, если вас сопроводит Иришка... А еще лучше подождите встречи со мной. Удачи!

Андрей передал телефон девушке обратно.

— Да-а-а, — протянул он, — опять загадки: Сицилия, трость, европейские штаны... Поездка, надо полагать, не будет томной...

— О, это уж точно! У моей сестрицы авантюрный характер! Как и у дяди... Что касается ваших нарядов — меня увольте. Я плохо разбираюсь «в тряпках» и ненавижу ходить по магазинам. Это по Верочкиной части: она штучка столичная. Увидите сами... И по ресторанам вас затаскает...

Платоныч притормозил. Он был опять хмур: ему не нравились «загадки».

— Я забыл отдать вам трость. — Он вышел из машины, открыл багажник, достал трость. — Вот, изготовлено мною по рисунку и объяснениями Веры Яновны, — посмотрел тревожно на Ирину, — а ты, дочка, не врешь, что едешь отдыхать?

— Ой, Платоныч, не нуди...

Платоныч отдал трость Андрею, сел за руль, и тронулись дальше. Андрей с большим интересом рассматривал предмет. Мордочка Иришки тоже высунулась над его левым плечом.

— Какая красивая! — искренне вскрикнула девушка.

— Палка крепкая, не переживай. — Польщенный похвалой Платоныч любовно коснулся трости. — Вся длинная часть из вишни, на ее конце — титановая трубка с резиновым «набалдашником». Внутри трубки есть резьба. В нее можно навернуть при необходимости вот это, — он достал из «бардачка» две титановые треугольные пирамидки, удлиненные, высотой примерно 15 см и тоже с резьбой в основании. — Это нужно положить в какую-нибудь фабричную коробку с толстой фольгой... Таможня «даст добро»! — старый «морской волк» имел опыт мелкой контрабанды. — Эх, бывало я этой принцессе — он посмотрел на Ирину, — когда ей годика не было, привозил ей из «загранки» коробки с молочной смесью, добрые такие коробки с фольгой...

— Почему же, Ирина, вы не всосали с молоком Платоныча любви к буржуазному «шопингу»? — улыбнулся Андрей.

Та засмеялась в ответ.

— С ручкой пришлось повозиться, чтобы придать форму по рисунку. Вымачивал, под

прессом высушивал... На конце ручки тоже титановая трубка с теми же... «трансформерами», — закончил моряк-умелец.

Вещь была очень качественная и даже стильная. Титановые части были с красивым рисунком гравировки, деревянные — покрыты темно-вишневым лаком, подпаленные тоже художественно, с помощью паяльника. Андрей пожал руку мужчине, искренне поблагодарил, Иришка погладила Платоныча по жесткой седой щетине затылка.

Но вот предназначение этого предмета Андрей не очень понимал. Явно двойное. С одной стороны — это некая опора и орудие. И даже оружие. С другой — это «скипетр фараона». Но что вкладывала в эту форму египетская эзотерическая традиция, он не помнил.

— Сорвешь колосок — найдешь тропинку в поле. Возьмешь посох — уйдешь по горной тропе, — вдруг проговорил Андрей.

— Вы что, увлекаетесь японской поэзией — хокку? — удивилась Ирина. — Какой прелестный стих, где-то я слышала его.

— Да нет, это у меня само как-то сейчас... сочинилось — задумчиво сказал Андрей.

— Эх, к вашим талантам добавить европейские наряды — это что-то! — А вот как вас подстричь — я знаю! Тут могу помочь. — Там на юге жарко.

Андрей промолчал. Он смотрел рассеяно в окно и о чем-то размышлял. О чём? С пальчиках?

А вот и Нева! Мост Александра Невского, улица Марата, Гороховая и, наконец, Садовая. У Андрея защемило сердце. Сколько воспоминаний... Даже запах той белой ночи, того мокрого асфальта он отчетливо помнил! У него была отличная память... Вспомнил жену. Когда он, бывало, в приподнятом настроении заговаривал с ней о тех счастливых местах, минутах их первых радостных супружеских лет, его обжигала та непамятливость, а порой раздражительность, на которые он натывался... А у него вот отличная, просто такая память — на двоих хватит!

Платоныч заехал в Мучной переулок. Опять кольнуло. Совпадение? Знак? Они с женой снимали здесь комнату в их медовый месяц. Нет, медовую неделю.

Остановились, вышли, выгрузили багаж.

— Платоныч, дорогой, отвези эту сумку с банками сестрёнке домой, ключи у тебя есть. Да, Андрей Петрович, положите, пожалуйста, в сумку вашу повесть. А мы с «командировочным» зайдём ненадолго к маме, потом в парикмахерскую, потом я к подружке, Андрей Петрович — на задание. Я ночую у сестры, завтра утром заберешь сначала «родственника» отсюда, потом нас с Верой, увезешь в аэропорт, ну, а потом домой, в усадьбу. Да, и не забудь, что бабуля просила привезти булочки с маком, и...

— Да все я помню! Все будет четко, по-флотски. Я до утра к старому другу, ну, ты знаешь его. Вспомним портовых девчонок! — шутил моряк в предвкушении доброй встречи.

— Знаю, знаю... Но не как однажды зимой... В семь у Веры.

— Обижает, принцесса. Тогда ведь как раз канун Дня Защитника Отечества был. Грех было не отметить, — буркнул защитник Отечества.

— Ну все, пока. — Она в знак доброго расположения приобняла Платоныча, и тот уехал.

Андрей с девушкой поднялись в квартиру. Иришка открыла дверь своим ключом. Их встретила Юлия Станиславовна, высокая светловолосая женщина с приветливой улыбкой. Мама и дочка обнялись и расцеловались. Ирина представила Андрея, изложила его «легенду».

«А ведь соврала и глазом не моргнула! — подумал мужчина про девушку. — Ангел, небесное создание».

— Садитесь завтракать, дорогие. Вы, Андрей Петрович, бывали в Петербурге раньше? Мы с Иришкой могли бы после вашей работы погулять вместе, сходить в театр. Какой театральный жанр Вы предпочитаете? — и она еще пару минут рекламировала интересные театральные постановки.

«Точно, любит общение, — вспомнил Андрей слова Ирины. — И театр. Вечером мне достанется».

— Да, я бывал в Ленинграде частенько. А погулять вряд ли получится. Очень много работы... и допоздна... — вымучивал слова «конспиратор».

— Не беспокойтесь. Мы, театральные люди, привыкли ложиться спать за полночь... — весело и шумно говорила хозяйка, накрывая на стол.

— Мамуля, не хлопочи, нам надо убежать уже. Я к тебе сегодня загляну еще, часа в три-четыре ты будешь дома? А сейчас мне нужно срочно повидаться с Соней. Ночую, сегодня у Веры, она редактирует новую книгу, ей нужна помощь. А завтра у тебя.

Соня, видимо, подружка, и это единственный кусочек правды во всем эпизоде встречи. Какие-то сложности были в отношениях матери и дочери... Мать как-то виновато опустила глаза и закивала головой.

— Ах, да. Вот гостинцы вам с Пашулей от Анны Никитичны. Пашка в школе?

— Спасибо. Павел в гимназии. А к двум часам я буду дома. Схожу ненадолго на репетицию в студию и вернусь. Какой замечательный получается спектакль! Мольер! Ребята очень стараются. И заинтересованы. Мы нашли уже несколько площадок для показа: вот дом культуры на Фрунзенской... — она торопилась рассказать дочери многое.

Дочь торопилась.

— Мама, потом, — уже с укором сказала дочь.

— Ах, да! Извините меня, болтушку, — в руках женщины сахарница и заварочный чайник нервно застучали друг о друга.

Тому сахару и тому чаю не суждено было соединиться в чашке ароматного напитка, дарящего тепло и уют. И понимание.

Андрей и Ирина вышли на улицу и направились по Садовой в сторону Невского. Мужчина весело помахивал тростью, изредко опуская ее на асфальт. Трость ему нравилась.

— «Очки дворнику были не нужны, но он к ним привык и носил с удовольствием», — девушка на память процитировала «Двенадцать стульев».

На Невском Ирина посмотрела на часы, потом виновато на Андрея и сказала:

— Извините меня, Андрей Петрович, но уже начало двенадцатого, я не могу вас более сопровождать... Мне нужно повидать Соню, мою подругу. Я ей обещала...

— Вы и мне обещали сводить меня на «холю ногтей и одулянсион» — грустно процитировал классиков. — В парикмахерскую.

— У Сони неделю назад был день рождения. Да и не виделись мы с Рождественских каникул, с тех пор как она приезжала к нам в усадьбу. Кстати, она работает редактором в журнале «Нева». Может быть, по приезде с Мальты заглянем к ней, отдадите свою повесть. Я могу поговорить об этом сегодня. Она отличный филолог и тонкого восприятия человек.

— Ради Бога, избавьте, ради Бога, — нервно отрезал Андрей. Потом мягче. — Может быть позже...

Он припомнил опыт общения с редактором в своем университете. Редактирование научных сборников и учебных пособий по истории особенно не занозило душу Андрея, но однажды он доверил одной дамочке-редактору свою повесть о Св. Павле, по неопытности не оговорив условия: только корректура! Андрей полагал, что поскольку расходы на редактирование и издание он оплачивает за свой счет, то к рукописи отнесутся доброжелательно. Произошло обратное: целые абзацы были так «переписаны», что ушла из повести «кровь» автора, его стиль, его юмор, где-то даже смысл поменялся. Он брезгливо бросил эту «редакцию» в печь! Чужое! Андрей Петрович доверил ключи от своей «творческой лаборатории» (она выпрашивала: что да как...), а дамочка сделала там свою «лабораторную работу», бездарную, школьную.

— Я вижу, что задела что-то болезненное, — встревожилась девушка.

— Ничего особенного, — закончил тему мужчина, проделав в воздухе удар тростью как саблей и поставив ее как «точку» на землю. — Авторская гордыня.

— Вы перейдите на противоположную сторону проспекта и идите в сторону площади Восстания. Попадутся и парикмахерские, и книжные лавки и магазины одежды. Да, вот хоть «Гостиный двор». Но... мой совет: сестра забракует ваши новые наряды. Лучше купите вместе с ней!

— Хорошо, Ирина, я последую вашему совету.

— С Верой у вас встреча в пять. Магазины-рестораны часа два-три. В семь я позвоню. До встречи и удачи! — девушка скрылась в метро.

Андрей следовал намеченному топографическому плану. Вот салон-парикмахерская. Присел за столик в фойе, полистал журналы, пустые, глянцевые. Его быстро пригласили в зал. Парикмахерша оказалась молоденькая, симпатичная девушка. Она весело поддерживала болтовню Андрея, рассказывала ему, что она с Украины, что в Питере второй год. Мужчина попросил изменить его закадычную «канадку» на что-то «джеймсбондовское», как в тех журналах, в фойе. Свою просьбу он подкрепил сказкой о том, что по секретному заданию отправляется на Мальту «спасать мир», что в трости у него заряд специальных ядерных мини-боеголовок. На вопрос девушки подстричь ли брови, Андрей воскликнул:

— Что Вы! Ни в коем случае! В славянской мифологии «космы», а особенно брови — это связь с космосом, а у меня, как у спецагента, тем более.

Он так убедительно и «на серьезе» трепался, что хохлушка выпучила на него свои голубые наивные глаза и выдохнула шепотом:

— Правда?

Из салона мужчина вышел бодрым шагом и продолжил прогулку по Невскому, эдаким «гоголем», но осторожно опираясь на трость, будто уверовав, что там и впрямь жуткие боеголовки.

Несмотря на то, что часть своих косм он «отринул о землю», душа его была настолько открыта, что Космос помог ему, и в первом же книжном магазине он купил путеводитель по Мальте. А вот по Сицилии не было. Неудачу Андрей отнес за счет того, что этот остров

всплыл на повестку дня только утром, и сознание не успело сделать правильного «запроса» туда, на самый верх, в Бесконечность.

Мужчина вспомнил себя подростком. Он любил тогда читать классические рыцарские романы. Поэтика Вальтера Скотта с его описанием старинных суровых зубчатых замков на холмах Англии и Шотландии. Странствующие рыцари, не путешествующие, а именно странствующие!

Об Ордене рыцарей — иоаннитов, этом самом аристократическом, самом могущественном и самом таинственном из европейских рыцарских Орденов Андрей помнил самые краткие исторические сведения. Он помнил, в частности, что названия «Мальтийский орден», «Мальтийский крест» отражало лишь часть истории существования Ордена со времени их заселения на Мальте. Помнил и скудные факты о Великой осаде, да краткий период в жизни Павла I, связанный с его избранием великим магистром.

Наш герой свернул в тихую улочку, нашел кафешку, сел за столик на улице в тенечке, заказал «американо» и минералку и начал жадно читать брошюру.

Путеводитель был посвящен, конечно, не рыцарям, а истории, культуре Мальты, и, отчасти, туристическим радостям: отдых, покупки, еда. Но именно страницы, связанные с историей и культурой, насыщены интересным текстом со схемами, фотографиями. Эти страницы нужно зафиксировать в памяти прежде всего. Андрей Петрович привык за многие годы в своей профессии к необходимости системных знаний. Увлекательное чтение заняло час, после чего мужчина неспешно добрел до маленького сквера неподалеку, снова присел. Вспомнил, что еще в усадьбе Ирина «закачала» в планшет фильм о истории Ордена рыцарей — иоаннитов. Андрей убрал путеводитель в сумку, достал планшет.

«Рыцарей изначально, на заре 12 века, называли рыцарями — иоаннитами (покровителем их был Св. Иоанн Иерусалимский). Далее их называли чаще рыцари — госпитальеры, и покровитель приобрел имя Иоанна Крестителя. Уже затем в разное время рыцари Кипра, рыцари Родоса и уж потом Мальтийские по мере их переселения».

«Название «рыцари — госпитальеры» наиболее точно выражает суть их монашеского служения: лечение паломников, прибывавших в Иерусалим. Но затем рыцари стали и охранять паломников, носить оружие, строить флот».

«Госпитали на высочайшем уровне, все лучшее брали из европейской и особенно из сильной медицины Востока».

«Обеты, которые предусматривались для рыцарей, были воистину монашеские: послушание, благочестие, нестяжательство, личная бедность, безбрачие!»

«Короли и прочая европейская знать давали Ордену деньги, угоды, замки. По всей Европе создавались Приорства, командорства. Римский Папа признавал великого магистра свободным князем и духовным руководителем Ордена, Папа утверждал избранного нового магистра, и тот подчинялся только Папе».

Воображение Андрея рисовало яркие картины этого забытого прошлого. «Белый» шум, исходящий с улицы, абсолютно не мешал. Андрей со студенческих лет любил работать не в уединении. Хотя в последние 5 лет его одинокой жизни внешний покой был необходим для внутреннего. И мил сердцу!

Он настолько увлекся фильмом, что только привычка устанавливать будильник на сотовом телефоне вернула его в реальность. Пора к Казанскому собору. От долгого сидения разболелись колени и, не полагаясь на трость (которую чуть было не забыл), он сел в троллейбус, и проехал пару остановок.

Нагретый за полуденные часы асфальт теперь держал над своей поверхностью душный слой задымленного воздуха. От этого воздуха и долгого чтения и просмотра фильмаразболелась еще и голова, и хотелось быстрее укрыться в каком-нибудь прохладном местечке. И в размышлениях о том, что нужно обязательно купить светлую легкую соломенную шляпу, Андрей добрел до памятника герою Отечественной войны 1812 года, уныло встал в его тени, опиревшись на трость.

Посмотрел на часы: 16:55. Через 10 минут раздался звонок.

— Андрей Петрович, вы где? — звонила Вера Яновна.

— Да вот, у памятника фельдмаршалу.

— Какому фельдмаршалу? Барклаю — де — Толли?

Андрей поднял глаза и в ужасе узнал Кутузова!

— Кутузову... Извините... — ему было крайне стыдно. Мужчина, историк, доцент, пришел на «первое свидание».

— А, вот вижу, узнала по трости. Иду к вам.

К Андрею Петровичу легким, летящим шагом приблизилась стройная, худощавая молодая женщина. «Какая красавица!», — подумал Андрей и раскрыл глаза пошире. Головная боль вмиг прошла. «И светская львица, аристократка — это за версту видно».

— Я Вера, — она подала узкую ладошку, — а вас, Андрей Петрович, отныне я буду величать фельдмаршалом! — и засмеялась. — Ничего, не смущайтесь.

— Добрый день, Вера Яновна, я, наверное, зачитался и перегрелся. — Он повертел в руках путеводитель.

— Вот, молодец, купили, — она взяла в руки книжечку. — Отлично, у меня такая же. А про Сицилию?

— Не было. — Мужчина неприлично внимательно и вдохновлено всматривался в лицо Веры.

— Ничего, «Сицилия» у меня тоже есть. Просто удобнее иметь каждому. — бросила короткий и тоже внимательный взгляд на Андрея. — Что вы такое увидели на моем лице?

— Вы очень... — он запнулся, — очень похожи на одну женщину.

— Какую? Нет, продолжайте, пожалуйста, фельдмаршал. Мне интересно знать!

Похожесть сумок для дам является темой острой, а уж лица тем более. Большая опасность, Андрюша! Фу, медведь неуклюжий.

— Я недавно по телевизору смотрел «Игру в бисер», тема была «Ромео и Джульетта» Шекспира. Среди приглашенных литераторов была одна сотрудница журнала «Вопросы литературы», Елена. Мне... я..., мне запомнилось ее лицо.

— Понравилось, хотите сказать, — не отставала женщина. — Что понравилось?

— Да, — честно признался мужчина.

— Красивая? — напирала Вера.

— Очень необычное лицо, очень притягивающее.

— Очень любопытно. Раньше мужчины сравнивали мое лицо с ликом Марии Магдалины, английских королей Позднего Ренессанса, наконец. — Женщина рассмеялась. — «Вопросы литературы» тоже ничего. Я же бабулина внучка.

— Да, да, именно так... английских королей. — Довольно пылко подтвердил доцент истории.

— Хорошо, поскольку вы говорите о лице этой Елены Прекрасной с таким искренним чувством, я отнесу сравнение на счет комплимента. Хотя... хотя лучше было бы сказать в

мой непосредственный адрес...

— Я еще успею, — он смутился вновь.

Вера взяла Андрея под руку.

— Я голодна, а вы?

Тот только что сообразил, что ничего не ел с самого утра.

— Давайте обойдем Казанский, там в двух шагах замечательный и модный ресторан «Рибай».

Парочка прошла мимо памятника Барклаю — де — Толли. Мужчина поднял голову: что-то смутно шевельнулось в сознании... Князь посмотрел вниз, кивнул. «Фу ты! Это от духоты, — подумал Андрей. — а может он подсказал мне нечто скрытое пока от яви?» «Да ладно, пустяки, — уже весело рассуждал он, — у одного фельдмаршала всегда есть что сказать другому».

Ресторан и правда был хорош! Они прошли через зал на террасу, где было уютно и прохладно, сели за столик. В зале мужчина обратил внимание на «фишку»: под музыкальный аккомпанемент официанты, молоденькие парни и девушки в клетчатых униформах, двумя рядами с подносами танцевали, разнося еду. Классно, слаженно!

Быстро подошел мальчик-официант, благородством внешности напоминающий дворцового пажа. Подал меню. Ирина отложила его.

— Не уходите, мы готовы сделать заказ. Вы разрешите, Андрей, предложить вам ужин на мой вкус?

Тот кивнул. И спросил официанта:

— А шеф-повар с поварятами также танцуют у плиты?

— Конечно, — засмеялся мальчик. — Только у них «латина»: румба, когда готовят горячее...

— Милый дружок, — прервала его женщина, — пожалуйста, побыстрее: нас ждут в мэрии. Две солянки, два стейка, бутылочку белого, сухого, тосканского вина.

«Дружок» поклонился и убежал.

— Про мэрию вы серьезно?

— Как вы про танцующего шеф-повара. Так, есть же «волшебные» слова: пожалуйста, спасибо, мэрия, наконец. Мы и правда спешим. Я отлучусь на пару минут, «попудрю носик».

— Я тоже, «почищу перышки».

— Вот-вот, нужно успеть купить вам «другие перышки». Трость! — указала она пальцем, когда он уже чуть не ушел без нее.

— Ох, конечно, я полюбил вашу трость с первого взгляда.

— Заметно.

Когда Андрей вернулся, Вера стояла поодаль и с кем-то разговаривала по телефону. Андрей рассматривал ее.

Короткие рыжеватые тонкие волосы. Прическа — «карэ» с подвернутыми к шее кончиками волос. Шея высокая, с отчетливыми голубыми жилками на белой коже. Нос прямой, чуть горбинкой. Щеки немножко скуластые, ноздри и щеки иногда слегка подрагивали, как у породистого скакуна. Все эти «чуть» и создавали особый шарм. Но больше всего завораживали глаза! Редкие глаза! «Изюминка»! Большие, серо-голубые, но очень яркие. Чуть выпуклые, в которых то горячо вспыхивали, то тихонько мерцали серебристо-холодные огонечки. Рот маленький, с красивым изгибом губ, который сочетал в себе и пресловутый «бантик» и вздернутые кверху уголки. Манера разговора была в большей

мере медлительной и тихой, как бы задумчиво и неохотно произносились короткие реплики. Иногда эмоциональная подоплека реплик становилась выразительной и об этом сразу давали знать и дрожание щек, и подрагивание ноздрей. Заметно было также, что в спокойном, задумчивом состоянии глаза ее были полуприкрыты. Но вдруг, раз — и вспыхивали как у прожектора, с которого сорвали заслонку. И еще одна прелестная черточка: Вера, в моменты, когда разговор приносил ей удовлетворение, вытягивала губки, быстро и кратко, как будто целовала пролетающую бабочку.

Андрею нужно было остудить фантазию, и, как обычно, он резко «приземлял» ее: «Просто переполнена изюма. Не женщина, а «ромовая баба!» «Как в детстве: свежая, теплая, источающая сладкий, липкий медовый сок и запах».

Наш герой все-таки «плыл»... Да и немудрено!

Телефонный разговор затягивался. Но, наконец, женщина присела за столик, подняла свой бокал.

— За знакомство, Андрей! Предлагаю перейти на «ты». Это для дела. Объясню чуть позже.

— Хотя и не выполнен весь церемониальный порядок, соглашусь с тобой, Вера.

Они выпили по полбокала.

— Какой порядок? Что ты имеешь в виду? — лукавила женщина.

— А поцелуй-то? — хитрил мужчина.

— Ах, Боже мой! В тебе столько юношеского! За это поцелую.

Вера встала и подошла к Андрею. Тот тоже встал, и они расцеловались в щеки.

— А в тебе, милая Верочка, столько привлекательного! А в нашем путешествии столько увлекательного и загадочного! За удачу!

— «В чарку с вином, ласточки, не уроните комок глины!» — добавила Вера известное хокку.

Поежинали и вышли на улицу.

— Сейчас мы направимся за нарядами для тебя. Мужчины не любят бывать в магазинах, но все произойдет быстро, ты и не заметишь.

Так обещают стоматологи, собираясь удалить больной зуб.

— Тут недалеко припаркована моя машина, и я знаю один замечательный бутик мужской одежды.

При слове «бутик» у Андрея и вправду заболели зубы. Он скромный.

Они подошли к ярко-красному кабриолету. Зубная боль усилилась. Вера жестом пригласила Андрея в машину. Тот никогда не ездил в таких шикарных машинах с такими интересными женщинами. Женщина набрала чересчур большую, как показалось ему, скорость, и он пригнул голову. «Да — подумал, — права Ирина. Роковая женщина. Надо держаться, надо привыкнуть». Чтобы «упростить выражение», как говорят математики, он поднял трость вертикально, как флагшток, и громко запел: «А ну-ка, песню нам пропой веселый ветер, веселый ветер, веселый ветер, моря и горы мы обшарим вокруг Мальты, найдем все клады, что зарыты там».

«Роковая» женщина послала ему воздушный поцелуй. Андрею стало легко с Верочкой. У этой чаровницы было чувство юмора, а это важно и в деле, и в любви, и вообще, в жизни. Сам он умел быстро попадать в «свою тарелку» в любой, достаточно доброжелательной компании.

— Ты не боишься сквозняка? Поешь во все горло!

— Нет, я боюсь собственной «ветрености». С тобой.

— Да чего там бояться: повеет холодом — сбросим газ.

«Она еще и умница! Остроумные женщины — такая редкость! Это уже не изюм. А какой-то рахат-лукум».

И белое, сухое тосканское вино нужно человечеству.

Остановились у магазина с нескромным названием «Эгоист». Вера Яновна посмотрела в зеркало, поправила прическу, брызнула на себя духами, и парочка вошла в магазин. При этом женщина сама уверенно и спокойно распахнула дверь, с прямой спиной, взглядом царицы и походкой «от бедра», вошла первой. Мужчина в подражание ей тоже поправил свою «джеймсбондовскую» прическу, сделал холодно-равнодушное выражение лица и, придерживая тростью дверь, вошел в этот ковчег эгоизма и респектабельности.

Внутри оказалось довольно просторно, и работал кондиционер. Вещей, казалось, было немного. Кое-где элегантно располагались манекены, полки и вешалки с немногочисленными брюками, рубашками... и всякая мелочь: сумки, ремни, запонки и пр. Больше всего места в центре зала занимали четыре кожаных огромных кресла и столик между ними.

К гостям мгновенно подошла ухоженная дама лет 40, за руку поздоровалась с Верой (видимо, они были знакомы), кивнула Андрею и коротко профессиональным взглядом посмотрела на мужчину сверху-вниз.

Вера перебросилась с ней несколькими фразами в сторонке, села в кресло. Откуда-то выпорхнули три девицы. Одна выкатила тележку с напитками, фруктами, конфетами и подвезла к госте. Две другие, модельной внешности, в коротеньких черных юбочках и прозрачных белых блузках, обступили Андрея. Тот насторожился.

— Мои девочки все сделают в лучшем виде! — приободрила его дама.

Девочки смотрели на мужчину как на родного. Опытными, ловкими движениями они снимали мерки во всех местах. Верхние пуговицы их блузок как-то сами расстегнулись, и оттуда выглядывали «прелести» в кружевных черных бюстгалтерах. Эти манипуляции порхающих возле мужчины женских ручек, колыхание их волос возле его лица, витающий в воздухе дорогой парфюм погружали в тот Эдем, в котором знали толк искусные гетеры в

Древней Греции или куртизанки в Венеции.

Вера смотрела на него иронично, с «пониманием». Девушки принялись носить коробки, появляясь из-за занавески как волшебницы. Сначала содержание коробок показывали Вере Яновне, попросив Андрея присесть. Та что-то одобряла и откладывала, что-то браковала. Между этим, видимо, привычным для нее занятием, она шепнула Андрею:

— Ты, фельдмаршал, чего стоял как вкопанный, как шест... Нет, как памятник Кутузову?

— Я ловил кайф, Снежная Королева, — буркнул мужчина.

Затем он примерял одно, другое, третье... Все это под контролем четырех пар внимательных женских глаз.

Когда алмазные глаза Снежной Королевы загорались огоньком, он радовался: дает добро. Туфли, шляпу, сумку, ремень и белье мужчине позволили выбрать самому. Андрей надел новое облачение, старые вещи уложил в сумку, и парочка вышла из магазина, держа в руках еще четыре фирменных пакета с обновками.

— Старую одежду и кроссовки не выбрасывай — пригодятся, — задумчиво сказала Вера и хотела добавить что-то еще, но у нее раздался звонок.

— Да, Иришка, мы будем через полчаса на Кронверкской набережной на нашем месте. Возьми такси и подъезжай. Целую.

— Сейчас около восьми, давай поедem покатаемcя на катере, там и поговорим о деле. Владелец катера — мой знакомый, он будет нас ждать в условленном месте. И сестрёнка подъедет туда.

Она припарковала машину, и они прошли к причалу. Катерок с улыбочивым молодым человеком, владельцем и командиром катера, были уже на месте.

— Добрый вечер, Вера Яновна, — парень кивнул Андрею, — я на 5 минут до киоска, куплю воды, мороженное. Проходите на борт.

— Привет, Вадик, хорошо. Мы с Андреем Петровичем посидим, подождем сестру.

Когда парень ушел, она добавила:

— Он работал у нас раньше в институте. Золотые руки. Мог починить любую оргтехнику и любую столярную работу сделать! Но заработки лаборанта мизерны. Вот и прикупил старую посудину, отремонтировал. Видите, какая отделка. Теперь от клиентов, даже иностранцев отбоя нет. Я сделала заказ на два часа.

Подошел Вадик, и Ирина подъехала. Парень ушел к себе в рубку, гости удобно расположились на палубе, и катерок отчалил. Какая прелесть — свежий ветерок после городской суеты! Неспешное скольжение по водной глади давало возможность отдохнуть и глазам, и сердцу и уму.

Ирина внимательно рассматривала преображенного Андрея Петровича.

— Как тебе? — гордо опросила ее сестра, заметив взгляды девушки.

Та подняла большой палец вверх и воскликнула:

— Просто не Андрей Петрович, а Адриано Челентано!

Польщенный мужчина приподнялся и сносно изобразил танцующего Челентано, закручивая свое тело винтом, опираясь на трость и надвигая на лоб новую шикарную соломенную шляпу.

— Класс! — теперь Вера подняла большой палец вверх. — И все-таки пора поговорить о делах. Позволь, Андрей, узнать чуточку о твоём семейном положении. Извини уж.

— Вы уже на «ты»? — удивилась Ирина, — узнаю сестрицу.

— Мы уже и целовались, — трепанул мужчина.

— Успокойся, Иришка. К нашему «ты» нужно привыкнуть. Это необходимо в поездке. А брудершафт в традиции «преломления хлеба».

— Мою фамилию вы знаете: Цельнов, — начал серьезно Андрей Петрович. — Я женат, двое детей и трое внуков. А живу давно один. Достаточно?

— Мы понимаем, на тебя обрушилось много нового и неожиданного. Все происходит быстро и сумбурно. Но, поверь, так сложились обстоятельства. И мне еще нужно... знать немного о твоей семье. Наша работа и наша поездка курируется и финансируется Министерством иностранных дел. Им требуются анкеты, — серьёзно сказала Вера Яновна.

— Мои студенты на обложках своих курсовых пишут: Министерство образования. Ну, хорошо... — Андрей рассеяно смотрел на решетку Летнего сада.

Тут Ирина, чтобы, видимо, как ей неудачно показалось, смягчить «допрос», поинтересовалась:

— У вас русские корни?

— Да, — с лёгким раздражением ответил мужчина, — и после паузы, — мои жена и дети живут в Америке, в Бостоне. Сначала уехал сын, ему 37. Он прекрасный программист. Сейчас у него свое дело. Женился на американке, двое внучат, мальчишек, 15 и 10 лет. Моя жена семь лет назад поехала помочь с внуками. У родителей-то все дела. Бизнес. Затем туда перебралась дочка. Ей 30. Она экономист и работает в фирме у брата. Тоже вышла замуж, но за русского, из семьи эмигрантов семидесятых. Он врач. У дочки прелестная девочка 4 лет, моя внучка. Вот жена и нянчится то тут, то там. А видимся мы пару раз в год, в Бостоне: раз я прилетаю на Рождество или на Новый год — раз на чей-то день рождения.

— Еще раз извините, Андрей Петрович, за расспросы, — Вера опять сбилась на «Вы», — вы, наверное, скучаете, а мы тут...

— Ничего, все верно. Неверно только твое «Вы», — улыбнулся наконец-то Андрей Петрович. — Теперь твоя очередь, Снежная Королева, открыть мне свои секреты... не личные, а эти вот «международные», из Министерства.

— Очень подходит тебе: Снежная Королева, — завистливо вставила Иришка. — Я только Принцесса у Платоныча.

Вера Яновна не среагировала на слова сестры, и серьезно, глядя в глаза мужчины, начала:

— Нам предстоит далеко не курсовая работа. Ты, Андрей, умеешь *Видеть Слово Знака*. Я кое-что смыслю в словах и в знаках. С завтрашнего дня ты — мой «муж». Мы — молодожены для внешнего мира. На время поездки.

Ирина было скорчила ироничную гримаску, но строгий взгляд Снежной Королевы остановил ее.

— Несколько дней назад мне позвонил некто Ричард, англичанин. Сказал, что он узнал из официальных источников о том, что я занимаюсь изучением архивов рыцарей-иоаннитов. Этим же занимается он. Он также знает о моем приезде на Мальту. И будет там искать встречи со мной. Может представить свои, как он выразился, должностные полномочия.

— А в чем же опасность? — не понимал Андрей.

— Давайте по порядку. Мальтийские острова — британская колония с 1813 по 1964 годы. Последние великие магистры — британцы. Только в 1974 году провозглашена назависимая республика Мальта. Немаловажно подчеркнуть, что британцы, да и мальтийцы тоже, весьма настороженно относятся к заинтересованности русских в отношении Ордена. И

хотя Павел I фактически (но не в полной мере юридически) в 1798–1801 г.г. был великим магистром Ордена иоаннитов, да еще и по просьбе самих рыцарей, спасающихся от Наполеона, отношение к нему, мягко говоря, сдержанное. Да и русских воспринимают как экспансионистов в отношении Мальты и вообще агрессивную нацию.

— Я историк, и все это знаю. Чем нам опасен этот британец?

— Во-первых, в интонациях этого Ричарда я усмотрела большую неискренность. По разговору о предмете ясно и то, что он не ученый, использующий архивные материалы. Во-вторых, почему он не обратился ко мне через институт или Министерство. Мы не математикой занимаемся, наши исследования и материалы по ним имеют служебный, а иногда и секретный характер. Из этого я делаю вывод: у него свои, личные интересы. И он знает, что у нас с тобой, дорогой коллега, тоже! Но вот откуда он пронюхал о нашем личном интересе? Это и есть опасность!

— Это похоже на правду... Еще Екатерина Великая сказала: «Англичанка гадит», — заметил доцент истории.

— Вот именно. И еще: не нужно путать Мальтийскую республику и современный Суверенный Мальтийский Орден. Дипломатические отношения между Россией и Орденом установились лишь в 1994 году. И только в последние годы благодаря содействию Российского культурного центра в Валетте, и особенно благодаря представителю России при Суверенном Мальтийском Ордене Александру Дееву, бывшему министру культуры России мы, архивисты, получили реальную возможность открыть взаимный доступ к Архиву внешней политики Российской Империи и к Российскому государственному архиву древних актов с одной стороны и к спецархивам Валетты и, особенно, Рима с другой. Естественно, и по периоду 1798–1803 г.г. в российско-мальтийских отношениях. В Национальной библиотеке Валетты большая часть архивов Ордена вообще в открытом доступе. А вот где мы, мой дорогой «внебрачный муж» еще покопаться должны, я могу сказать лишь предположительно.

Они проплывали по Крюкову каналу. «Новая Голландия». Одно из самых любимых мест Андрея в Питере! Он любовался, как будто желая впитать в себя эти свисающие с влажных коричнево-грязных стен гирлянды зеленовато-бурой растительности, эту почти мистическую, диковинную красоту.

Судя по напряженно-выразительному и взволнованному виду лица мужчины, сестры поняли, что тот ушел куда-то в себя и молчали.

Через 5 минут мрачность этого места растворилась, и они опять выплыли на светлые и широкие водные просторы.

— А можно «внебрачному мужу» высказать свои скромные догадки о том, где мы должны «покопаться»? — лицо его стало обычным и немного задорным.

— Любопытно, — сказала молодая женщина.

— Катакомбы Св. Павла в Рабате, Катакомбы в Сиракузах и... и... еще что-то там, на Сицилии. Не ясно пока.

Обе сестры изображали классическую немую сцену.

— Как? Как это вы, то есть ты? То есть о Рабате ты прочел в путеводителе и четко проанализировал связь между Св. Павлом, легендой о змее, *Укладкой* и прочем. И еще удивительная интуиция! Но Сиракузы?! — глаза Веры Яновны выкатились, ноздри дрожали.

Она чуть не плакала от «фокуса». Нет, чародейства! От ее тела даже пошел жар.

— Ты читал о Сиракузах раньше?

— Нет, просто *Увидел*. Да не смотрите вы обе на меня как на инопланетянина. Ты же, Иришка, умеешь целительствовать, ты, Вера, просчитываешь сложнейшие комбинации, расшифровываешь самые запутанные шифры. Вот рука твоя по воле сигнала из головного мозга горячая... И мне пришел сигнал. Все просто. Да и про Св. Павла я всё-таки книгу написал, изучал его жизнь.

— Да уж, «проще» не бывает... Я хочу... хочу... прочесть быстрее твою повесть. Мне не терпится, я вся горю, — женщина обожгла своей рукой руку Андрея.

Тут вскочила Ирина и чуть не выпала за борт:

— Вы что, собираетесь «втихаря» вести там раскопки? Вот о чем... ты, сестрица, шепталась с бабулей и дядей! Это же очень опасно! — Она переводила тревожный взгляд с Веры на Андрея и обратно, — Ну ты-то, Вера, авантюристка безбашенная, но вы, Андрей Петрович — солидный, уже седой совсем. В чужой стране, на Сицилии! Там мафия! Вас либо в тюрьму, либо в «дурку» отправят!

— Ну, вот тебе и на! Солидный, седой. Недавно еще я был похож на Челентано, — добродушно заметил Андрей. — «Чтобы узнать, открыта ли дверь, нужно толкнуть ее».

— Наш человек! И глаза у него молодые, с огоньком! Нормальный пират! И рыцарь! — смеялась Вера, — не волнуйся так, девочка моя! Все операции будут в основном логические и виртуальные. Вон чего Андрей умеет проделывать! А дверь мы лишь тихонько толкнем. И не забывай: у меня есть поддержка «сверху»! Связи с дипломатами и прочее.

— ... В катакомбах была или... нет, есть *Пергамент* или *Укладка*? Не ясно... *Пергамент* у вас? — продолжал «чрево вещать» доцент. — В *Пергаменте* описан случай со змеей и... или идет речь об *Укладке*?!

— Молодец! Браво! — хлопнула в ладоши старшая сестра.

Андрей Петрович на этот раз немного лукавил: он не *Видел* в полном смысле своего умения. Он добавил логику и хитрости вроде «и», «или».

— У нас кусок *Пергамента*, наверное, его вторая часть, где идет речь об *Укладке*. Мы поищем другой кусок, начало текста, где предположительно, идет речь о змее. А о дальнейших поисках сейчас рано говорить. Почему *Пергамент* порван? Кто спрятал? Где искать? Мне нужно два дня работы в архивах на Мальте. Тогда я смогу выстроить свои логические цепочки и, если повезет, что-то найти. У меня недавно вышла книжка о Мальтийском Ордене и его связях с Россией. Это исследование, в определенном смысле закрытое исследование, с грифом «для служебного пользования». Я везу два экземпляра на Мальту (второй предназначен в спецархив Рима). Это по линии соглашения МИДа и Ордена Третий прочитаешь ты, Андрей. Там всего 117 страниц, из них почти половина — приложения документов той поры. Периода 1797–1805 г.г. Еще планирую в Валетте «порыться» в периоде 1530–1570 г.г. Ты считаешь и мне поможешь с архивами.

— Легко! Я люблю читать! Читаю вот пять дней запойно!

— Мы платим полновесной монетой — читаем и с большим удовольствием вашу повесть, — улыбалась уже Иришка.

— Но главная моя задача — изображать пылкого молодого человека и отгонять тростью Ричарда? — пошутил мужчина.

— Нет, главная — *Видеть*! И не изображать, а проникнуться ролью молодого человека по Станиславскому! — наставительно поправила молодая женщина.

— Тут по этой системе крайне важна роль партнера по сцене, т. е. «молодой жены» — благодушествовал Андрей.

— Я буду стараться, — Вере Яновне уже нравилось «играть» с Андреем.

Она сложила руки и склонилась как восточная женщина.

— Нужны шелковые шаровары, — хохмил Андрей.

— Хорошо, что-то поищу дома, а может куплю в Стамбуле.

Ириша опять фыркнула, но ничего не сказала.

— Что касается трости — это скипетр фараона. Она работает двояко: оказывает благотворное влияние или служит индикатором биолокации. Для работы биолокатором петля скипетра должна располагаться на ребре указательного пальца, а сам скипетр — на весу. Благотворными свойствами он обладает, если его удерживать за конец длинной части, — Вера говорила и вертела в руках трость, — Ну, и рычаг, и опора, и стукнуть больно можно. Да! Совсем забыла, — она всплеснула руками, — мне же Вадик соорудил волшебный аппарат — радиэстезический зонд. Он учился на факультете радиоэлектроники в Политехе, но с 5 курса его исключили за грубость в отношении декана. Этот декан запретил исследования по излучению знаков, нарисованных или предметов, формы знака или предмета. Я не буду вдаваться в тайны уже моих исследований. Их суть: распознавание графических форм с помощью использования «герметических знаний». Это мое «ноу-хау». А вообще, «дистантная диагностика» известна уже давно, но как генетика и кибернетика была вредна для советской идеологии. А сейчас от заказов отбоя нет. — Вера была горда и величава. — Ох, я принесу сейчас от Вадика воды и мороженое!

Около 23 часов Андрей был уже у Юлии Станиславовны. Вера с Ириной подбросили его до дома в Мучном, сами уехали на Смольный проспект. Вера жила там. На прощание она пообещала Андрею после возвращения с Мальты пригласить его в гости и показать, как прекрасен вид из ее окон на Смольный монастырь в вечернем освещении.

Юлия Станиславовна начала хлопотать на кухне. Паша сидел в другой комнате за компьютером. Андрей Петрович не отказался от предложенного чая и, присев на диван, взял в руки лежавший на столике альбом. Альбом был раскрыт на странице, где располагались иллюстрация одной из любимых картин Андрея «Странник над туманом» немецкого пейзажиста Фридриха Каспара Давида. Символизм и одиночество, характерные для полотен этого художника, легко и приятно ложились не только в приоритеты Андрея в искусстве, но и вообще в строй его души. Но почему альбом живописи в 700 страниц раскрыт на этой именно странице? Опять знак?!

Юлия Станиславовна подкатила к дивану сервировочный столик-тележку с чаем, вареньем и закусками. Услужливо постелила на колени мужчины тряпичную салфетку, проговорив:

— Вы, наверное, устали за рабочий день?

— Да, — промямлил Андрей.

— А позвольте полюбопытствовать — с чем связана ваша служба? И каковы успехи за этот день?

«Служба». Словечко театральных и военных людей. Андрей чуточку раздражился, но невежливо, право, ей было бы не спросить. А ему не ответить. Может быть в традиции тех, прежних женщин 19 века спрашивать за вечерним чаем мужчин об их делах, о прошедшем на службе дне.

— Да так, один... проект.

— Инженерный? Строительный? Архитектурный? А может быть творческий?

— Да, да, еще какой творческий! — Андрея «понесло». — Наша строительная компания

намерена кое-что «сотворить» на острове Сицилия. Пока будем вести геологоразведывательную работу. Местные мафиозные структуры пытаются «вставить палки в колеса» прогресса. Ну да ничего: у нас свои палки! — он приподнял грозно трость.

Впечатлительная женщина закачала головой, заморгала и проговорила полусшепотом: — Необходимо заручиться государственной поддержкой!

Андрей чуть было не брякнул, что, мол, флот уже направлен к берегам Палермо, но осекся, вспомнив про мужа Юлии. Но так как по законам жанра даже в маленькой одноактной комедии финальная мизансцена должна быть как удар литавр, мужчина проговорил со значительным видом:

— Основные мафиозные структуры под контролем наших лучших дипломатов! У них связаны руки!

— Вы знаете, у моей Веры, сестры Иришки большие связи в дипломатических кругах! Может быть обратиться к ней?

— Мы рассмотрим этот вопрос на следующем заседании. Спасибо за чай. Очень вкусный. Пора «бай-бай», — и зевнул.

— Вот и чай Вера достает через этих дипломатов.

«Знаю... где, — подумал про себя Андрей, вспомнив слова Марии Родиславовны. — Любовник-таможенник-контрабандист во фраке и с верительной грамотой».

— Белье на стуле, диван можно раскинуть. Спокойной ночи, — и женщина удалилась «на цыпочках».

Мужчина устроился на диване, погасил свет. События дня вереницей парусников ускользали из сознания.

«С-тро-ительная компания. Троица авантюристов! Замечательно!» — услышал сквозь дремоту Андрей голос пани Марии.

Затем образ женщина трансформировался в образ странника с картины. Тот повернулся! Когда на полотне он стоял спиной к зрителю, поза его воплощала раздумья и волю. Он не боялся ни тумана, ни бездны за краем обрыва скалы, на которой стоял, опираясь на трость! Но сейчас на его лице была неизбывная печаль и тревога: «бездна вглядывалась в него». И вдруг снова решительность во взгляде! И трость превратилась в меч! И на груди мальтийский крест! И меч был воткнутый в камень! Странник развернулся лицом к бездне и стал в дозоре!

Великий магистр долго стоял у окна, вглядываясь в туман, слившийся с серым небом. Море гнало волны на прибрежные камни. Те ударялись о камни, разливались пенными струями, но как только головы камней проступали над поверхностью воды, следующие удары раз за разом лохматили седые курчавые водяные пряди этих голов. Будто табун бешеных скакунов с серебряными искрящимися гривами рвался на берег. И если морды и грудь первых лошадей имели отчетливый естественный вид, то те, что следовали шеренгами сзади напоминали сказочных северных заснеженных мамонтов. На секунду ля Валетту почудилось, что крупы этих сильных лошадей покрыты мертвыми рыцарями. Головы были опущены и руки безжизненно свисали.

«Да, — подумал гроссмейстер, — Орден в опасности». Он прочел перевод пергамента еще раз. Сэр Старки сопровождал слова и фразы текста знаками вопроса и пометками. Чаще в тех местах, где текст на иссохшей и потрескавшейся коже был неразборчив, и смысл его неясен. Кое-где заметки выдавали собственные соображения Оливера.

Действительно, с большой вероятностью описание случая, изложенного на пергаменте, можно было связать с кораблекрушением судна у берегов Мальты, на котором был Св. Павел и историей со змеей. Но главным, притягивающим внимание своей таинственностью был рассказ о Черном Человеке. Он пришел, неверное, вместе со всей группой спасшихся. Черный плащ с капюшоном. Лица не видно. Когда люди начали носить хворост и складывать его для розжига костра, этот человек незаметно для всех достал какую-то *Укладку* золотистого цвета, проделал с ней несколько странных манипуляций, и вместе с хворостом бросил в огонь содержимое *Укладки*. Предок женщины-мальтийки поняв, что эти люди не пираты и не принесут ему вреда, на этот момент уже вышел из укрытия и наблюдал за всем, тоже подбрасывая хворост. Рассмотреть детали происходящего было невозможно из-за темноты. Но в свете луны он видел, как в момент бросания в костер каких-то светлых камушков, Черный Человек прошептал некие слова, а из костра раздалась короткое, на миг, но режущее слух шипение. Люди находились поодаль и ничего не расслышали. И Черный Человек не обратил внимание на наблюдающего за его действиями человека. Этот наблюдающий счел разумным снова удалиться в укрытие. Черный Человек будто испарился.

После чудесного случая со «змеей», когда все удалились от костра, этот Черный Человек опять возник будто из воздуха, достал из горячих углей камушки, положил в *Укладку* и вновь исчез!

И уже от себя Старки записал: змея была подложена, она из *Укладки*, из камушков. Змея — орудие Сатаны, этого Черного Человека.

Текст перевода впечатлил гроссмейстера, но до конца поверить выводам Оливера он не мог. Сколько пергаментов с рассказами о всяких чудесах бродит по свету! Некоторые он и раньше держал в руках. Писали на них люди, а *Видят* ли люди *Реальность*?!

«А что Оливер говорил про Византию? При чем здесь Византия?» — подумал ля Валетт. «Что за бумаги в папке, которую он принес?» Нет, надо эмоциям остыть! Правильней будет погулять часок, дождь прошел. Он неспешным шагом направился в сторону форта Святого Эльмо. Там полным ходом шло завершение строительства крепостных стен. Строительство города (своего города!) тоже не давало покоя. Город должен быть прекрасным! Но в первую очередь город-крепость!

Гроссмейстер и доверял Старки, и знал его прекрасную образованность, и удивительно острый аналитический ум. Но он глава могучего Ордена! Он опасался подпасть под чужое мнение, не имеет права. Ля Валетт любил дозировать информацию, терпеть не мог выслушивать чужие преждевременные выводы, а тем более советы. Он сам должен все обдумать. И без спешки! Думать он начал издалека, с истории Византии. Среди славных и благородных дел Ордена были и черные пятна. Стыдно, что госпитальеры участвовали в финальных позорных крестовых походах против Византии. Католики-христиане убивают православных христиан. Прельстились они и островом Родос, не обращая внимания, что он — часть владений православной Византии. И Папа дал добро! Да еще по совету одного генуэзского пирата! Вот и оказались «пиратами во Христе»! И как не прельститься: мягкий климат, плодородная земля, один из красивейших островов, остров роз в Эгейском море. Но ведь мусульман держать в постоянном напряжении было удобно из-за выгодного расположения острова. Орден был на Родосе 214 лет! Наверное мысли магистра перескочили на Родос потому, что земля на Мальте плохая, каменистая и малоплодородная. Приходилось даже с приезжих кораблей брать дань землей в мешках. Затем мысли перескочили на то, как рыцари укрепляли старые византийские стены на Родосе. Эти крепостные стены и фортификации были спроектированы остроумно: двойной ряд стен, крепкие двери. Мысли мешались и путались. Ля Валетт задумался о том, что на смену старинным катапультам начали приходить осадные орудия. В памяти всплыл и странный старик-грек, который бежал из павшего Константинополя на Родос и рассказывавший рыцарям легенду о *незапертой двери*.

И собственная история госпитальеров была полна легенд. Ля Валетт вспомнил одну: о рыцаре Дьедонне де Гозоне, ставшим в 1346 г. великим магистром. Этот рыцарь победил *Дракона*. А может быть, это была огромная *змея* или крокодил. Гозон отвлек чудовище *гончими псами* и отрубил ему голову.

Гроссмейстеру не удавалось удерживать мысли в строгом направлении. А может быть и не надо: мыслеобразы не бывают случайны и выстраются в строгий логический ряд в определенный момент. Этот момент должен «обустроить» в голове и сердце сам магистр.

Он принялся анализировать те события, когда крестоносцы (не только госпитальеры) проигрывали то Тимуру (Тамерлану), то арабам и туркам. Уступили Смирну, Кипр, Родос. Рыцари всегда сильно уступали в численности противнику. Их сила была в надежных крепостях и галерах. И силе духа. В морских сражениях флот иоаннитов превосходил турецкий флот. У турок были парусники. У рыцарей — галеры. Галеры не зависели от ветра, были маневренные, особенно при штиле, быстро могли набирать скорость и менять направление хода. Великий магистр с любовью посмотрел вниз на красавицы-галеры, стоящие в бухтах вблизи строящихся фортов.

В 1480 году Родос попытался захватить Мехмед II. Ля Валетт сравнивал его с Александром Македонским: такой же бесстрашный гений полководца, та же глубочайшая образованность. И если Македонского направляла рука его учителя Аристотеля, то Мехмед II тоже, несомненно, обладал сакральными знаниями. И еще не знающей границ кровожадностью. Гений и злодей. Не так давно, в 1453, году он захватил Константинополь.

У турок новейшие мощные осадные орудия. 28 мая 1480 г. в крепости появился перебежчик, главный эксперт по артиллерии, немец «мастер Георг». Он ходил, изучал стены крепости, и внешние, но особенно тщательно (и это было подозрительно) внутренние. Несколько рыцарей неотступно следили за ним, и когда тот начал что-то «ковырять» в

засове на небольшой двери во внутренней крепостной стене, его схватили. Немец признался, что он лазутчик. Допрашивать не стали и казнили на месте.

Ля Валетт появился на Родосе, когда туда была направлена значительная финансовая помощь от Европейских государств. Прибыла на остров и военная помощь. Все понимали, что турки не оставят иоаннитов в покое.

В июне 1522 года султан Сулейман Великолепный лично возглавил войско в 200 000 человек, прибывших на бортах 700 кораблей к берегам острова. 300 рыцарей полгода держали оборону против Османской империи! Мужество и героизм их были беспримерны, но не безграничны возможности людей. Султан предложил госпитальерам заключить мир. Условия были весьма великодушными для характера турок: все сдавшиеся рыцари с оружием, знаменами и пр. покидают остров. Без резни, без всяких препятствий?!

Гроссмейстер опять вспомнил два мистических по своему характеру факта. Первый касался случая, происшедшего в 1521 г. с великим магистром Филиппом Вилье де Лиль Адамом. Когда тот возвращался из Франции на Родос, случилась жуткая буря, и молния ударила в корабль. Из немногих оставшихся в живых был и де Лиль Адам, но меч, висевший у него на поясе, оказался *расплавленным*! И это произошло у Мальты. Помог Всевышний?!

Второму случаю ля Валетт был свидетелем. 1 января 1523 г. рыцари оставляли Родос, и когда де Лиль Адам взобрался на борт флагманского корабля «Святая Анна», судно накрыла снежная буря! Как такое могло случиться там, где снега не бывает?! *Никогда!*

Магистр посмотрел в небо. Уже двенадцатый час, а небо все еще хмурилось. Но климат Мальты нравился гроссмейстеру своим нежарким летом, а дожди, тем более «африканские», были редки. Великий магистр вспомнил жаркий Триполи, где с 1546 по 1549 г.г. он был губернатором. Город плохо укрепленный и его пришлось в 1551 году уступить туркам.

Ля Валетт повернул обратно к своей резиденции. Тягостные и сумбурные размышления о Родосе и Триполи сменились мягкими и милыми о своем поместье в Тулузе. Став рыцарем, он ни разу не был там!

Всплыл в памяти образ одного аббата, духовного отца юного Жана. Его звали отец Бертран, он был настоятелем аббатства, находящегося недалеко от поместья. Десятилетний ля Валетт со своим другом и ровесником Гийомом дни напролет, бывало, проводили в беседах с отцом Бертраном и в библиотеке монастыря. Этот аббат, эти странные книги с Востока возбуждали и сердце и ум юношей. Высказывания отца Бертрана были часто дерзкие, противоречащие тем каноническим католическим проповедям на мессах в церквях Тулузы, куда по выходным направлялись жители города. Аббат утверждал, что церковь нуждается в реформации, что уже по всей Европе начал распространяться дух этой реформации.

Жан был прилежен в обучении богословию и наукам, но молодой ум искушался мудростью европейских и восточных мыслителей. Однажды он испугался, глядя на отца Бертрана, после его высказывания о том, что мир снаружи нереален, а глаза — не единственный орган зрения, спросил:

— Отец, как относиться к словам, которые часто звучат в проповедях «не внеси в святилище Божие чуждого огня»?

— Огонь един! — воскликнул аббат.

Он был алхимиком и много работал с огнем. Он называл себя то Постигающим, то Смотрящим. На всю жизнь запомнил Жан высказывания отца Бертрана: «Меч познания нужно воткнуть в камень истины».

«Поиск нужно начать с созерцания, отстраненности от предмета поиска. Нужно строить намерение с ощущением абсолютного покоя, не пытаясь, как платоники, искать порядок и правила. Нельзя выбраться из трясины, прилагая к ней силу!».

Ля Валетт помнил наизусть и другие мудрые высказывания аббата.

Нужен отдых. Покой, отстраненность. Он зашел в комнату, сел в кресло и начал смотреть на огонь в камине. Он медитировал, отец Бертран называл это анамнезис, воспоминания души. «Генетические» воспоминания не только его личного духа, но и Мирового духа.

* * *

Через 20 минут он очнулся, открыл глаза. Магистр не достиг на этот раз полного покоя. Значит, читать бумаги из папки Старки еще не время.

Выглянуло солнце. Гроссмейстер взял любимого сокола и вышел во двор. Ля Валетт радостно, как ребенок, запустил птицу и принялся наблюдать ту нить паутины, которую в воздухе очерчивал сокол. Что было в способе дозора птицы? Если только случайный поиск, то зачем он взмывал высоко вверх и парил там. Оттуда не увидишь добычу, выгодней было летать низко. На ум опять пришли слова аббата:

«Спрессованное в слова намерение обладает магической силой. Смотрящий получает Ключи Совпадений».

— Да, да, именно совпадений, именно ключи, — вслух проговорил ля Валетт.

Он вернулся к столу. Ему показалось, что в папке теперь меньше бумаг.

«Отлично! Промысел оставил именно то, что нужно», — улыбнулся про себя великий магистр. Пора посмотреть.

Всего два листочка, пронумерованные каким-то шифром из букв и цифр. Старинная бумага, тексты написаны от руки: один на греческом, другой на арабском языках. Второй явно более древний. Лист вырван из книги. Текст бы составлен со слов свидетеля (!) с корабля, на котором Св. Павел потерпел кораблекрушение у берегов Мальты. Текст именно со слов, наверное, изменялся и переписывался много раз, но суть та же, что в пергаменте! К листку прикреплена небольшая записка от сэра Старки, поясняющая, что листок этот из одного древнего издания, купленного Старки на базаре в Триполи в 1550 году.

Первый же, на греческом языке, Старки нашел на Родосе, когда знакомился с церковными записями в одном христианском храме. Это было изложение исповеди, которую местный священник с разрешения исповедовавшегося беженца из Византии записал, и теперь показал Старки как важный документ (обычные исповеди не записывают и не хранят в церковных архивах). Этот беженец-грек был свидетелем (!) случая, когда несколько турков, оказавшиеся каким-то образом у двери-керкапорты во внутренней стене крепости, достали какой-то золотистый предмет, из которого выползла змея, проползла под дверью и открыла засов с другой стороны! Человек этот нес питьевую воду для держащих оборону внешней крепостной стены. Увидев турок, он испугался и спрятался, а как только турки ворвались в Константинополь — он бежал из города. Он бродяжничал и все рассказывал: «Дьявол! Дьявол! Я видел как вошел в дверь Сатана!».

«Вот они, свидетели! Вот *ключи совпадений!*» — думал великий магистр и приказал слуге пригласить секретаря. Тот пришел еще более задумчивый, чем утром. Мешки под

глазами выдавали чрезмерную усталость.

— Дорогой Оливер, вы так и не подремали сегодня утром? — сказал ля Валетт и указал рукой на кресло.

— Нет, Ваша Светлость.

Гроссмейстер не спешил с серьезным разговором и начал с отвлеченных вопросов.

— А что это за шифры на листочках из букв и цифр? — спросил великий магистр.

— В мои обязанности вашего секретаря входит не только сбережение и пополнение архива Ордена, но и систематизация всех материалов. Я разработал принципы этой систематизации и составил определенный каталог, по которому разместил тома архива. Буквы — имена событий, городов, людей, цифры — даты событий и даты поступления документа в архив. Еще в цифрах — где приобретен документ. Кто автор, ну и т. п.

Сэр Старки говорил холодно и без эмоций. Сочетание противоположностей — умение сердцем *Видеть* у ля Валетта и математические точные умозаключения Оливера. Это давало возможность делать некоторые выводы. Но великий магистр не ученый, на его плечах ответственность принятия решения.

— А по какому принципу вы пополняете архив? Точнее, библиотеку? Например, почему в Триполи купили именно эту книгу, а не другую?

— Книги переписываются десятки, сотни раз и названий — многие тысячи. А в выборе книг у меня тоже есть система. Ее трудно описать, это нечто вроде матрицы знаков. Например, восточный триграммы, египетские иероглифы. Когда мы с вами, сир, играем в шахматы, то на простом уровне используем мою систему.

— Это огромный, напряженный труд! Но почему Вы не докладываете мне о своей работе?

— Наверное, потому, что всему свое время. Яблоко должно созреть, чтобы упасть с дерева. И тогда можно делать выводы: почему упало, по какому закону? А гордиться и хвастаться перед вами своей работой — не считаю достойным. Я должен подчеркнуть, что я могу невольно подпасть под влияние какой-то просто сочиненной легенды, мифа, который растиражировался по книгам и по миру. Я должен точно знать *Вектор Истины*!

— Я прекрасно понимаю вас, друг мой! Пергамент и те листочки в папке на этом *Векторе*?

— Не знаю пока. Все это подлинники, но на *Векторе ли Истины*? Я еще хочу поработать в библиотеке.

— Я буду участвовать в этой работе! Мне тоже нужно точно знать *Вектор Истины*! Прочувствовать его и умом и сердцем!

Сэр Старки поклонился и пошел к выходу. И когда он уже взялся за дверную ручку, гроссмейстер спросил громко, чеканя слова:

— Где сейчас *Укладка*?

— У Сулеймана, — был ответ.

— Что может делать эта змея?

— Все! Любое зло!

— Султан применял ее на Родосе? И такая *Укладка* одна?

— Не знаю, — ответил Старки и вышел медлительно, склонив голову.

Платоныч довез путешественников до аэропорта. Ирина взялась проводить. Уже прошли регистрацию.

— Ну что тебе, Вера, эта Мальта. Лучше бы в усадьбу поехала. Сейчас виктория поспевает... — моряк явно нервничал.

— Все, не надо. Улыбнитесь, капитан! — Вера Яновна была на подъеме сил. — Мы с фельдмаршалом пойдем на посадку, а вы езжайте. Бабуле привет и поцелуи.

— Семь футов под килем! — Платоныч пожал руку «лоцману», обнял Веру и ушел первым.

Иришка быстро поцеловала сестру, Андрея Петровича, уже почти плача пожелала «Счастливого пути» и ушла в машину.

«Гейт» находился рядом с киоском «Пресса», и Андрей удачно приобрел путеводитель по Сицилии. «Чижик-Пыжик» нес свою службу исправно!

Объявили посадку на рейс Санкт-Петербург — Стамбул. Все четыре часа полета мужчина и женщина почти не разговаривали. Вера читала повесть Андрея, а он — ее книгу-исследование. Изредка (видимо уже пора было конспирироваться) женщина называла мужчину «дорогой» и просила о какой-то мелочи. «Новобрачный» был галантен и ухаживал за «молодой» в меру пылко. После обеда, к которому «дорогая» не притронулась, она положила голову на плечо Андрея, и легкое ее дыхание и убаюкивающий хрупкий аромат волос заставили и Андрея заснуть последний час полета.

Аэропорт в Стамбуле, как и любая другая вещь в Стамбуле, назывался «Ататюрк» — Президент и любимец турок. Султан, вроде наших Ленин-Сталин.

Ожидать рейса Стамбул — Валетта придется шесть с половиной часов. Ехать даже на такси в шумный восточный жаркий город путники не захотели. Регистрацию они сделали еще в Питере, поэтому сразу прошли через контроль в более уютные и прохладные залы вылета. Оба были опытны в длинных перелетах! Молодая женщина и ее кавалер нашли большое, полутемное и практически пустое кафе, заняли столик в самом дальнем от входа углу. Кондиционер рядом, на столике лампа и свечи. Андрей сходил к буфету, принес кофе, чай, сок, воду, закуски, которые заказала спутница. Опустился в мягкое кресло, зажег свечу.

— Я два года назад летала этим маршрутом на Мальту. Конечно, обдумывая и будущую работу и книгу, но, главное, хотела, чтобы Павлик поучился в одной из международных школ, коих на Мальте достаточно. Он был со мной, две недели провел в летнем лагере, но учиться в далекой, чужой стране не пожелал. Ну и ладно. Да и знаки были против учебы здесь.

— Ты, как и Ирина, эзотерик? — спросил Андрей.

Вера Яновна рассмеялась наивности и прямолинейности вопроса, затем сосредоточилась и сказала:

— Я профессиональный, если угодно, эзотерик. Только я не ищу Шамбалу, не вслушиваюсь в «музыку сфер» и пр. Я двадцать лет занимаюсь тайнописью, знаками тайн и тайнами знаков, учусь понимать слово в знаке и знак в слове. Естественно, за всем этим стоят вибрации космической энергии. Только я практик, и не плету паутину нитей подсознания. Это, видимо, умеешь ты. А мой метод проще: логика и расчет. Похвастаться могу лишь тем, что «матрица» у меня в голове настолько обширна, что я умею строить сотни

комбинаций. Ну, как очень сильный шахматист. Хотя кое-что использую и на уровне... шаманства. Трость твоя, например.

Говорила все это Вера Яновна «отрешенно и созерцательно» как о «рабочем моменте». Одновременно поедая бутерброд и салат. И внимательно читая андрееву повесть. Андрей достал из сумки Бродского и начал лениво листать страницы, лишь пробегая их глазами. Он то и дело бросал взгляды на соседку. Эротическая компонента в этих взглядах хоть и была, но уступала той одухотворенности, детскости и одновременно материнству, которые излучала эта необыкновенная женщина. Ей хотелось довериться. И впрямь Мадонна и ее вечная тайна!

— Что ты читаешь? — спросила Вера.

— Бродского. О Стамбуле.

— А, это где он называет город «человеком с двухдневной щетиной с утра». Бродский не любил Стамбул, так, посетил Второй Рим, будучи выпертым из Третьего. Он любил Венецию. А Байрон любил Стамбул... — все это женщина говорила, не отрывая глаз от повести. — Мне понравилась вот эта глава. Называется «Камень и колокол». Вот ты пишешь, что Савл в молодые годы был участником убийства первомученика Христова, Стефана, который к тому же был родственником Савла. Савл держал камень в руке, но не бросил в Стефана. А вот еще... Савл любил рассуждать: какой камень нужен... много небольших для мученической смерти... На руке Савла остался след от камня... А вот уже в образе Павла: «Пусть правая рука не знает, что делает левая». А вот еще дальше... апостол Петр струсил и отрекся от Учителя. А Христос отреагировал словами: «На сем камне (Петре) воздвигну я церковь свою». Хороши Первоверховные апостолы: один убивает первомученика, другой отрекается. Может Христос разуверился во всех своих учениках, и вообще в людях, и так горько сиронизировал: «на твердолобом камне»... Других не нашел...

Андрей раздраженно нахмурился и остановил Веру:

— Христос перевернул сознание в первую очередь не смиренных, а глубоких людей, противоречивых в своей гениальности. И со своими неоднозначными человеческими характерами и судьбами.

— Да, да... вот тут у тебя: Христос любил смиренного Петра, но любил не меньше и Иоанна, резкого, греховного, вооруженного мечем... Но, Андрей, Христос ведь всех призывал к кротости?

— Этим мечем Иоанн защищал Христа до последнего... — задумчиво произнес мужчина. И еще строго: — кротость не слабость.

— А вот эта мысль замечательно глубокая: Пилат сыграл роль колокола! Этот колокольный звон пронзил сердце самого Пилата и обратил в веру тысячи... — Вера «ушла в себя» на минуту и затем резко вскинула глаза на Андрея: Я представила Христа, вонзающего меч в камень истины...

Андрей Петрович воскликнул:

— Удивительно! Этот образ! Как многое совпадает!

— Ты о чем? — спросила женщина.

— Так, потом расскажу. Знаешь, я в какой-то момент захотел из повести сделать роман, чтобы сложные сюжетные переплетения, характеры героев, были более выпуклые. С диалогами, раздумьями этих героев.

— Отличная мысль! И что?

— Раздумал... пока.

— Вернѣшься в усадьбу — будешь писать!

— А зачем мне возвращаться в усадьбу?

— Извини, что я вот так... Но ты талантливый и... особенный человек. Ты можешь много сделать! И... вам, то есть тебе нужно поменять жизнь...

Андрей промолчал и достал её книгу. В самолете он изменил своим правилам и читал книгу с середины, с эпохи Павла I, пытаясь все-таки «зацепить» контекст. Результатом он остался недоволен и теперь принялся внимательно читать сначала.

Первые две главы были небольшие и предваряли основной материал книги. Касались они Петровского и Екатерининского периодов. Но Андрей Петрович прошел по этим «вешкам» с удовольствием: это было время Российской первой «перестройки».

Петр I, не принятый в Европейские масонские ложи (говорят, к этому приложил руку сэр Исаак Ньютон) организовал на Мальте Великое посольство, решив подружиться с Орденом. Некоторые историки полагают, что уже Петр I планировал создать еще одно «окно в Европу» и «грозно выглядывать оттуда самому».

В самом конце 17 века его друг, Борис Петрович Шереметьев, умный, наблюдательный и тщеславный боярин, посетил Мальту и был принят в Ордене. Принят великим магистром, затем в Риме Папой. Очень уж хотел получить официальное звание рыцаря. Не получил, хотя был одарен золотым мальтийским крестом и правом носить его.

«Пять держав «рисовали» картину 18 и начало 19 веков: Англия, Франция, Пруссия, Австрия и Россия, — привычно думал историк. — Сейчас в «восьмерку» пристраиваемся...».

Екатерина II уже «конкретно» устремилась через Черное море, далее на Босфор и в Средиземное море. Англия, и, особенно Франция очень были недовольны этим. «Русский медведь» вставал в полный рост!

Андрей Петрович вспомнил, как еще Людовик 15 призывал ослаблять Россию изнутри, вызывая беспорядки! Все в истории старо... все когда-то было. И еще одна андреева интересная мысль: именно страх перед Россией заставит Наполеона захватить Мальту! Стратег! И вдруг другая: а почему бы Наполеону не поставить Орден себе на службу? Более половины рыцарей — французы, и почти все великие магистры — французы. А сколько во Франции приорств и командорств. Нет, конечно это было невозможно: аристократы ни за что не примут выскочку-революционера. Циника, атеиста.

Андрей Петрович припомнил также труды Ключевского. Тот считал, что Средиземноморский поход Ушакова был направлен против турок, но соглашался с тем, что Екатерина II, подстрекаемая Вольтером, как и Петр I хотели возродить Византию и сделать Константинополь столицей Российской Империи — Третьего Рима. «Наполеоновские планы!».

Орден не шел на союз с екатерининской Россией. Не шли рыцари и на союз с тайной французской масонской ложей, которая в то время имела влияние на Мальте. Пройдет чуть более 10 лет, и Орден посмотрит в сторону России, а еще чуть позже волны наполеоновских войн и смута внутри Ордена «выбросят» рыцарей к берегам России!

А пока, в период с 1775 по 1795 г.г., были лишь ограниченные военные и дипломатические контакты. Из военных Андрей отметил, что русские корабли вставали в гавани Мальты и воевали против турок. Дипломатические, пожалуй, более важные. Во-первых, в 1775 году в Польше Екатерина II помогла организовать новое богатое приорство Ордена и 6 командорств. Во-вторых, на русскую службу был приглашен граф Джулио Литта, кавалер мальтийского Ордена с 1790 г. С 1789 года, в России капитан-генерал-майор, затем

контрадмирал. С 1795 г. он еще и посол Ордена в России.

Но беда надвигалась быстро, как грозовые тучи. В 1789 случилась Французская революция. На Орден обрушились удар за ударом. Потери территорий, приорств, средств! И весьма значительные потери!

И вот в 1798 г. Мальта сдана Наполеону! Практически без сопротивления...

Следующая, самая большая и основная глава, как и большая часть приложений, уже относилась ко времени правления императора Павла I.

Андрей устал, хотя прочел всего-то 37 страниц несложного для историка текста. Закладывая 37-ую страницу он почему-то подумал: «Почему Пушкин ничего не написал серьезного о Наполеоне, о волне революционности, о русском декабрьском восстании. Ну разве что «Во глубине сибирских руд...» Но это не обзор, и не анализ, на который был способен «наше все». Неужели известная дерзость характера, отголоски африканской крови толкали к оправданию революций?... Гений и злодейство...»

Он предложил Вере Яновне перекусить. В кафе они сидели уже почти четыре часа. Та кивнула и произнесла: «Горячее что-то и чашку чаю, зеленого». Андрей принес два кебаба с баклажанами и два чая.

Мужчина переключился на размышления о Византии, о рукописях профессора. Женщина закончила читать повесть и обедать одновременно. Очень симфонично. Захлопнула книгу и легонько брякнула вилкой и ножом о пустую тарелку.

— Можно тебе, Андрей, задать пару вопросов?

— Да.

— Первый: почему ты разгуливаешь без трости?

Она, видимо, заметила, что до бара и обратно он шел без нее.

— Я нес поднос двумя руками.

— Это я понимаю, но привычка носить трость должна быть стабильной, устойчивой.

— Да тут за версту нет ни английских, ни турецких шпионов. Пустой, большой, полутемный бар. И, кстати, почему мы совершенно не тренируемся изображать молодоженов? Только вот книжки читаем часами...

Она не обратила внимание на эти слова и сказала:

— В нашей тактике поведения на Мальте (а я обдумала кое-что) есть слабое место, ты прав: я не умею так быстро и естественно играть... шутовские роли... — и тут же переключилась на второй вопрос. — На странице 37 ты пишешь, что Св. Павел был отправлен в Рим. На суд кесаря, на суд этого вопреки Нерона по собственному желанию. Это что — наивность? Уверенность в своем умении убеждать?

— Павел надеялся вылечить будто бы болевшую жену Нерона...

— Свою супругу Нерон, этот матереубийца, ненавидел...

— Не упрощай. Он провел жизнь в ужасе, а его учитель Сенека...

— Ну да, Нерон играл на арфе, декламируя свои поэмы, а... ногами забивал своих любовниц.

— Тем не менее, сенат и император дали Павлу право еще какое-то время путешествовать и проповедовать: Кипр, Антиохия, Македония, Греция.

Вера еще с полчаса, называя номера страниц по памяти, и буквально цитируя Андрея, задавала вопросы.

— Мне это важно, Андрей. Для моей «матрицы» в голове.

— Но я ведь в повести больше поставил вопросы, чем дал ответы.

— Это естественно, но раз есть возможность «вживую помучить» автора, я не могу отказать себе в удовольствии.

— Извини, я хочу вздремнуть минут 20.

И он действительно задремал сразу и забормотал. Но как-то странно: глаза полуоткрыты, лицо напряженное, левая рука мелкой дробью стучала пальцами то по повести, то по книге Веры Яновны, правая сжимала то горячую кружку чая, то трость.

Вера взволнованно смотрела на него, но когда минут через пять лоб мужчины покрылся испариной, и лицо сильно побледнело, осмелилась осторожно тронуть его за плечо.

— С тобой, Андрей, все в порядке?

— Уже да, *поезд* умчался, — рассеянно промолвил мужчина, приходя в себя.

— Какой *поезд*? Ты будто гадал по принятому в Турции обычаю, на расплавленном свинце. Лицо у тебя сейчас красное. И глаза налились жизнью, а минуту назад ты был крайне бледен, глаза тусклые. Я немного испугалась.

— Бывает, мы ведь с тобой в Византии...

— Ты что-то *Видел*? Может это спровоцировала я? Тем, что за секунду до твоего... сна положила под свою книгу *Пергамент*? Хотела показать позже.

— Покажи сейчас!

Вера достала *Пергамент*.

— Я все сделала аккуратно, сложила и переложила калькой, а раньше хранила в медном старинном небольшом тубусе-футляре. Сейчас прячу в ноутбуке, внутри, убрав оттуда плату!

Андрей лишь вперил взгляд на *Пергамент*, но в руки не взял.

— Расскажи, что ты *Видел*, — попросила Вера Яновна.

Андрей Петрович выпил стакан минералки и сбивчиво, отрывисто, но довольно спокойно начал рассказ:

— Там вдали, где стеклянная стена бара, появились черные шелковые занавески, ветер чуть колыхал их. Послышался стук колес поезда... Ночного экспресса... «Тьма-Свет»... В центре распахнувшихся занавесей появилось окно... нет, дверь... Керкапорта. Авансцена, рампа... Два кресла. Рампа странная, она испускала то свет, то... тьму. И предметы отбрасывали то свет, то тень. Из двери появился Г. Н., в руках у него моя трость, он сел в одно из кресел и показал тростью на дверь. Стук колес прекратился, послышался орган... затем вдруг удар колокола явил на сцену Святого Павла. Он сел в другое кресло, руку его обвивала змея. Апостол посмотрел на профессора и произнес: «Впереди — случайность, позади — закономерность. Сущностное не есть бытие. В едином много другого. Твари земные живут без выбора, ты, человек, имеешь его». Затем сбросил змею и продолжил: «Укладка у Сил Света. Змея у Черных Ангелов». Павел исчез... Раздался громкий звук разбитого стекла, затем зазвучал восточный дудук... и в кресле уже сидел Мехмед II. В правой руке он держал золотую шкатулку... открыл...проделал какие-то движения с лежащими там костяшками... пошевелил губами и резко выбросил из шкатулки... змею; та быстро заползла под керкапарту, дверь открылась, и на авансцене появился весь окровавленный Константин XI... В руках он держал шапку Мономаха. Подошел к профессору, протянул шапку и упал замертво. Мехмед злобно взглянул на Г.Н., встал из кресла и тоже упал замертво. Через миг на «сцене» никого. Пауза... Тишина... Затем звон сабель. Крики людей и в креслах опять двое: Ля Валетт и Сулейман. У магистра в руках пергамент, у Султана золотая шкатулка... Опять змея ползет к двери... Вдруг... резкий лай собак, свора разъяренных псов бросается на Султана... Опять исчезают все... Музыка,

Вагнер, Шуберт... В креслах Андрей и неизвестный. У неизвестного разные глаза: один черный, другой ярко-зеленый. «Кто ты?» — спросил Андрей. «Моя фамилия Ричардсон, я — «часть силы той, что без числа творит добро, всему желая зла». Берегись, поручик! «Я — фельдмаршал», — жестко сказал Андрей и направил трость на Ричардсона. Произошло странное: трость «уползла» змеей к Ричардсону, она уже у него в руках и... обращается в шпагу, воткнутую в камень... Музыка исчезла... исчезла «сцена»... Шелест неожиданного града. *Поезд* умчался... Бар, чашка чая и... прекрасная Верочка, — Андрей улыбнулся, закончив рассказ.

— Это... Ты поразительный человек! — женщина всматривалась в даль, — На, прочти. Это те два листочка из тетради дяди.

Андрей прочел. Улыбнулся по-детски, сказав тихо:

— Да, Ключи Совпадений! — и снова прикрыл глаза.

Объявили посадку на самолет. У «гейта» сели на лавку, пережидая суетную очередь. Поодаль присел мужчина европейской, богемной внешности с большой и, видимо, тяжелой сумкой. Он долго не мог найти себе место, хотя свободных было предостаточно. Лицо опереточного дьявола, весь в коже, несмотря на жару и то, что был весь в поту. Вера шепнула на ухо Андрею:

— Кто это? Продолжение вашего чудесного «сна в руку»?

— Как кто? Вестимо, посыльный. Из ада. Вот перевозит «дела». А в самолете летать боится. Небо не его стихия, — прыснул Андрей.

— Шутки всё у тебя... специфические!

— Так и дела у нас с тобой... специфические.

Сели в самолет. Андрей сидел у прохода. С удовольствием отметив про себя: «стюардессы молоденькие, симпатичные. И в юбочках, а не в брюках. Это очень благоприятно влияет на мужчин-пассажиров».

Но сейчас главное — 1,5 часа сна!

Аэропорт «Luga» в центре Мальты. На такси до Слимы — 25 минут. Слива (в переводе с арабского «привет»), как и Сент-Джулианс — один из городков вдоль побережья, примыкающих к Валетте. Туристический центр.

— Слива, Мальта! — воскликнул Андрей Петрович, сев в такси.

Таксист, уступивший в цене 5 евро, с удовольствием поддерживал разговор с разболтавшимся Андреем. Тот смело говорил на своем собственном «английском с жестами и гримасами». Хотя от аэропорта до Слимы всего 7 километров, но дорога, с крутыми поворотами, зачастую вырубленная среди скал (то ли песчаник, то ли известняк?) заставляла ехать с необходимой осторожностью. Пассажиров лишь раздражало принятое здесь левостороннее движение. Это им казалось неудобным на горном серпантине, да и напоминало «английский след» на острове. Еще Андрей почему-то подумал: «А может этот Ричард-Ричардсон левша?».

С любовью к родному краю и природным пафосом южанина таксист рассказывал, что Мальта — микрокосм пестрой, многоцветной, многонациональной, многоязыковой средиземноморской культуры.

— Да, Алеф, — умно заметил историк.

— Что, что? — не понял таксист.

— Вавилон, — буркнул Андрей Петрович.

— Вот селение Мзида, а вот отсюда лучше всего любоваться панорамой Валетты, — продолжал парень, — Мзида в переводе с арабского — «убежище рыбаков». Вот лодки с «глазами».

— Да, знаю. «Глаз Осириса» — древний финикийский символ, защита от всех опасностей.

— Давайте я прокачу вас по Сент-Джулиансу, — сказал таксист.

Путешественники любовались прекрасным узким заливом и пляжем, покрытым золотым песком. Дальше показались береговые скалы, непреступные на вид, но с ползающими по ним скалолазами.

— А вот городок Пачвиль, знаменитый на весь мир как место бурных ночных развлечений.

Мужчина улыбнулся больше тому, что водитель все время поглядывал в зеркало на «жену», которая равнодушно смотрела в окно.

— Ты, женушка, чай задремала? — спросил Андрей по-русски.

— Меня убаюкивает твой неподражаемый английский, дорогой, — тоже по-русски.

— Да, мне говорили, что у меня редкий эдинбургский диалект.

— Очень редкий, пожалуй, единственный в своем роде! — ехидничала женщина.

— Мой принцип разговора на английском научный: не прилагать стараний. Ты знакома из психологии с принципом 20/80, т. е. 20 % усилий дают 80 % результата, а 80 % дают лишь 20 %.

Машина остановилась.

— Мы у гостиницы «Каринтия». Отличный отель 5 звезд, — сказал водитель.

Уже заходя в отель, историк профессионально отметил в уме: Каринтия — историческая область в Европе, часть земли Австрии, часть бывшей Югославии, часть

Италии. Входила в империю Габсбургов.

У портьена «Reserption» Вера быстро оформила все формальности, взяла ключ-карточку и они с Андреем поднялись на 4 этаж в номер.

— Не смотри на меня так тревожно. Да, у нас один номер на двоих. Мы уже здесь семейная пара, — она была весела. — Я вполне безопасна для твоего морального облика. Кроме того, у нас разные комнаты и даже на разных уровнях (этажах) в номере. Давай посмотрим.

С этими словами молодая женщина, сбросив босоножки, по-хозяйски осмотрела прихожую: большой шкаф, ванная комната, тоже большая. В комнате первого уровня: диван, стол, два кресла, платяный шкаф, холодильник и телевизор. А также окно и балкон с видом на море.

Из прихожей на второй этаж шла спрятанная за дверью лестница в два пролета с поворотной площадкой. Комната значительно просторней, чем внизу: большая кровать, трельяж с двумя банкетками, тоже холодильник и телевизор, только меньше размерами. И небольшой платяной шкафчик. Также имелась туалетная комната, но без огромной круглой ванны как внизу, но с душевой кабинкой. И окно выходило на сторону моря.

— Я, с твоего разрешения, выбираю эту комнату, на втором этаже, — резво прощбетала Вера, не ожидая согласия Андрея. — Ты умеешь выспаться на диване? Он большой и раскладывается.

— Я полжизни сплю на диванах. Когда жена уехала в Штаты, я разменял нашу квартиру и теперь живу в маленькой «однушке» с диванчиком в два раза меньше. И в усадьбе мне достался диван. Это правильно — мужчина на диване склонен к размышлениям, а женщина на диване мечтает... о большой кровати.

— Умеешь ты выражаться афористично и с юмором. Я люблю таких мужчин, — у нее дрогнули ноздри, а глаза сверкнули и полуприкрылись.

— Давай-ка спустимся, дорогая. У тебя сейчас... мечтательный вид, — отшутился мужчина.

— Подними сюда, пожалуйста, мой чемодан.

Когда Андрей Петрович затащил чемодан наверх, женщина обоблдовала содержимое бара для напитков в холодильнике.

— Хочешь пить? — она держала в руках бутылку с бледно-зеленой жидкостью. — Это фирменный мальтийский лимонад. Он горьковатый. Его готовят из апельсинов и воды с добавкой полыни. У нас в России есть похожий — «Тархун».

— С удовольствием, — мужчина открыл бутылку и налил два стакана.

— Давай через полчаса встретимся внизу, в нашей прихожей. Я быстренько приму душ, пойдем погуляем и что-нибудь съедим.

— Через сорок минут. Меня соблазняет «барская» ванная внизу, — предложил в ответ Андрей.

— Хорошо.

Когда через означенное время женщина спустилась, в нос ей ударил запах шампуня.

— Ты что, вылил весь запас моющих и освежающих средств?

— Их тут не израсходовать за месяц, — буркнул мужчина.

Он стоял спиной у окна и что-то прятал, чем-то поспешно шуршал.

— Что ты делаешь?

— С «барством» не получилось. Положил вот на край ванны путеводитель и... хотел...

ну, как в этих фильмах о красивой жизни...

— В этих фильмах на край ванной ставят свечи и бокалы с шампанским, — засмеялась женщина.

— Я советский ученый. Я кладу книги, — тоже засмеялся Андрей. — Вот подсушиваю теперь.

Парочка вышла из гостиницы и побрела наугад вдоль побережья. Буквально через десять минут прогулки начался какой-то «парад» кафешек. Пять, десять... Больших и маленьких. Желудочный сок и случай остановили их у одной из них. Может быть, понравилось название «Каверн».

— Тебя привлекло название «Пещера»? Рассчитываешь там увидеть призрак апостола Павла? — иронично спросила Вера.

— Кто знает, кто знает. Все связано, все закономерно, — задумчиво сказал мужчина. — А вообще, так называлось кафе в Ливерпуле, где выступали «Битлз». А я их любил в молодые годы и сейчас люблю.

— «Let it be»! — утвердительно отчеканила женщина.

Андрей удивленно вскинул брови.

— Да, я знаю творчество этой группы. И тоже люблю и этот альбом, и другие. Дело в том, что мой отец до поступления в училище носил длинные волосы, джинсы-клеш почему-то редкого цвета — зеленые. Он бегал на питерскую таможню и, имея там некоторые связи, менял у иностранных моряков русский «блошинный» антиквариат на пластинки. Я в детстве слушала его коллекцию. Даже бабуля сказала как-то, что их мелодии «открывают» смысл слов. А она ведь филолог и долго занималась напевным старославянским языком.

— Да, слово, его слог — это *Знак* и *Смысл Высшего*, — сказал Андрей, — и в нем мелодия.

— Только давайте без пафоса, без «музыки сфер».

Молодая женщина смотрела на стену, где расположились милые картинки: бухточки, парусники, на заднем плане небольшие виллы в тенистом садике на возвышении. Место Андрея располагалось в глубине закутка, стилизованного под грот, и взгляд его упирался во входную дверь кафе. В эту дверь туда-сюда сновала праздная молодежь. Это неприятное для него обстоятельство женщина прочитала на его лице:

— Ты устал от толп молодежи в своем университете?

— Признаться, да. Хоть и говорить об этом глупо. Ведь за три тысячи лет до нашей эры на глиняных сосудах и даже гробницах фараонов Древней Вавилонии и Древнего Египта частенько начертаны жалобы на молодое поколение. Мол, «ленивы, мало интересуются науками, непочтительны»... А что интересует моих студентов? Гаджеты, бизнес-планы...

— Ну, на тех глиняных «гаджетах» тоже в основном начертаны какие-то подсчеты. Ты ворчишь и преувеличиваешь.

— Без внутренней духовной зрелости все это пустое. Я учу историков, а они будут управлять социальной, образовательной и культурной политикой в муниципальных и государственных сферах, — Андрей сделал паузу и горько добавил, — я, видимо, через два-три года уволюсь из университета. На следующий семестр я взял всего лишь полставки. И действительно хочу... поменять жизнь... Чем буду заниматься — не знаю, но мои знания и умения пока не нужны. Мне скучно.

— Мне кажется, что ты пока не знаешь своих талантов и умений. Судьба сама тебя найдет. И у меня есть... долгосрочный план нашего сотрудничества. Поговорим об этом

позже.

Она листала меню.

— Какие у тебя предпочтения в мальтийской кухне? Ты ведь изучал путеводитель.

— Коль скоро у тебя есть на меня долгосрочные планы, начнем с кулинарной подготовки. Доверяюсь начальству, — хмыкнул мужчина.

Женщина заказала равиоли, брускетты и рисовую запеканку с мясным фаршем. На десерт — особую мальтийскую халву, бутылку уже знакомого лимонада и бутылку натуральной воды.

Пока ждали заказ, Вера увлеченно рассказывала Андрею:

— Еда почти в итальянском стиле: равиоли — такие пельмени, где начинка состоит из свежего нежирного сыра типа «ricotta», сдобренная петрушкой, сверху поливают томатным соусом с сельдереем и базиликом, да еще посыпают тертым пармезаном. А здешняя халва — просто объединение, — она запнулась.

Андрей явно не слушал ее.

— Ты что, мечтаешь о своих уральских пельменях? Или устал? Так, лимонад с полынью тебе сегодня нельзя — там содержится легкий наркотик.

— Нет, извини. Я хочу спросить тебя о планах, хотя бы на три ближайших дня.

— Пожалуйста. Я уже говорила, что завтра весь день работаю в библиотеке. Ты гуляешь по прекрасной Валетте. У меня лишь три поручения. Достань, пожалуйста, путеводитель.

— Я не взял с собой.

— Ничего, у меня с собой, в сумке.

Вера быстро открыла страницу с планом города.

— Итак, фельдмаршал, смотрим карту: во-первых, в Кафедральном соборе Св. Иоанна обратить внимание, что в Крипте, среди захоронений великих магистров, есть могила единственного рыцаря, сэра Оливера Старки, секретаря ля Валетта и последнего из рыцарей английского языка на Мальте. Генрих VIII поссорился с Папой и английское отделение (Оберж) закрыли. Так вот, этот рыцарь особо отличился в дни Великой осады. А умер через двадцать лет после ля Валетта, в 1588 г.

— Что значит обратить внимание? Поработать тростью?

— Именно. И тростью, и головой, и сердцем. Используйте во всех случаях свой *Дар*! Меня интересует: держали ли в руках те люди, о которых пойдет сегодня речь, и вообще любой персонаж в дальнейшем, *Пергамент* или Укладку. Или их части. Или были вовлечены в эту тайну. Во-вторых, и это вторая просьба, во Дворце великих магистров внимательно посмотреть на портрет магистра Фердинанда фон Гомпеша. В-третьих, при самом въезде в Валетту, вот здесь, — она ткнула ногтем в карту, — между городскими воротами и бастионом Св. Михаила расположено здание в форме усеченной пирамиды. Вряд ли ты попадешь внутрь, но все-таки. Об этом здании нет в брошюре, и я специально пока более ничего не скажу. Да, путеводитель не забудь. И мою книгу, если будет время, почитай. Ту главу, где речь пойдет о периоде с 1797 по 1804 г.г., выделяя личности Гомпеша, Павла I, Наполеона и, особенно, Андрея Итальянского.

— Слушаюсь. А послезавтра?

— А послезавтра вместе будем работать в библиотеке над теми томами архивов Ордена, что затрагивают период с 1797–1804 г.г. Я покажу на месте как работать с архивными документами.

— Уж поверь, я много работал в архивах, — обидчиво заметил доцент истории.

— Извини, но у нас мало времени, и у меня есть свои способы извлечения нужной информации.

— Ну да, конечно. А что будет в третий день? — любопытствовал мужчина.

— Как указано в Библии: сотворим животных, потом человеков, — засмеялась Вера Яновна, — шучу, человеков не будем. И животных тоже. Поедем на экскурсию в Мдину, Рабат и Мосту.

— В Рабате будем в пещере Св. Павла? — обрадовался Андрей.

— Обязательно. Рабат — чудесный средневековый городок, с узкими пустынными улочками. Там одна семья держит ресторанчик, где готовят кролика по-мальтийски. Пальчики оближешь! — Вера действительно облизнула свои пальчики, приканчивая халву.

— Как ты так походя: от Св. Павла к кролику, — наставительно заметил мужчина.

— Не нуди, ты не на лекции, — и после паузы. — Не обижайся, попробуй лучше халву. Не хочешь? Я беру с собой!

В гостиницу вернулись затемно. Наступила южная мальтийская ночь.

Андрей умылся. Лег на диван и, решив, что самое приятное перед сном — подумать о женщине, что была рядом целый день, спросил себя: «Интересно, Вера и вообще такие вот деловые, интересные молодые незамужние женщины мечтают о рыцарях? Или опыт уже победил надежду? Спрошу завтра...» Последнее слово «завтра» легло туманом на сознание уставшего засыпающего мужчины.

В восемь утра они завтракали в гостинице на первом этаже. Вера «поклевала» какие-то мюсли на кефире, выпила стакан апельсинового «фрэша» и «эспрессо». Андрей же, буркнув, что в Питере уже обеденное время, откусывал плотненько.

Когда парочка проходила мимо стойки «Reception», служащий передал им записку от мужчины, сидевшего в дальнем углу холла и читавшего газету.

Вера с неудовольствием прочла записку.

— Это от того самого Ричарда. Просит уделить ему пять минут.

Как только они направились в сторону англичанина, тот вскинул голову, встал резко, как-то по-военному, и, отложив газету, взял в руки букет цветов, лежавший рядом на диванчике. «Сделал» улыбку, обнажив два ряда крепких белых зубов, и направился навстречу.

— С приездом на Мальту, Ве-ра. Я — Ричард. Рад знакомству, — и протянул букет.

Высокий подтянутый сидящий шатен с короткой стрижкой, элегантно одетый. Низкий лоб, глаза — щелки, тонкие губы.

— Спасибо, — улыбнулась Вера, уже весело играя дипломатку, — вы похожи на Ричарда Гира, — кокетливо продолжила женщина.

— Да, мне говорили. Только я — Ричард Старки, — медленно и тихо произнес мужчина, внимательно вглядываясь в лицо женщины, которое приобрело растерянное выражение, — я вижу, вы поняли, что я — пра-родственник сэра Оливера Старки.

Вера Яновна взяла себя в руки.

— Познакомьтесь. Это Андрей Петрович, мой муж. Мы недавно в браке и у нас в некотором роде свадебное путешествие. Андрей живет пока на Урале, он нефтяник, имеет несколько буровых. Я говорю вам это затем, что мне не хочется здесь и сейчас говорить о работе.

Этот «блеф» был, видимо, приготовлен заранее.

— Я не отниму у вас много времени.

— Я год назад была по делам в Англии, на конференции. Там познакомилась с сэром Уильямом Старки, тоже родственником сэра Оливера. Он живет в предместье Бирмингем.

— Вы ошибаетесь, — строго сказал Ричард. — Такого человека в нашем роду нет. Не нужно меня ловить на примитивном блефе, — британец «растянул» улыбку.

Женщина сделала легкомысленный вид, пожала плечиками, развела ладошки:

— Ну, может быть я что-то перепутала...

— А я вот действительно в прошлом году был на конференции в Санкт-Петербурге. И ваш доклад мне очень запомнился. И ваш интерес к Ордену мне показался очень личным... — британец продолжал говорить медленно и тихо, внимательно наблюдая за женщиной. — Ваши исследования весьма глубоки.

— Что вы говорите? Очень лестно, — она пыталась вежливо и мило улыбаться, но получалось крайне глуповато. Вера Яновна переигрывала и теряла лицо.

Она вспомнила эту конференцию. И вспомнила этого господина, задавшего ей коварный вопрос о реликвиях Ордена Иоаннитов, якобы оставшихся в России.

— Я вижу, вы припомнили меня. Не могли бы вы припомнить также и что вы говорили на банкете после конференции о своей будущей книге, и, главное, что ваш дядя, историк, «раскопал» о связи легенды о змее и крахе Византии. Вы еще красиво выразились: «Нити Накала»...

«Вот это вираж! Надо взять себя в руки!», — лихорадочно думала женщина. В тот вечер она перебрала шампанского.

— Мне стыдно признаться вам и даже себе в том, что шампанское ударило мне в голову и я чего-то там приврала. Хотелось похвастаться, напустить загадочности и интриги. В конце концов, я — слабая женщина, — уже более уверенно заговорила женщина.

— Да, конечно. Извините меня, сударыня. Я тоже перебрал. Для английского джентельмена я был недопустимо напорист, — ряд зубов обнажился. — Мне кажется, нам необходимо побеседовать пообстоятельней. У нас общие интересы. И потребуются некоторые договоренности. Давайте вечером, часов в семь, встретимся в «Кордине». Вы ведь, конечно, знаете это знаменитое и старейшее кафе на Republic Street? Библиотека закрывается в пять.

— Я знаю, где «Кордина», а откуда вы знаете, что я собираюсь в библиотеку? — опять удивилась женщина, — и что я сегодня утром буду в «Каринтии»?

— Русские женщины любят пить шампанское и читать книги. — Шучу, конечно. Я вечером кое-что объясню, — англичанин галантно поцеловал руку Веры и пошел к выходу.

Но вдруг обернулся и лукаво добавил:

— Не смею учить коллегу. Вы, Ве-ра, я знаю, весьма опытни в работе с архивной документацией. В Европе вас знают и как крупного специалиста в расшифровке тайнописи и древнейших артефактов. Ваш покорный слуга тоже лет 20 занимается этим, поэтому маленький совет, даже презент: внимательно просмотрите 11-й том архивов Ордена. С этого и начнем беседу в «Кордине». Желаю удачи!

Когда британец исчез из виду, женщина буквально рухнула в ближайшее кресло. Лицо очень бледное, лоб и переносица покрылись капельками пота, ноздри и губы вздрагивали сильнее обычного. Андрей тоже присел. Он понял все, хотя разговорный английский с непривычки был трудноват. Голова болела. Эта огромная белая сова с ярко-желтыми кругляшками глаз, как обычно в такие минуты, села на голову, вцепилась когтями и сжала её своим горячим фиолетовым обручем. Минуты две сидели молча. Затем снова исчезла, над

головой запорхала крыльями и хвостовым оперением любимая андреева птичка-невеличка. Эта птичка танцевала над головой, расположив свое туловище вертикально. И пела чудесную песнь! И голове стало легко, и опустился на нее голубой прохладный обруч. Душу Андрея обволокло покоем, а ум чрезвычайно обострился, готовый проникнуть в самую суть вещей.

Мужчина взял в свои руки руки женщины, посмотрел ей в глаза, губы его беззвучно произнесли что-то непроизвольное, неосознанное. Та вскинула на него глаза, они уже улыбались с благодарностью, но и одновременно виновато. Лицо порозовело, пот исчез.

— Спасибо, я спокойна. Ты, Андрей, умеешь проделывать такие же целительные штуки, что и Иришка? — спросила удивленно Вера.

— Да нет, особой практики нет. Успокаивал так детей, жену... давно... в детстве.

— У тебя опять, как в Стамбуле, был вид «улетевшего», — произнесла тревожно женщина, — что ты *Видел*?

— В этот раз ничего. Но мне кажется, что этот Ричард много знает, очень заинтересован в тебе и опасен.

— Но что все-таки с тобой бывает в такие секунды?

— Это случилось в первый раз, когда мне было лет 12. Мы жили тогда в рабочем поселке под Свердловском. Я был читающий, умненький и слабый мальчик. Добрый. Рядом с домом было ремесленное училище. «ПТУшники» задирали нас, малолеток. И однажды один из них ударил меня так, что я упал затылком на бетонный бордюр. Вот тогда и прилетела эта страшная сова... а потом, дня через два, когда сознание восстановилось, прилетела волшебная птичка-невеличка... Я потом опишу их... А сейчас добавлю, что в соседнем подъезде жил парень лет 16, Витька. Он был хулиган и занимался боксом со старшим братом, недавно освободившемся. Почему-то Витька симпатизировал мне, очкарику. И вот после моего выздоровления он позвал меня к дверям ПТУ. Когда ремесленники гурьбой вывалились из двери, матерясь и размахивая сумками, Витька спросил:

— Который?

— Вот этот, — показал я, сжавшись от ужаса.

Витька, небольшого роста, худощавый, отозвал этого верзилу в сторонку и на глазах обалдевших парней начал его бить. Да как, «метелить»! Витька не был ни разъяренным, ни даже взволнованным. Он после каждого точного удара ногой или рукой весело улыбался.

— Вот надо как, Андрюшка! Забудь страх! Верь в победу!

И ушел, сплюнув в сторону парней, которые даже не подходили к лежащему в пыли товарищу. Я тоже повернулся, чтобы уйти, но заметил кулившего на балконе старшего брата Витьки, который наблюдал за сценкой. Глаза его были спокойны, рот кривился в усмешке так, что шрам во всю щеку подрагивал, а рука с татуировкой змеи крепко сжимала перила балкона. Парни, несомненно, тоже видели его и, конечно, знали о нем. Он оторвал руку от перил и небрежно указал мне на обидчика. Я, не осознавая что делаю и зачем, медленно и спокойно подошел к лежащему и пнул этого поддонка в окровавленный рот. Хладнокровно. Потом еще, еще... Парни закричали:

— Убьешь!

— И, Слава Богу, этот окрик остановил меня. Вот так из моей жизни ушел страх. И.. пришла жесткость. И это умение *Видеть*, как говорит твоя бабушка, — он задумчиво посмотрел на женщину, — и правила жизни витькиного брата: «не верь, не бойся, не проси!»

Та тоже задумчиво сидела, только чувствовалось ее горячее дыхание.

— Ну, вот и я, подобно этому Ричарду, повел себя с тобой не по-джентельменски. Рассказал девушке такое... — огорченно закончил Андрей свой печальный рассказ.

— Ничего. Я крепкая. И потом: «...когда б вы знали из какого сора растут стихи, не ведая стыда...», — Вера Яновна встала и пошла к выходу, добавив на ходу, — мы «поколотим» этого англичанина, даже если потеряем пару зубов.

И уже выйдя на улицу:

— Нужно лишь поменять тактику поведения. Я ведь предполагала там, в Питере, что Ричард — какой-нибудь интриган, авантюрист-одиночка, коих много вокруг белых пятен и загадок истории. Но, нет, он — профессионал! И у него большие связи! У нас тоже! Е Валетту, в дозор!

Она бодрым шагом направилась в сторону моря.

— За завтраком я хотела доехать до Валетты автобусом, но сейчас нужно немного расслабиться, а потом сосредоточиться. Поэтому, не поедем, а поплывем! На рейсовом теплоходике. Море подарит нужный настрой. Это всего полчаса. Только, пожалуйста, не будем разговаривать. Смотреть вокруг, и все, — тихо попросила женщина.

Они действительно быстро доплыли.

— Вот фонтан Тритонов, вот Городские ворота, там улица Республики — главная, прямая и широкая. Закрой, Андрей, свой путеводитель. Здесь все близко. Я ведь была на Мальте.

Пройдя неторопливым шагом по улице Республики с десяток минут, Вера сказала:

— Вот справа Кафедральный собор Св. Иоанна. Наслаждайтесь! А мне еще немного прямо, в библиотеку. Встречаемся в 17:10 вечера на площади Республики. Там есть лавочки и тень. Я тебя увижу. Пока, — и после паузы, — удачи, друг мой! Привет своей возлюбленной птичке-невеличке и тени сэра Оливера Старки, — влажные мягкие губы коснулись щеки Андрея.

Мужчина наслаждался прогулкой. Веерные пальмы, агавы и олеандры составляли чудесный контраст с домами медово-жёлтого цвета, с их резными балконами. Когда-то здесь обитали легендарные мальтийские соколы.

Он подошел к собору. Суровый внешний вид. Контраст внешней простоты и внутренней пышности. Стены покрыты инкрустированным и позолоченным известняком. Творение гениального Кассара. Собор — ровесник Валетты. Прямоугольный интерьер в стиле барокко, три нефа. Росписи по стенам и потолку, фрески другого мальтийского гения, художника Маттиа Прети. На полу множество могильных плит — разноцветных, мраморных, поражающих воображение.

Андрей Петрович посмотрел на план Собора.

«Хм, это еще не крипта. Вот главный алтарь, скульптурная группа «Крещение Христа». Нет, осмотр всей этой красоты чуть позже. Пока мало туристов, нужно пройти в крипту». Мысль стала тревожной: «Я ведь совсем не имею опыта использования этой трости-биолокатора. Как по мановению этой палочки-выручалочки подключить свое сознание ко *Времени* и *Духу* сэра Старки? *Видеть* же я начинаю в некоей обостренной, особенной ситуации».

Он подошел к крипте. Саркофаг ля Валетта, саркофаг ля Кассьера — другого великого магистра, на средство которого и по чьему повелению началось строительство собора. А вот и захоронение сэра Оливера Старки. Крипта расположена в подвальном помещении, под алтарем. Прохладно, сумеречно, безлюдно. Хорошая аура. Но какая-то внутренняя неловкость мешала проделать нужные манипуляции с тростью.

«Надо было потренироваться с Верочкой. Поиграть с ней в прятки или в «Двенадцать записок», — неожиданно вслух произнес Андрей. И потом опять мысленно:

«Двенадцать, всюду двенадцать... Двенадцать апостолов, апостол Павел родился двенадцатого... Это может быть какой-то подсказкой». Он обошел надгробие сэра Старки. Уперся взглядом в перевернутый крест. Первые секунды этот перевернутый крест не напоминал знака Сатаны, а напоминал мачту парусника; а красивые инкрустации (их было двенадцать!) ассоциировались с узлами крепления судовой снасти парусников. Он зачем-то вспомнил Ушакова, адмирала, причисленного к святым. Напряг память: «А были ли причислены к святым Кутузов, Суворов... Кажется нет. Странно.» В голове пронеслись образы Г. Н., апостола Павла... Они были в дозоре! Сознание начало туманиться, глаза закрылись, число 12 расплылось змейкой, закругляя и объединяя цифры 1 и 2. Андрей прошептал: «Змея... Укладка...». Еле слышный звук, напоминающий щелчок, заставил его открыть глаза. Он увидел, как в центре надгробия появилось еле заметное светлое пятно. На это пятно он направил трость. Из пятна сформировался предмет, напоминающий шкатулку. Еще щелчок — крышка шкатулки отворилась, из нее высыпались какие-то камушки беловатого цвета. Двенадцать штук! В мгновение ока камушки обернулись змеей, которая зашипела и попыталась заползти на трость. Мужчина взмахнул ею. Все исчезло... Ноги Андрея стали ватными, руки дрожали, еле удерживая трость. Но это удача! Первая, большая, главная! Спасибо, «Чижик-Пыжик».

Быстро поборов волнение, в хорошем расположении духа, он продолжил рассматривать шедевры Храма. Вот взгляд укололся о скульптуру из белого мрамора: обнаженный по пояс

мускулистый человек, на гладко выбритой голове которого длинный запорожский чуб?! Откуда, почему на этом далеком острове такой вот русский след?... «Нужно спросить у Веры», — запротоколировал в голове и отправился в Музей собора, затем в капеллу правого крыла.

Вот они, два полотна гиганта позднего Возрождения Микеланджело Меризи да Караваджо: «Усекновение головы Иоанна Крестителя» и «Св. Иеремия». Толпа туристов.

«Среди этих людей так много «истинных» поклонников живописи. Видно по «вдумчивым» лицам», — иронично и недобро подумал Андрей. «А ведь если бы не случай, я бы вряд ли попал сюда, да и вообще российским интеллигентам в большей их части судьба уготовила лишь рассматривать альбомы классики архитектуры и живописи, дома...». Андрей раздражался на себя за эти мелкие и суетные мысли о скудном материальном положении многих образованных людей сегодняшней России. Талант, знания и мудрость внутри человека! В конце концов, только в монашестве или просто уединенности думающего человека обретаются истинные устойчивые ценности. И впечатления. Те, которыми не пресытишься!

Теснота помещения отвлекала и мешала. Туристы толкались и галдели. Но вот Андрею Петровичу удалось наконец отдать свои глаза, мысли и душу мрачным краскам этого гениального хулигана. Вот подпись автора красным цветом на крови Крестителя. Единственная на полотнах Караваджо, человека, дважды приговоренного к смертной казни и дважды бежавшего от наказания! В первый раз он убил человека и удрал на Мальту. Там он стал «Рыцарем по милости» за свой Божий Дар, хотя и не таким полноправным как «Рыцари по праву», имевших глубокие аристократические корни. Но гордец не желал просить милости у права, продавать талант сильным мира сего. И вот однажды он жестоко избил одного такого «правого», был посажен в тюрьму, приговорен к смерти. И опять удрал! На сей раз на Сицилию, в Сиракузы. Искать его не стали, исключили из Ордена с позором.

— Да, ребята, — Андрей Петрович обратился по-русски к одному из туристов, грузному мужчине, который тупо смотрел на лужу крови на картине. — Не удастся пока закрыть вопрос о гениях и злодеях.

Дядька отскочил к другой картине. Андрей тоже естественным образом приблизился к «Св. Иеремия».

— А вот скажи-ка, брат, — с серьезным видом, не выдавая ёрничества, снова обратился он, и снова по-русски, к растерянному и вспотевшему по всему периметру лысины господину. — Как думаешь, часто бил Св. Иероним себя этой палкой, чтобы не заснуть во время перевода Библии? — Андрей указал на картине палку и для наглядности объяснения стукнул себя легонько тростью по голове.

Ужас на лице толстого господина нельзя передать словами. Он засеменил к выходу, толкнув по пути тоже не художавую даму, которая от возмущения чуть не ударила его зонтиком.

— Ну вот, — засмеялся Андрей, обращаясь уже к даме, — а еще говорят, что высокое искусство может быть доступно каждому и облагораживать всякого простого человека. Ничего, не беспокойтесь, мы с вами изгнали торговца из Храма. Только и всего-то. Как принято из века.

«Ну все, хватит куражиться — подумал он. — Все же я в «Кафедрале». Нужно насладиться этим дорогим сердцу воздухом европейских соборов.»

При выходе в сувенирной лавке наш герой купил за 8 евро замечательный подсвечник:

резьба по дереву, покрытому бронзовой краской, изображала четырех рыцарей, расположенных по кругу, и сверху медная чаша для свечи. Он любил зажигать свечи!

Следующий пункт экскурсии — Дворец великих магистров. Андрей заглянул в брошюру: построен тоже великим Кассаром, примерно в то же время, что и Кафедральный Собор, при ля Кассьере. Здание занимает целый квартал. Весь фасад, хоть и величествен, но строг. Только два арочных прохода в стиле барокко имеют украшения. Эти арки ведут во внутренние дворики. Один из них называется Двором Нептуна, т. к. в нем стоит бронзовая статуя бога морей. Статуя стоит под сенью вековых лип и в тени одной из них Андрей углядел небольшую скамейку, на которую незамедлительно присел. Силы нужно беречь... Необходимо также сбросить неудовольствие, вызванное большой шумной экскурсионной группой американцев, зашедших во Дворец перед носом Андрея. «Хозяева мира», видимо, решили припасть к алтарю нестяжательства, благочестия и личной бедности.

Есть пауза, чтобы почитать верину книгу в той ее части, где в разной связи упоминается Гомпеш. Он не любил работать с историческими материалами бессистемно и наспех. Но Верочка дала задание лишь прочувствовать и понять по портрету характер этого человека — барона и магистра. Текст был насыщен подробностями, множеством официальных депеш того сложного и запутанного времени рубежа 18–19 веков, когда ситуация в Европе была противоречивой, быстро меняющейся, двусмысленной и ускользающей от анализа. Сама Вера Яновна называет в книге этот период «театром абсурда».

«Ну и какой же будет портрет этого парня? Да такой же сумбурный. Орден погибает. Наполеон набирает силу. Кому служить? Англии, России, Франции? Или родной Австрии? Или лавировать между ними, чтобы сохранить Орден, свою власть или даже жизнь?!»

Андрей Петрович пытался из клубка событий и людей вытащить главную нить, «Нить Ариадны», путеводную «Нить Накала». Примерно в этом была суть работы Веры Яновны (ее сложнейшей «матрицей»). Многоструктурной, многоуровневой и крайне обширной. Да, но у нее есть ключи Знаков, Совпадений, Слов. Он предположил, что она клубок пространства и времени преобразует в плоскостную паутину из миллиардов нитей, затем помещает эту паутину в свою матрицу и начинает «колдовать». Нет, он, наверное, приписывает ее методику своему методу, который он в шутку назвал «О! Гол. Телым. Сюрреализмом». Еще в период аспирантуры Андрей говорил Сергею и Ольге, что, изучая исторический объект (он называл его телом), любит разрывать логические связи, заменяя их субъективными ассоциациями. Цепляясь, конечно, за ключики *Знаков*, но рожденных изнутри, из собственных ощущений, и лишь проявленных предметно. Однажды он высказался об этом профессору. Г.Н. очень внимательно взглянул на молодого человека и медленно произнес: «Я хорошо понимаю тебя, Андрюша. Проблема лишь в том, что такое умение *Видеть* может порождать видимую достоверность. Хотя... твой Дар может быть настоящим. Посмотрим. Все ведь неоднозначно...».

Андрей закрыл книгу и еще раз подытожил: «В 1798 году Мальта сдана Наполеону. Рыцари разбегаются по Европе. Часть направляется в Россию под крыло Павла I, желая видеть его великим магистром. У Гомпеша нет авторитета среди рыцарей. Он сбегает в Триест. А почему не на Родину, в Австрию? Он ведь барон, там имеет кое-что. И почему умирает в последствии во Франции, нищим?! И вот еще: идея переориентации Ордена на Россию и назначение императора Павла I магистром родилась в кругу австрийских рыцарей! Да еще и Богемия, и Неаполитанское королевство ведут свою игру. Игру ведет и лукавый российский посол в Неаполе Андрей Итальянский... Гомпеш, бедный Гомпеш, как тебе

выполнить долг перед Христом, Римом и Орденом?!».

Андрей посмотрел на свою трость. Взял ее нужным образом.

«Лучше всего трость, как индикатор биолокации, работает (исключая, естественно, живую материю) с предметами, носящими в себе большой энергетический заряд. Например, очень дорогая для человека вещь. Меч, нателный крест...»

Тут ему вспомнились, буквально две строчки из книги о том, что Наполеон вывез с Мальты меч и кинжал ля Валетта, тьму сокровищ, библиотеку, которая при перевозке затонула.

«Это какой-то *Знак*?! Но меч Гомпеша не был прославлен в боях... Держал ли он в руках *Укладку*? Если держал, то ему была известна ее *Сатанинская* сила и с портрета можно что-нибудь «скачать»... А Наполеон? Почему я вспоминал о нем неоднократно? Есть ли связь с Гомпешем? Биолокация... Неужели к Наполеону потянется *нить накала*?»

Андрей взглянул на часы. Он просидел на лавочке полтора часа. Туристов было мало, изредка во Дворец заходил один, двое посетителей. Это хорошо, и он более-менее настроил себя на встречу с «портретом неизвестного». Пора взглянуть ему в лицо! Взглянуть в лицо неизвестности...

Мужчина взял трость за конец длинной части, когда скипетр приобретает благотворные свойства, обошел держа его таким образом статую Нептуна и вошел во Дворец. Вдруг в сознании знакомый и любимый с детства образ рыцаря сассоциировался с петлевым крестом — крестом жизни — АНКХ. Если такой крест держать сверху за кольцо, он оказывает, как и скипетр фараона, благотворное воздействие. Но тот же крест, если его перевернуть и держать не за кольцо (мужчине в правой руке, женщине в левой), а за рукоятку или в противоположной руке, окажет повреждающее действие.

«Перевороты, противоположности, полярности. Единство и борьба противоположностей. В диалектике, в религии, в эзотерике», — думал Андрей, увязывая и плетя узоры мыслей из всяких, казалось бы, случайных мелочей.

Герой явно не торопился к портрету... Большие актеры. Пауза, поворот головы... Сначала попасть в сердце, потом подключить интеллект. Вот ведь школа Станиславского создана для «среднего» актера, но способного поднять себя «за волосы» к высотам психологизма».

«Господский» этаж, как и в ренессансных итальянских дворцах, — второй. Главная лестница с низкими ступеням, позволяющая рыцарям в тяжелых доспехах подниматься без труда.

Какие-то залы он прошел равнодушно, думая о своем. С удовольствием задержался в галерее доспехов. Ему неудержимо захотелось потрогать доспехи, мечи рыцарей. В картинной галерее Дворца выделяются портреты великих магистров. Зал пустой, ни одного посетителя. В коридорчике в начале зала стоит скучающий полицейский. Андрей шел и осматривал портреты медленно. Остановился у портрета Гомпеша. Первый внимательный взгляд как бросок кобры. И отошел, рассматривая картину, где изображена какая-то битва. Вернулся к портрету. Снова взгляд-укол, другой, а затем как будто отрешенное разглядывание. Сначала костюм: черный плащ, на груди мальтийский крестсеребристого цвета, отложной воротник прямоугольной формы серого цвета с белой окантовкой. Без головного убора, без парика и без оружия.

Наш герой повесил трость петлей на указательный палец. Посмотрел на лицо. В глаза. Лицо смятенного человека. И глаза смотрят в разные стороны, причем один на запад, другой

на восток! Проступает какая-то внутренняя борьба, даже боль человека, на плечах которого бремя огромной ответственности.

В какой-то миг на портрете проступило уже знакомое световое пятно и в нем проявилась шкатулка! Но щелчка нет, и крышка не поднимается. Да еще пятно стало раздваиваться, расплываться и исчезло вовсе. Что это значит: раздвоение личности Гомпеша, разделение чего-то? *Пергамента? Укладки?*

Андрей еще раз прошелся по галерее и снова вернулся к портрету. Иногда, при изучении какого-либо запутанного исторического сюжета, он использовал такой метафорический образ: помещал историческое «тело» как бесформенный ком глины на гончарный круг (серая глина — символ земли и воды), вот он вращает круг то быстрее, то медленнее (вращение — главное из движений); воздух (еще одна стихия) обволакивает глину, голые руки обнимают ком то крепче, то слабее и вытягивают образующийся сосуд, уже наполненный ассоциациями, знаками, связями вверх, к небу; а потом обжиг, огонь, конечно, огонь (последняя и верховная стихия!).

Он поднес мысленно сосуд к портрету. Истина не хотела заполнять его. Снова дрожание светлого пятна на лице, но уже даже слабее, чем в первый раз.

Андрей Петрович вышел на Дворцовую площадь, обошел ее и направился в сторону гавани Марсамшет. Проголодался и зашел пообедать: осьминог, фаршированный овощами, «американо», двойной! Полистал путеводитель. На часах 14:15.

Из кафе он побрел дальше к гавани. Целью его были Церковь Пресвятой Девы горь Кармель и английский собор Св. Павла. Андрей выбрал эти два храма из многих прекраснейших в Валетте по двум соображениям. Во-первых, огромный купол церкви своеобразно расширял и одновременно вбирал в сферу сознание, а готический шпиль Собора заострял мысль на главном. Во-вторых, Old Theatre Street у гавани заканчивается бельведером, откуда открывается изумительный вид на балконы Валетты, на очертания Слимы с парусниками вдоль берега. Мальтийские балконы — особая «фишка» в архитектуре городов архипелага. Они разноцветны, хотя чаще окрашены в зеленый цвет. Все их рамы поднимаются, чтобы воздух свободно поступал в комнату. Прятаться в такой симпатичной «кабинке для наблюдения» удобно: ты всех видишь, а тебя — нет.

Пора вернуться к городским воротам. Там еще одно здание, в котором Верочка просила побывать. Вот оно, пирамидального вида, похожее своей внешней грубой суровостью на военное крепостное сооружение. Несколько оконцев-бойниц, возле входа табличка: «Посольство Иерусалимского, Родосского и Мальтийского державного военного Ордена госпитальеров Св. Иоанна».

«Военного?!», — отметил Андрей. Вход наглухо закрыт: ни звонка, ни колокольчика, ни характерной для Мальты дверной колотушки. Очевидно, что гостей здесь не ждут! А до встречи с Верой Яновной всего час. Он огляделся, отыскал место, откуда можно было бы наблюдать за входом. Через минуту, как только Андрей отошел от здания на три десятка метров, дверь приоткрылась. На пороге появился мужчина, одетый в строгий темно-серый костюм. Он услужливо придержал дверь и из нее вышел другой мужчина с пакетом в руках. Быстрым шагом он направился к машине, по дороге сделав звонок по телефону. Сел в машину и уехал. Это был Ричард! Он не заметил Андрея. Первый мужчина, видимо охранник, тоже сделал короткий телефонный звонок, закурил, рассеянно глядя по сторонам.

«Следует ли сейчас пытаться просить разрешения пройти внутрь? Наверняка, нет: вряд ли разрешат, а если уж разрешат, на видеокамере останется его физиономия и Ричард может

просмотреть запись», — лихорадочно думал Андрей Петрович.

В задумчивости он направился к Большой гавани. Прогулялся по верхнему парку Барракка, еще раз полюбовался чудесной панорамой бухт на противоположной стороне гавани. И направился, бегло глядя на план города, к Национальной Библиотеке. Вот улица Св. Урсулы, вот Св. Павла, Св. Лючии, а вот и площадь Республики. Оказалось, что большая часть площади, прилегающая к библиотеке, была заставлена столиками летнего кафе под навесами. Они упирались буквально в статую королевы Виктории.

Андрей присел поближе к парадной арке библиотеки, заказал кофе и воду. Здание библиотеки — дворец в стиле классицизма. Через пять минут к нему под села Вера. Лицо уставшее, задумчивое.

— Как твои дела, Андрей? Какие впечатления? — сразу спросила она, и, не выслушивая ответа, продолжила, — я хочу пить, да и перекусила бы что-нибудь. В библиотечной столовой я попробовала так называемый «вдовый суп» из овощей, запавленный молодым сыром из козьего молока. Гадость. А вот творожное печенье было вкусным.

Они заказали несколько пирогов. Один с начинкой из рыбы, овощей и риса. Другой — шпинат с анчоусами. Третий из цветной капусты с сыром и яйцом.

— А что это, моя жена хотела насладиться «вдовым» супчиком?! Твой героический муж Андрей вернулся с задания целым и невредимым. И принес кое-какую «добычу», — и иронично, и гордо произнес Андрей.

Вера поцеловала его в щеку.

— Замечательно! И я неплохо потрудилась... — в её манере было, видимо, не спешить переходить к серьезным разговорам.

И точно: она опять подозвала официанта и заказала бутылку абсента. И это по-нашему, для разговора.

— Абсент тоже содержит полынь. Это любимый напиток Ван-Гога, расслабляет отлично. Нужно немного выпить перед встречей с противным Ричардом...

— А я его сегодня встретил... — начал было мужчина.

— Да что ты?! Нет, давай все по порядку. С подробностями фактов и впечатлений по сути наших поисков.

И добавила еще:

— Гете говорил: «Дьявол (и Бог) — в деталях!».

— По-моему, он еще говаривал «Случай — Бог!».

— Это точно! Но так говорили Наполеон и еще какие-то ребята... Может, и Гете тоже.

— Видно, что девушка весь день провела в библиотеке, — опять сыронизировал Андрей. — Начну с Собора Св. Иоанна...

— Ах, мне хочется побывать там снова... — запричитала вдруг женщина. — Вальтер Скотт работал на Мальте над своим последним романом из жизни рыцарей-госпитальеров и назвал этот собор самым великолепный их тех, что он видел.

Ей так и хотелось еще раз блеснуть эрудицией.

— Так вот, — продолжал серьезно мужчина, не обращая внимания на ее слова, — сэр Оливер подружился со мной и шепнул мне на ухо...

И он рассказал, что и как было.

— Ты запомнил детали шкатулки, ее вид и вид камушков?

— К сожалению, не удалось.

— Все равно замечательно. Ясно, что сэр Оливер Старки держал Укладку в руках и она

хранилась на Мальте! — Вера уже что-то просчитывала в уме, судя по ее отрешенному виду. И после паузы пробормотала, — надо полагать, попала к Ордену во время Осады... выкрали хитростью у турок. Так, так, дальше, — и вскинула глаза на Андрея.

Эти глаза были полны не просто внимания, а страсти, жажды новостей.

Андрей рассказал про портрет барона.

— То есть лицо Иуды? — переспросила женщина.

— Почему? — недовольно парировал Андрей.

Его раздражало, когда так прямолинейно и примитивно судили о ситуации и персонажах той древнейшей и непростой истории. И пояснил:

— Я в повести касаюсь тех версий... о куске хлеба Сатаны... — раздражение мешало ему, — ну, в общем одна из версий о том, что Христос умышленно спровоцировал, подставил Иуду, да и сам... выпил уксуса. Еще версия, что Иуда пошел на предательство, чтобы заставить того объявить во весь голос о своей Божественной Природе. Еще версия: Иуда — единственный из апостолов, в полной мере ощутивший таинственную Божественную природу Христа, выбрал предательство как свою жертву, равноценную для обычного человека жертве Христовой. Низкий миропорядок — зеркало Высшего.

И после паузы добавил:

— Ведь и Павел, которому Спаситель дал такое высокое назначение, был очень грешным и противоречивым человеком.

— Я помню твою интереснейшую повесть. У тебя Павел — надменный, честолюбивый человек.

— Таким и был.

— Только вот мне, как женщине, очень не симпатичны его высказывания, что женщина должна молчать, ни в коем случае не учить: она же совершила первородный грех. Или его совет не жениться. Якобы неженатый заботится о Господнем, а женатый — о мирском, о том, как угодить жене.

— Ну, Павел тут еще скромненький в высказываниях, — и он наизусть процитировал из книги Екклесиаст — «И нашел я, что горче смерти женщина. Потому, что она — сеть, и сердце ее — силки, руки ее — оковы. Добрый перед богом да спасется от нее, а грешник уловлен будет ею!».

— Это какое-то махровое женоненавистничество уже, — она сделала обидчивый вид. — А мне бабуля сказала, что ты гусар и глаз у тебя «горит». И ведь «горит»... иногда! Зачем ты выучил наизусть этот жуткий отрывок?

— Пригодится в хозяйстве.

Вера хотела продолжить дискуссию, но посмотрев в грустные и какие-то опустевшие глаза Андрея, спросила:

— Так каков портрет?

— Я же сказал: раздвоение личности, раздвоение мыслей, дел, судьбы. Боль в лице. Может это боль предателя, не могу судить.

— Во всяком случае, это отлично соотносится с моей версией относительно судьбы этого Гомпеша, — она забарабанила ногтями по столу, — а что «пирамида»? Попал внутрь?

Погруженная в размышления, она достала блокнот и спешно начала чертить там стрелки, знаки, круги и цифры.

— Что, что? — безучастно переспросила она, — извини, я не расслышала.

— Я говорю, не удалось, так как из ворот этого посольства вышел твой Ричард и мы

чуть не столкнулись носами. Но Бог миловал, — уныло докладывал мужчина.

— Что ты говоришь?! — женщина вскочила, — И впрямь: случай — Бог! Этот случай... Есть повод подцепить его на крючок, этого караса Ричарда. Какой ты милый, — и расцеловала мужчину.

Губы и щеки ее были горячие. Очень.

— Мы наконец целуемся, — заметил Андрей, — это для конспирации? Вдруг Ричард рядом?

— И это тоже, — засмеялась Верочка, — ты бы тоже мог поцеловать меня хоть разочек! А Ричард — вон он у дверей «Кордины», в пятидесяти метрах слева, весь в «белом».

— Нефтяники целуются ночью, в темноте, — Андрей тоже засмеялся.

— Ловлю на слове. Я подожду ночи!

— Нефтяники делают это прямо на буровой, под фонтаном черной нефти, — он поддерживал эту опасную игру.

— А что, неплохая эротическая фантазия! Нальем в наше джакузи... ну, скажем, маслин, — она нежно потрепала его затылок.

— Я почти «уловлен». Маслины окончательно... умаслили меня! — сдался Андрей, поцеловав «жену» в щёку.

Когда ля Валетт закладывал в 1560-61 гг. первые камни в будущую Валетту, он заботился и о том, чтобы создать город красивых дворцов, но, в первую очередь, Валетта должна стать крепостью, защищающей два порта, расположенных по обеим сторонам скалистого полуострова Шеберрас. И лишь монументальная церковь, посвященная Св. Иоанну, покровителю Ордена, должна быть построена в ближайшее и кратчайшее время. Это тоже крепость. Крепость Веры!

В начале 1565 г. до великого магистра дошли сведения о подготовке похода турецкой армии и флота в западное Средиземноморье. На этот период орден располагал в законченном виде (в военном смысле) фортами Сент-Эльмо, Сент-Анжело, городами Бирга, Сенглеа и еще несколькими укрепленными поселениями. С Сицилии прибыло подкрепление. Но нужна концентрация всех собственных сил Ордена.

Еще на Родосе флот Ордена признавался как лучший в мире.

На период военной осады острова ля Валетт принял решение кое-что изменить в давно заведенном порядке. Теперь до принятия в рыцари не нужно было работать в госпитале простыми нянями, кандидатуры сразу отправлялись на галеры офицерами и надсмотрщиками за галерными рабами. Другие учились военному искусству на суше. По 15 часов в день!

Если раньше в традиции у Ордена было брать с приезжих кораблей дань землей (на Мальте мало плодородной почвы), то теперь был заведен порядок брать дань продуктами, которые не портятся (зерно, сушеная рыба, вяленое мясо, пресная вода и пр.).

Одна галера непрерывно курсировала с Мальты на Сицилию или в Неаполь и обратно, доставляя продукты. Все складывалось в многочисленные пещеры. Знаменитый мальтийский мед шел отчасти обменной монетой.

Боли в спине и суставах, мучившие ля Валетта зимами, весной проходили и сейчас, в апреле 1565 г. он был бодр и сосредоточен, насколько можно быть таковым в 71 год. Эти боли начались с той поры, когда он некоторое время был адмиралом Орденского флота. Во время одного из морских сражений он попал в плен и целый год был рабом на турецких судах. И если бы не один случай, спина от плетей и ветра могла и не распрямиться. А случай был такой. Турецкая галера, на которой находился ля Валетт однажды сшиблась в бою с испанской галерой. Он узнал знаменитого средиземноморского пирата Драгута. Тот, видимо, был в испанском плену, был обнажен, как все другие гребцы, и скован цепями.

Ля Валетт же обратил внимание, что пират обернул поясницу бараньей шкурой, которые обычно лежали на лавках галер. Ля Валетт воспользовался этой хитростью: и цепи не терли, и плетей не попадала в поясничную зону, и ветер не студил. Позже он узнал, что Драгут вслед за ним после ухода рыцарей стал губернатором Триполи. Слышал гротмейстер также, что тот имел репутацию умного и справедливого управляющего.

И вот на заре 18 мая дозорный рыцарь, обходящий стены форта Сент-Эльмо, увидел на горизонте водной глади целую тучу турецких кораблей, грозным косяком движущуюся в сторону острова. Несколько рыцарей, подошедшие на зов дозорного, смогли насчитать позже, когда армада приблизилась, 200 кораблей.

Срочно состоялся капитул. Было решено организовать штаб-квартиру госпитальеров в Биргу, хорошо защищенную фортами. Хотя заведующий канцелярией и епископ предлагали

расположить ее глубже в тылу Большой гавани, например, в Сенглеа. Великий магистр предложил заведующему канцелярией и хранителю казны оставаться вместе с казной, архивом и запасом продовольствия в Мдине. Им были приданы для защиты двадцать рыцарей. Всем же остальным рыцарям предписано было рассредоточиться в фортах гавани Марсамшетт и Большой гавани. На Мальте в те дни находились около 600 рыцарей и приблизительно 40 тысяч ополченцев-наемников, в основном мальтийцев.

После совещания гроссмейстер попросил сэра Старки остаться.

— Дорогой Оливер, я должен дать вам особо важные и особо секретные поручения.

— Да, Ваша светлость, — с поклоном ответил секретарь.

— Во-первых, я поручаю вам переправить из катакомб Рабата часть запасов продуктов ближе к форту Сент-Эльмо. Во-вторых, если мне суждено погибнуть в бою, я приказываю вам, сэр Старки, взять на себя командование. Вот мой письменный приказ.

— Слушаюсь, великий магистр.

— И, наконец, третье мое указание, — ля Валетт задумчиво глядел на секретаря, — вы прекрасно понимаете, Оливер, что сейчас мы не можем хранить *Пергамент* как обычный архивный документ. И доверить кому-либо в случае нашей смерти не имеем права. Это документ не Ордена, не Папы, а всего христианского мира. Нужно довериться Провидению. Я предлагаю спрятать *Пергамент* в катакомбах Рабата, а именно в пещере Св. Павла, а в нашем архиве оставить зашифрованную записку об этом факте. Вы умеете это делать с тончайшим остроумием и высочайшим профессионализмом. Тот, кто будет иметь право *Видеть*, кому Господь поручит это, поймет все. Возьмите с собой рыцаря шевалье Мидрана. Он слывет не только человеком мужественным, но имеет опыт каменотесных работ. В одной из гробниц нужно сделать незаметный глазу небольшой тайник. Ничего объяснять месье шевалье Мидраду не нужно. Сам он, естественно, не спросит. Как только он выполнит свою работу, вместе с обозом возвращайтесь.

— Можно ли для охраны обоза взять двух рыцарей из Мдины? — спросил Оливер.

— Да, конечно, возьмите трех.

— Слушаюсь, гроссмейстер.

— Вот еще что, дорогой Оливер, — ля Валетт подбирал слова поточнее, — Как вы считаете, султан Сулейман лично руководит своей флотилией? Кто на флагманском корабле?

— Это весьма вероятно.

— Какие у вас аргументы?

— У Сулеймана только в первые два года его правления две заметные победы: покорение Белграда в 1521 г. и занятие Родоса в 1522 г. В обоих случаях он обошелся без кровожадных выходов. Но затем ни на Балканах, ни под Веной ни один из походов не увенчался победой османов. Ему крайне необходим реванш!

— Почему же он не использует свое тайное и могущественное оружие — *Укладку*?

— Можно предположить три причины. Первая: подражая всему европейскому, развивая у себя на Родине всяческие искусства, султан в глазах Европы хочет выглядеть «джентельменом». Это ведь лишь последние двадцать лет он оставляет горы отрубленных голов. Извините, Ваша Светлость, если задену ваши национальные чувства, но ведь в 1536 г. Сулейман заключил союз с Францией против Габсбургов. Французы хотели «насолить» Австро-Венгрии.

— Вторая?

— Султан не умеет, или что-то ему мешает воспользоваться *Укладкой*. Может, сам опасается ее силы. Следует так же иметь в виду, что древние греки считали, что где-то на Балканах находится вход в Ад! Войны там неизбежны. Не зря оттуда пошел завоевывать мир Александр Македонский.

— Третья?

— Воспользоваться *Укладкой* мешает прямо или косвенно его любимая жена Роксолана. Она славянка, причем дочь то ли православного, то ли католического священника. Кроме того, великолепная интриганка. Способна оказывать на Сулеймана практически безграничное влияние. Я даже могу допустить, что она придумала нечто, чтобы не отпустить Сулеймана в поход на Мальту. И, наконец, мировые лидеры, несомненно, ведут охоту за *Укладкой*, и султан пока тщательно скрывает ее.

— Ваши рассуждения мне понятны. Я думаю также. У меня есть еще несколько вариантов, но увлекаться фантазиями не следует. Это опасно. Хочу высказать свои предположения о мировых лидерах, которые знали об *Укладке* и владели ею.

— Прошу вас.

— Общее направление: с Востока. Чингисхан, затем Тамерлан. Я думаю, что потом *Укладка* попала в руки Мехмеда II. Теперь о наших современниках. До меня доходят сведения, что русский царь Иван собрал богатейшую библиотеку и, возможно, как и Габсбурги, что-то знает об *Укладке* и охотится за ней. Аппетиты этих правителей огромны! Для Европы особенно опасен Иван, он может оказаться новым Аттилой. Но ведь есть еще вопрос: сколько подобных *Укладок* существует у слуг Сатаны? Не одна же эта.

— Все верно, гроссмейстер. У меня есть пара суфийских манускриптов, которыми пользовался Тамерлан. Там упоминаются некие предметы и заклинания суфий.

Но великий магистр уже как будто не слушал его.

— А ведь Сулейман на пороге своей власти не зарезал ни брата, ни даже родственника. Странно для османа. И родился он в Крыму, и рос там. Ввел кроме законов Шариата светские законы, всегда и всюду пытался выглядеть благородным. Могу предположить невероятное: в крови его есть славянская кровь! И он инстинктивно хочет пить кровь христиан чужими руками. Или вообще лично боится крови? Но это опять же... мои фантазии, мысли вслух, — ля Валетт встал, — мы заговорились, сэр. Вам пора в дорогу, — гроссмейстер снова стал непроницаемым и величавым.

Основным объектом атаки турок стал, конечно, форт Сент-Эльмо, занимавший стратегическое расположение. Высадка большого отряда, попытка взять штурмом. Неудача. Туркам пришлось создавать более основательные артиллерийские позиции. Необходимо шквально обстрелять форт. И вот они у самых стен. Тут рыцарям повезло: осадные лестницы были изготовлены наспех и оказались непрочны и коротковаты. Иоанниты без труда выдержали эти первые атаки, обливая чалмы ползущих наверх расплавленной смолой и бросая камни.

Великий магистр теперь знал, что Сулейман остался в Стамбуле. Командующим сухопутными войсками он назначил Мустафу-пашу, а адмиралом флота-Пиали, между которыми через 10 дней неудач начались разногласия. Ля Валетт прекрасно понимал, что длительная осада — непростое дело для обеих сторон в смысле снабжения войск продовольствием, питьевой водой и боеприпасами. Турецкие корабли сумели занять безопасную для себя позицию, позволяющую в то же время вести удобный обстрел укреплений Биргу и Сенглеа. Гроссмейстер с горечью осознавал, что не успел вывести флот

Орден из бухт, окружающих полуостров, и теперь неприятель, запер его галеры в этих бухтах, не давая маневра. Спасало пока то, что крепки и высоки были стены форта, артиллерийские позиции выгодно расположены.

Сожалел ля Валетт и о том, что не прислушался к совету одного из членов капитула заблаговременно вооружиться гораздо более мощными пушками, которые можно было установить и в крепости, и у стен форта! Туго пришлось бы турецкому флоту.

Огорчал великого магистра и еще один факт: в начале июня на помощь противнику прибыл Драгут. Теперь он будет главнокомандующим. Судьба ля Валетта опять пересеклась с судьбой этого выдающегося воина.

Гроссмейстер все утро провел на позициях и теперь зашел в свою резиденцию, чтобы пообедать и обдумать события, произошедшие утром.

Утреннюю мессу в храме провел сам епископ для гражданских прихожан и капелланов. Судя по тому, что капелланы рассказывали в армии прямо на боевых позициях, месса была торжественной и оптимистичной. Епископ был человеком благородным, мудрым и чутким. Ля Валетт с неким даже укором по отношению к себе подумал, что вот опять не сходил в храм на исповедь. Епископ вряд ли хорошо разбирался в военной стратегии и тактике, но пусть не в форме покаяния, а в откровенной беседе нужно было поговорить с ним о своих просчетах. Почему, ну почему же он, великий магистр, опытный военачальник, не вывел своевременно из бухт галеры и не вооружился крупными дальнобойными пушками? Ведь ясно же, что обстрелять тяжелой артиллерией турецкий флот на подступах к гаваням, а затем в открытом море окружить галерами и «греческим огнем» сжечь несколько десятков судов неприятеля, было гораздо выгоднее, чем допустить и держать длительную осадную оборону!

Через несколько дней должен состояться очередной капитул, и гроссмейстеру хотелось иметь епископа на своей стороне. Ля Валетт уже слышал из доклада Старки, успешно вернувшегося из Рабата, что среди рыцарей ходят разговоры, что форт Сент-Эльмо следует оставить.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Драгут сразу начал организовывать все новые и новые артиллерийские позиции и вести с них практически непрерывный обстрел форта. Такая тактика себя быстро оправдала, и, когда на штаб-квартире госпитальеров состоялся капитул, большинство его членов поддержало предложение гарнизона форта сдать его туркам. Великий магистр был категорически против отступления и его авторитет принудил капитул с ним все-таки согласиться.

Однако в самом гарнизоне брожение рыцарей и солдат усилилось, рыцари обратились к ля Валетту с письменным обращением, заявляя, что если нужно, то они погибнут, но нужно ли. Гроссмейстер просил подождать своего окончательного решения одни сутки и ночью из Биргу переправился в форт вместе с комиссией, чтобы посмотреть обстановку на месте. Ля Валетт обратился к основному гарнизону, что любой желающий может покинуть форт без осуждения, но ни один рыцарь не покинул крепости! Сам же ля Валетт должен был в предрассветном тумане вернуться в штаб.

К середине июня уже совершенно отрезанный от большой земли, с полуразрушенными стенами, форт был практически потерян для госпитальеров. Но месячная осада деморализовала и султанскую армию. К тому же был убит Драгут.

— Большая жизнь, достойная смерть, — отозвался ля Валетт на известие о гибели

соперника.

Утром 22 июня турки ворвались в форт. Все рыцари, даже раненные, но держащие оружие до последнего, защищали бреши в крепостных стенах. Турки перерезали почти всех защитников крепости, лишь несколько рыцарей были взяты в плен людьми из бывших пиратов, окружавших Драгута. Те знали, что Орден может заплатить большой выкуп за каждого пленного.

Совершенно озверевший Мустафа-паша, вновь возглавивший турецкую армию, приказал привязать обезглавленных рыцарей к деревянным крестам и пустить их по воде в сторону форта Сент-Анжело, следующему объекту осады, ближе к резиденции Ордена. Обычно обладавший большой выдержкой гроссмейстер, увидев эти кресты, прибитые к берегу, страшно побледнел и тихо приказал:

— Пусть будет война на уничтожение! Всех до единого турецких пленных обезглавить, их головами заряжать две самые большие пушки и стрелять по турецким позициям!

Турецкие солдаты отреагировали страшными нечеловеческими воплями. Очевидцы описали, как несколько тысяч человек одновременно упали на колени и, то ли в молитвах, то ли в проклятиях Ордену, жаждая мести, выпучивали страшные глаза, трясли губами, ноздрями, руками и хватали всеми этими частями своих злобных тел горячий воздух ненависти.

Поздним вечером 2 июля великий магистр пригласил к себе сэра Старки и епископа. Разговор должен был состояться серьезный. Однако ля Валетту бросилось в глаза крайне недовольное выражение лица епископа, его сердитые взгляды, обращенные к гроссмейстеру.

— Братья! Наступил критический момент, — начал великий магистр.

— Извините, гроссмейстер, но этот критический момент вы спровоцировали сами, хоть и непреднамеренно — в состоянии аффекта, сильного душевного волнения. Но такое душевное волнение монах и воин, а тем более великий магистр, должен контролировать! Как могли вы, христианин, зарядить пушки человеческими головами! Это вандализм, хуже, это... — губы епископа стали сжаты, взгляд вперился прямо в глаза ля Валетта.

Гроссмейстер чувствовал себя провинившимся школьником, но перед оком Всевышнего, а не этого... епископа, человека. Он еле сдерживал гнев.

— Я, Ваше Преосвященство, защищаю христиан, а те головы были сатанинскими камнями.

— Нет, Ваша Светлость, вы забыли о главном: любовь к ближнему и кротость. Мы на этом острове по Воле Божьей, на земле по его воле и все происходит по Его воле. И эта война тоже.

— Наш Орден с благословения Папы берет в руки оружие и защищает святыя заповеди.

— Не все средства хороши.

— Эта война становится похожей на скотобойню и первыми пошли на скотство слуги Аллаха, призванные к покорности.

— Это никоим образом не меняет сути дела и моей позиции. Я должен сообщить о произошедшем в Рим, Папе, — процедил сквозь зубы священник.

— Соболаговолите уж заодно попросить у Папы помощи, настоящей, военной. И скорейшей!

— Вы дерзки!

— А крестовые походы всегда сочетали благородные, высокие и даже священные цели с порядочными средствами? — наступал ля Валетт.

Он понимал, что не совсем честен в этом разговоре, да и неубедителен вовсе. Он не мог найти слов. Нужна глубокая спокойная богословская беседа.

Епископ почувствовал душевное смятение великого магистра, а может вошел в его положение военачальника, отвечающего честью и жизнью за свою армию.

— Я не смею учить вас истории, гроссмейстер. Были периоды, когда историческое движение направлялось волей Сатаны. Обратите внимание, что гунны, вандалы, разграбившие и разрушившие Рим, были побиты Византией. Вождь гуннов Атила умер в 453 г. Другой варвар Мехмед II ровно через тысячу лет в 1453 г. завоевывает Византию. Я мог бы привести много неслучайных совпадений по датам не только в годах, но и в месяцах, и днях. И это Провидение! И в нем нужно искать силу и спасение! — епископ сделал паузу. — И спасти нужно не только братство, но и души каждого монаха. Я хочу, чтобы вы пришли на исповедь в храм.

— Я это сделаю обязательно. Кроме того, клянусь вам, что после победы я построю прекрасный город и возведу в нем величественный храм — символ нашего братства! И с вами я обстоятельно хотел бы побеседовать. Но после победы, — в голосе великого магистра появились доверительно-примирительные ноты.

— О чем вы хотели бы побеседовать?

— Пока существуют государства с их, чаще всего экспансивной, внешней политикой, пока разные конфессии Божии будут враждовать, не будет мир благоденствен, а душа блаженна и кротка. У меня есть идея единого мира и единой Веры. И церковь должна способствовать этой самой главной и великой идее. Огонь един!

— Всевышний создал всех разными: и людей, и животных, и саму вселенную. Где-то более плодородна земля, где-то воды чище, где-то климат мягче, а где-то природа сурова к человеку.

— Да, — гроссмейстер встал, — но у меня есть план помериться силами с Сатаной... дипломатическими методами. — Он бросил взгляд на Старки, задумчиво сидевшего во время всей беседы.

Сэр Оливер понял взгляд магистра и незаметно кивнул головой.

— Вы чрезмерно горды! — опять гневно воскликнул епископ.

Когда епископ удалился, сэр Старки доложил, что ночью, явно стараясь сохранить секретность, в турецкую флотилию прибыло небольшое судно и незаметно встало на якорь среди других крупных судов.

— Вы считаете, что это прибыл султан? Или с судном переправлена *Укладка*? — спросил ля Валетт.

— Возможен любой вариант, — начал медленно рассуждать Старки, — может быть, Сулейману и хочется лично завершить победную осаду и остаться в истории султаном, разгромившим Орден госпитальеров. Но, во-первых, он мог это сделать еще на Родосе, во-вторых, более всего ему хочется остаться в истории таким Сулейманом Великолепным, покровителем искусств и восточным джентльменом. Все же неприглядные дела перепоручать другим — визирям и военачальникам. Я думаю (и повторяю), что *Укладка* в любом случае у султана. Фактически, он — крайне жестокий деспот, способный на все. Но воспользоваться ею он мог поручить Мустафе.

— Я немного устал от трудного разговора с епископом. Подумайте, Оливер, что можно предпринять, чтобы проделать нужные разведывательные мероприятия... Хотя, нет... Нет времени на разведку! *Выкрасть* бы эту *Укладку*! — вдруг воскликнул магистр.

— Отличная идея, великий магистр! — Старки отдал честь и ушел.

Дальнейшие события развивались очень неровно для воюющих сторон. Окружив Биргу, турки не предприняли сразу решительной атаки, ограничившись обстрелом. В турецком стане наблюдался ропот. Потери мусульман были велики, не хватало продовольствия и питьевой воды. Осада затягивается... Много больных.

Госпитальерам, наоборот, Бог войны послал помощь: в Биргу сумел переправиться с Сицилии отряд из тысячи аркебузирова и 42 рыцарей. Оптимистичный утренний звон храмовых колоколов ввергли турок в еще большее уныние и ярость одновременно.

12 июля, еще на заре, сэр Старки появился в резиденции великого магистра.

— Я хочу доложить следующий план, — начал Старки, — турки регулярно доставляют к форту десант. Я, среди десятка мальтийцев, вплавь доберусь до одной из турецких лодок, доставивших десант. Мальтийцев нужно заранее предупредить. Добравшись до одного из больших судов, я сообщу старшему охраннику, что я турок, еще в юности попавший в плен, а затем в рабство к иоаннитам, что мальтийцы — мои сообщники и что у меня есть важнейшее и секретное сообщение лично Мустафе. Ему я скажу, что много лет занимался работами по укреплению крепостных стен и знаю одну потайную дверь, которая не охраняется, и ее засов можно открыть изнутри легким движением пальца.

— Я знаю, что у вас прекрасный турецкий, но внешне вы похожи на европейца, — заметил ля Валетт.

— Я скажу в этом случае, что моя мать была гречанкой, а отец турок, и я был воспитан в турецких обычаях и традициях.

— Это все очень опасно. Да знаете ли вы хоть одну молитву ислама и всю обрядность?

— Знаю.

— Но где уверенность, что вас доставят к Мустафе-паше и что он «клянет» на приманку? — воскликнул гроссмейстер.

— Я имею в своем арсенале несколько тактических маневров, чтобы остаться живым при том или ином развитии событий. Не хотелось бы сейчас вдаваться в подробности.

— Подробности — Бог! От них и зависит вся операция! — снова воскликнул магистр.

— Не нужно беспокоиться. Я приготовил много живописных ярких красок, деталей из «своей жизни». Я, смею уверить, хороший фантазер и актер, а Мустафа известен как азартный игрок, и он не сможет отказать себе в удовольствии «сделать красивый ход» и выслужиться перед султаном.

— Далее, — уже спокойно и заинтересованно сказал ля Валетт.

— Не доверяя мне полностью, Мустафа отправит со мной пару своих наиболее опытных и верных янычар, которым даст *Укладку*, и объяснит, как с ней обращаться. Когда мы окажемся у цели, нужно выпустить свору заранее подготовленных дрессированных и свирепых собак, а чтобы не загрызли меня, в стаю возьмите моих двух, Брэда и Пита. О том, каким образом я дам сигнал, о времени и месте операции давайте обсудим после завтрака, на прогулке у крепости.

— Что ж, вы убедили меня, дорогой Оливер. Спасибо. Давайте позавтракаем вместе. Я еще помучаю вас вопросами.

— Благодарю.

Когда великий магистр возвращался после прогулки, он был в хорошем настроении. За месяцы осады он осунулся, посуровел, напряженность ситуации и постоянные заботы делали мысли и чувства хоть и острыми, но серыми и безрадостными. Как затянувшееся от долгих

дождливых дней небо, спрятавшее солнце и забывшее о нем. Он даже отпустил двух оруженосцев, следовавших за ним. Вдруг его взору открылась умирительная картина.

В осажденном городе, на пороге одного из домов, сидели две молодые хорошенькие мальтийки и грудью кормили младенцев. Рядом играли два мальчика лет трех. Девушки весело о чем-то болтали. Малыши смеялись тоже, очень задорно и заразительно. Увидев великого магистра, мамыши замолчали и почтительно поклонились.

Эта обычная сценка мирной жизни погрузила ля Валетта в лоно беззаботности, но на очень короткое время, и, только войдя в свою резиденцию, он уже вознамерился пофилософствовать и, присев в кресло, открыл томик Аристотеля. Прочитав одну страницу, закрыл книгу, взял сочинение любимого Лао-Цзы. Он купил эту рукопись у одного персидского купца, переводил с древнекитайского сам. Перевод был крайне труден и потребовал более года труда. Магистру импонировало основное понятие — дао, которое метафорически уподобляется воде, структурируя в себе и податливость, и движение, и неодолимость. Думая в стиле дао, в стиле бездействия, уступчивости, гроссмейстер легко достигал состояния отстраненности, которое через некоторое время, наоборот, давало состояние четкого понимания реальности. Конечно, с точки зрения Папы или хотя бы епископа, чтение подобного рода книги было вопиющим богохульством. Но он здесь один и его огонь един! Он *Здесь и Сейчас!*

Затем ля Валетт достал тот из своих дневников, который он вел 12-летним юношей, еще беззаботным и нигде не служившим. Он не заглядывал в этот дневник наверное более трех лет. Вот эти записи, скрывающиеся от чужих глаз.

Летом семья Жана как обычно жила в предместье Тулузы, в их загородном родовом поместье. Род Валеттов по одной из ветвей пересекался с родом Валуа. Недалеко, на другом берегу красивой, с ровными большими лугами, Таронны было родовое поместье их дальних родственников Клермонов, тоже спрягавшихся с родом Валуа. Главы семей дружили. Две очаровательные дочки Клермонов (Жан называл их кузинами) часто составляли мальчику компанию. Отец Жана, видный генерал во Французской армии, с семи лет учил его сидеть в седле, а уже с десяти лет — на скаку рубить саблей. Шпага, сабля, меч были любимыми игрушками Жана. В лугах он проводил все свободное время. Часто, либо на лодке, либо через мостик, находящийся неподалеку, приезжал он в гости к Клермонам и любил наблюдать за Мари и Поли (так звали кузин): как те музицировали на клавесине или рисовали на пленэре. Солнечные «зайчики» от зеркал в комнатах или от воды на речке иногда ласкали выющиеся прядки волос за ушками девочек. Эти юные красавицы были погодки, на два-три года старше мальчика. Иногда они о чем-то шептались, бросая на Жана игривые взгляды. Бывало при этом, они начинали хихикать, их щечки розовели. Мальчик помнил вкус и запах этих щечек, когда в дни рождения кузин прикасался губами к ним в вежливом поцелуе.

А вот запись о том, как однажды ранним утром он, наскочившись на своем резвом коне, прилег под кроной большого платана, его немного разморило и он чуть задремал. Проснулся он от смеха и плескания воды. Берег реки был в двух шагах, и Жан увидел, как Мари и Поли плескались в воде, стоя по пояс. Их белоснежные тончайшей ткани кружевные сорочки намокли и необыкновенно прелестные, недавно расцветшие, девичьи груди с набухшими сосками горячили кровь юноши. А вот следом небольшой сонет на увиденное, где он сравнивал груди девушек с четырьмя лисьими мордочками.

Некоторые строчки в дневнике с непозволительными откровениями, как ему показалось

позже, были тщательно вымараны.

Ля Валетт прочитал несколько страниц и наткнулся на запись с едва просматривавшимися двумя десятками обрывочных фраз. Но в памяти его эти события жили полно и сильно. Ему 14 лет.

Маменька Жана была страстной садовницей. В моду тогда вошел тюдоровский (английский) парковый стиль. У нее была великолепная коллекция рододендронов, магнолий и камелий, она создавала так называемые садовые комнаты, выстриженные из тиса. Где-то из тиса выстригали затейливые фигуры, где-то среди буйной зелени, как будто случайно, выглядывали гипсовые скульптуры. Клермоны тоже заражены были садоводством, но сочетали в классических традициях готический стиль, представленный садом цветов и лекарственных растений, и итальянский стиль, более декоративный и парадный, с партерами и обилием стриженных кустарников в форме звезд, сердечек и пр.

Особенно маменька гордилась зимним садиком — оранжереей. Он был хорош! Юный Жан любил заходить туда почитать вечером или после полудня. У него там было уютное кресло и небольшой тюфячок. И вот, зайдя туда как-то довольно поздно вечером с горящей свечей в руках, он обнаружил на своем тюфячке Лиз, их семнадцатилетнюю служанку, которая ухаживала за садом и оранжереей. Она лежала, распластавшись на животе, совершенно обнаженная, и безмятежно спала! Рядом были разбросаны лейка, небольшие грабельки, лопатка и садовые рукавицы. Одежда и обувь тоже были небрежно сброшены. Пухлые губки ее шевельнулись в дремотном дыхании, Жан как-будто даже почувствовал аромат ее горячего дыхания. Две назойливые мухи прыгали то между лопаток девушки, то садились на упругие ягодицы, а то в ямочки на пояснице, чуть поросшие золотистым пушком волос. Из-за этих мух и лопатки и ягодицы призывно подрагивали. Юноша приблизился к Лиз, не осознавая, что он хотел: то ли отогнать мух и прикрыть тело, то ли коснуться этого юного мраморного тела, почувствовать нежную кожу, вдохнуть ее запах. Ноги стали ватные, сердце стучало как молот по наковальне, руки дрожали. Он первый раз видел женское тело! Неловко задел ногой лейку — та ударилась о грабельки. Девушка вздрогнула и проснулась. Но страх в глазах Лиз, вызванный неожиданностью пробуждения, быстро сменился сначала лукавостью, потом ее серые глаза заволокла зеленовато-болотистая пелена желания. Она бесстыдно перевернулась на спину... Кто может в этой ситуации отвернуться и уйти?! И Жан впился в губы Лиз, и удивился их вкусу молока с малиной, а затем стал целовать шею и грудь, благоухающие луговыми цветами... Не раз потом, отдыхая в луговых травах, к нему являлся образ Лиз и ее бурные объятия, и он будто взлетал над землей и парил, парил...

Еще в течении полугода они то и дело находили возможность для близости. Страстная и уже опытная Лиз проявляла известную женскую изобретательность, чтобы в очередной раз найти укромный уголок и соблазнить пылкого гасконца... В пятнадцатилетнем возрасте отец направил Жана в лицей при военной академии, а по достижении восемнадцати лет его приняли в Орден. Это было очень почетно! И отец, и сам юноша были крайне горды этим.

И вот сейчас, седой, пожилой и очень уставший от тяжелых дум человек, спрятав дневник, вновь задумался (в который раз!) о той ноше, о той великотрудной миссии, которую он возложил на себя.

Гроссмейстер взял в руки крест — мальтийский восьмиконечный крест; четыре направления — это четыре главные христовы добродетели: благоразумие, справедливость, сила духа и воздержание. Восемь концов — это восемь заповедей блаженства, которые дал Христос в Нагорной проповеди.

«Я прожил достойную жизнь, я следовал этим заповедям, мне нечего стыдиться», — думал ля Валетт.

«Но достичь всех высот и всех глубин христового учения я не могу, это могут лишь единицы, редкие святые отцы...».

«Я же монах и воин, честно несущий службу. Я сторожевая собака Веры!»

От этой последней мысли, этого нечаянного сравнения, великого магистра обожгло. Совсем недавно он слышал вопли янычар и башибузуков: «О, Аллах, мы твои верные псы! О, султан, мы твои верные псы войны! Мы умрем во имя Аллаха, во имя султана!»

«Так ли уж сильно отличается благородная сторожевая собака от вечно голодных, бродячих злющих псов, жаждущих одного — отобрать, загрызть, сожрать!? По ситуации», — заключил гроссмейстер.

«И нашел ли я блаженство? То, о котором говорил Христос. Да, были радости от побед, от познания, от упоения в бою. Но ведь есть другое блаженство, простое, человеческое — любовь, материнство, отцовство. Даже в браке может быть блаженство, как и есть высокий смысл. Ты, рыцарь, этого лишен, ты — человек Долга!»

Ля Валетт вспомнил несколько противоречащих одна другой фраз из Библии о женщине и браке. Больше ему сейчас понравилась цитата: «Жена в утешение дана», в которую он добавил с улыбкой слово «воину». Потом ухмыльнулся и сказал иронично вслух: «Хотя, вряд ли...»

Постепенно мысли великого магистра становились все тяжелее и беспокойней: «Оливер! Мужественный, хладнокровный рыцарь! И остроумный, и как много знает. И лично добровольно полезет в логово врага, коварного врага! Все ли они предусмотрели в плане с добычей *Укладки*?». Ля Валетт вдруг сообразил, что неплохо было бы оставить в условленном месте доспехи рыцаря, чтобы собаки не поранили сэра Старки. А туркам он может объяснить, что сам спрятал их специально, чтобы иоанниты приняли его за своего. Нужно предложить Старки.

И план сработал! 18 июля эта авантюрная затея дала стопроцентный результат! Без сбоев, по плану, как «по маслу». Уединившись в резиденции магистра, они поочередно бережно брали в руки и рассматривали золотую шкатулку, весьма тяжелую. На одной поверхности — двенадцать закругленных углублений, будто для укладки перепелиных яиц. На другой набита перевернутая звезда в круге — знак Сатаны. В углу еще знак — перевернутый крест.

— Вы помните, Оливер, Святой Петр был казнен на таком кресте? — сказал ля Валетт.

— Он сам зачем-то захотел этой именно казни. Давайте попросим благословения у Св. Петра и откроем шкатулку!

Старки перекрестился и осторожно открыл крышку. Там лежали в беспорядочном виде двенадцать камушков из слоновой кости, напоминающие по форме «кубики» со скругленными углами и ребрами. На каждом «кубике» на всех шести гранях нацарапаны различные, но повторяющиеся знаки.

— Сэр Старки! Вы — истинный рыцарь, вы — герой! Вашу заслугу трудно переоценить! — торжественно сказал магистр.

Старки молча поклонился и ничего не сказал. Он вдруг почувствовал, что руки, только что державшие шкатулку, стали будто обожженными.

— Поезжайте срочно в Рабат, — продолжал гроссмейстер, — и положите шкатулку в тайник, вместе с *Пергаментом*, — пауза, — теперь мы из гончих собак должны обратиться в

сторожевых!

Старки вскинул резкий нелицеприятный взгляд на ля Валетта.

— Слушаюсь, гроссмейстер.

Оливер обернул шкатулку черной тряпкой из плотной ткани, положил в кожаную плечевую сумку. Волнение все еще переполняло обоих. Нечасто смертный прикасается к *таким* предметам!

Великий магистр внимательно смотрел в глаза сэру Старки, не решаясь, видимо, о чем-то его спросить.

— Дорогой Оливер. Вам, вижу, не понравилось мое сравнение с собаками?

— Вы правы, магистр. Не понравилось.

— И все-таки. Пусть вам не покажется странным, но я намерен предавался разного рода философским размышлениям.

— О собаках?

— И о собаках, и о людях. Разных, совершенно разных. Например, о женщинах. Да, да, не улыбайтесь! В мире распространяются новые идеи. Гуманистические. Например, о идеале женской красоты.

Сэр Оливер Старки все выше в удивлении поднимал брови.

— Мир многообразен. Рождаются новые философские учения, в искусстве происходит необыкновенное Возрождение. В христианстве происходит Реформация. Этим новым реформаторам не нужны ни монахи, ни ангелы, ни иконы. Только внутренний нравственный закон! В моей Франции Екатерина Медичи борется с кальвинистами, в вашей Англии набирает силу англиканская церковь. Опять внутри христианской Веры назревают серьезные расколы.

— Мы служим Папе. Мы монахи-воины. Если не уметь держать поводья, лошадь понесет, а табун взбунтуется. Если не будет рыцарей, умеющих держать меч, могут погибнуть любые гуманистические идеалы.

— И все-таки, в истории люди будут чаще вспоминать Лоренцо Великолепного, мецената и покровителя Высокого искусства, чем Сулеймана Великолепного.

— Смотря какие люди. Вы сами изволили сказать, что люди разные, очень разные, — лицо Старки стало печальным.

— Простите, я заговорил вас, Оливер. Ступайте!

Мустафа-паша предпринял новую тактическую операцию, отправив в конце июля тысячу самых опытных янычар на десяти лучших судах в обход форта, с юга. Он понял, что с *Укладкой* его «обвели вокруг пальца», и боялся гнева султана. Без победы нечего думать о возвращении в Стамбул: там ждет страшная, позорная казнь. Но ля Валетт снова обхитрил его, оставив именно с южной стороны форта замаскированную батарею. Подпустив врага поближе, рыцари открыли огонь из всех орудий, и девять из десяти судов мигом ушли на дно, забрав с собой 800 отборных султанских воинов. Адмирал Пиали пригрозил Мустафе, что непременно доложит обо всем султану. У Мустафы на подобный случай было три обычных выхода: зарезать Пиали, подкупить его или сочинить что-то в свое оправдание. Лучше, конечно, первое.

Турки упорно продолжали нападать. И тут опять ля Валетт сделал удачный оперативный ход. Небольшой гарнизон, остававшийся в Мдине, совершил вылазку в тыл туркам, лишив их почти всех запасов продовольствия.

Но и госпитальеры держались из последних сил. Госпиталь был переполнен, сам

великий магистр ранен в ногу, крепостные стены полуразрушены. Продовольствие на исходе: то, что удалось взять в сожжённом лагере противника, было недостаточно.

И снова удача улыбнулась Ордену! В начале сентября на северо-востоке острова высадился восьмитысячный отряд с Сицилии.

Пиали настаивал срочно снять осаду и вернуться. Скоро осенние шторма, и ослабленному остатку турецкого воинства не хватит сил добраться домой.

Ветер удачи изменил туркам и Христос окончательно «передувал» Магомета!

Мустафа наконец согласился. 8 сентября иоанниты и мальтийцы с ликованием смотрели вслед удалявшимся османским судам. Колокола всех церквей над руинами Сент-Эльмо, Биргу и Сент-Анжело били победный набат, который разнесся по всему христианскому миру!

Гнев султана был страшен! Почему Мустафа и Пиали остались с головами на плечах, остается загадкой. Может быть, груз других больших проблем, подаренных Сулейману любимой женой Роксоланой, затмевал неудачу этого похода. Эта мастерица интриги добилась казни не только великого визиря Ибрагима-паши, но и старшего сына султана, Мустафы. Этот Мустафа рожден другой любимой женой, и был официальным наследником. Сын же Роксоланы, Селим, теперь ставший престолонаследником, был горьким пьяницей и, по естественному совместительству, поэтом. Через год после Великой осады в 1566 году Сулейман умер. Под властью Селима начался закат османского золотого века.

После великой победы ля Валетт сразу окружил себя архитекторами и военными инженерами и быстрыми темпами начал застройку своего города-мечты. Папа направил на Мальту знаменитого инженера Франческо Лапарелли, который до этого служил многим европейским монархам, в том числе роду Медичи. Орден заполучил в своё распоряжение также великолепного и очень известного архитектора Джероламо Кассара. Вместе они разработали и изготовили в воске модель города, которая была одобрена и взята за основу грандиозного проекта. 28 марта 1566 г. гроссмейстер ля Валетт заложил в основание будущего города первый камень. Это был день рождения Валетты. Ежедневно, несмотря на преклонный возраст, магистр бывал на строительстве, пока 28 августа 1568 г. Жан Паризо де ля Валетт не скончался. Шедшие вослед ему великие магистры, сначала Пьетродель Монте, а затем Жан де ля Кассьер, достойно продолжали дело Победителя и Героя Великой осады. Практически за 10 лет были построены не только бастионы, башни и кронверки, но пророс и город дворцов и соборов. Улицы строго перпендикулярны друг другу. И главная улица, названная впоследствии улицей Республики, стрелой пронзающая полуостров Шибerras от городских ворот до форта Сент-Эльмо, как будто подводила черту: Орден прочно обрел собственный остров со своей прекрасной столицей!

Ричард стоял у входа в «Кордину». Сама элегантность — снова букет цветов в руках.
— Добрый вечер, господа!

Знаменитое очаровательное кафе. Шикарный интерьер. Даже на потолках фрески!

— Я угощаю. Уже все заказал к нашей встрече. Должен вам заметить, что одна из дам семейства Кордина два года назад гостила у меня в Лондоне, — важничал и хвастал Ричард.

— Добрый вечер. В этом кафе раньше было казино, — заметила Вера Яновна, — и что я должна в ответ на вашу ставку? — она была в боевой готовности.

— Что вы?! Только улыбку! И чуть правды!

— Достаточно пока улыбки, — женщина улыбнулась и продолжила, — а чуть правды — следующая ставка. И вы начинайте. Кто вы и что вам нужно?

— Я живу отчасти в Лондоне, отчасти здесь, на Мальте. В Лондоне имею квартиру, здесь — дом. Сейчас занимаюсь исследованиями, связанными с моей родословной. Юрист по образованию, окончил Кембриджский университет. А как член, или, если угодно, рыцарь Британской ветви Ордена госпитальеров, занимаюсь организацией госпиталей, клиник, медицинских лабораторий по всему свету, большей частью в азиатских странах.

— Извините, Ричард, что прерываю вас, — вставила Вера, — штаб-квартира Ордена находится сейчас в Риме. И различные ветви, так называемые «семейные», Суверенный Орден Св. Иоанна не признает. Так что вы даже не «рыцарь по милости», не говоря уже «рыцарь по праву». Так я буду считать.

— Извините меня, дорогая Ве-ра, но вы забыли, что великий магистр Суверенного Ордена сейчас британец, — англичанин не отреагировал на колкость, — и я с ним знаком лично. Даже больше скажу вам: я имею определенные полномочия от его имени.

Ричард сидел с горделивым видом, нога на ногу, чуть под углом к столику. Он покачивал ногой, но красное вино в бокале, который он держал в руке на весу, даже не колыхалось.

«Наверное, это правда, поскольку он имеет доступ в Посольство Ордена», — подумала женщина.

— Не буду скрывать также, что у меня есть связи и с другими серьезными структурами и в Риме, и в Лондоне, и здесь тоже, — этот «дэнди» напыжился уже сверх меры, — вот моя новая ставка «правды».

«Щего́л и щёголь», — подумала Вера. Британец невероятно раздражал и её, и Андрея. Пора ему «врезать»! Можно попробовать совершенно авантюрный и по-русски агрессивный блеф!

Женщина сделала наклон вперед и впиалась взглядом в лицо англичанина.

— Это все нам известно: еще в Питере я навела о вас справки, тоже в серьезных структурах. Эти серьезные структуры заинтересованы в моих научных исследованиях. Моя работа — для служебного пользования, где есть секретная информация и за всем осуществляется контроль. Вы меня понимаете? — она скосила глаза на Андрея, — поэтому эта ваша ставка не принимается!

Вера Яновна резко ударяла на слова «эта» и на гласные. Поманила собеседника пальчиком и резанула на одном дыхании глухим шепотом:

— Зачем вы ходили в Посольство сегодня?! Что у вас было в пакете? Ваше настоящее

имя!? — она уже переигрывала, но наслаждалась игрой! Её «несло»...

— На кого вы работаете? — и как положено в детективах еще раз, — Ваше настоящее имя? На кого вы работаете? Что у вас было в пакете?

Ричард от неожиданности опрокинул бокал красного вина на свои белые брюки. Этот факт еще более сбил с толку аккуратного англичанина. Он начал сыпать на огромное пятно, разместившееся как раз в «интересном» месте, соль, тереть салфеткой. Лоб его вспотел.

— А вот наш Союз мечта и орала действительно работает с гуманитарными целями. В Латинской Америке. Пока в латинской и пока с гуманитарными. Всех беспризорных детей мы поставим в свои ряды! Вы следите за географией поездок Президента нашей страны? Куба, Венесуэла, Рио-де-Жанейро. Все в белых штанах! А скоро будут в красных! Вот как вы сейчас, бедный рыцарь. Запиши это, Андрей, в протокол. Вот вам ставка моей правды.

— Да уж... — буркнул Андрей с важным видом, — у подзащитного вспотело пенсне, — добавил по-русски.

Андрей Петрович решил вступить в этот бешеный натиск импровизации. Он достал из кармана компас, что подарила Мария Родиславовна, и положил ближе к себе, будто бы диктофон. Приоткрыл крышку футляра и гаркнул, мешая английский с русским.

— Где наши вклады? Когда Европа нам поможет? Берешь мою нефть?

В общем, «кот Базилио и лиса Алиса» слегка продемонстрировали пресловутую русскую «агрессивность».

— Нам пора, а вы подумайте. И помните: у нас длинные руки, — еще поддала пару жесткая Снежная Королева.

— Да уж! — Андрей пристукнул кулаком по столу.

Показалось мало, и он ударил тростью по полу.

Парочка не могла больше удержаться от смеха и быстро вышла на улицу. Завернув за угол, поддерживая грудь и живот, утирая глаза, они принялись хохотать!

— Спасибо классикам, — успокоившись, сказала Верочка, — а, главное, той случайной встрече у Посольства.

— Я думаю, мы его больше не увидим, — наивно заключил Андрей.

— Вряд ли. Увидим. И скоро, — грустно ответила женщина, — нам помог случай и неожиданность первого удара. Завтра он оправится. Мы вели себя по-мальчишески. А он... профессионал! Хотя...

— Он сейчас чуть не «оправился», — мужчина вспомнил моряка и засмеялся вновь.

Вера Яновна задумалась.

— Может, нужно было воспользоваться таким случаем и кое-что выведать у него, — пауза, — нет, нет, ни слова о своих истинных намерениях он не скажет!

— Да пока он «залижет раны», отстирает штаны... — Андрей продолжал наивно упиваться победой.

— Штанов у него много. И шансов тоже...Хватит о нем, — женщина на ходу припудрила лицо и подкрасила губы.

За разговорами они приблизились к гавани.

— Вот и прекрасно. Здесь недалеко есть причал. Каждый час отправляются прогулочные теплоходы до Слимы. Полтора часа удовольствия! В сравнении с утренним рейсовым маршрутом, теплоход отделился от побережья на такое расстояние, что открылся великолепный вид на прекрасный в мире природный порт со всеми фортами и оборонительными сооружениями. Капитан судна так менял курс, что туристы могли

рассматривать панораму под разными ракурсами. Свежий ветерок бодрил и дарил отдохновение после трудного рабочего дня.

В Слиме женщина предложила:

— Давайте зайдем немного перекусить.

— Конечно. В «Кардине» мы ни к чему не притронулись. Мой дед говорил: «Я не ем в доме врага», — пошутил Андрей.

Вера пропустила шутку. Ей, видимо, не хотелось даже мысленно возвращаться к образу Ричарда.

Парочка зашла в «Barracuda» — ресторанчик в красивом мальтийском доме с резным балконом. Уселись так, чтобы вид на бухту Спинола захватывал садящееся в море солнце. Дама заказала «Timpana» — запеканку из макаронных изделий с говядиной, ветчиной, яйцом, помидорами, посыпанную тертым сыром и специями. Выпить попросила принести «Takaġari» — фирменный островной ликер на местных травах с прекрасным ароматным букетом осени. Андрей попросил «Qarnita stuffat» — рагу из кальмаров, каракатиц и осьминогов с оливками, луком, орехами, изюмом и горошком, тушеное в соусе из белого вина. И выпить он попросил белого домашнего вина.

— Ты-то как провела день в библиотеке? Надышалась пылью веков?

— Отлично. Я ведь заранее предполагала, что и где искать. И нашла. Но главная удача: конверт с надписью «Секретно. Только для гроссмейстеров». На конверте изображение змеи и перевернутого креста. Сургучная печать нарушена, неумело склеена. Я тоже умею делать этот фокус: темно-коричневая губная помада, лак для ногтей и чуть фантазии... Конверт оказался пустым! Может быть, письмо забрали в Рим, в спецархив, может, «стырил» этот английский «шпион». Может, Гомпеш. Но ведь содержимое мы и так с тобой понимаем. Но вот где искать часть *Пергамента и Укладки*? Сколько раз их могли перепрятать. Точно все эти подробности никогда не установить. Но у меня есть три основные версии теперешней «захоронки». Послезавтра в Рабате проверим первую!

— А что я бы мог увидеть в этом Посольстве?

— Да ничего нового, думаю. Максимум то, что и в Соборе — приведение *Укладки* с выползающей змеей.

— Это же здорово! Я бы более внимательно все рассмотрел!

— Ты мальчишка! Это крайне опасно! Это дух Сатаны!

— А я бы тросточкой туда-сюда разруливал ситуацию, — упрямился Андрей.

Ему нравилось, что эта красивая женщина тревожится о нем.

— Глупости! — оборвала его Вера, — зачем рисковать с мизерными шансами? Интересовал меня в Посольстве тот лабиринт подземных ходов, которым издревле располагали рыцари. Один из них доходил до форта Сент-Эльмо. Знакомые дипломаты, бывавшие там, рассказывали мне, что дух, идущий от холодных стен, будит в посетителе ощущение судьбы, рока. Глубочайшей тайны веков. Они будто воочию видели рыцарей в доспехах, в полном вооружении, на конях, поднимающихся из коридора в галерею, уходящую вверх. Другие рыцари также колонной один вслед другому спускались вниз в лабиринты... И копыта цокали по камням... И было слышно Время!

Заметно было, что женщина устала. Столько новостей, впечатлений.

— Экие чувствительные дипломаты, — улыбнулся Андрей. Он тоже притомился и зевнул невежливо, но очень вдохновенно.

— Да, один из них весьма прочувственно два года назад сказал мне в запале: «Давай

поженимся...», — а затем, подумав, — в крайнем случае, созвонимся».

— Очень дипломатично. И как?

— Ни того, ни другого, — она залпом опорожнила полный бокал ликера, смешанного напополам с вином.

Следующий день следопыты провели в библиотеке. Андрей Петрович уважительно отметил как организована работа Веры Яновны. Четко, с продуманным до мелочей планом и на полном автоматизме действий. Правда, скрытая система этого плана была понятна лишь этой удивительной женщине. В фонд библиотеки она отдала свою книгу. В ответ ей любезно разрешили фотографировать те архивные материалы, что она попросила. Эти несколько томов касались периода 1797–1805 годов.

Сначала Вера сама просматривала документы, некоторые из них молча передавала Андрею и тот делал с них снимки. Иногда ногтем указательного пальца она аккуратно подчеркивала особо важную строчку или абзац. Кое-что мужчина успевал прочесть. Его не смущал полууставный или уставный язык дипломатической, официальной переписки стиля 18 века. Но он с сожалением отметил для себя, что он-то привык к русским и немного английским текстам, а здесь большинство материалов было на других языках.

На протяжении всех семи часов Вера и Андрей не обменялись и пятью десятками слов. Даже во время краткого двадцатиминутного перерыва на скромный обед в библиотечной столовой женщина была молчалива и задумчива, а мужчина не решался мешать ее раздумьям каким-либо разговором. Лишь в те минуты, когда Вера Яновна делала во время просмотров архивов паузы, чтобы записать что-то в свой блокнот, Андрей Петрович бросал любопытные взгляды на ее профиль, чувствуя, как эта молодая женщина становится ближе, как приятно ему смотреть на характерные подрагивания крыльев её носика и губ, как на секунду вспыхивали глаза Снежной Королевы. А может, без «с» — Нежной Королевы?

В 17:00 парочка вышла из библиотеки и, выпив по чашечке кофе на улице Св. Марка, направилась в сторону Бастиона Св. Андрея. По пути они рассчитывали хотя бы на час попасть в музей изящных искусств. У неё раздался звонок на сотовом. Тревожный взгляд, что она бросила на Андрея, выдал ее мысли: хоть бы не Ричард. Но мигом просветлевшее лицо и восклицание «Привет, бабуля» успокоили мужчину, и он вежливо отошел в сторонку, не мешая разговору. Пару раз, лукаво улыбаясь, она взглянула на Андрея и нарочито громко произнесла: «Вот он здесь рядом, мы гуляем. С ним все в порядке. И Иришка звонила. Всё хорошо. Отдыхает в Италии».

В музей они все-таки опоздали. Им удалось лишь посидеть на скамье во внутреннем дворике музея. Типичный закрытый атриум, внутренний двор древнеримского палаццо. Нетипичным было лишь то, что перед ними была расположена скульптура Чехова! В человеческий рост, сидящий в наглухо застегнутой шинели, с мертвой чайкой в руке.

У Андрея защемило сердце: кусочек России, и где, в такой дали, в совершенно неожиданном месте! Лицо Чехова, по обыкновению, грустное. Таким стало и лицо Андрея Петровича. Эта милая усадьба, и Мария Родиславовна, тоже грустная. Но не лицо Чехова притягивало взгляд! Взгляд приковала мертвая чайка...

— Ты чего скис, дорогой мой? Я с тобой разговариваю, а ты не реагируешь... — Вера внимательно посмотрела на мужчину, — тебе привет от бабули. Сердечный. Весьма.

Она продолжала вглядываться в лицо Андрея.

— Да, спасибо.

— Хм, «спасибо». О тебе все больше, между прочим, расспрашивала. Коварный ты тип,

фельдмаршал!

— Ерунда, — вновь рассеяно ответил он.

— Нет, нет, давай чуть поболтаем. Любишь ты ускользать от гендерных вопросов.

— Я боюсь пошлости, нечаянной. Как вот он, — мужчина указал на памятник.

Вера не обратила внимания на его слова и продолжила:

— Я понимаю: такие яркие мужчины...

— Я не яркий.

— ...интересные и глубокие мужчины должны нравиться, у бабули все перегорело и ты для нее среди лучших образов из памяти. А вот почему у тебя «наглухо застегнута шинель» как у этого Чехова?

— Неправда. Я люблю женщин, — улыбнулся наконец-то Андрей Петрович, — точнее, меня бодрят и вдохновляют их, скажем так, добросердечные проявления в мой адрес.

— Это-то ясно. Всем мужикам не старше ста нравятся молодые женщины, особенно двадцатилетние. Я не об этом...

— Не хитри, «жёнушка». Я понимаю, что тебя интересует. Отвечаю: следуя строгим математическим законам, сорокалетние женщины в два раза привлекательнее для мужчин моего возраста, чем восьмидесятилетние.

— Это ты хитришь! — уже совсем обидчиво проговорила женщина. Хотя, может быть, не обидчиво, а просто капризно, по-женски.

— Ты очень красивая и необыкновенная женщина, — тихо и серьезно сказал мужчина, но тут же лукаво добавил, — тем более: сорок — среднее геометрическое из 20 и 80.

— Спасибо! — как будто освободившись от груза неизвестности весело воскликнула Вера, — что ты хотел мне рассказать о нем? — она указала на Антона Павловича.

— Да, собственно, я уже сказал. Он не любил и очень боялся банальностей. И в искусстве, и в отношениях с женщинами. Он бы, например, вместо тех слов, что я сказал тебе, скромно заметил (как у него было с Ликой): «Приезжайте, крыжовник уже поспел».

— Очень поэтично и вдохновенно! Любая вспыхнет страстью и полетит! Не верю! — Вера вдруг снова раздражилась, — ему следовало хотя бы поднять руки навстречу парящей к нему чайки, а не скорбеть над ее мертвым телом.

Андрей задумался: «Может быть, может... Часто пошлостью оплачивается открытие глубин чувственности, не уместящихся в голове обывателя. Ведь пошлость — не о чем ты думаешь и пишешь, а как ты это умеешь делать. И тут уйти от пошлости может помочь или высочайшее умение чувствовать меру, или отрешенность и от «великого», и от «низменного». Толстой усматривал пошлость в трагедиях Шекспира, а некая креативная дамочка усматривает пошлость в поведении мужа-ревнивца в «Крейцеровой сонате». А уж если о чувственности пишут не Толстой или Набоков...»

— Ты что, опять думаешь о своем «крыжовнике»? — злилась женщина, — поверь женщине среднегеометрического возраста: в таких раздумьях «крыжовник» не созреет никогда, а созреет — птицы склюют! Совсем чужие!

— Наверное... непременно склюют... — проямлил мужчина.

— Вот что, дорогой: давай сейчас возьмем такси, по пути домой купим в какой-нибудь лавке «выпить-закусить». В гостиницу! Вечер в домашнем кругу объявлен!

Менее чем через час Андрей Петрович наслаждался теплой душистой ванной. Выйдя, он надел домашний костюм, достал из двух больших пакетов продукты и бутылки, поставил на стол и крикнул Верочку:

— Давай ужинать, Снежная Королева.

Сверху раздался её голос:

— Будь добр, сними и принеси мне наверх большое зеркало из твоей ванной комнаты.

— Зачем? — насторожился мужчина.

— Надо.

Андрей тащил тяжелое большое круглое зеркало по лестнице и пытался шутить:

— Ты, как Архимед, хочешь сжечь корабли в порту?

Что-то кольнуло в груди. Может, от тяжелого подъема?

— Куда прикажете?

— Вот сюда, — она указала на кровать.

Одеяло было сброшено. Молодая женщина тоже была в белом домашнем очень красивом костюме с вышитым красным текстом по-английски через грудь и спину.

— Помоги, — попросила Андрея, доставая из чемодана ноутбук, карманный принтер, бумагу и какой-то странный набор предметов.

— А ужин? — изумился Андрей, понимая, что зря он «напрягался» с «крыжовником».

— Извини, Андрей, позже. Мне в голову пришла гениальная идея, я вся в нетерпении, — и вдруг, подняв глаза на мужчину, добавила, — все женщины непредсказуемы, дуры одним словом.

Она показала мужчине, как распечатать те документы, что они пересняли в библиотеке, а сама с сосредоточенным видом стала сооружать из набора нечто, напоминающее трехэтажную вазу для десерта или составленные вертикально восточные зонтики.

Мужчина искоса поглядывал на ее манипуляции.

— Эту штуковину сотворил Вадик. Идея моя. Машина «времени» и «пространства», — приговаривала Вера Яновна, ловко собирая конструкцию. В центр зеркала точным и сильным ударом она поставила металлическую ось на резиновой присоске. Перпендикулярно к этой оси стала нанизывать диски — зонтики из мельчайшей сетки, сложенные первоначально веером. Проверила, как вращаются диски. На диски она повесила множество нитей. И диски, и нити были, наверное, световоды.

— Прибор пусть «заряжается», я приму душ, а ты копируй пока.

Андрей усердно распечатывал, слушая как из душа раздаются странные напевы с языческими шаманскими гортанными вибрациями.

Через десять минут женщина вышла из ванной комнаты. Андрей оглядел Веру, мысленно переводя надпись на груди: «Отдам свои чудесные формы...». Когда Вера повернулась к нему спиной, он закончил чтение вышивки: «... за приличное содержание».

— Что ты так смотришь? — улыбнулась женщина — да, надпись легкомысленная, но с диалектическим подтекстом. Купила в Лондоне, хотела Иришке подарить. Но та отринула мой презент из-за надписи, вот и оставила себе.

Андрей подтвердил Иринину добропорядочность и спросил:

— Народ к сеансу черной магии готов?

Она начала складывать на диски листочки: и те, что распечатал Андрей, и еще те, что достала из сумки. Много листков, схем, чертежей, карт, фотографий. Верочка сидела на кровати, сложив по-турецки ноги. Не хватало черной чалмы или хотя бы черной «банданы». Вместо этого двумя руками она растрепала волосы и стала шевелить губами. Да ладно бы губами. Она шевелила и пальцами рук, и пальцами ног.

«Ну, то что растрепала космы — для связи с космосом», — думал мужчина, — «губами

шепчет какие-нибудь мантры. А вот пальцами рук и ног зачем шевелить? Наверное, мы много едим моллюсков, осьминогов и других морских гадов...»

Эти милые женские пальчики с ярко-красными покрашенными ногтями притягивали и отпугивали одновременно.

Прошел час. Андрей закончил копировать и наблюдал за работой женщины. Та колдовала очень убедительно. Лицо было серьезным. На этажах-дисках все время менялась картина: на разноцветных листочках менялись фамилии: Наполеон, Гомпеш, Павел, Итальянский. На листочки иногда клались фотографии «действующих лиц», причем лицом то вверх, то вниз. Один листочек подписан «четыре капитана». Кто это? Но спрашивать и мешать сеансу было нельзя. Еще карточки с датами: март 1798, август 1799 и т. д. И еще очертания стран: Англия, Франция и т. д. «Колдунья» заглядывала в те бумаги, что скопировал мужчина, и писала все новые карточки, и все закладывала в свою машину времени и пространства. Результаты работы этой машины женщина распределяла в своей обширной матрице сознания. Если результат был удовлетворителен, Вера чуть улыбалась и, наверное, помещала его в рациональный отдел матрицы сознания, если сомнителен, лоб морщился и результат направлялся в отдел бессознательного, иррационального. К зеркалу направлялся и от зеркала отражался поток энергии по световодам, *Нитям накала*.

— Ты слышал про Аркаим? — неожиданно спросила женщина.

— Я слышал про «fastfood» — замечательная вещь! И привычная русской душе, — ответил Андрей Петрович, доставая из пакета закуску. — Объявляется... в общем... прошу к столу.

— Мне вина не наливай. Я еще часа два буду работать. А может три... — сказала Вера Яновна, жуя все подряд и рассказывая про загадочный древний город.

— Расположение построек в Аркаиме и карта звездного неба повторяются друг в друге, они аналогичны по структуре. Там «добывали время». То же примерно в пирамидах. Но меня волнует не будущее, а прошлое. Нужно переворачивать... И еще бабуля учила нас с сестрой своей «филологии»: искать смысл в слогах... Отсюда может быть пошло мое увлечение тайнами знаков, символов.

Перекусив вот так «на скорую руку», женщина снова начала проделывать свои манипуляции. Движения медленные, осторожные: она перекладывала листочки, будто они были раскаленные. Лицо сосредоточенно-напряженное.

— Вот посмотри сюда... Нет, сверху... Что ты видишь?... Четыре капитана... «Порвалась связь времен».... Гамлет, бедный Павел...

— Ничего, — искренне признался мужчина.

— А так? А если вот еще так...? — Вера пытливо вглядывалась в его лицо и ждала реакции.

— Ничего.

— Ах, какой ты!.. А еще умеет *Видеть!* — огорченно промолвила Вера.

— Я, пожалуй, пойду вниз к себе, — обиделся Андрей. — А ты тут играй на кровати со своим зеркалом.

Он встал, но женщина взяла его руку в свою и, виновато посмотрев в глаза, сказала тихо:

— Извини, я сейчас была «злюкой». Посиди еще немного, — и после паузы добавила, — я, Андрей, не люблю «крыжовник»...

Над этими словами, наверное, нужно было поразмыслить, так как в них была какая-то

женская проникновенность и недосказанность, но та уже смеялась:

— Я люблю варенье из крыжовника от Анны Никитичны! — и как ни в чем не бывало начала поправлять свои карточки и крутить диски.

Вдруг она запрыгала на кровати, совсем как пятилетняя девочка.

— Вот! Получилось! Ты прав во всем: и *Пергамент*, и *Укладка* разделены на две части. Про пергамент было очевидно и раньше (у нас вторая половина), а вот *Укладка*...

Она продолжила тасовать, крутить и переворачивать.

— Похоже на то, что Гомпеш — последний кто держал в руках *Укладку* в целом виде, а затем он, осознавая в полной мере ее возможности или нет, зачем-то раздвоил ее. Наверное, это шкатулка и камушки. Камушки попали... во Францию... в руки Наполеона... а футляр... в Россию! Но не к Павлу!.. Неясно... Я устала, отдохну десять минут, — Вера Яновна рухнула навзничь на кровать.

— Иди спать, Андрей, — почти шепотом сказала она, — завтра трудный день: Рабат, пещера... Рано утром, пожалуйста, не буди меня.

— Хорошо. Я утром все равно встану рано, пойду в то место, где мы видели небольшой пляж. Поплаваю. К десяти вернусь в гостиницу. Спокойной ночи!

Мужчина ушел. Прилег на диван с томиком Вайля. Но сон не брал. Отложил Вайля принялся читать Бродского. Так прошел еще час, пока вязь поэтических образов не соткала пелену дремоты.

Сновидения Андрея Петровича были тяжелые. Сначала приснился Ричард. Он сидел на диване в чалме и шелковом черном халате. И с усами. И точил сабельку. Одна нога в красной турецкой туфле лежала на другой и покачивалась. Он ухмыльнулся и показал взглядом Андрею на вторую ногу. Та была не обута, огромных размеров и с покрашенными красными ногтями. Еще миг и эта нога превратилось в копыто. Копыто стояло в лужице крови... Затем возникла знакомая скала, обрыв, человек на обрыве смотрит в туман, в пропасть. Стоит спиной к Андрею, который в сорока шагах от него. На незнакомце плащ, шляпа, трость. Конечно, это *Он*! Вдруг трость его падает в пропасть, мужчина теряет равновесие. Андрей бросает ему свою трость, хочет помочь, что-то кричит. Но трость не долетает и, обратившись в меч, втыкается в камень. «Человек» падает с обрыва, и на секунду плащ приобретает вид парящей черной птицы. А шляпа слетела с головы, упала на край обрыва и, обернувшись змеей, поползла в сторону Андрея...

Наконец-то пробуждение. Андрей Петрович встал, раздвинул шторы. Ясно, солнечно. Море, а над ним покой. Ни волн, ни чаек. Мужчина наспех умылся, почистил зубы и поторопился на пляж.

Какое блаженство, отбросив дурной сон, пробежать босиком по еще прохладному влажному песку и окунуться с головой в воду как в другую жизнь! А вынырнув, сначала посмотреть в морскую даль, затем, оглянувшись, увидеть на прибрежной асфальтовой дорожке стайки людей, совершающих утреннюю пробежку, и наивно уверовать вместе с ними, что здоровый образ жизни непременно толкнет к здоровому образу мыслей, укрепит дух, очистит душу, и эта асфальтовая дорожка приведет к счастливому финишу.

Андрей поплавал, вышел на берег и улегся животом на песчаную перину, надеясь, подобно Антею, вобрать от земли силы. Легкая дрема действительно подарила чувство полноты энергетического запаса.

Вдруг мужчина почувствовал, как ему на спину сыпается песок. Он резко отжался на руках и, повернув голову, увидел Веру, стоявшую над ним.

— Зачем ты, нимфа, бросаешь на меня горсти земли? — как обычно мгновенно сострил Андрей. — И почему рано встала?

— Мне приснился ужасный сон. А тебя вот нашла и... рада, — женщина улыбалась и посыпала песком.

— Я умею разгадывать сны. Расскажи, — мужчина сел, оттряхивая песок с живота.

— Я будто бы стою на обрыве, неожиданно громадная черная летучая мышь подхватила меня, усадила на свой плащ-крылья и понесла в бездну! Жуть... — она присела рядом.

— Это просто. Это проявление коллективного бессознательного... — Андрей говорил с юмором, хотя в сердце «заскребли кошки».

— У меня был похожий сон. Мы с тобой трудовой коллектив — вот и сны снятся одинаковые, — мужчина сделал паузу и продолжил с иронией, — Коллектив переусердствовал с погружением в бездны исторических тайн. А что говорил Г.Н?

— Если долго вглядываться в бездну, бездна начинает вглядываться в тебя!

— Вот и вся психоаналитика! — Андрей сделал серьезное лицо, — скажи, мы выполняем волю *Пославшего* нас или свою прихоть; и любопытство свое удовлетворяем; и гордыню свою тешим? Понимаешь: Любить, Верить — гореть огнем! *Нитей накала* недостаточно...

— Господи, ты снова философствуешь и нудишь! — огорченно сказала женщина. — Как в тебе это уживается? Тонкое живое остроумие, глубокая ироничность и занудство.

Андрей Петрович ничего не ответил, и лишь спросил:

— Купаться пойдешь? Нет?

— Нет, я не очень люблю это, — она внимательно посмотрела на мужчину, — ни купаться, ни обсуждать «крыжовник», ни философствовать впустую.

Андрей ушел плавать. Выйдя из воды, он не направился к Вере, а стал прогуливаться по кромке воды, чтобы обсохнуть.

Женщина рассматривала его. Высокий, поджарый, ни живота, ни лысины. Крепкие руки с длинными красивыми пальцами. Хорошая стрижка, с пробором по середине, волосы пепельные, «мелированные» естественной сединой. О возрасте, характере и судьбе говорят глаза: большие, круглые, чуть навывкате и почти всегда грустные и усталые; они светло-голубые от природы, но от раздумий и иронии чаще бесцветные, как морская вода на глубине. Общий вид портят большие уши, полноватые женственно-чувственные губы и крупные, видимо больные, колени. Чуть выступающие скулы, многочисленные морщины, особенно на высоком лбу и вокруг глаз, она отнесла к привлекательным чертам мужской внешности. Но иногда лицо совершенно менялось, становилось ледяным, жёстким и губы утончались, кривились змеёй в равнодушной брезгливости! Глаза индевели, прикрывались веками, будто рыцарь опускал «забрало».

Они вернулись в гостиницу, переоделись и, не успев на завтрак, прихватили запасы еды, оставшиеся с вечера. Взяв на улице такси, через полчаса они уже были на автовокзале у фонтана Тритонов в Валетте. Прежде чем сесть в экскурсионный по острову автобус, парочка успела выпить кофе. Автобус удобный с радио-наушниками, где на русском языке вещались путевые заметки. Удобным было и то, что, как везде в Европе, этот маршрут курсировал целый день, и по расписанию в местах посадки-высадки пассажиров можно было вновь и вновь ехать дальше, предъявив однодневный проездной билет.

Уже в автобусе Андрей Петрович попытался напугать немного свою спутницу, рассказав, как несколько лет назад они летели с женой, детьми и внуками в Америку через

Рим, проводя вот на таких автобусах день, гуляя и рассматривая достопримечательности «вечного города». И вот, имея времени уже «в обрез», они не смогли быстро найти точку посадки, хотя запомнили ее хорошо. Оказалась она за углом и шофер, смеясь, сообщил, что это конкуренты-перевозчики регулярно меняют столбики с номерами этих круговых маршрутов.

— Ты просто ребенок, Андрей. Мальта — не Рим. И времени у нас предостаточно. И весь остров на такси можно пересечь за пару часов.

Мужчина равнодушно начал смотреть в окно автобуса, слушая радио-экскурсовода: «Мдина была древней столицей Мальты до прибытия рыцарей Ордена иоаннитов. Город раскинулся на высоком плато, виден издалека. Из самой Мдины открываются изумительные виды на весь остров. Этот «мертвый город» кажется музеем под открытым небом. А Рабат, бывшее предместье Мдины, восхитителен средневековой путаницей узких улочек, где под мостовыми скрываются разветвленные катакомбы раннехристианской эпохи. Своим нынешним барочным обликом Мдина и Рабат обязаны новой застройке на прежних арабских фундаментах после страшного землетрясения 1693 г. В этом же году произошло извержение Этны. Был разрушен и весь юго-запад Сицилии».

Автобус остановился в скверике между Мдиной и Рабатом. Наши путешественники прошли через мост надо рвом, прошли через Главные ворота, напоминающие триумфальную арку, зашли в киоск сувениров. Вера купила две вазочки из знаменитого мальтийского стекла, себе и в усадьбу. Андрей с удовольствием приобрел то, что искал в Валетте и не мог найти: картинку характерного мальтийского окна и резную деревянную дверную колотушку — украшение мальтийских старинных домов, еще один «эксклюзив» острова.

— Картинку подарю Марие Родиславовне: она сердечно провожала меня, глядя в окошко, а колотушку — Анне Никитичне за пироги. А Иришке и Плытонычу не придумал.

— Ты что, считаешь себя обязанным каждому знакомому привозить сувениры?

— Зачем же каждому? — он уклонился от разговора.

— Давайте, фельдмаршал, прокатимся в карете. Здесь так делают все добропорядочные туристы.

— С удовольствием, моя Королева.

Они чинно прокатились по главной улице маленького городка туда и обратно, любясь церквами и дворцами.

На площадке северного бастиона они, выйдя из кареты, замерли, оглядывая панораму Мальты. Андрей подобно Наполеону... вытянул руку (без подзорной трубы, но с компасом). Вера рассмеялась. Тогда он поменял экспозицию. Взяв ее руку в свою, он изобразил «Рабочую и колхозницу».

— Повторяй клятву, женщина: закосим и забьем! — он прыснул, — в Рабат! — уже серьезно воскликнул «фельдмаршал». — По каретам!

Через двадцать минут они петляли по старинным узким улочкам, вдыхая осенний воздух позднего средневековья вкупе с весенним ароматом раннего Возрождения. По непонятной причине Вера Яновна шла быстро, часто спрашивая у мальтийцев какой-то адрес.

— Ты чего такая... стремительная, — Андрей чуть не употребил «подорванная». — Вот план городка, вот церковь Св. Павла, вот катакомбы. Мы что, уходим от погони?

— Фу, не «накаркай». Радио-путеводитель, ты слышал, в автобусе обещал в Рабате наличие домашнего рестораника, где классно готовят «Фенека». Этот кролик — хит

мальтийской кухни. Я ведь тебе об этом говорила раньше.

Голод, конечно, не «тетка». И тем не менее, тут уже Андрей молчаливо удивился наивности женщины: кроликов в Европе не умеют готовить. Пробовал он кролика и в ресторанчике на Большой площади в Брюсселе, и там, и сям, везде соус почему-то темно-коричневый и неприятно горчит. А вот дядя Леша, сосед по площадке в родительском доме, из андреева детства умел готовить жаркое из кролика! Он держал кроликов в сарае возле дома и маленький Андрюша не мог удержаться от прыжков в снежный сугроб с крыши этого сарая. Дядя Леша ругался, но когда звал по воскресеньям родителей Андрея «на жаркое», после третьей стопки водки утверждал, что «топанье Андрюхи по крыше сарая способствует плодовитости кроликов».

Наконец нашли ресторанчик. «Фенек», как и следовало ожидать, был невкусен, как впрочем и картошка на гарнир.

— Ты чего не ешь? — спросила Вера.

— Не голоден, — твердо ответил Андрей.

— Ну, ну, — она не стала настаивать, тем более вспомнив, что мужчина весь день грызет орехи и фрукты из их утренних запасов. Вышли из ресторанчика на улицу.

— Ну что, давай план, пойдем в церковь и катакомбы, — Вера Яновна была сыта и благодушествовала. Андрей тоже был в прекрасном расположении духа и мурлыкал какую-то песенку.

— Чего ты там напеваешь?

— Сочиняю хит.

— Озвучь. Народ ждет хитов.

— Рано, — замялся мужчина, — в общем, на мелодию Антонова «Переулочки Арбата». У меня «Переулочки Рабата, как мне дорог ваш покой...».

— Плагиат в целом.

— В народе говорят: песня плохая, если не похожа ни на какую другую песню.

— Хорошо. Проводите, сударь, девушку к храму, — она взяла под руку мужчину и они двинулись в направлении церкви Св. Павла.

Шли, весело болтая, и явно не спеша на «работу» в катакомбы. Наверное, хотели отодвинуть новые «видения» и тяжелые сны.

— Не хочу тебя пугать и расстраивать, но за нами, как только мы вышли из автобуса, все время плетется вон тот «перец» с камерой. И снимает порой нас с тобой. Не оглядывайся.

— Вот еще, — она оглянулась, сделала два шага навстречу «перцу» и показала ему язык. Девчонка, но какая!

Потом, обращаясь к Андрею, показала на вставшего как вкопанного мужчину рукой.

— Это нужно зачистить, — и повернула большой палец вниз.

Андрей обожал такие «игры». Заметив в небе вертолет, он достал сотовый и, смотря в небо, говорил, будто приказывая летчику открыть огонь на поражение.

— Мне нравится твой сленг: «перец», — сказала Вера, заканчивая игру.

— Я беру у студентов некоторые словечки, — он улыбнулся и через секунду продолжил, — например, моя жизнь вот уже более недели — это сплошная «движуха». И мне это очень «в кайф»! Это азарт, кураж, драйв!

— Bravo! — улыбнулась женщина.

— Но... — он подбирал слова, — мой азарт как-то путается в этих многочисленных пространственно-временных слоях, как... как юный поручик запутывается в юбках и

подвязках молоденькой незнакомки.

— Фу, фельдмаршал, я разжалую тебя до поручика.

— Я попытался объяснить не нудно, а образно.

— Твой «образ» свидетельствует о том, что тебя пора... «выгулять», нет, точнее «дать погулять».

— Неплохо бы...

Впереди показалась церковь. Лица наших путешественников стали серьезными. Церковь Св. Павла построена над гротом Св. Павла, рядом с катакомбами.

Вера Яновна и Андрей Петрович молча побродили по храму. Женщина внимательно осматривала всё: картины, скульптуры, фрески, особенно в крипте.

Затем они вышли на улицу и остановились у входа в катакомбы.

— Давайте отойдем в сторону, поговорим. На что ты обратил внимание в церкви?

— Во-первых, описание одной из картин. Будто бы написанная Св. Лукой. Сомневаюсь. А вот в том, что он сопровождал апостола Павла на Мальте, не сомневаюсь. Во-вторых, полотно «Избиение Св. Стефана» неуместно в церкви Св. Павла, — Андрей уже был раздражен, — а в доме, где жил Декарт открыли сумасшедший дом!

— Хорошо. Когда мы сейчас пойдем по катакомбам, обращай особое внимание на скульптуру апостола Павла, на фрески с изображением его; на те, что близки к входу (или входам) в залы (галереи). Точно не могу указать. Пробуй все «блокатором-тростью» и своим умением... — она посмотрела на мужчину и осеклась.

Глаза Андрея Петровича стали совершенно молочного цвета, веки опустились, покраснели, губы приобрели брезгливое, неприятное выражение. Он «уходил» в себя. Или куда-то *туда*?

Когда они вышли из катакомб и уже следовали в сторону автобусной остановки, мужчина молчал, идя медленно с наклоненной вниз головой, будто бы нащупывая почву, думая, куда поставить ногу, куда направить шаг. Женщина не решалась пока ничего спрашивать. Наконец, Андрей Петрович произнес, жестикулируя рукой и напоминая дирижера:

— И *Пергамент*, и *Укладка* там были... Но очень давно... очень, — рука в воздухе заметно дрожала.

— Ну и замечательно. Ты умница! Давай доедем до Мосты. Вот наш автобус, — Вера ступила на ступеньку автобуса и подвернула ногу. Повернула голову, будто бы почувствовала чей-то тяжелый взгляд в толпе на площади.

Нога быстро «прошла». И вид у Андрея стал обычный — равнодушно-ироничный. Когда автобус тронулся, женщина решила порассуждать:

— Археологи открыли и расчистили катакомбы в 1894 г. Но по их свидетельствам, катакомбы еще использовались в неких целях вплоть до 17 века. Можно предположить, что там ля Валетт прятал отобранную у Сулеймана *Укладку*, да и *Пергамент*, наверное, тоже. А на момент захвата Мальты Наполеоном Гомпеш или кто-то другой по его поручению перевезли клад на Сицилию. Я сегодня вечером еще покручу свою «машину». Я пыталась рассмотреть гробницы: здесь это чаще ниши с полукруглой кровлей над замурованной в стену гробницей. Из фресок на стенах я увидела лишь изображения библейских символов: рыба, павлин, виноград. Семисвечники — символ иудаизма — позволяют сделать вывод, что хоронили не только христиан. Но я не увидела ни одной фрески Св. Павла!

— Я тоже.

— Это очень странно! Здесь рядом катакомбы Св. Агаты, сицилийской мученицы. Там 21 фреска, посвященная ей. Может кто-то затер фрески Св. Павла?

— Возможно. Но тогда это было давно и следов не видно. Да и умение особое нужно.

Автобус остановился.

— Вот и Моста, — женщина посмотрела в окно, — хотя нет, это деревня ремесленников. Тут два больших магазина сувениров. Твой выход! Пойдем, я тоже что-нибудь посмотрю.

Они более получаса смотрели филигранные изделия мастеров-стеклодувов, керамику, серебряные украшения и плетеные кружева. Были и копии доспехов рыцарей. Вера купила из плетеного кружева воротник Марие Родиславовнеи бант сестре.

— Что ты мучаешься? Купи Иришке вот эту прекрасную красную розу. Смотри как переливается стекло. Или вот это сердце, оно прямо пылает багрянцем. А как переливаются они на солнце.

— Нет, это может быть неправильно истолковано.

Но сувенир для Платоныча он все же нашел. Подходящий! Металлическая перчатка рыцаря до локтя, и такая, что сгибается в суставах пальцев. С красивой гравировкой и очень прочная. Когда Андрей примерил ее, глаза его засветились:

— Очень хочется «врезать» оппортунистам рода человеческого. Такой штукой можно ударом средней силы раскрошить черепную коробку даже буйволу. Тут вот на сгибах есть даже шипы специальные.

— Не пустят в самолет.

— Пустят, «зашифруемся» как-нибудь.

— Сердце не желаешь подарить, так хоть руку подаришь! — засмеялась женщина.

Через полчаса движения автобус прибыл на конечную остановку — город Моста. Главная достопримечательность города — монументальная церковь Святой Марии, внешним видом напоминающая римский Пантеон.

— Купол этого храма, — рассказывала Вера Яновна, — по величине — третий в Европе после... неважно. Эти места все время перераспределяются.

Они зашли в храм. Сели на лавку и подняли головы. Голубой купол с золотистым орнаментом по окружности основания даже не напоминал о вечности, а напрямую призывал к вечному покою! В любом случае, где-то там, в голубой выси, должны быть ангелы, а где им еще-то быть.

— Тебе какой ангелочек нравится? — спросил мечтательно Андрей.

— Какой? Где ты видишь ангелочков?

Андрей загадочно ткнул пальцем в «небо».

— Пойдем, фантазер. Через двадцать минут автобус.

Они вернулись в Слимю в семь вечера. Когда они вышли из автобуса, Вера предложила:

— Смотри, лестница ведет в верхнюю часть города. Давай погуляем там часок и поужинаем.

Они и погуляли, и поужинали. Оба были очень удивлены той безлюдностью и тишиной здесь, в сравнении с шумной суетой внизу у побережья. Даже окна, большей частью заставленные, не выдавали зажженного электрического света внутри комнат, хотя в узких улочках уже темнело. Они попытались спуститься вниз, но улочки все время сворачивали и петляли. Друзья начали подозревать, что заблудились и, как назло, нет прохожих и не у кого спросить. Ах, вот идет девушка. Указала рукой и что-то объяснила. Через двадцать минут

пришлось снова искать ориентир. Парочка молодых людей указала куда-то в обратную сторону. Наши путники уже подустали и были слегка не в духе. И на тебе!

— Hello! — раздалось из машины рядом.

И автомобиль уже не встречался давненько, но главное: за рулем сидел и приветливо улыбался тот молодой таксист, что довез их из аэропорта.

— Гуляете? Я еду на набережную, вниз. Хочу сегодня потанцевать. Хотите присоединиться?

— Спасибо, нет. Устали. Подбросьте до гостиницы, пожалуйста, — она не сказала, что они с Андреем заплутали и что мальтийцы водили их более часа «за нос».

Парень остановился у «Каринтии». Андрей полез в сумку, чтобы расплатиться, но парень остановил его руку, отказавшись от денег. Вместо этого он бросил в сумку свою «визитку» с телефоном и, попрощавшись, уехал.

Когда Вера Яновна и Андрей Петрович подошли к своему номеру, из-под двери высовывался конверт. Мужчина взял его в руки. На нем нарисована змея и перевернутый крест. Глаза женщины стали тревожными. Она промолвила:

— Это Ричард...

— От кого же еще... Конкурент намекает, что знаком с тем конвертом, что ты видела в библиотеке. Уж не по его ли милости он оказался пустым... — Андрей покрутил в руках конверт. — А тут что-то есть!

Он достал из конверта пачку фотографий: он с Верой в Рабате. Да еще и в пещере! Вот Андрей манипулирует тростью, вот заглядывает в гробницы.

— Ну, «папарацци» хре...в. Я же совершенно не фотогеничен! А вот тут ты, Верочка Яновна, получилась замечательно. Красивый ракурс: изгиб тела, наклон... Эту пару фоток с тобой я возьму на память.

— Ты все шутишь...

— Не волнуйся, за эту фотосессию этот горе-фотограф еще получит от меня «двойку», — лицо Андрея стало непроницаемым.

— Пока-то «двойка» нам...

— Там было многолюдно, — сказал мужчина, что-то вспоминая или о чем-то задумавшись.

— Я устала, Андрей Петрович. Пойду наверх, попробую немного поработать и пораньше лечь спать. И тебе советую. Я заказала через портье такси на 4 утра. Паром на Сицилию в шесть. Собраться советую с вечера. Спокойной ночи.

— И тебе спокойной! Не переусердствуй со своей «машиной» и не тревожься по поводу письма.

Она еще долго не ложилась. Сверху доносились шаги, звуки, непродолжительный разговор по телефону.

«Странно: с кем она разговаривает в это время? В Питере сейчас полночь... А Иришка с Сицилии звонит на мой телефон, — подумал Андрей, — сегодня вот утром с ней разговаривали. Все у нее хорошо... Может из усадьбы звонок?»

Такси ожидало у гостиницы. Водителем на сей раз оказался хмурый небритый мужчина лет пятидесяти арабской внешности. Он был неразговорчив, да и пассажиры не были расположены в четыре утра к досужей болтовне, обычной в такси. Вера Яновна, еще спускаясь в лифте, буркнула, что вновь совершенно не выспалась, а когда садилась в машину, с очевидной неприязнью бросала взгляды на водителя.

— Я заказала такси еще вчера утром... Лучше бы нашего знакомого было попросить, — ворчала она по-русски. — А этот мамлюк не внушает мне доверия...

Андрей Петрович чувствовал, что что-то более серьезное ее тревожило. Может тот поздний звонок? Но спрашивать ее сейчас и пытаться разрядить определенно нерадостную атмосферу этого последнего утра на Мальте было неуместно. Через полчаса они уже были в порту, у терминала N 1. Рядом работало кафе, они зашли выпить по чашечке «эспresso» и слегка перекусить. До отплытия парома оставалось чуть более часа, но причал был странно пуст. Да и в кафе не было других посетителей, кроме их двоих. Где пассажиры? Где этот... «Летучий Голландец»?

Когда Андрей осторожно спросил официанта о своих подозрениях, тот, недоумевая, ответил, что терминал перенесли два месяца назад к другому причалу и что тут пешком десять минут вниз и налево...

— Don't worry! — успокаивающе добавил паренек.

— Well, good, — недоверчиво пробубнил мужчина, беря багаж и взглядываясь «вниз и налево».

Необходимого обзора не было. Чтобы приободрить спутницу, Андрей Петрович начал напевать «В Кейптуанском порту» и на всякий случай взял довольно рысистый темп.

— Ты чего так... «метнулся кабанчиком»? — спросила Вера, тоже взглядываясь в горизонт набережной.

— Песня такая...

Вот прошли десять минут, прошли и двадцать, но ни причала, ни людского оживления не обнаруживалось. Ни людей, ни машин, ни пароходов. На душе «заскребли кошки». Случайный прохожий в ответ на вопрос «Где пассажирский терминал?» указал обратное направление! Человек без багажа и, судя по раннему утру, наверняка работающий где-то рядом. Как он может ошибаться? Да что же опять за «непонятки»? Нет, нужно двигаться дальше, в прежнем направлении. До отхода парома всего сорок минут. Билеты есть, но нужно пройти таможеню, сдать багаж.

И вот удача! По совершенно пустой набережной движется такси. Андрей остановил машину, чуть не угодив под колеса. В такси двое мужчин. Запросили 10 евро.

— Да, да, конечно! — вскричали уставшие и издерганные путники.

И ровно через 20 секунд езды, за ближайшим поворотом, оказался небольшой причал. И люди есть, и большой паром.

Вере, естественно, не жалко было этих евро, но «накипело», и повод высказаться «убедительно» в русской традиции и на русском разговорном наречии был «железным».

— Андрей, закрой уши! Сейчас из моих уст полетится настоящая «матросская брань». Платоныч научил когда-то. Как филолог филолога. Метафоры ярчайшие и крепчайшие!

Оба мужчины, тоже небритые, арабской внешности, секунду назад имевшие довольные лица от нечаянного барыша, вдруг «спали с лица». По мимике лица и жестам Верочки они поняли, что дамочка «таки против» и сильно.

Андрей, дабы смягчить международную обстановку, достаточно напряженную уже, быстро по-английски объяснил мужчинам, что эта русская взволнована видом моря и декламирует с выражением «Белеет парус одинокий» — стихотворение великого русского поэта о мятежном духе русского народа. Для убедительности и наглядности он показал рукой на парусник, действительно одиноко маячивший в дали моря.

Паром, по сути, морское судно средних размеров, назывался «Жан Паризо де ля Валетт». На двух палубах размещались пассажиры, их было сейчас не много, в «брюхо» парома заползали автомобили и багаж.

Наши туристы спешно прошли пункты контроля, сдали багаж и поднялись на верхнюю палубу. Выбрали удобные места в мягких креслах на корме. Множество кресел рядом были пусты. Они молчали, успокаиваясь от недавних тревог. «Снежная Королева» после вспышки ярости никак не могла прийти в себя.

И только, когда судно отошло от береговой линии на пару километров, Вера взяла Андрея за руку и сказала тихо, как будто примиряясь с чем-то:

— Как жаль, как жаль, Андрей...

— О чем ты, Вера?

Она не ответила сразу. Смотрела на исчезающие в утреннем тумане очертания крепостей и соборов. Затем тихо проговорила:

— Мы как вон те уже еле видимые прибрежные камни, обнажающиеся изредка из-под

воды... Как мы порой бываем обнажены, если с нас снять наряды успешности и благовоспитанности... Подвержены ударам волн судьбы и случая. А те валуны, что сейчас под нами, на глубине в сотню метров, находятся в покое, под защитой... Надо защищаться, все время надо защищаться...

— Ты хочешь сообщить мне что-то новое и важное? Или просто поискать во мне защиты и утешения? — мужчина положил свою руку на руку женщины.

Она молчала.

Тогда он решил отвлечь ее от раздумий и пошутить:

— Я с месяц назад наблюдал по телеку за диалогом двух известных режиссеров. Они горячо спорили. Один спрашивает: «Вот зачем вы в «Трех сестрах» раздели догола сестер и даже Вершинина?». «Вы что, не понимаете?» — кипятился второй, — «Я хочу показать этим зрителю, что они не защищены! Это новая, концептуальная режиссура!»

Вера Яновна лишь улыбнулась, но начала говорить о своей проблеме:

— Мне вчера поздно вечером позвонил мой директор института. Я очень удивилась. Я ведь, ты знаешь, в телефон вставила другую «симку», о которой знают лишь Иришка, бабуля и зам. директора по научной работе. В сдержанной форме, но в достаточно повелительной манере, он сказал, что ему позвонили из МИДа и попросили передать мне их просьбу быть более, как там выразились, «цивилизованной» в общении с Ричардом Старки. Все! Без комментариев! А вот уже директор засуетился: если этот Старки важное официальное лицо или исследователь, то контакты с ним могут быть полезны институту. Мой директор — старый хитрый лис: «Осторожненько так, говорит, понять: кто он и что, вывести его намерения, но не выдавая полностью своих... Все как обычно в нашей работе с иностранцами».

— Он что, этот англичанин, поплывет за нами на Сицилию? — Андрей Петрович невольно оглянулся.

— Не знаю, но вполне вероятно. Ах, Андрей, я так не хочу, чтобы этот скользкий тип угрем полз за моими пятками, вынюхивая, выглядывая.

— Мне думается, дорогая Верочка, наедине-то с этим Ричардом мы еще можем «валить дурака». По-нашему, по-русски, на русском. Хотя... у него может быть спрятан диктофон... Но из МИДа лишь просьба, ничего документального...

— В этой организации привыкли, чтобы понимали даже намеки...

— Если хочешь, я могу вступить «в игру». Обо мне в твоём МИДе не знают. Например, я буду играть сильно выпивающего, ревнивого и буйного мужа-нефтяника, можно намекнуть, что я по совместительству еще и агент... Да просто неадекватный тип! Ты, кстати, как любая женщина, вообще имеешь природное право быть капризной без меры, даже истеричной. Может голова заболеть в любой момент, обиделась вдруг. Или...

Верочка рассмеялась:

— Какой ты, право, наивный! Хотя опыт у тебя, видимо, есть. Но это другой случай!

— И ты не сгущай краски! Могут твои начальники допустить, что ты увлеклась таким вот типом. Я могу привести те случаи из истории...

— Могут. Не нужно историй. Какое-то время можно беспардонно блефовать, потому что британец пока не будет особо «лезть на рожон», ему нельзя никому выдать свои личные интересы... А они у него есть! Нутром чую! И у нас есть, и он это понимает!

— А почему тебе не обратиться к Дееву?

— Зачем? И что я скажу толком. Высокое начальство любит победителей... К нему

либо с победой нужно идти, либо в очень острой ситуации. К тому же он знает о наших поисках... далеко не все. Я не хочу, чтобы он, а тем паче мое начальство, знало хоть что-то о записках дяди, об *Укладке*! Нужен тактический и оперативный баланс между... Между всеми! Конечно, А.В. Дееву я доложу о результатах поездки. Деньги-то он выделил. И знает, что я поехала на Мальту, чтобы согласовать и уточнить связи архивов Ордена и наших семейных архивов. О *Пергаменте* он знает лишь то, что этот документ ценнейший.

— Ты прямо «товарищ Штирлиц»! — пошутил Андрей. — И то, что ты «в засаде» держишь Ирину и она даже звонит на мой телефон, хотя ты поменяла «симку», очень предусмотрительно.

— Ну вот зачем ты напомнил мне сейчас о сестренке! Я и так переживаю, что плыву сейчас в Сиракузы, она уже два дня там, а я не могу с ней встретиться! Противно!

— Можно под покровом ночи... переодевшись...

— Прекрати! Ты все-таки не понимаешь опасности... от этого англичанина. Он наверняка следит, имеет и агентов, и аппаратуру.

— Ну извини...

— Не хочу рисовать перед тобой страшных картин, но и «наши» тоже могут быть опасны. Если будет необходимо, нас, в лучшем случае, сделают «шестерками в игре», забрав себе все козыри, в плохом — вообще «выведут с поля», в худшем — отправят в «дурку». И все это будет сделано умело, дипломатично. Привычно...

— Я весь «трясусь от страха», — опять язвил мужчина.

— Только такой ненормальный, как ты, ничего не боится!

— «А он, мятежный, просит бури!», — вскинул руки Андрей.

— Ну точно псих! Мы в открытом море!

— Еще раз извини...

Вера Яновна отодвинулась от мужчины, достала «нормальный» планшет.

— На маршрутке доедем до городка Pozzallo, — сказала она через пять минут, — а там возьмем такси до Сиракуз.

Убрала в сумку планшет, достала, не заглядывая внутрь, андрееву повесть.

— Давай поговорим об апостоле Павле. О его морских путешествиях.

Мужчина сделал кислое лицо.

— Лучше давай обсудим твою удивительную сумку. Она необыкновенная: жутко вместительная, сделана в форме «книжки» из трех страниц-папок. И ты не роешься там, а находишь нужное вмиг!

— Да, я ее очень люблю, — Вере понравилось внимание Андрея к ее вещи. — Я купила ее в Вене год назад.

Польщенная женщина принялась рассказывать о сумке:

— В среднее, «жесткое» отделение я кладу планшеты и тому подобное. А в боковые отделения, мягкие — всякие свои вещицы. Вот в это — косметику, а в это — книжки, тряпки. Все должно быть «системно», — гордо закончила Верочка.

— Похвально, — заметил Андрей, надеясь, что увел разговор о повести.

Но он ошибся, так как «системность» работала безотказно.

— Павел любил море? — спросила она.

— Понимаешь, в чем дело, — нехотя начал Андрей Петрович, — я уже говорил, что я написал художественное повествование, а не научное исследование. Я создал свой образ Павла, обравив его событийностью и теологией. Павел у меня глубок и пытлив, многогранен

и образован. Мучительно примирял в себе гордыню и талант... с опытом новой Веры.

— Вот и ты проявляешь сейчас гордыню! Я лишь прошу немного поговорить... Рассуждать о причинно-следственных связях поступков Павла, глубинных побудительных мотивах этих поступков, всех раздирающих душу противоречий этого человека я не собираюсь.

— Хорошо, — улыбнулся мужчина и, встав, продекламировал, — «Бросьте меня в море... ибо я знаю, что ради меня постигла вас эта буря».

Тут же испугался, что вновь упомянул бурю.

— Это цитата из твоей повести? Не припомню такой!

— Это из книги пророка Ионы, — задумчиво ответил Андрей.

— Как ты замечательно умеешь свою образованность точно, остроумно и метафорично употреблять!

— Спасибо на добром слове. Но я ведь не уверен, хорошо ли это. Искусство имеет много прав, и главное — право выбора. Но таит в себе и большую опасность, и главная: оно лукаво и... как и красота... может украдкой заползть в самые потаенные места сознания и создавать свою... новую истину.

— И что делать?

— Пытаться учиться внутреннему покою, умению созерцать и отстраняться. Объективной реальности ведь нет, есть что-то мутное... как твой любимый абсент, — рассмеялся мужчина.

— Хм... А на чем же строить расчеты? Ну все, оставим философию. Ты пишешь, что на море с Павлом чаще случались припадки. Это эпилепсия?

— Точно неизвестно, но ведь не зря эту болезнь называют «священной», — глаза Андрея Петровича стали грустными.

— Мог такой припадок случиться во время кораблекрушения на Мальте? Или после укуса змеи?

— Не знаю. Но сотник Юлий и Лука отмечают, что Павел почувствовал приближение бури и даже смерти. Он испугался. По обычной для того времени практики судовождения накануне шторма корабль направляют ближе к берегу. Так корабль оказался у берегов Мальты.

— Ты пишешь, Андрей, что пассажиров на судне было 276 человек. Римляне, греки, арабы, евреи. И все они спаслись. Нет ли сведений, что чье-то поведение было странным?

— Деяния апостолов, написанные уже после смерти Павла, в 70–80 годах, — основной источник, но, боюсь, там много сведений из вторых рук. Но вот интересный факт: так называемые «мы — отрывки», где автор внезапно начинает повествовать от первого лица. То есть был свидетелем кораблекрушения, да и всего морского путешествия. И это не Лука, и не сотник Юлий. Есть еще много новозаветных апокрифов, таких, например, как Деяния Павла, Деяния Петра и Павла, Апокалипсис Павла, Переписка с Сенекой, но ценность этих книг как источников достоверной информации, считается невысокой. Наиболее достоверным я считаю доклад императору римского сотника Юлия. Но зачем тебе это все?

Вера Яновна была сосредоточена на каких-то своих логических комбинациях, хотя Андрей Петрович и не понимал, что можно «выстроить» из такого скудного материала?

— Все времена — это одно Всёвремя. И оно сшито некими «Нитями накала». Это принцип работы моей «машины времени». Если я сумею почувствовать тепло хотя бы от одной такой нити, я смогу потянуть за нее...

— Реинкарнация времени?

— А *Черный Человек* был на корабле? — спросила женщина, пропустив вопрос мужчины.

— Это не важно: Он *Всюду* и *Рядом*!

— И вот еще... последнее. Ты описываешь еще одну интереснейшую легенду — казнь Павла. Чтобы завязать глаза апостолу, солдат сорвал с головы женщины по имени Паутила платок, а ночью той приснился сон, будто Павел возвращает ей платок. Утром она нашла его возле кровати и как только хотела подобрать его, он обратился змеей и та мгновенно уползла. Зачем Сатане...

— Вера, я устал! И уже ответил: *Всюду* и *Рядом*...

Он откинул голову на спинку кресла, прикрыл глаза, и память унесла его в ту раннюю весну... семь лет назад. Он пришел на Новодевичье кладбище, к тому самому камню, к могиле М.А. Булгакова. Той весной он был душевно ранен, больно ранен и рана никак не заживала. Кровоточила день и ночь, день и ночь. Ему показалось, что на могилку (пустую, без травинки) нужно посадить цветы. Андрей купил в кладбищенском киоске маргаритки, белые и крупные, и посадил, образовав цветами две буквы «М». Потом сел и зарыдал. Навзрыд. Завыл!

А потом, где-то через год, когда стало совсем тошно, понял, что делать такие вещи нельзя! Нельзя! Но как объяснить этой успешной, молодой и красивой женщине, что есть сакральные тайны, которые нельзя трогать...

— Не обижайся, Андрей. Но вот обычный читатель...

— Обычному читателю я ничего не хотел сказать! Ничего! — уже зло отрезал мужчина, — функция искусства — разъединять! Людей... Но объединять мир!

— Ой, смотри, уже берег Сицилии! Там моя Иришка. Я заказала ей и нам гостиницу близко друг от друга. Правда, не такие респектабельные, как на Мальте. У нас с тобой два отдельных номера, рядышком, через стенку.

— Замечательно, — сухо отреагировал Андрей Петрович.

— Хочешь, я дам тебе интереснейший материал о том периоде, когда образовались масоны от разогнанного ордена тамплиеров. Я занималась этим по заказу... ну не важно. Четыре года назад. Полгода тяжелейшего труда. Остались семь сотен листочков с записями.

— Тамплиеры — ростовщики, банкиры, торговцы. Низший сорт! А сначала именовались «храмовники», изгоняли торгашей из храмов. Потом окутали себя таинственностью, значительностью...

— Что ты так зло говоришь? Не любишь торгашей?

— Не люблю! И писать о них ничего не хочу. А вот о Ньютоне я бы хотел... И об Якове Брюсе, тоже масоне, друге и соратнике Петра Великого. Только я бы хотел образы Ньютона и Брюса сделать фоном, историческим фоном, не особенно увлекаясь раздумьями об алхимии, мистике и метафизике. А главным героем хочу сделать петербургского молодого аристократа, живущего в самом начале 20 века. Образован, умен, сердцеед. И вот влюбился в праправнучку Якова Брюса.

— Да, я по Ньютону могу тебе кое-что дать из архивных материалов. Очень скудно, конечно... Жил в уединении, держал в себе еще много тайн... Он... последний из великих алхимиков, глубоко раскрывшем многие еретические учения. А физика... Ему нужна была оптика, чтобы рассуждать о том, что мы видим не реальный мир. Величайший философ, а законы его в механике — так, попутно. Это следствие еще одного его свойства: крайней

дотошной рациональности!

— А как гениально он реорганизовал монетный двор Англии! — заметил Андрей. — Я буду признателен тебе за помощь с документами...

— А вот Яков Брюс не попал в круг моих исследований. Расскажи в двух словах, — попросила Вера Яновна.

— Он ученик Ньютона в масонстве, имел знаменитую т. н. «Черную книгу». Отсюда и «брюсов календарь», и брюсов план Москвы, наложенный на зодиакальную карту. Что-то схожее с твоей машиной...

— Великолепно! Наверное, Ньютон познакомил его со своей математической моделью Апокалипсиса.

— Возможно. А вот байка о том, как Брюс познакомил Ньютона с Петром — поучительна!

— О чем байка?

— Ньютон после беседы с Петром сказал Брюсу, что его царь — великий государственный деятель, но в масонскую ложу он его не может рекомендовать, так как тот прямолинеен и не сдержан.

Андрей Петрович хотел еще объяснить, в чем же поучительность этой истории, но паром уже причалил и нужно сходить на берег.

В маршрутке, а затем в такси женщина все выпытывала:

— Нашли «Черную книгу»?

Мужчина рассмеялся:

— Нет. Наверное, это будет твоей следующей задачей. Сталин искал и не нашел.

— О! Этот друг всех мелиораторов и литераторов покруче прочих астрологов и алхимиков. Вот и могилу Тамерлана потревожил 21 июня 1941 г. Ему говорили старики-суфии: нельзя! Будет война! Но он ведь «сам с усами». Сын священника, семинарист. Ладно, перезахоронил в секретном месте. Кстати, у этих стариков тоже была «Тайная книга».

Верочка помолчала и добавила:

— Жалею вот, что ничего не «пронюхала» о том, что делали французские масоны на Мальте до появления там Наполеона... Все ведь звенья одной цепи...

— Да, *Нити Накала! Нити из сакральных тайн!* И вдруг... «скатались» в шаровую молнию!.. Сожгла! Но... она фантом.

— Тебе нужно отдохнуть. Выспаться. Вид твой мне не нравится.

Андрей сбросил что-то рукой с головы, слабо искривил рот и покачал головой.

— Я — впечатлительный человек. Я даже на лекциях «завожусь». Вот говорю: Тамерлан, у него было прозвище «железный хромец». Тут же в памяти всплывает Сталин: сталь, сухая рука... А сейчас... море... качка... апостол...

Гостиница «Аврора» вновь, как и на Мальте, располагалась на побережье, у самой набережной, и из окон открывался вид на море. Стрелки часов приближались к одиннадцати и начинался дневной бриз, задувающий свежий воздух в окна.

«Днем дует с моря на нагревающееся побережье. Ночной бриз даёт обратный эффект. Наверное, поэтому ближе к вечеру становится на суше душновато, а ночное купание привлекает», — подумал мужчина.

Через два часа, немного отдохнув, парочка двинулась вдоль набережной в поисках кафе. Они не успели позавтракать на Мальте, а время приближалось к обеденному. Верочка была в прекрасном настроении!

— «Голубизна моря сливается с сияющей лазурью неба», — произнесла она банальную цитату — Не ухмыляйся, Андрей, критики зря ворчат будто новая метафора несет красоту, а старая уносит. Главное, свои собственные мысли и чувства оставить... сочными. Ой, слово «сочными» возбудило меня: ах, эта итальянская антипаста, паста, пицца!

Андрей Петрович молчал. Ему приснился дурной сон. Бурная река течет сквозь березовый перелесок. Множество небольших парусников, они застревают меж деревьев и тонут. На парусах надписи «Вера», «Надежда», «Любовь», а еще «Талант», «Удача». Чаше тонут «Талант» и «Удача».

— Ты чего молчишь? — недовольно спросила Вера Яновна.

Андрей достал свой телефон:

— Позвони Иришке. Справься: как дела?

— Ой, конечно. Ты умница!

Она сделала короткий звонок.

— Все хорошо. Она в гостинице «Левингстон», это в двухстах метрах от «Авроры». Гуляет, полна восторгов. Взяла напрокат машину.

— Сицилия — «царственный остров, а Сиракузы — жемчужина Великой Греции». Это цитата из учебника по истории Европы. А ты: «паста, пицца...». Я простой уральский парень...

— Нет! — оборвала его женщина. — Во-первых, ты — не простой, а во-вторых, наверняка не очень-то и уральский. Ты хорошо знаешь свою родословную?

— Прилично. Лет на двести назад, но с пробелами...

— Расскажи.

— Потом как-нибудь.

— А в моих жилах течет смесь кровей: польская, сербская, немецкая, еврейская и русская.

Андрей опять вспомнил сон: «течет смесь кровей» сассоциировалось с рекой.

— И представь, что мы с бабулей, — продолжала Вера, — по базовому образованию — слависты. У В. Даля мать — немка. А я его словари русских слов и пословиц знаю практически наизусть. Вот так, дорогие «немцы Иваны Ивановичи и Адамы Адамычи». Это цитата из Даля.

Глаза Веры засверкали алмазами, крылья носа и щеки начали знакомо подрагивать. Кураж так был ей к лицу! И мил Андрею!

— Назови слово, — она бросила «перчатку».

— Ну... трость, — мужчина принял «вызов».

Они уже заходили в кафе, прошли вглубь и сели на веранде, прямо у залива. Официант быстро подал меню. Вера просматривала листочки и буд-то читала оттуда вслух:

— «Посох, батог, бадиг, клюка, жердь, палка, шест, жезл с герлыгой». А вот пословица: «Что батюшка лопаточкой сгребал, то сынок тросточкою расшвырял».

Она чувственно вытянула губки, затем облизнула их и продолжила:

— Я пасту с мидиями, брускетты, ризотто, хлеб (здесь великолепный хлеб, вкуснятина, и от него не полнеют) и канноли. А ты?

Андрей, обалдевший от синонимов на его трость, особенно от «жезла с герлыгой», и вновь поражаясь «матрице» памяти этой изящной, удивительной молодой женщины, лишь смог пошевелить губами по-рыбьи и еле подать голос:

— На твой вкус... У меня «отшибло» аппетит... А как будет «аппетит»?

— «Алчба, тоща, алкота, выть», — выпалила Верочка, насмешливо и победно наблюдая за мужчиной.

— Нет, мне определенно... захотелось «выть», — он пришел все-таки в себя.

— Тогда так: пицца «Маргарита», — она уже говорила подошедшему официанту, — *La bistecca, il formaggio, Il prosciutto, Vino bianco.... naturale.... il caffè..., il gelato...*

— Мы здесь в кафешке и проведем все три дня? Ты взяла еды на это время...

— Здесь так принято, — равнодушно ответила Вера. — И Бог знает, что нам понравится? Вот что ты можешь рассказать о достоинствах и отличиях сортов российского окорока и ветчины, или испанского хамона, или итальянского прошутто?

Андрей Петрович пропустил последнее мимо ушей и спросил в свою очередь:

— Хотелось бы узнать о наших планах.

— Сначала поедим немного.

И лишь когда весь стол был заставлен тарелками большого размера, бутылками, фужерами и бокалами, и первый бой эти яства проиграли Вере Яновне, та расслабленно и удовлетворенно начала говорить.

— Я сейчас вспомнила Тартуский университет. В 95-ом я проходила там стажировку по семиотике в школе Лотмана. И эта годовая стажировка перевернула мою жизнь. Исследования свойств знаков и знаковых систем (и не только в языках) — теперь моя профессия. И запоминаю, и исследования веду... по знакам, системно. Могу пояснить: это же слово «семиотика» в медицине означает признаки болезней, синдромы. А это все — «знаки». Славянские языки в этом смысле, как и санскрит, отличаются строго нормализованной грамматикой. Корень слова — корень смысла — *знак*!

— Ну и где же общие корни в словах «аппетит» и «алкота»?

— Это, Андрей, отдельный, очень специальный разговор. О транскрипции, — она засмеялась, — в биологии «транскрипция» — первый этап передачи генетической информации.

— Ты «увела» разговор о планах.

— Нет, дорогой. На втором, другом плане своего сознания я, пока говорила с тобой о знаках, как раз и думала о наших планах в Сиракузах. И рассчитывала на подсказку с того... другого плана. Так вот. Сегодня я планирую посетить катакомбы San Giovanni (Св. Евангелиста Иоанна Богослова). Мы сейчас вернемся в гостиницу, я заказала через портье машину напрокат на 3 дня. Она должна быть у гостиницы в 14:00. Завтра съездим в местечко Palazzolo Acreide, тут недалеко. Это по следам Св. Павла. Вот два главных пункта. Есть еще соображения насчет мумий Сицилии, гротов вдоль побережья. Но вероятность следов Павла там ничтожна. А вот третий день будем планировать по результатам первых двух. И, конечно же... «пакет» туристических радостей!

— За удачу! За великолепный город Сиракузы и его древний центр, чудесный, сказочный Ортиджиа. Кстати, Ортиджиа Цицерон назвал самым благородным и красивым среди греческих городов — произнес тост Андрей Петрович.

— Да, за удачу! За Сиракузы! — Они выпили вина. — Но, по-моему, Цицерон говорил с таким же пиететом о рядом расположенном городке Ното, — неуверенно заметила Вера.

— Возможно. Но нет, вряд ли. Подождите... — Андрей задумался, опять «уйдя в себя» и прикрыв глаза. — Да, точно, вспомнил!

И радостно продолжил:

— Я вспомнил строчки из одного курса по истории Европы (а может это из лекции Г.Н.): «Хоть Мальта и микрокосм Средиземноморья, но шествие цивилизаций, эпох и культур по Сицилии, и более всего по Сиракузам, можно рассматривать как... наиболее полную картину... развития Европы. Это подлинный Алеф!»

— Отлично, Андрей Петрович! Дядя бы расцеловал тебя сейчас, — она смотрела на мужчину простым детским взглядом удивления и восторга.

Затем Верочка решила приправить этот взгляд и лучиком своей эрудиции:

— Алеф — это первая буква в алфавите священного языка.

— Не только. Еще это такая точка в пространстве, в которой собраны все другие точки, место, где собраны все места земного шара...

Они уже приближались к гостинице, и Вера увлеченно философствовала на тему Алефа.

— Эта тема «многое в малом» дисциплинирует и даже успокаивает меня в моей работе. Я понимаю, что «целое не больше, чем какая-то из его частей». Как в прочитанной хорошей книге я возвращаюсь к пяти-десяти фразам, сжимая сферу восприятия до точки, так и в работе. Но затем я «расширяю» эту точку в бесконечность, плетя нити паутины смыслов, накаляя их узорами времени и пространства.

Андрей шел рядом в задумчивости. Он, кроме принципа «20–80», исповедовал принцип «непривязанности». Правда, он сожалел порой, что эта «непривязанность» употреблялась им порой некорректно, обедняя эмоциональную сторону жизни. С одной стороны, хорошо, что сквозь бытийное, множественное, малое видно сущностное, целое, большое. С другой стороны, по прошествии времени все вспоминаешь реже и реже, если нити плетения брал из клубка мозгов, не окропляя кровью сердца. Вот и три насыщенных дня на Мальте уходят в прошлое, гаснут в памяти и через буквально месяц будут казаться давними событиями жизни. Это потому, наверное, что не было глубоких эмоций, нет и ясных результатов. «С глаз долой — из сердца вон!».

Возле гостиницы их ожидал крохотный, напоминающий «божью коровку» автомобиль. «Фиат», ярко-красного цвета.

— Это что? Игрушечный автомобиль? Он может двигаться? — «прикололся» Андрей.

— Еще спасибо скажите, что я такой запросила. Здесь у многих такие «крошки». Улочки очень узкие, да и парковаться крайне сложно.

Вера Яновна зашла на Reception, заплатила за прокат, там же ей выдали карты по Сицилии, по Сиракузам и навигатор.

— Лучше иметь навигатор, уже опробованный на месте. Названия пунктов «забиты» точные, на итальянском, голосовые подсказки — на английском, — прокомментировала она и стала внимательно рассматривать карту Сиракуз.

— Нужно проложить тропу! — «фельдмаршал» поднял кверху указательный палец. — А у меня свой «навигатор — биолокатор», — он любовно погладил трость.

Вера завела машину, включила кондиционер и путешественники тронулись в путь.

Автомобиль двигался медленно: женщина привыкала к особенностям управления. Но более сейчас ее беспокоило другое: сумела ли она разговорами о планах, об Алефе «зарядить» умения Андрея? Да ведь это загадка. Вряд ли он сам понимает технологию этого. Вот говорит опять что-то назидательное. Может он сам «заряжается» от своих философствований?

— ....да, конечно, древняя греческая культура на Сицилии намного глубже и распространенней... ярче следы римлян, арабов, норманнов...

— Приехали, — сказала Вера Яновна, — я ехала медленно, потратили на дорогу почти час. Это так, на будущее...

На просторном удобном «пяточке» припарковали машину. Буквально в ста метрах базилика, построенная над катакомбами. Удивительно повезло! И людей странным образом вокруг мало! Рядом была детская площадка и небольшой сквер.

— Диспозиция весьма удобная. Не правда ли, фельдмаршал? — загадочно утвердила женщина.

— Для чего? Попасть ночью в катакомбы? — странно ухмыльнулся Андрей.

— Посмотрим... Меня беспокоит, что помимо современных экскурсий эти катакомбы в 5–9 веках несколько раз подвергались нападению вандалов, готов, сарацин. Однако, если наши «клады» перевезены сюда рыцарями-иоаннитами в конце 18 века, то покопаться здесь могли лишь современные историки-археологи.

Пока группа экскурсантов собиралась, Андрею удалось купить небольшой буклет о катакомбах на русском языке и выслушать кое-какие указания Веры Яновны.

Экскурсовод, итальянка небольшого росточка с очень выразительными миндальными большими глазами, представилась Федерикой и повела группу туристов из семи человек,

рассказывая на итальянском и английском языках.

В первую очередь они осмотрели крипту. Вход в нее имел решетчатую металлическую дверь, открытую. Андрей, присмотревшись, заметил, что замочная скважина проржавевшая, и близ этой щели не было характерных светлых потертостей от ключа. Это свидетельствовало о том, что дверь не запирается. Однако пройти в крипту можно лишь через закрывающуюся базилику, минуя небольшой дворик. Дворик окружен каменными стенами высотой не менее трех метров. А что за этими стенами? Ясно лишь, что территория базилики со стороны скверика огорожена простой проросшей «рабицей».

— Катакомбы Св. Иоанна, появившиеся в эпоху, когда христианская община уже не должна была скрывать свою веру, — рассказывала Федерика, — использовались для захоронений. Типы захоронений каноничны: прямоугольные или арочные углубления (ниши) в стенах горной породы. Гробницы, расположенные на полу камер (залов) катакомб покрыты горизонтальными плитами.

Вера Яновна задавала много вопросов и из любопытства, и давая время Андрею Петровичу для осмотра и работы тростью.

— Да, в этой крипте молился Св. Павел, — отвечала экскурсовод.

Вера спросила далее про отверстие-колодец в потолке крипты, оттуда лился дневной свет.

— Это один из колодцев. Здесь он «легкий», невысокий, но достаточно крутой, почти ступенчатый когда-то. Высотой примерно 5 метров. Цель колодцев — освещение, сбор дождевой воды, вентиляция, доставка различных предметов, извлечение горной породы, — Федерика с удовольствием отвечала любопытной русской туристке.

Андрей же заметил, что наверху, в устье колодца, была простая решетка в металлическом обруче. Она служила крышкой люка и защищала, видимо, от птиц и кошек. Лежала свободно на бетонной круглой опалубке — горловине, чуть перекошенная и похоже, что без запоров.

Вера Яновна задала вопрос о фресках и получила ответ:

— Типичная катакомбная живопись: Богородица с младенцем, образы Петра и Павла, Христа, хриistogramмы с апокалептическими буквами альфа и омега, две лодки в форме рыб. Этих фресок много в ротондах (залах), особенно в ротонде Антиохии. Они и на стенах, и на саркофагах. И вдоль галерей, особенно вначале второй северной галереи. Более поздние фрески можно увидеть близ гробниц епископов Сиракуз, местной аристократии.

Вера обратила внимание, что в «ротондах» колодцы расположены уже очень высоко, направлены вертикально вверх из кровли камер. Освещение везде очень скудное. Саркофаги выполнены из того же известняка, что и сами катакомбы. Изготавливались тут же, в «ротондах»-камерах. В каждый зал один вход, колодец в потолке (кровле камер) расположен по центру. Ниши захоронений разные: на несколько человек, семейные, одиночные и совсем небольшие...

Андрей Петрович, кроме визуального изучения фресок, захоронений и всей топографии, пытался с помощью трости «поймать» какое-либо «излучение». Он частенько задерживался, чтобы выявить сколы, затертости, характерные при работе металлическими инструментами по камню. Вере приходилось объяснять Федерике, что ее муж «страдает коленями» и поэтому отстает, задерживается. Иногда он должен отдохнуть, поэтому «немного опирается о ниши».

Когда, выйдя из катакомб, парочка села в машину, женщина достала из своего лже-

планшета один старинный документ.

— Этот документ из наших семейных архивов. Здесь наш предок, тот, что был с флотилией Ушакова в Средиземноморье, пишет, что располагает неким *Пергаментом*, точнее, его частью. Текст у предка путанный, изложенный несколькими короткими предложениями на французском языке. Возьми бумагу в свои руки, я перескажу ее суть.

— Некто граф А.И. передал *Пергамент* этот нашему родственнику. Почему ему? Не знаю. Знаю лишь, что он был капитаном одного из судов и имел репутацию «достойного, надежного и отважного». Интереснейшим и загадочным является, в связи со всем ниже сказанном, факт, что 23 октября 1799 г. Павел приказал Ушакову вернуться в Черное море! Неожиданно, вдруг! Тот был в это время в Мессине. И он вернулся в Севастополь. И Россия в большой степени потеряла влияние на события вокруг Мальты! Я уверена, что император Павел не желал сделать Мальту российской, но что толку требовать у англичан отдать Мальту Ордену, если ты отступил?! Извини, Андрей, что я пересказываю содержание главы своей книги, но мне хочется проговорить это и, может быть, услышать от тебя... нет, дать тебе... нет, не важно. Далее. Крайне интересным является и факт, что за три дня до ухода флота Ушакова в Россию на Мальте появляется новый российский посол в Неаполитанском королевстве граф Андрей Италийский (А.И.!).

— Да, да, вот это самое интересное, — заметил Андрей Петрович. — Продолжай, я внимательно слушаю.

— Так вот, Италийский в то время по предложению Павла вел с Александром Боллом переговоры о «разделении» Мальты между Россией, Англией и Неаполем. Заметь, Андрей, что адмирал Нельсон в это время был на Мальте. Переговоры не имели успеха. Англия не хотела отдавать остров Ордену.

Вера Яновна сделала паузу, раздумывая о чем-то. Затем решительно продолжила:

— Но я отвлеклась. В бумаге говорится о том, что некий тайник расположен в одной из катакомб острова (Мальты? Сицилии?), связанной с именем апостола Павла. Определить место тайника в катакомбе можно, «если посмотреть» от входа так... что фреска апостола... будет справа... и метров 8-10 до... гробницы. Фраза дословная, некоторые слова тщательно вытерты, вымараны. *Пергамент* нужно было передать в руки лично императора Павла. В крайнем случае, Марие Федоровне или кому-то из членов капитула Великого приорства российского. Но вот почему не передал? Заболел? Не симпатизировал Павлу и был в сговоре с его противниками? Выжидал чего-то, например, окончательного приказа от Италийского, а тут Павла убили.

Она опять сделала паузу. Потом посмотрела внимательно на Андрея Петровича.

— Я хочу услышать от тебя какие-то предположения, а может быть, и... выводы.

— Да, конечно, — но он не торопился отвечать, а был все еще «в себе» и задумчиво вертел в руках бумаги. Наконец, он твердо сказал.

— А.И. - это, конечно, Андрей Италийский. К нему *Пергамент* мог попасть только от Гомпеша. Тот сделал ставку на Павла, но не полную ставку. Поэтому Гомпеш отдал графу вторую часть пергамента, а о первой что-то проговорил устно и лишь дал ориентировку о том, где она спрятана. Италийский в период с 20 по 23 октября 1799 г. передал пергамент вашему предку, сопроводив этот акт какими-то устными указаниями. Ушаков был в это время в Мессине, а корабль вашего родственника дежурил у берегов Мальты. Почему Павел отозвал флотилию Ушакова — загадка. Нам ее, как и детали всей истории с *Пергаментом*, не разгадать. Разве что «всплывут» дополнительные документы. Но ведь

нам не обязательны детали! Вся двойственность политических интересов и привела к раздвоению *Пергамента* Гомпешом (и *Укладки* тоже!). И характеры персонажей (Гомпеша, Павла и, думаю, Наполеона) обладают определенной раздвоенностью! Добавлю еще, что Гомпеш с 19 июля 1798 г. находился в Триесте. Думаю, Итальянский сначала заехал в Триест, а затем уже прибыл на Мальту. Может, *Пергамент* Итальянский передал твоему предку в Мессине. И там оказался и Гомпеш. Много, много вопросов.

— Да, Павлу I была свойственна противоречивость, неуравновешенность и вспыльчивость. Но Павел — очень одаренная личность! У этого русского Гамлета с детства ранена психика. Известно, что такие раны часто — залог одаренности, пусть с мистическим, фантазерским душком. У юного Павла были замечательные, талантливые и образованные воспитатели. И сам он с детства был склонен, подобно Фридриху к философствованию, — рассуждала Вера.

Андрей удивился насколько совпадают оценки Павла у него и у Веры Яновны. Вплоть до сравнения Павла с Фридрихом. Действительно, у Павла весьма непростые взаимоотношения с матерью, у Фридриха — с отцом. С детства будущий император играл в мальтийских рыцарей, а в юности уже думал о России, как о могучем рыцарском государстве. Кроме мистицизма в характере Павла были романтичность и даже «дон-кихотство». Он любил встречаться с разными «пророками», коих на рубеже веков всегда бывает множество.

— Мне кажется, Вера, ты согласишься со мной, с моей точкой зрения, что *Великим назначением* Павла было объединение христианских церквей, католической, православной, протестантской. В таком объединении он видел возможность покончить с европейской смутой.

— Пожалуй.

— Но истинных, преданных друзей рядом нет. Только вот с женщинами, — Андрей улыбнулся, — ему повезло: любящая жена, чудесная Мария Федоровна. И фаворитки Лопухина и Нелидова... успокаивали и удерживали от необдуманных поступков. Не только в православных, но и в католических пророчествах говорилось, что «замирение» между Западом и Востоком придет с Севера. Во время своих путешествий по Европе царевич Павел носил имя «граф Северный». Из Руси придет Мир и Будущее! Извини за пафос...

Андрей очень уже увлекся историей и женщина решила, что настало время спросить его о том, что он обнаружил или почувствовал в катакомбах. Документ должен был дополнительно «разогреть» воображение мужчины. И действительно, руки, держащие документ, дрожали, а глаза Андрея выдавали его особую сосредоточенность и погруженность.

— Что ты, Андрей Петрович, обнаружил в катакомбах? — женщина с надеждой вглядывалась в лицо мужчины.

Но тот не торопился с ответом:

— Я сегодня вечером поразмышляю над твоей книгой. У меня там есть пяток закладок и несколько вопросов к автору, — Андрей мило улыбнулся, — задам несколько трудных и интересных.

Затем он резким движением буквально «воткнул» трость в асфальт и заговорил тихим голосом, неспешно, пытаясь поточнее подобрать слова:

— Сигналы биолокации и вполне отчетливые мои ощущения проявились только в крипте. И фрески апостолов были только в крипте. Но особенно явный сигнал был не от

ниш, где может быть «клад», а от фрески Св. Павла. Может, просто пергамент и фрески объединены его Духом. Два Павла... — он сделал долгую паузу, — а может... тут подсказка, ключевые ассоциации. Я должен настроиться особым образом. Там, один в крипте. Там психоэнергетический сгусток *двух Павлов*. Большого пока не могу и не хочу объяснить.

Вере Яновне было больно видеть, как на лице мужчины проявилась необычайная усталость, и руки его уже еле-еле удерживали трость.

Они подъехали к мосту Умбертино и, переехав через него, оказались на Ортиджиа, в сердце Сиракуз, у развалин храма Аполлона.

Площадь перед храмом была полна местных жителей и туристов. Оба путешественника вышли из машины, подошли к развалинам храма и почувствовали некоторое волнение. Они созерцали перед собой один из самых древних дорических храмов. Это VI век до нашей эры!

Затем мужчина и женщина присели за столик уличной кафешки на площади. Приятно было наблюдать за неспешным стилем итальянской жизни: благородное медленное передвижение стариков и голубей по площади. Даже от этих голубей исходило жизнелюбие итальянского характера.

Андрей листал путеводитель. Названия улочек и площадей пленяли образованный ум: Архимеда, Диогена, Виргилия, Минервы, Савой и, конечно же, Витторио Эмануэле и Гарибальди.

Выпив по чашке кофе и прихватив с собой бутылку воды, они направились вдоль правой от них стороны храма. Сворачивать на шумную, широкую и, видимо, главную улицу Андрею не захотелось.

— Милая Верочка, давай сегодня не пойдем к Дуомской площади. Я немного устал и хочу побродить просто, без плана и без многолюдья, — предложил мужчина.

— Я согласна. Будем вальяжны, как пара итальянцев.

— Вот именно. Я не согласен со стереотипами сицилийцев: шумные, жестикулирующие.

— Это правда. Италия — родина титанов: они «нажестикулировали» и «Мону Лизу», и «Давида»...

— А как «жестикулировали» Данте и Вергилий, — смеясь, поддержал Андрей.

— А как «жестикулировали» в Питере Росси, Растрелли и прочие... — продолжала Верочка.

— А Вивальди и Россини, а... — мужчина запнулся, уткнувшись глазами в название церкви, у дверей которой они оказались: Сан-Паоло.

Но дело было не в названии. Его удивил и огорчил огромный, старый, весь проржавевший замок на двери.

— Святой Павел не принимает. И давно, — очень грустно пошутил Андрей Петрович.

Они прошли дальше, свернули в узкую, тихую улочку и снова неожиданность! Небольшая каменная лестница поднимается в буквально метровом пролете между домами. И эта лестница заканчивается дверью! Но только рамой двери, без внутреннего полотна! Рама тихонько качается на петлях и скрипит! И эта рама словно обрамляет живую картину: небо и в нем одинокая птица снуёт туда-сюда и громко кричит. Будто зовёт на помощь.

— Дверь в *никуда*, — подавлено отметила женщина.

— Нас кто-то зовет. Ищет... подает знак, — тоже тихо промолвил мужчина.

Лицо Веры Яновны стало бледным. Щеки и ноздри задрожали. Андрей Петрович задумался, затем высказал следующее:

— Положим, замок на храм «повесил» Ричард... А птица — это кто-то из близких... чья-то душа... может Г.Н....

— Поднимемся по лестнице и заглянем туда? По ту сторону рамы? — спросила

женщина.

Лицо мужчины, только что казавшееся отрешенным, приобрело тревожный, даже смятенный вид.

— Куда туда? В бездну? — строго спросил Андрей, — неясные знаки, беспокойные предчувствия — не повод, чтобы...

Он не закончил мысли, а вместо этого добавил:

— *Нить* еще не соткалась... Нельзя... можем нечаянно порвать... Может, в эту дверь постучится удача... а может, неудача выбила полотно, а сейчас вообще сорвёт раму с петель...

Андрей Петрович опять не дал себе труда заключить свои метафорические образы в четкую, логическую форму.

Вера Яновна попросила андреев телефон и послала «эсэмэской» Иришке и бабуле, просто: как дела? И с просьбой быстро ответить. И ответы были быстро получены. Иришка написала «Вене», бабуля то же самое, но по-русски: «хорошо».

У молодой женщины сразу прояснилось лицо, появилась безмятежная улыбка.

— Что-то я заражаюсь от тебя нехорошей какой-то мистикой, — Верочка недовольно покачала головой, поглядывая на Андрея.

— Да нет, у тебя распахнулась дверь... Магические наваждения! Отличное воображение!

— Вырази, наконец, свою мысль ясно!

— Солист группы «Doors», Джим Моррисон начинал концерты фразой, — мужчина тростью указал на «дверь» и процитировал внушительным и выразительным тоном, — «Если бы двери человеческого воображения были распахнуты, люди увидели бы мир таким, какой он есть — бесконечным!»

— Класс! — восхитилась Вера Яновна.

— Нам налево, — Андрей Петрович слегка ударил тростью по углу небольшого и скромного с виду плаццо.

Они еще час бродили по средневековым волшебным-игрушечным улочкам.

— Как здесь спокойно и уютно! Какая настоящая, неприторная красота, какое обаяние старины! Хотя жаль, что стены кое-где обшарпаны, почернели от влажности. Нет, нет, это тоже придает особый шарм, — искренне говорила Верочка.

— Да, милая моя спутница, здесь дух, запах и гул даже не столетий, как на Мальте, а тысячелетий. Античность, тайна Алефа, — вторил ей Андрей.

Чарующие узоры архитектуры завораживали, цепляли расслабленные взоры путешественников.

— Смотри! — женщина радостно схватила Андрея Петровича за плечо. — Церковь рыцарей мальтийского ордена!

— Замечательно, что мы наткнулись на нее! Привет, Мальта! — с вдохновением отреагировал мужчина.

— А вот кафе «Караваджо». Давай зайдем, поедим. Уже около восьми вечера, — предложила Верочка.

— Отлично.

Им подали меню. Только они перевернули обложку, на глаза попала запись на русском языке, выполненная в стиле каллиграфии 18 века.

«Дорогой друг! Если ты питерец, пригласи хозяина кафе Игоря. Я хочу поболтать с

тобой пару минут о Питере и в подарок угостить нашим фирменным блюдом «Стейк Караваджо». Подарю и мой путеводитель «Романтический Ортиджиа».

Пригласили, конечно, незамедлительно. Подошел высокий, очень худой брюнет с длинными волосами и бородой. Глубоко посаженные карие глаза тепло приветствовали гостей из Питера. На вид ему немного за сорок.

Они перекинулись несколькими фразами о питерских новостях, хозяин подарил свою брошюру, наполненную изумительными картинами, видами Ортиджиа. Действительно пронизанными романтической влюбленностью в остров.

— Я смею предположить, что это ваши работы. И на стенах тоже, — Вера Яновна обвела взглядом экспозицию, — прекрасная живопись! И масло, и акварель, и просто грифели.

— Да, мои. Я — художник. 15 лет назад покинул Питер... Очень скучаю... Путешествовал... И вот девятый год здесь. Пару лет рисовал на улицах, работал кем угодно. Мечтал заработать денег на студию. Написал вот путеводитель... Все эпизодично... и средств не давало.

— Извините, Игорь, на стенах — подлинники? — спросил Андрей.

— Да.

— Они чудесны! Но почему... — замялась Верочка.

— Ничего, спрашивайте. Я люблю говорить о живописи, да еще с питерскими интеллектуалами.

— Почему на всех картинах двое? Почему чаще парочка в лодке? Он всегда изображен серыми, фиолетовыми тонами с плохо прорисованным лицом, напоминающим лицо Караваджо. Она, молодая девушка, везде одна и та же, в желтых, голубых и белых платьях. Ее черты лица четко прорисованы. Парочка либо на закате, либо на рассвете. Почему эта девушка будто все время вырывается и хочет улететь?

— Она и улетела. В Америку с одним англичанином. Год назад. С другим... «человеком мира». Но это уже разговор не о живописи, — Игорь сделал паузу, — заходите еще, буду рад видеть. Если нужна будет какая-либо помощь, — он «чиркнул» своими глазами, будто спичкой, — обращайтесь. Удачи!

Игорь ушел, оставив на столе свою визитку.

— Какой интересный человек, — сказал Андрей. — Мне хочется с ним еще поговорить. Завидую я этим «людям мира»! Давай завтра придем сюда снова.

— Хорошо, — согласилась женщина. — Как ты думаешь, продаст он мне одну из картин? Удобно об этом просить?

— Думаю, что нет.

— Жаль.

Принесли заказ. Стейк оправдал свое название: кусок не сильно прожаренной телятины в форме сердца лежал в лужице крови. В мясо был воткнут крохотный, но очень острый римский меч.

Вера была раздосадована:

— Я не буду это есть, — и отодвинула тарелку, — такой этот Игорь одухотворенный, глаза прямо пронзают, и вдруг такое гадкое фирменное блюдо...

— Ты не права и зря вредничаешь. Очень вкусно, — мужчина самозабвенно орудовал вилок и этим маленьким мечом.

Андрей взял тарелку у женщины, быстро разрезал мясо на кусочки, убрав «меч»,

набросал сверху рукколы и подал женщине.

— Спасибо, Андрей, — она подцепила вилкой кусок стейка. — Действительно, очень вкусно.

Тщательно пережевывая мясо, Вера Яновна рассуждала:

— Зря, дорогой мой, ты завидуешь Игорю. Твои дарования «круче» и дороги твои очень дальние и очень славные.

Когда они возвращались в гостиницу, Андрей Петрович взял спутницу за локоть и воскликнул:

— Смотри, вот опять та парочка «хиппи», что сидели днем прямо на асфальте у набережной и выпивали.

— Что-то не обратила внимания...

— Какие типажи! Из семидесятых.

У обоих худющих «хиппи» длинные седые волосы, собранные в хвостик сзади, рваные старые джинсы, стоптанные сандалии на босу ногу. Пол мужчины можно было определить лишь по усам и бороде. Все не мыто и не стирано.

— Класс! — еще раз воскликнул Андрей.

— Что, это — мечта твоей юности? — предположила Вера.

— Да.

— Да уж, — протянула женщина. — Бороться с прародителями Зла в таком виде сподручней!

— Не будь такой высокомерной.

Мужчина не успел закончить фразу: у него раздался звонок.

— Как ваши дела? — спрашивала Иришка.

— Отлично! Я нашел вам, Ирина Яновна, жениха. Зовут Игорь. Художник классный. У меня к сватовству призвание, вы уже проверьте! Вера? Нормально. Собирается начать «хипповать»...

Верочка отобрала у него телефон и сестры беседовали о своем, о девичьем:

— Ты купила черный паричок в Питере? — любопытствовала Вера.

— Да, с собой. Я еще подстриглась под мальчика и покрасилась, в цвет... оregonской сосны, — Ирина рассмеялась в ответ.

— На Мальте была неприятная встреча с Ричардом. Возможно, он будет следить за нами и здесь... Нет, только перезваниваться... Очень жаль... Целую! — Вера говорила грустным и тихим голосом.

— Я тоже, — Ирина «чмокнула» микрофон.

Следующим утром, позавтракав, наши путешественники вышли из гостиницы и бодро направились к машине. Когда Вера Яновна уже открывала дверцу, у нее зазвонил сотовый.

— О Боже! Это Ричард! — прошептала она, закрыв рукой микрофон. — Я узнала его по тембру голоса, когда он поздоровался.

— Сбрось звонок! Не отвечай! Успокоимся и подумаем, — сказал Андрей Петрович.

Они молча сидели в машине. Через пять минут звонок повторился.

— Надо говорить, — предложил Андрей.

— Алло! Кто? Я не ожидала и не люблю, находясь за границей, отвечать на незнакомые номера телефонов. Еще я ненавижу, когда на меня жалуются начальству! — бросилась в атаку женщина.

Она еще целых 3 минуты говорила, отвечая в дерзком тоне, пока, наконец, не согласилась:

— Хорошо, в десять вечера в кафе «Караваджо».

Вера достала из сумочки визитку Игоря.

— Британец сошел с парома. Через 2 часа будет здесь, — буркнула женщина.

Затем позвонила с андреева телефона Игорю и попыталась объяснить тому, что она хочет. Отдавая обратно телефон, она морщила лоб, нервно перебирала что-то в сумке.

— Я попросила Игоря убрать те листочки из меню, где он обнаруживает себя русским. Прямо сейчас. Ричард может еще днем проверить кафе. Я объяснила англичанину свой выбор тем, что в «Караваджо» обедала и стейки были весьма вкусными. Игорю описала внешность британца и что он мне неприятен, преследует меня на почве сексуальной патологии.

— И что сказал Игорь? — улыбнулся мужчина.

— Что он любит приключения, не любит английских «денди» и будет рад помочь.

Андрей тронул Верочку за руку, потом поправил прядку волос на лбу молодой женщины, нежно подул на лоб, сделав губы трубочкой и приблизившись к ее лицу.

— Когда ты так делаешь, ты становишься похож... — она запнулась.

— На кого? — спросил мужчина.

— Это очень мило и мне нравится!

— Я хочу сказать и словами, и этим жестом, что волноваться не нужно. Ты все решила правильно. Умно!

— Спасибо, Андрей, — Верочка была спокойна, — здесь у него нет таких связей, как на Мальте, но агенты могут быть. Это опасность. Нужно постоянно путать след! Сейчас я включу свое подсознание по методикам нейролингвистического программирования...

— Это что?

— Этому обучают шпионов.

— Понял, — Андрей со значительностью и иронией прижал палец к своим губам.

— А сознание пусть себе живет реальностью. Вперед, в Palazzolo Acreide!

— Отлично!

Они тронулись.

— Я буду ехать медленно, а ты, пожалуйста, рассказывай о том, что мы по пути увидим. Небось, за ночь вызубрил путеводители. Я люблю твои лекции.

— Они же нудные.

— А ты сумей рассказывать информативно и поэтично одновременно!

— Попробую.

В действительности он успел довольно основательно изучить лишь брошюру по Ортиджиа. И сейчас внимательно и любовно всматривался в архитектуру, названия улиц и площадей.

— Мы на площади Архимеда. Обратим внимание на фасады палаццо пятнадцатого века. Здесь барочные элементы, а вот готика: двух, трехарочные окна. Арки разделены маленькими витыми колоннами с капителями в виде грозди. В центре площади — величественный фонтан Артемиды. Эту богиню охоты еще называют Дианой. У ее ног расположилась Аретуза в момент, когда Артемида собирается превратить ее в источник, а справа от Аретузы — Алфей.

— В вибрациях твоего голоса спрятана история любви этой Аретузы. Хочется подробностей! — Верочка еще раз медленно объезжала площадь.

— Чуть позже, — продолжал мужчина. — Давай-ка свернем на Via Roma, — он указал в навигаторе. — И проедем к источнику Аретузы.

Путешественники выехали на впечатляющую террасу, обращенную к Большому порту. Вышли из машины.

— Аретуза — нимфа, легенда о ней воспета и Овидием, и Вергилием. Миф о том, как Алфей полюбил Аретузу, но она, равнодушная к его любви, попросила помощи у Артемиды. Богиня превратила нимфу в источник чистой, пресной воды, который из Греции через Ионическое море достиг Сицилии. Алфей в свою очередь превратился в реку и последовал за возлюбленной до Сиракуз, где и слился с водами источника.

— Красивая история про любовь! — улыбнулась Верочка. — У Игоря об этой истории несколько картин.

— Я обратил внимание. Сиракузы — «город Аретузы».

— Нужно ехать. В 13:30 мы должны быть в Palazzolo Acreide. Там организуется экскурсия по местам пребывания Св. Павла на Сицилии. Организаторы — Ассоциация по культурно-историческому наследию Сицилии при департаменте культуры из мэрии Палермо. Я прочла об этом в Интернете. Нам определенно повезло с этим случаем.

— Хорошо. Давай на пару минут задержимся здесь, — попросил мужчина.

Они подошли к красивому водоему с папирусами, утками и рыбами.

— Это и есть источник? — спросила женщина.

— Видимо, да.

— А кто такой этот Алфей?

— Сын Зевса.

— И вот здесь они слились?

— Вероятно, здесь.

Верочка достала монетку, поцеловала ее и бросила в воду. Стала какой-то отрешенной, милой. Прикрыла лицо ладошками и что-то прошептала.

Андрея Петровича тронула эта нехарактерная для Снежной Королевы девичья открытость. Это свидетельствовало, что душа молодой женщины еще доверчива и к людям, и к Случаю, и к Судьбе!

Они ехали по красивой Via Savoia.

— Какая «ухаженная» улица, и название мне напоминает что-то романтическое и

респектабельное, — сказала женщина.

— Это название территории, принадлежавшей и Франции, и Италии, но ты-то вспоминаешь названия гостиниц, ресторанов, кораблей из Бунина, Набокова, Ремарка и Хемингуэя.

— Точно! Ты опять все почувствовал верно! — воскликнула Верочка.

Машина проезжала по мосту Умбертино.

— Притормози! Смотри, какие яхты. Особенно вот тот огромный парусник, черной отделки, — женщина почти стонала от удовольствия, — и название прелестное: «Luna», — пауза. — Хочу шикарную яхту! — капризно закончила она.

Они проехали еще немного. Вера Яновна попросила Андрея Петровича повести машину, а сама затихла на заднем сидении, высунув мордочку в окно с мечтательным видом.

Улица Триполи перешла в улицу Мальта. Спутники понимающе переглянулись.

К назначенному времени они были в местечке Палацоло Акрейде. Это чудесное селение с впечатляющим набором достопримечательностей: есть и древнегреческие развалины, и катакомбы, и живописные церкви в стиле барокко 14–17 веков. Селение внесено в список мирового культурного наследия ЮНЕСКО.

Группа собиралась на Piazza San Paolo, рядом с церковью Св. Павла. Андрей насчитал 18 человек. Немного. В центре группы стоял импозантного вида мужчина, седовласый, не переваливший годами за 60. Он деловито говорил о чем-то с двумя элегантными дамами в возрасте. Как выяснилось позже, эта троица были члены Ассоциации из Палермо, причем мужчина оказался главой Ассоциации, да еще и главой Департамента Культуры Сицилии. Дамы взяли на себя роль экскурсоводов, остальные — туристы, все итальянцы.

Когда Вера Яновна представила себя и Андрея Петровича, импозантный мужчина удивленно вскинул брови:

— Русские?

Объявили, что главной темой экскурсии будет посещение мест, связанных с пребыванием здесь апостола Павла. Вера заявила, что Андрей Петрович написал книгу о Св Павле и просит особого внимания от кого-то из экскурсоводов.

— Прекрасно! У нас свободная прогулка друзей. А лучше всех с темой знаком наш шеф. Он магистр богословия и доктор искусствоведения, — заявила одна из экскурсоводов.

Магистр и доктор уже стоял напротив Андрея и в полном изумлении тряс его руку.

— Я — Адриано Соккорсо.

И он уже на протяжении всей экскурсии не отходил от загадочной русской парочки. Вера Яновна невольно оказалась в роли переводчицы у этих тезок по имени и коллег по интересам. А те как будто соревновались в своей образованности! Взахлеб они обсуждали и оттенки ракушечника, который добывали в местных каменоломнях, и как предположительно мог Св. Павел прятаться в этих каменоломнях, и что пилястры, колонны и капители здесь преимущественно дорические и коринфские, а ионических почему-то мало. Как только на фасаде одного из храмов они увидели витые колонны, оба одновременно воскликнули: «Бернини!». Невозможно было вставить и словечка. Но Верочка изловчилась и спросила:

— Скажите, господин Соккорсо, а есть ли в этих каменоломнях какие-либо захоронения и фрески?

— Нет, Павел был здесь всего два дня, а вот то, что вас интересует, есть в катакомбах Св. Иоанна.

Адриано снова взял под руку Андрея Петровича и они продолжили:

— Да, да, мрамор... Дуома... Кастело Маньячи...

Вера Яновна уже не выдержала и сказала по-русски, мило улыбаясь Андрею:

— Дай мне задать несколько вопросов, отойди от Адриано на 10 шагов!

Она ловко взяла под руку господина Соккорсо и спросила:

— В храмах Сицилии, в частности, в Сиракузах, много знаменитых мумий.

— Однако, как вы осведомлены! Какие необычные русские! — Адриано поцеловал Верочке руку и продолжил, — да, искусство мумификации на Сицилии очень древнее...

Адриано принялся подробно рассказывать о тонкостях в процедуре старинной сицилийской мумификации.

Все это любознательные русские туристы внимательно выслушали.

— Дорогой господин Соккорсо, — Верочка очаровательно улыбнулась итальянцу. — Ваша фамилия в переводе «помощник», — последовала следующая очаровательнейшая улыбка, — не могли бы вы поспособствовать русским ученым провести некоторые работы в захоронениях древних христиан в Сиракузах. Ну вот хотя бы в катакомбах Св. Джованни.

— Милая синьора, — галантно начал магистр из Палермо, — для того, чтобы работать в храмах, нужно испросить разрешения церковных властей. Они этого не любят и... это непросто. А вот с катакомбами, поскольку это по сути музей, я смогу помочь. Вот моя визитка. Но кто же вы по профессии?

Вера Яновна протянула ему свою визитку.

— Ого! — отреагировал удивленно итальянец, прочтя текст.

— А мой коллега — историк. Я из Петербурга, а он работает в университете на Урале.

— Чудесно! То-то я смотрю, что у нас близкие интересы. Удивлен! И выражаю свое почтение русской науке! Я не предполагал даже, что на Урале есть такие научные направления. Так вот. Позвоните мне через 3 дня. Я все согласую, и из Палермо будет организована группа специалистов по захоронениям в катакомбах, и вы сможете поработать с этой группой в Сиракузах.

— Огромное спасибо, господин Адриано, но послезавтра мы покидаем Сицилию. К сожалению, — довольно искренне, приложив руку к сердцу, произнесла Вера Яновна.

— О! И мне... — он посмотрел имя в визитке, — Ве-ра, очень жаль. Но, надеюсь, отказать нашей группе в совместном традиционном обеде после экскурсии вы с коллегой не вправе. Через час нас ждут в ресторане гостиницы здесь неподалеку. А еще хозяин гостиницы обещал показать свой винный заводик в подвале этой гостиницы. Все будет на достойном уровне!

— Я знаю гостеприимство итальянцев! Но мы снова вынуждены отказаться. Нас ждут неотложные дела.

— Почему? — неожиданно вмешался Андрей Петрович, поняв, что Вера отказывается от чего-то приятного. И ему не хотелось расставаться с «приятелем» Адриано.

— Да потому, — строго по-русски объяснила ему женщина, — что обед у итальянцев длится не менее двух часов! У итальянцев это — священнодействие из десяти блюд! Ты что: забыл? У нас много дел!

Вера Яновна ушла «в себя» и, отдав в «лапы» Адриано своего Андрея, шла сзади. Нс вдруг она вскинула голову наверх — в углу под крышей соседнего здания располагалась гипсовая голова Фемиды, с завязанными глазами над «весами справедливости». *Знак!*

Женщина встала как вкопанная. Адриано заметил этот интерес во взгляде Веры и сказал:

— В этом здании раньше был суд.

Андрей тихонечко по-русски сказал Вере:

— А она ведь через повязку смотрит на нас! И весы покачиваются! Вон: в одной чаше сова, в другой — птичка-невеличка...

— Мы сегодня ночью потуже завяжем ей глаза! — шепнула по-русски женщина на ухо Андрею.

Тот понял по решительному взгляду Веры Яновны, что у ней в голове зреет план.

Экскурсия заканчивалась в церкви Св. Павла. Андрей и Адриано сели в дальнем углу от алтаря и живо обсуждали житие апостола. Они обходились уже без Верочкиной помощи, понимая язык жестов и смысл отдельных слов на английском и итальянском.

Вера Яновна, наблюдая за ними, подумала: «Какое стечение удивительных обстоятельств. Русский доцент истории с далекого Урала, православный, так дружелюбно беседует с итальянским богословом-католиком в католическом храме! Значит возможно *взаимопонимание!*»

Андрей попросил через Веру у Адриано точного ответа на вопрос: что это была за змея, там на Мальте, после кораблекрушения?

Итальянец ответил без малейшего промедления:

— Конечно — *дьявол*, змей-искуситель!

Выйдя из храма, наши путешественники тепло попрощались с итальянскими друзьями. По просьбе Адриано, Андрей Петрович обещал переслать по электронной почте свою повесть. Тот заверил автора, что сам организует качественные перевод и редакцию и за счет своего департамента издаст тиражом не менее 1000 экземпляров. 10 из них он отправит Андрею в Россию.

— Мы будем ждать личной встречи в Петербурге! — Верочка обволокла итальянца нежным взглядом.

Каждый из группы трижды расцеловались с русскими туристами.

— Если со знакомыми итальянцами не расцеловываться при встрече и прощании, он воспримут это по меньшей мере как невежливость, — бросила уже на ходу Вера Яновна.

Когда парочка села в машину, женщина сказала спутнику:

— Я заметила по дороге сюда небольшую сельскую тратторию. Вот увидишь, что там хоть и неприятно, но тихо, прохладно и вкусно готовят.

— А я заметил, как ты кокетничала с Адриано.

— Глупости. Он «запал» на тебя, точнее на твой интеллект. И вообще, ты — русский европеец, и внешность тоже. Ты что-то не договариваешь о своей родословной...

— Да, это правда. Некая тонкая ниточка генеалогического древа «растет» из Польши, от знатного рода Печерских. Но установить что-то точно, в датах, я не могу. Это начало прошлого века. Потом революция и прочее.

— Я чувствовала польскую кровь! И бабуля почувствовала. И твоя любовь к католической европейской культуре — зов крови. Он не умолкает никогда.

Они обедали на уютной террасе. Заказали супы, большую тарелку кускуса с рыбой, большую сырную тарелку, пасту, мясные ломтики, свернутые в трубочку с различной начинкой. Также заказали домашнего вина: Мальвазию и Марсалу.

— Это как раз на два часа: объесться и упиться, — раздраженно сказал Андрей Петрович.

Вера Яновна выпила полный бокал вина, налила снова и, сосредоточенно, глядя как

играет свет в бокале, начала говорить твердым размеренным голосом:

— Сейчас 16 часов. Пусть 1,5 часа уйдет на «обед с размышлениями». У меня созрел план! Его нужно обсудить, причем, наверное детали обдумаем позже и посоветуемся. Но детали важны! Сейчас важно уяснить генеральный тренд плана.

— Хорошо, я слушаю.

— Тебе, фельдмаршал, необходимо этой ночью проникнуть в крипту катакомб Св. Иоанна. Помогать тебе будет Ирина. Я в это время буду отвлекать беседой Ричарда в «Караваджо», — пауза, — если вы, ты и Ирина, откажетесь, я все сделаю одна! — голос и взгляд ее были необычайно требовательными.

— Я готов, но без Иришки.

Мужчина сосредоточенно смотрел то в глаза женщины, то на ее губы.

— Нет! Она участвует в плане по нескольким важнейшим позициям.

Мужчина и женщина делали необходимые паузы, чтобы закусывать и обдумывать зреющий план.

В какой-то момент Андрей улыбнулся, откинув назад голову.

— Выкладывай: чему улыбаешься?

— Я немного «погрузил» свою фантазию в крипту и вдруг вспомнил шутку своего завкафедрой: «Если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах».

— Не смешно.

— За удачу! — предложил в извинение мужчина, подняв бокал.

— За удачу! Теперь по порядку. В кафе я поеду в 22:00 одна на своей машине. Ты с Иришкой на ее машине выезжаете в направлении «Караваджо» в 22:15. Она должна быть уже в машине в... боевой готовности, но пока без черного паричка. Ты заранее берешь из своего номера сумку со старой одеждой и, проходя мимо отеля «Левингстон», быстро садишься к Иришке. Петляя, вы добираетесь до какого-то переулочка, близкого к кафе. За вами могут следить! Далее, где-то в 22:40, Иришка, надев паричок заходит в кафе. Ее первая задача: если я подам сигнал, встретиться со мной в дамской комнате. Вторая: посмотреть на Ричарда и попытаться подслушать разговор. В 23:15 она должна взять две бутылки граппы и покинуть кафе. Сесть к тебе в машину, и если все будет в «штатном режиме», вы отправляетесь в крипту. Третья задача сестренки: быть «на шухере» у люка в крипту и помочь тебе спуститься-подняться. Четвертая: спрятать у себя в номере «Левингстона» то, что ты, возможно, найдешь в катакомбах. Другие инструкции мы дадим ей по телефону позже.

Андрей Петрович очень внимательно слушал, но одновременно был сосредоточен на собственных «деталях» будущих действий. Глаза временами тускнели, прикрываясь веками, губы то были иронично искривлены, то чуть выпячивались в брезгливом выражении, а то приоткрывались слегка от недоумения.

— Как ты собираешься удерживать Ричарда в кафе более часа?

— Я все думаю, но ничего не могу решить... — металлические нотки в голосе пропали.

— Он на сей раз серьезно подготовился, приплыл на Сицилию с какими-то сюрпризами. Я чувствую: он очень опасен для тебя!

— Я из психологии знаю, что можно...

— Можно надеть «маленькое красное платье», полупрозрачное и обтягивающее фигуру, надушиться духами с феромонами... «черные шпильки»...

— Ты издеваешься?

— Я волнуюсь за тебя! Ты уже вот грустишь.

— А ты сам-то не боишься?

— «Ведь грустным солдатам нет смысла в живых оставаться», — Андрей процитировал Окуджаву с выражением равнодушного презрения к опасности.

Он взял руки Верочки в свои и очень по-отечески заглянул ей в глаза:

— Пожалуйста, в самые тяжелые секунды беседы с Ричардом мысленно обратиться ко мне, попроси помощи и вслушивайся в себя, в мои... подсказки.

— Разве я смогу услышать?

— Сможешь: мы же «муж и жена», — он нежно тронул ее пальцы, — да ещё нейролингвистика твоя...

Они сделали большую паузу в разговоре и молча ели. Затем Верочка продолжила:

— Ты, Андрей, оденься сразу в свою прежнюю одежду. А эту возьми с собой. Кроссовки нужно будет снять, когда будешь спускаться. Да, лестница... веревочная... нереально раздобыть... Тогда колготки попрочней, шарфы, свяжем кольцами.

— У меня для Иришки есть настоящая американская ковбойка, можно подстелить, чтобы лечь на траву, камни, — рассуждал Андрей Петрович.

Они пробыли в ресторанчике уже более 1,5 часов. У Веры раздался звонок.

— Это Анна Никитична... из усадьбы, — она слушала, нахмутив брови, — какие лекарства давали? Может вызвать врачей? Людмилу Иосифовну или Еву Ивановну? Хорошо, хорошо... У нас все нормально... И с Иришкой... Да, пожалуйста, попроси Платоныча перед рассветом зажечь свечи Святого Эльмо, на удачу! Да, те самые, «пиратские», он знает. Все, целую всех! Завтра сама позвоню.

— У бабули подскочило давление и сердце разболелось. Нервничает... — сообщила Вера мужчине.

Уже в машине она продолжала рассуждать вслух:

— Спуск в крипту займет минуты две-три, подъем — пять. Все на руках, держась за узлы «лестницы»...

— Не волнуйся, я сумею, — спокойно отвечал Андрей. — Но если не упираться ногами в стенки колодца, Ирине будет труднее удерживать меня. Если в устье люка не за что будет привязать «лестницу»...

— Иришка долго занималась художественной гимнастикой и у нее крепкие руки, и ноги, и спина. Если обвязать поясицу первым кольцом из двух шарфов, да еще и лежа на спине, над колодцем сделать упор ногами в оклад устья... — сказала женщина.

— А граппа зачем?

— Там, у катакомб у вас должна быть «легенда», на всякий случай, — Вера осмотрела внешний облик мужчины и продолжила, — вы — парочка русских «отвязанных» туристов, скажем, — любовники. Поспорили, напились... Обольете себя граппой. Что тебя учить.

— Да уж..., но не люблю я эту виноградную водку...

— Ты — писатель, пишешь о злключениях апостола Павла. Ну и гусаришь перед молоденькой подружкой...

— А если возьмут анализы крови... В острой ситуации нужно сделать два больших глотка... — улыбнулся мужчина.

— Я же говорю: ты — сочинитель. Как все мужики, — улыбнулась в ответ Верочка.

Они заехали на Ортиджиа и припарковали машину вблизи церкви Сан-Паоло. Вернулись пешком чуть назад и пошли по широкой улице, где было много магазинов.

— Сейчас четверть седьмого. Нужно успеть купить колготки и шарфы, — сказала Вера

Яновна.

Они зашли в первый же магазин дамской одежды. К ним сразу подскочил немолодой, очень маленького роста продавец или, скорее всего, хозяин магазина.

— Prego, prego, — затараторил он.

— Колготки, прочные, шарфы длинные, витые такие. Покажите, пожалуйста, что есть, — сделав улыбку, попросила женщина.

— Но, мадам, сейчас ведь не сезон. Вряд ли вы это найдете в Сиракузах, — изумился итальянец.

Молодая женщина «распластала» всю свою обворожительность.

— Хорошо, сейчас посмотрю на складе.

Через пять минут он вышел с кислым лицом, держа в руках тощую стопку предметов.

— Очень сожалею, синьора, но классических колготок нет, вот только две пары «фантазии». Плотные, ажурные и прочные, как вы просили. И шарфов, что вы желаете, тоже только два, — он протянул Верочке товар.

— Хорошо, спасибо, я возьму это.

С этими словами женщина вскрыла один пакет с колготками, достала их и со всей силы начала тянуть. Затем принялась тянуть шарфы.

— Что вы делаете, синьора? Зачем?

Тут Андрей Петрович сделал лицо «плейбоя» и сказал:

— Мы с подружкой сегодня ночью поиграем в русскую народную игру «Танцы с медведем». Обвяжемся потуже и... ух! А потом еще обычные игры: «захваченный в плен шериф» и «захваченная террористом стюардесса». Переведи, пожалуйста, — обратился он к подружке.

Та, еле сдерживая смех, но делая страстное выражение лица, перевела.

Итальянец мгновенно вспотел, лысина его стала красной.

— Пойдем, сочинитель. Через час магазины закроют, — беспокоилась женщина. — Нужно еще пяток хотя бы купить.

— Какие красивые, серебряные тучки, — прошептал Андрей на ушко своей спутнице и добавил уже прозаично, — а я знаю, где купить: в аптеках продают компрессионные колготки.

— Ты прирожденный налетчик, — рассмеялась Вера Яновна и добавила кокетливо, — и фантазер!

Действительно, через двадцать минут они вернулись к машине с необходимым запасом деталей «лестницы».

Когда парочка села в машину, Вера попросила телефон у Андрея, чтобы позвонить сестре, но долго обдумывала начало разговора. Она вертела телефон, постукивала им по колену, что-то мысленно проговаривая про себя. Подбирала слова и интонацию. Наконец-то решилась.

— Привет, сестренка! Мне, Андрею Петровичу и всем нам... очень нужна твоя помощь. Очень! Только не волнуйся и не отвечай сразу. Подумай!

Вера Яновна кратко рассказала о сути плана.

— Я перезвоню через десять минут, — Вера хотела отключить телефон, но Ирина Яновна сразу дала согласие!

— Спасибо, Иришка, — и женщина посвятила сестру в подробности действий. — Прочие детали обсудите уже с Андреем Петровичем в машине по пути в катакомбы. Ты

помнишь наши условные сигналы, когда мы в детстве и юности секретничали от бабули? Отлично! Их и будем использовать в кафе. Если ситуация будет критической на каком-либо этапе, я... убедительно прошу прекратить «операцию». Слышишь? Прекратить!

Вера Яновна готова была всплакнуть от волнения, но сдерживала себя.

— Все! Целую тебя, дорогая моя! — несколько алмазных капель все же выкатились из глаз Снежной Королевы.

— Я тебе доверяю самое дорогое, Андрей, — она уже требовательно взглянула в глаза мужчины.

— Я сделаю все как нужно! Обещаю!

«Броня крепка, и совы наши быстры!», — подумал Андрей, но стопроцентной гарантии успеха он не ощущал. Опыт «боевых» ситуаций у него был крайне мал и тактика не отрегулирована, как у военных. Но страха не было! И это главное! «Эх, еще пришел бы кураж!»

Когда машина тронулась, женщина сказала:

— Я целый день пыталась обнаружить слежку, но ничего не заметила.

— Я тоже.

— И все-таки, я тебя высажу поодаль от «Авроры», зайду в гостиницу одна. А ты зайди минут через сорок. Сделаем вид, что мы поссорились. И выйдем по одному...

— Я все помню.

— Не забудь старую одежду, ковбойку.

— Да, конечно. А ты отдай мне «лестницу».

Когда Иришка и Андрей Петрович ехали в сторону «Караваджо», петляя по узким улочкам, он заметил, что за ними движется автомобиль. Водитель в кепке и темных очках. Когда они припарковались в сотне метров от кафе, в переулочке за углом, водитель в кепке тоже припарковался, но на противоположной стороне улицы. Шофер сидел спиной к Андрею. В сумерках практически ничего невозможно было рассмотреть. Андрей решил ничего пока не говорить Ирине, чтобы не вносить излишнюю нервозность раньше времени.

Двое мужчин сидели в машинах спиной друг другу и всматривались в зеркала заднего вида. Молчаливая дуэль в южной ночи.

Вера Яновна вошла в «Караваджо» и сразу увидела Ричарда. Тот, изменяя своей прежней галантности, даже не привстал и лишь жестом пригласил ее сесть за столик напротив его. Глаза жесткие, волчьи, в них застыла уверенность, что жертва на сей раз не уйдет.

— Вы опаздываете, — сухо промолвил англичанин.

«Если бы мне не нужно было держать тебя, хорька, в этом кафе, я бы снова с удовольствием вылила на твои штаны какие-нибудь помои», — подумала женщина, но вслух сказала:

— Опаздывать — моя привилегия! Не забываетесь! — Далее уже улыбка лисы. — А почему сегодня без цветов? Хотя... снова в белых штанах.

— А почему вы одна? Где ваш нефтяник?

— Выпивает, гуляет, расслабляется...

— В медовый месяц?

— Не ваше дело.

К ним подошла официантка, подала меню. Вера сразу обратила внимание, что листочка с обращением к питерцам не было. Это хорошо. Но не было видно и Игоря. А это хуже, все-таки хороший знакомый. Вдруг потребуется помощь.

Ричард с английской тщательностью изучал меню. Когда заказ был сделан, Вера Яновна, подперев щеку рукой, спросила британца:

— Что вам нужно?

— Давайте на этот раз поговорим серьезно, — ответил он.

— Зачем вы следите за мной, звоните на работу, жалуетесь. А если я попрошу мужа набить вам рожу!?

В этот момент в кафе вошла Иришка, в черном паричке и села так, чтобы видеть лица и сестры, и Ричарда. И слышать разговор.

— Его заберут в полицию.

— А я скажу, что вы хотели изнасиловать меня. В извращенном виде. И предоставлю двух свидетелей.

— Бросьте болтать глупости, — он был спокоен. — Вы тоже следите за мной. Там, в Валетте, у Посольства. Еще и выходки эти ваши, русские. Я не буду скрывать, что записал разговор в «Кордине» на минидиктофон и перевел, и проанализировал...

— И сейчас пишите?

— Естественно. Я ведь на службе.

— Это весьма мило, — зло отреагировала женщина.

— Ваш «нефтяник» тоже, небось, где-то за углом с аппаратурой записывает наш разговор. Кто он? Майор, полковник ФСБ?

Верочка искренне расхохоталась.

— Почти угадали. Он — фельдмаршал!

А сама подумала: «А правда ведь, что Андрей обликом напоминает офицера контрразведки. Особенно, когда его глаза делаются белыми, лицо замирает, губы удивительно сужаются в безразличном выражении. Веет холодом! А на самом деле — интеллигент. Как причудливо может тусоваться колода».

— Давайте о деле, — занудил Ричард. — Я повторяю, что много лет изучаю историю Ордена...

— Слушайте, дайте немного поесть. Вот нам как раз несут заказ. Ишь, деловой какой! Она отпила из бокала минералки и принялась за закуски.

— А почему вы, Ричард, не пьете вина и не едите. Скажите хоть тост. А то ситуация идиотская какая-то.

Тот налил по полбокала вина даме, себе и произнес:

— За то, чтобы мы, наконец, «перешли Рубикон» — и добавил, рассмеявшись, — нам пора «перековать мечи на орала»!

Последнюю цитату он попытался сказать по-русски.

— О! Вы нашли мою «ахиллесову пяту»: я обожаю образованных мужчин!

Она пригубила из бокала вина. Британец долил ей полный бокал.

— Пытаетесь напоить девушку? Это мое второе слабое место.

Она вспомнила то злосчастное шампанское на банкете в Питере.

— Напротив. Я не люблю женщин, имеющих пристрастие к вину и сигаретам.

— Похвально. А каких женщин вы любите? Я, например, вам нравлюсь? — Верочка решила «нажать на эту педаль».

— Да, нравитесь, — он будто даже немного смутился.

В этот момент Игорь подошел к столику Иришки и поставил пакет с граппой. Она расплатилась, взяла пакет и направилась к выходу. И когда уже Ирина открывала дверь, Ричард неожиданно промолвил, сверля Веру взглядом:

— Мне показалось, что вы, Вера, знакомы с этой русской брюнеткой, — он показал глазами в сторону двери.

«Вот, дьявол! Как он мог догадаться?», — мысли женщины стали тревожными. — «Надо взять себя в руки».

— С чего вы взяли?

— Она полчаса приглядывалась к нам и прислушивалась к разговору, — ответил он, не отводя острого взгляда.

— Фу! Говорите, что я вам нравлюсь, а сами заглядываетесь на каких-то брюнеток!

— Все, хватит! Я уже более часа наблюдаю за вашей игрой. А дело стоит, — Ричард был уже не на шутку сердит.

— Ну, хорошо, говорите уже о своем деле, — Вера Яновна откинулась на спинку кресла, глядя на британца насмешливо и гордо, потягивая из бокала вино.

— Вы помните тот пустой конверт в библиотеке? Содержимое — два подлинных документа, датированные: один — 1561 год, другой — 1567 год, находятся у меня.

— Выкрали?

— Я все, почти все делаю с позволения Папы и великого магистра. Вот эти разрешения, а вот эти два документа, — он аккуратно достал из портфеля папку и положил перед собой. — Я могу при определенных соглашениях с вами показать их.

— Допустим. И что я должна взамен?

— Не спешите. Я обещал «перейти Рубикон» и первый делаю шаг доброй воли. Прочтите — Ричард передал папку в руки Веры Яновны.

Женщина внимательно прошла документы. Первый излагал содержание *Пергамента*, второй — свидетельствовал, что *Укладка* отобрана у Сулеймана и спрятана в надежном месте в пещерах острова. Какого? Не указано.

Щеки Веры Яновны пылали. «Как я все угадала!»

— Это весьма интересные бумаги, — она отдала папку назад. — Но я не верю в мистику! Это все легенды, коих в истории Ордена много. Но за доверие спасибо!

Возникла пауза. Оба молчали, размеренно поглощая ужин.

— Так что я должна взамен? — не выдержала женщина.

— Позже, позже! Я хочу открыть перед вами еще кое-какие свои карты, — англичанин медлил, накаляя атмосферу.

— Вы, Вера, как опытный архивист и специалист в тайнописи понимаете, что значит разгребать «авгиевы конюшни» истории от античности до нового времени.

«Конечно, «Джон Буль» всегда любил больше загребать жар чужими руками», — промелькнула в голове Веры мысль, но вслух она сказала:

— Я уважаю ваш гигантский труд.

— На верный след, — продолжил Ричард, не обратив внимания на слова женщины, — того *Пергамента* и *Укладки* я почти вышел...

— Да тут копать — не перекопать! — воскликнула Вера.

— Не перебивайте! Да, я перекопал всю Мальту, все пещеры и гроты архипелага...

— Извините, это просто крылатое выражение.

— Так вот, — англичанин сделал большой глоток вина и вытер лоб платком, — сложность в том, что эти следы раздваиваются!

«Отлично» — у Веры Яновны екнуло сердце.

— Я говорю и про *Пергамент*, и про *Укладку*. Один след идет во Францию, другой в Россию!

«Все мои умозаключения верны! Спасибо, Ричард!» В горле у женщины пересохло, щеки и крылья носа заметно дрожали от волнения.

— Что вы так разволновались? — с ехидством спросил англичанин, — и продолжил, делая наклон туловища вперед к Вериному лицу. — Если «галльский петух» позволяет мне покопаться во французских архивах наполеоновского периода, то «русский медведь» вежливо отказывает!

— Это понятно: «британский лев» исторически в определенных недомолвках и с «петухом», и с «медведем».

Вдруг Ричард хлопнул ладонью по столу, будто решаясь на важный, решительный поступок, и сказал шепотом:

— «Лев нашел и скоро возьмет «камушки» из *Укладки*, и знает, что футляр находится в России, — он гордо выпрямил спину и задрал подбородок. — Этот глупый Гомпеш...»

От этого шепота, напоминающего шипения змеи, у Веры перехватило дыхание:

«Он, наверное, знает больше, чем я...». Она допила бокал до дна и криво улыбнулась:

— Вам, «рыцарь», романы следует писать. В Англии появится новый Вальтер Скотт!

— Вы нравитесь мне своей ироничностью. И выдержкой. И умом.

— А красотой? Мне говорили, что я ликом напоминаю английских королей, — вновь пыталась кокетничать женщина.

Британец пропустил ее слова мимо ушей.

— Мы должны сотрудничать. Я открыл вам слишком много! И у вас, наверное, есть минидиктофон. Я рискую в известной степени. Но я не опасаюсь вас. Я иду на три шага вперед, и у меня есть несколько степеней защиты! — во взгляде наглая усмешка.

«Хорек!», а вслух:

— Например?

— Мой сотрудник сейчас следит за вашим «фельдмаршалом» и... — у него раздался звонок, — Я покину вас на пять минут, — он взял портфель и вышел из кафе.

«Неверное, звонит агенту? И мне нужно! Но как?»

В эту секунду из-за занавески показался Игорь. Она поманила его пальцем. Тот быстро подошел. Вера черкнула записку: «За вашей машиной слежка. Он знает слишком многое! Операцию следует отменить!» И дописала телефон Андрея. Все молча. Игорь кивнул и ушел тоже молча.

Ричард вернулся и зло спросил:

— Куда едут ваши друзья — офицер и брюнетка? Зачем они пытаются оторваться от преследования?

«Ага, отрываются!» — подумала Вера, не теряя оставшейся капли надежды.

— Почему я должна докладывать о своей личной жизни? Тем более я уже сказала: муж «загулял»!

Женщина встала, весь облик — аристократическое благородство! Она бросила на стол деньги и собралась уйти.

— Прощайте!

Но англичанин остановил ее, крепко взяв за руку.

— Вы что, так наивны, что надеетесь уйти вот так просто, не заплатив?

— Я оставила деньги.

— Чуть! Я ведь профессионал. В туалетном столике в вашем номере гостиницы находятся сейчас наркотики и оружие. Мне позвонить в полицию? — он взял в руки мобильник.

Вера Яновна села обратно в кресло. Люди больше всего боятся неизвестности, даже если это блеф!

— Вот, подпишите, для начала эту бумагу, — Ричард положил перед женщиной листок.

Подпись должна была подтвердить, что В.Я. Богданович обязуется сотрудничать с британскими спецслужбами и выполнить следующие поручения:

1. Обеспечить Ричарду Старки доступ в Архив внешней политики Российской Империи и Архив древних актов;

2. Обеспечить Ричарду Старки доступ в хранилища музеев Павловска и Гатчины;

3. Передать Ричарду Старки рукописи профессора Г.Н. Богдановича, находившиеся в родовой усадьбе профессора под Санкт-Петербургом.

Земля уходила из под ног несчастной женщины. Она надрывно рассмеялась, бросив британцу бумагу назад.

— Да не буду я ничего подписывать! Это бред какой-то.

Нужно потянуть время! Вера чуть успокоилась и сказала:

— Кстати, вы напоминаете мне дядю. Он был великолепным ученым, но безнадежным фантазером и авантюристом. Если вы прочтете его труды, например, о королеве Виктории...

— Я читал все публикации вашего дяди, — прервал ее Ричард, — Он очень глубок в своих исследованиях и, главное, гипотезах! Не отвлекайтесь! Подписывайте!

Гнев, замешанный на животном страхе, заставил Веру выкрикнуть:

— Как вы смеете, мнимый джентльмен и рыцарь, третировать даму?

— Здесь нет джентльменов и дам! Мы на службе. Моя жена, например, занимается сейчас домом и детьми, а не рыскает по Европе в компании сомнительных мужчин! В

Англии говорят: мой дом — моя крепость! — гордо сказал Ричард, сложив руки на груди.

«Ох, Господи, помоги мне найти выход! Милый Андрей, почувствуй меня, подскажи! Милый, милый Андрей!» — взмолилась женщина, сжавшись вся в комок.

И вдруг светлое облако появилось в ее подсознании. Из-за облака выпорхнула птичка-невеличка и начала петь! И уже сознанием она смогла прочесть подсказку...

«Да, точно! Зря ты, хвостун, упомянул жену!»

— Да, мы знаем о вашей жене. Волосики такие беленькие, жиденькие. Глазки аквамариновые. Губки тоненькие, тоже бледные. Болеет, наверное, опасно болеет! — взгляд и голос Веры Яновны были стальными. — Сейчас она спит. Но если я подам единственный сигнал...

Голос ее стал тих и страшен.

— ... в дверь вашей квартиры в Лондоне позвонят! И... начнется ночной кошмар!

Она достала из сумочки пудреницу и приоткрыла ее со значительным видом.

Ричард побледнел и свалился в кресле набок.

«Я попала в точку! Ура! Я люблю тебя, Андрей!» — ликовала душа Верочки.

— Естественно, как-либо предупреждать ее неразумно. Через необходимое время мы дадим отбой, там, в Лондоне.

К ним подошел Игорь.

— Господа, ресторан закрывается. Извините. — сказал он по-итальянски, оглядывая поочередно Ричарда и Веру. — Может нужен врач? Или полиция?

— Ничего не нужно, — буркнул Ричард. — Дайте счет!

Счет был у Игоря в руке. Англичанин расплатился за половину суммы, встал и пошел, качаясь, к выходу.

— Сей же час уберите из моей комнаты вашу «дрянь» — крикнула ему вдогонку женщина.

Когда через три минуты Игорь и Вера вышли из ресторана, они увидели, что англичанин еще не ушел, а раздраженно, буквально повизгивая, говорил по телефону.

— Вот и паинька, — усмехнулась ему в глаза женщина.

— Подвезете, Вера Яновна? — спросил Игорь нарочно по-русски. — А это вам бутылочка... успокоить нервы.

— С удовольствием! — тоже по-русски ответила Вера.

«У этой русской стервы везде агенты!» — подумал Ричард.

Когда машина подъехала к гостинице и Вера ушла к себе, Игорь подождал ее звонка и, услышав, что все в порядке, отправился домой.

Ящичек в туалетном столике был пуст и закрыт.

«У этого хоряка Ричарда не так много возможностей!»

Ей опять стало тревожно на сердце. Жестокие слова по отношению к жене британца тоже свербили душу. Она вспомнила бабулю, усадьбу.

«Он не посмеет сунуться в усадьбу! По приезде нужно попросить Платоныча усилить охрану».

«Душно! Хочу домой, в родной Питер!»

Она расплакалась, легла на кровать, не раздеваясь.

«Все я сделала правильно? Да! Теперь Ричарду будет не с руки «делать бисквиты в плохом настроении!»

Сон не шел. И пространство, и время вокруг нее были погружены в липкое ожидание...

Ирина села в машину к Андрею. Тот сидел с невозмутимым видом, надвинув на лоб свою великолепную шляпу и связывал из колготок и шарфов «лестницу».

— Мерзкий тип — этот англичанин, — шепотом сказала она.

— Чего вы шепчете? — удивился Андрей Петрович, всматриваясь в лицо девушки.

Он с любопытством рассматривал ее черный паричок. Но только он собрался сказать пару «деревенских» комплиментов, как та сорвала его с головы, положила в сумку с граппой и поставила ее на пол сзади себя. Однако и прическа ее была нова, другая, что была в усадьбе. Короткие, цвета оregonской сосны волосы, стрижка «под мальчика». Особый шарм придавали длинные, загнутые на щеки пейсы. Вдобавок ко всему она начала намазывать веки фиолетовой тушью, причем, довольно густо под глазами.

Мужчина улыбнулся, указав на тушь.

— Такой вы мне, девушка, нравитесь больше, чем когда трусили в усадьбе.

Ирина опять надела паричок.

Андрей чуть не прыснул от смеха, но сдержался.

«Пусть поиграет в «войнушку» — подумал про себя.

— Чего мы ждем? — она начала набирать на навигаторе «катакомбы Сан-Джованни».

— Не нужно пока по навигатору! — сказал Андрей строго. — За нами следят вон из той машины. Вы умеете ездить быстро, при этом петляя по узким улочкам?

— Легко! — она пересела за руль. — Держитесь крепче! Пристегнитесь! Поеха-а-ли!

Машина сорвалась с места как «подорванная»!

— Эх, видели бы меня сейчас мои студенты! — балагурил Андрей Петрович. — Вапдядя говаривал, что скучно изучать историю на Васильевском острове.

Раздался звонок. Говорил Игорь.

— Что там? — спросила девушка.

Мужчина молчал.

— Что? Вера? Что она сказала? — переспросила Ирина.

— Таможня дает добро! Но вам, Ирина, Вера Яновна приказала покинуть борт!

— Ну уж нет, — и «втопила» педаль газа до упора, будто давила ногой змею, изготовившуюся к броску. Машина, следовавшая за ними, отстала. Им удавалось уйти от погони!

— Что это? — девушка почувствовала шорох сзади.

Она посмотрела в зеркальце заднего вида и невольно сбросила газ. Взяла Андрея Петровича за руку.

— Фу! Мистика! — она чуть успокоилась. — Мне на миг показалось, что на заднем сиденье в центре сидит Г.Н., а справа и слева от него огромная белая сова и... птичка-невеличка... И три пары глаз внимательно смотрят на меня!

Некоторое молчание.

— Что вы молчите? — спросила девушка.

— Я вижу, что мы оторвались от погони! — ответил мужчина. — А что касается ваших видений, не нужно так густо мазать тушью вокруг глаз! Да еще фиолетовой! Помните: «Каждый охотник желает знать, где сидит Филин»? Оптика, сеньора Ирина.

Иришка недоверчиво смотрела на Андрея Петровича.

— Что смотрите? Поставьте навигатор. Но к месту подъезжайте уже тихо и медленно. Я там бывал. С Верой.

Потом добавил задумчиво.

— Полчаса он нас не найдет...

— А потом?

— Не волнуйтесь. Потом уйдет. Даже убежит! Или уползет на четвереньках. Если вообще сможет, — вид у мужчины был жесткий и загадочный. Как и его слова.

Уже остановившись на детской площадке возле катакомб, погасив фары, парочка не выходила из машины, минуту вслушиваясь и всматриваясь в темноту. Тихо. Затем они вышли из машины, разложили вещи на столике: «лестница», фонарик, перчатки и пр.

— Где колготки? Какие мне нужно надеть?

— Вот эти, с морской волной. Волнительные!

— А ковбойка? Что-то меня знобит... Всё шутите... Отвернитесь, пожалуйста.

Она накинула толстую ковбойку и спросила:

— Ну как?

— Как, как... Как сказал Антон Павлович: нет такого предмета из которого еврей не сделал бы фамилию, а женщина — наряд.

Девушка тихонько рассмеялась.

Далее они облили руки, одежду водкой, прополоскали рот. Воздух вокруг быстро наполнился парами спирта. Из одной бутылки они пролили граппы на стол и положили рядом с другой, создав нужный натюрморт.

Пора. Но Андрей замер и стоял как вкопанный. Затем сел на лавочку у столика и обнял голову обеими руками. Потом убрал руки, глядя в ночное небо. Ирина приблизила свое лицо к лицу мужчины. То ли луна светила так, то ли ей показалось, но глаза Андрея Петровича были мертвыми, а губы шевелились.

— Что с вами?

— Вера... Вера просит... Помощи... У меня... Подсказки...

Ирина услышала шум крыльев птиц, звуки «ву-у...», и все небо вокруг просветлело на мгновение.

Через минуту Андрей встал.

— Все нормально. Идем!

Они подошли к невысокому забору, плетенному из проволоки и проросшему цветущим кустарником. Аккуратно, но ловко перебрались через забор. Андрей быстро сориентировался: там церковь, там крипта. А вот люк в заветный колодец, ведущий в крипту!

Устье люка было в металлической опалубке. Его прикрывала легкая крышка из мелкой стальной сетки. Вокруг опалубки бетонная отмостка на полметра, дальше колючая трава и камни. Мужчина отодвинул крышку.

— Ложитесь, девушка! Вот так, на спину, попа на краю люка, ноги раздвиньте и уприте в опалубку. Прекрасно! Прогнитесь!

Далее он обвязал поясицу девушки двумя шарфами, привязал к ним со стороны живота «лестницу» и скинул ее в колодец. Снял кроссовки, надел налобный фонарик, на шею повесил болоневую сумку. За ручки сумки со спины повесил трость, надел перчатки.

К нему пришел кураж.

— Классное приключение! Держите крепко! Чао!

Андрей сел на край опалубки с противоположной от Ирины стороны.

— Разрешите?

Он уперся руками в Иришкины бедра, а ногами обхватил из всех сил первый узел «лестницы».

— Так, хорошо... — он снял руки с бедер девушки и схватился обеими руками за шарфы.

— Андрей Петрович! Что вы так жарко дышите мне вниз моего живота! Мне щекотно. Да... я и так взволнована...

Андрей, держась руками и помогая удерживать свой вес ногами в узлах, стал скользить вниз по ткани. Ему удалось добраться до пола крипты, лишь дважды коснувшись каменных стенок.

Вот она, крипта! Ступням сразу стало очень холодно, мужчина поправил фонарик на голове, взял в руку трость.

Он ведь был здесь вчера. Да, вот и фреска Св. Павла и, судя по тому старинному документу, здесь, слева, должна быть ниша с «захоронкой». Но ничего нет! Это его насторожило еще вчера. Андрей поработал тростью. Бесполезно.

«Нужно успокоить разум и чувства! Отрешенность и сосредоточенность одновременно!»

Он поднял голову кверху. Пара раздвинутых красивых женских ножек открывала кусочек темного неба с яркой голубой звездочкой.

«О чем ты думаешь, фельдмаршал?!» И тут фиолетовый обруч начал сжимать голову, а когти совы впились в кожу черепа.

«Это какая-то подсказка! Да, Кутузов и Барклай де Толли. Что, что именно? Он тогда их перепутал».

Он снова посмотрел наверх. Теперь Ирина, решив отдохнуть, скрестила ноги.

«Точно! Наоборот! Входом раньше считали колодец!»

Сова опустила свои когти, и обруч на голове исчез.

«Вот ниша.» Он потрогал руками стенки, освещая их фонариком. Ничего! Никаких следов. И птички-невелички нет.

Андрей Петрович в задумчивости посмотрел на фреску. И вдруг от лика Св. Павла отделилось небольшое световое облачко, еле заметное. Оно поплыло и остановилось в кровле ниши. Андрей внимательно наблюдал за светлым пятном. Оно начало вращаться. И появилась, и запела, и затанцевала над головой мужчины птичка-невеличка! Он положил на пятно ладонь, крепко прижал ее к камню и начал вращать ладонь вослед пятну.

Из кровли начал выдвигаться, выкручиваться каменный фрагмент, напоминающий усеченный конус, в нижнем основании которого была нарезана прямо по камню спиралевидная насечка из нескольких нитей. «Каменный гость» был тяжелым. Мужчина аккуратно поставил его на дно ниши. В верхнем основании камня было цилиндрическое отверстие, и оттуда Андрей Петрович извлек круглый медный футляр. Он отвернул крышку и достал... *Пергамент!* Щеки и лоб его стали горячими! Мужчина положил футляр в сумку, встал на колени перед фреской Св. Павла и помолился. Светлое пятно на фреске дрогнуло и исчезло. Ввернул конус обратно, потер ладонью место вскрытия. Никаких следов. «Видимое временно, а невидимое вечно», — прошептал Андрей фразу из учения апостола Павла. Все в порядке, пора наверх! Дернул за «лестницу». Ножки Ирины приняли прежнее положение упора, Андрей повесил сумку на шею, закрепил трость, и через пять минут он был наверху.

Надел кроссовки, потопал окоченевшими ногами.

— Андрей Петрович! Возле ограды кто-то есть! Было несколько фотовспышек, — голос Иришки дрожал.

Мужчина положил «лестницу», закрыл люк крышкой и они быстро двинулись обратно к машине.

Когда парочка перелезала через забор, они увидели убегающего человека. Тот повернулся и еще раз его фотокамера вспыхнула светом. Ему, видимо, очень был нужен снимок с фактом, когда Ирина и Андрей были наверху ограждения катакомб.

— Выследил, гад! — горло Андрея сдавила обида и злость — Нет! Ты не уйдешь!

И в эту секунду над головой Андрея Петровича послышалось хлопанье крыльев.

— Огонь! — крикнул он, даже не понимая зачем и кому дает команду.

Послышалось громкое трубное гудение «вуу...», затем в ночи раздался жуткий человеческий вопль.

— Господи, это же бородатая неясность! Это самая боевая из всех сов. Она занимает гнёзда ястреба, — выкрикнул Андрей и бросился на вопль.

Человек лежал на спине, без движения. На лице его, если это можно было назвать так, была гримаса ужаса. Сквозь порезы на темени, лбу, ушах текла густая бурая кровь. Глаз не было видно. Языка и губ тоже. Из безжизненной руки выпала фотокамера.

Андрей Петрович схватил камеру, нашел в карманах телефон, документы и побежал прочь!

— Он жив? — шевельнулись губы девушки.

— Не знаю. Быстро в машину, — резко ответил мужчина.

Он взял со столика бутылки, положил в сумку.

— Боже, кто это там, возле нашей машины! — воскликнула Ирина.

— Это белая сова, сторож.

— А почему у нее такие желтые глаза? Я боюсь!

— Глупая, это наш друг. Кыш! — прошипел Андрей сове.

Та расправила крылья, закрыв ими полмашины и улетела.

Ирина была готова упасть в обморок. Мужчина помог девушке сесть в машину, еще раз осмотрел все вокруг, сел за руль и машина сорвалась с места.

— Нашел? — Ирина посмотрела в сторону водителя.

— Да, *Пергамент* у меня. *Укладки* не было, — быстро ответил Андрей. — Все разговоры потом, в «Левингстоне».

— О, Господи! — вскрикнула девушка.

Отъехав на достаточное расстояние от катакомб и поняв, что преследования нет, Андрей Петрович остановился в укромном закутке.

— Выходите, Ирина.

— Зачем?

— Снимайте балетки, колготки, ковбойку и парик — чётко командовал мужчина, раздеваясь сам.

— Все нужно выбросить! — объяснил он.

Сложил все в пакет. Затем одел новую одежду, достал из взятого у «папараци» телефона «симку» и вместе с документом положил в карман брюк. Фотокамеру и телефон разбил о камень и бросил в пакет. Пакет отнес в ближайший мусорный бак.

Затем достал бутылку граппы и стал натирать водкой ступни ног.

— Я чертовски замерз в крипте!

— У меня тоже ломит спину, особенно поясницу... и попу — сказала жалобно Иришка.

— Возьмите и разотритесь, — приказал Андрей Петрович.

Девушка послушно подчинилась.

— А почему вы не надеваете запасную обувь?

— Я забыла прихватить. Ничего, ноги у меня не замерзли.

Наконец приехали. Портье недоуменно рассматривал нетрезвого мужчину с сумкой в одной руке и с двумя бутылками водки в другой. Но более всего он не мог оторвать взгляда от босых ног своей гостьи, повисшей на шее спутника. В три часа ночи!

— О-ля-ля! Русские друзья! — смог лишь вымолвить портье.

Когда они вошли в номер, Андрей сказал:

— Сейчас горячая ванна и спать! В 10 утра я позвоню.

Он перелил водку в одну бутылку, положил футляр с *Пергаментом* под подушку на кровати и направился к выходу.

— Я должен идти к Вере Яновне.

— Я тоже хочу-у-у! — захныкала Иришка.

— Вы, Ирина Яновна, должны стеречь *Пергамент*!

— Я не доживу до 10 утра!

— Нажалуюсь бабуле! — грозно пошутил мужчина.

— Ни в коем случае ничего не рассказывайте ей! У нее слабое сердце! — запричитала девушка.

Но было видно, что она сразу успокоилась. Забота о близких — ключ к исцелению, способ прийти в себя, собраться силами!

Вот и «Аврора». Андрей сделал глоток граппы прямо на глазах портье и, пошатываясь, пошел к себе в номер. Но постучал он в дверь соседнего номера — Веры Яновны.

— Кто там? — тут же раздался тревожный тихий голос.

— Фельдмаршал Кутузов.

— Ох, наконец-то! — она пыталась открыть дверь и не могла.

Верочка волновалась, да и выпила чуть-чуть. Все-таки дверь отворилась.

— Ты чего запираешься от «мужа»? — шутливо проворчал мужчина, — Пойдем в мой номер. Там и поговорим.

Женщина все поняла. Конечно, в ее номере может быть спрятан «жучек».

— Я хочу выпить, — она взяла свою бутылку вина. — Игорь подарил.

— Я тоже, — сказал мужчина и взял с собой граппу.

Аккуратно зашли в номер Андрея. Он наклонился возле двери и подобрал из-под щели нитку, свернутую кольцом.

— Никто ко мне не заходил. — заключил Андрей Петрович.

— А ведь не зря этот Ричард видит в тебе офицера службы безопасности. У тебя явные задатки, даже талант, — рассмеялась Вера Яновна, обмотав нитку вокруг запястья.

— Это зачем? — удивился мужчина.

— Получилась буква «В».

— Это что значит?

— Может, что-то и значит! — женщина многозначительно посмотрела прямо в глаза Андрею.

Они присели к столу и наполнили бокалы.

— Ну же, рассказывай! — нетерпеливо попросила Верочка, сделав два глотка.

И Андрей Петрович рассказал об их с Иришкой приключении. Вера Яновна несколько раз перебивала его, все что-то прося рассказать подробнее. Она то хлопала Андрея по колену, то по плечу, то гладила ему волосы, то вскакивала и снова садилась. И бутылочка ее пустела.

— Твоя очередь поведать о встрече в «Караваджо», — заключил свой рассказ мужчина.

— Он страшный человек! И много знает! — начала с волнением женщина.

Андрей Петрович дал ей возможность выговориться. Лишь один раз, когда она примолкла, он сказал:

— Не настоящий он «шпион». Своего агента, что следил за нами у катакомб, не отозвал... Я думаю, здесь, в Сиракузах, с этим Ричардом закончено. Он сейчас срочно поспешит в Лондон стеречь свою белоглазую, тонкогубую жену.

— Господи! Так это всё же ты? Ты! Как ты это делаешь? Как ты сумел мне это подсказать?! — она повисла на шее у Андрея.

— Я не знаю, — хмуро ответил мужчина. — Точно не знаю как. Честно.

Волна женственности, исходившая от ее волос, все больше накрывала уставшее сознание Андрея Петровича.

Затем из горла женщины вырвался горячий выдох с ароматом страсти, будто бы с шеи сорвали тугую повязку.

Она целовала глаза мужчины, сначала чуть прикасаясь губами, словно целовала бабочку.

Потом расстегнула Андрею рубашку, сбросила свою блузку, юбку и лифчик. Твердые соски упирались в голую грудь мужчины. От ее плотно прижатого живота исходил жар!

Верочка осыпала лицо и грудь Андрея поцелуями, а в глазах с бриллиантовыми огоньками был восторг и благодарность. Она жаждала наградить мужчину самой высокой наградой!

И вот глаза женщины стали осоловелыми, она требовательно выгнула спину назад и положила руки Андрея на свои бедра.

— Я хочу тебя. Сию секунду! — прошептала Верочка.

Андрей отнес ее в кровать. И тоже стал целовать. Везде.

...Чьи-то мягкие большие крылья нежно хлопали ее по плечам, по бедрам, язычок птицы, сначала небольшой и мягкий проникал ей в рот, ласкал живот, грудь, бедра...

Затем этот язык стал большим и твердым, погрузился в неё... Это уже не язык, а клюв?! В плечи будто вонзились когти. Боль и блаженство! Она боялась открыть глаза...

...Потом они лежали, мокрые, как новорожденные.

— Скажи мне что-нибудь — попросила Верочка, целуя мужчину.

— «Ваш нежный рот — сплошное целованье...», — тоже целуя женщину.

— Нет, нет, не стихи Цветаевой... Я... я сейчас с кем была? С птицей? Мне было необыкновенно хорошо! И странно...

— Не понял.

— Я была близка с... кем-то вроде грифона с Банковского мостика на канале Грибоедова... Чудесное видение!?

— Наверное, это из твоих эротических фантазий.

— Такой среди них нет. Вернее, не было. Теперь я на этом мостике наверное буду «кончать».

— Удачи!

— Это от перенапряжения! Ведь сегодня ночью Рок пришел на свидание к нашей Судьбе! И, о чудо! Все хорошо! — она закинула ногу на Андрея.

— Ничего чудесного. Рок может и приходил, да вот Судьба на свидание не явилась. Обманула! Давай спать... «воин полка засадного». Уже шесть. Подъем в 9:30, - он тоже нежно закинул ногу на Верочкино бедро.

Ночью Андрей кричал. Вера с тревогой смотрела как его руки, скрючиваясь, впивались в простыню.

А утром, когда она пошла умываться, в зеркале увидела на своих плечах порезы, как от когтей птицы!

Решила ничего пока не говорить Андрею Петровичу. Вид у того был очень уставший и болезненный. Глаза совсем пустые. Бледный, буквально белый, словно вся кровь истекла из него.

Она быстро надела кофточку.

— Как ты себя чувствуешь, Андрей?

— О! Признаюсь, до этой ночи я более всего был влюблен в твои глаза и в эти подрагивания лица. Но сейчас знаю: у тебя есть другие, еще более... выразительные части тела.

— Вот с этого и начнем следующую ночь! — засмеялась молодая женщина. — Ты замечательный рассказчик! А еще, ты не фельдмаршал. Ты — гвардии поручик! И мне было замечательно сегодня быть «под поручиком»!

— А я надышался твоей красотой и молодостью. И счастлив!

В 10 утра Андрей позвонил Иришке.

— С добрым утром, милая! Через час мы с Верой ждем тебя в районе Большого порта на набережной. Позавтракаем и будем кататься на яхте! Не забудь футляр. И обувь.

И потом, обращаясь к Вере Яновне, добавил:

— Твоя сестренка молодец. Вела себя у катакомб достойно. Уважаю! И люблю!

— Да, она молодчина!

Когда троица была в сборе, Вера, обняв и поцеловав сестру, выпалила:

— Покажи!

Иришка, поняв просьбу, передала ей футляр. Вера приоткрыла крышку, чуть посмотрев на *Пергамент*, закрыла и положила к себе в сумку.

— На яхте посмотрю!

Через час, перекусив на скорую руку, они прогуливались по набережной Vittorio Emanuele II, выбирая яхту. Вот симпатичная, небольшая яхточка, а, главное, колоритный капитан. С седой бородой, с обветренным красным лицом и такими же руками. Тысячи морщинок вокруг светло-голубых глаз искрились, приглашая гостей на борт.

Андрей как завороченный смотрел за ловкими действиями моряка. Очень непросто была устроена парусная снасть: сколько канатов нужно было укрепить, соединив в нужных местах.

«*Нити...*» — подумал Андрей Петрович.

Когда они отплыли немного, Андрей Петрович дерзнул:

— Дайте порулить, капитан!

— На, — ответил тот, поняв жесты Андрея.

Но через несколько секунд яхта накренилась и Андрей чуть не выпал за борт. Железные руки капитана успели схватить мужчину и фал, яхта выровнялась.

— Все расскажу Платонычу, — фыркнула, испугавшись, Иришка.

— Платоныч знает, что мое дело лоцманское, — парировал Андрей.

У него раздался звонок.

— Да, дорогая... Все хорошо... Здоров... Нет... Да... Как дети, внуки?... Замечательно, пусть послушают гавайскую гитару. А что ты мне звонишь так рано. У вас там 5 утра... Не нужно волноваться... Пишу... В «Публичке» в Питере... Так, бумаги Г.Н. разбираю... Потом... Потом позвоню и все объясню. Целую.

Вера и Ирина сидели молча, вглядываясь в морской горизонт. Парусник огибал оконечность островка, на котором был расположен замок Маниаче. Серьезная крепость.

Штиль, который был на море только что, сменился волнами. Эти волны, подобно шеренгам воинов-смертников, катились по амбразуру береговых камней, находя там вечный покой. Мощь и восторг вдоха гасли хриплой пеной выдоха. Наверное, этот мыс, где с его двух сторон сейчас спорили спокойная и бурная вода, знал нечто и о душе человека, в которой вдруг начинается волнение, а порой смятение...

— А ведь я, Андрей, думала об этих гротах... может там искать *Укладку*, — Вера показала рукой на береговые скалы.

— Нет, конечно, там нельзя устроить клад. Смотри, низ скал темнее, т. е. заливается иногда водой, — ответил задумчиво Андрей Петрович.

— Да, да, конечно.

Мужчина прикрыл глаза, иногда наблюдая за сестрами. Вот Вера Яновна рассматривает *Пергамент*, вот они о чем-то шепчутся, многозначительно поглядывая на Андрея. Эти взгляды выдавали и любопытство, и уважение к нему.

Ирина решила нарушить благостную тишину:

— А я недавно прочла в газете, что один наш олигарх отмечал в этом замке торжество. Было 600 человек. Бал, фейерверк!

— Для вас, Ирина, это показатель успешности человека? — грустные мудрые глаза Андрея Петровича смотрели на девушку.

Ты смутилась, поняв, что заговорила о пустом. Но из-за какой-то юношеской дерзости продолжила:

— Все-таки, ответьте мне, дорогой философ: если человеку Бог дал дар таланта, но не дает материальных средств для их реализации... Сколько таких? Спились, потерялись...

— Да, жаль людей, которые нашли Путь, но не нашли Приюта... Наверное, не заслужили! — спокойно ответил мужчина.

Вера Яновна смотрела на Андрея влюбленными глазами и хотела, но не решалась, задать ему вопрос. И все же спросила:

— Скажи, милый наш герой, что за совы появляются... возле тебя? Откуда они? Мне Иришка рассказала о случае с этим «папарацци».

— Ты ведь легко можешь посмотреть в интернете... о совах. А откуда они возникают в моем случае? Я ведь рассказывал уже, как ударился головой в детстве. — Андрей сердился. — Не знаю я толком!

— Я умоляю тебя! — глаза Верочки сверкали огоньками.

— Я иногда бываю в своем... своем личном параллельном мире. Путешествую туда. Сталкер. Но таких случаев, как здесь, в Сиракузах, было в жизни три-четыре раза. И после я долго болел... душой... Впрочем, имеющие душу — уже душевнобольные, — он улыбнулся, — вот же Иришка у нас эзотерикой увлекается. Пусть тебе все и объяснит.

Ирина Яновна серьезно прочла из Лермонтова:

— «С тех пор, как вечный судия, мне дал предвиденье пророка...»

— Ух, как пафосно! — рассмеялся мужчина. — И не обо мне, конечно.

— Андрей Петрович, извините! Я вечно не то говорю. Но мы с сестрой любим, как вы рассказываете. Ну, пожалуйста... о совах!

— Хорошо. В легендах — это мистическое ночное существо. Летающая кошка. Помогает издревле людям искать клады, — он вновь, но уже вяло улыбнулся. — А какой милый лицевой диск! Как зеркало: смотришь и видишь...

Помолчал, бросив зачем-то:

— Нельзя выстрелить из ружья, чтобы приклад не ударил в плечо.

Через минуту Андрей продолжил:

— Особенно замечателен филин. У него красные, а не желтые глаза. Стоит филину закричать — весь лес: и волки, и медведи вторят ему. Даже опытному охотнику редко удастся увидеть сову. Если сову рассердить, ни сотни соколов, ни десятки рысей не смогут приблизиться к ней. Она начинает вращаться, с бешеной скоростью, в ярости поражая все вокруг себя и клювом, и когтями, а особенно острым оперением. Уже взрослые птенцы сов не торопятся полететь. Все думают о чем-то в гнезде. Подняться в небо — ответственность! В общем, ученые МГУ признали, что совы — инопланетные существа. Их мозг настолько

многоуровневый... почти как у тебя, Верочка... — улыбнулся мужчина.

— А птичка-невеличка? — спросила Иришка.

— А вот вы, сестрички-невелички откуда? Из *Света*? — Андрей ласково посмотрел на сестер.

— Как же ты, мой милый, умудряешься «дружить» и с *Тьмой* и со *Светом*? — Верочка говорила и смотрела на него, словно видела впервые.

Нет в мире более интересного диалога, чем диалог слов умного мужчины и глаз утонченной красивой женщины!

— Ты ведь, конечно, читала «Мастер и Маргарита»? — ответил мужчина вопросом на вопрос. — Вон тот маяк сейчас отбрасывает страшноватую тень на волны, а ночью будет светить...

Их морская прогулка закончилась. Эти два часа на яхте придали нашим героям бодрости: все же ночь была крайне нервозна, а утренний сон краток.

Они присели пообедать недалеко от набережной.

— А не согласится ли мой начальник Верочка проследовать вместе со мной в Прагу и Вену сразу после Сицилии? Поискать следы Гомпеша... Деловая поездка, — Андрей Петрович неуверенно посмотрел на Веру Яновну.

— Нет! — строго сказала женщина. — Во-первых, из моих исследований да и со слов Ричарда следы Гомпеша, а точнее *Укладки* там маловероятны. Во-вторых, дорогой мой, ты сейчас похож не на делового, а «уделанного», очень измученного человека. Может через месяца 2–3 и съездим.

— Да, да, Андрей Петрович, нужно отдохнуть! — воскликнула в поддержку сестре добрая Иришка.

— Ну лады, начальнику виднее... А ты, Иришка, куда? С нами домой? — быстро уступил мужчина.

— А сестренка тоже должна отдохнуть, но совсем недолго. Один день — Флоренция и один день — Венеция, — ответила Вера.

— Конечно, бабуля ведь соскучилась, — подтвердила девушка. — Да и надоело одной бродить...

— А как вы, милая, провели время здесь? — спросил Андрей.

— Я безумно влюбилась в Сицилию! Обошла пешком Ортиджиа вдоль и поперек. Эти чудесные улочки с балкончиками, с фонарями в стенах, горшками с цветами вдоль улиц... Купила сувениры всем. И в Греческом театре была, и в пещере «Ухо Дионисия», и ездила на пляж в Фонтана Бьянка. А какое великолепие в галерее Палаццо Беломо! Чего стоит одна лишь картина Караваджо «Погребение Святой Люции». Ой, забыла сказать: у меня же еще здесь есть одна любовь!

— Какая... вторая любовь? — встревожилась старшая сестра.

— Ното! Сказочный городок! — захлебывалась восторгом Иришка.

— Мы собрались с Андреем туда сегодня, — Верочка рассматривала сестру. — Экак ты переменилась здесь сестренка! Куда подевалась твоя сдержанность?

— У меня были праздники и приключения! И совы! — улыбнулась Иришка и тоже внимательно посмотрела на сестру. — Ты тоже не такая Снежная...

— А какая?

— Нежная, — рассмеялась Иришка, бросив лукавый взгляд в сторону Андрея. — А какая Мальта? И что там?

— О, нет! Все рассказы оставим «на потом». В усадьбе наговоримся вдоволь! — замахала руками Верочка. — И тебе пора собираться.

— Да, конечно.

— Давай пока ты будешь звонить на телефон Андрея Петровича. Сегодня два звонка: когда доберешься до Катании, точнее до аэропорта, и когда сядешь в самолет. А завтра утром из Флоренции.

— А можно я напишу тебе письмо на планшет. Я хочу вновь попробовать писать. Письмо — эссе о моих впечатлениях.

— Хорошо. О Флоренции и Венеции я прочту с удовольствием.

— Вам, Ирина, будет что написать. Ваши праздники и приключения будут и там, хорошие... — многозначительно добавил Андрей Петрович.

— Да? — Иришка посмотрела на него удивленно.

— Да, у меня внутри «Ухо Дионисия». Оно нашептало. Так называл этот грот, где вы были, Караваджо. И за внешний вид, и за звучание в нем. Дионисий подслушивал разговоры людей, заключённых в этой пещере, — ответил мужчина.

И добавил:

— Я тоже отмечаю, что вы, Иришка, изменились... — Андрей подобрал слова, — В усадьбе вы показались мне немножко... «синим чулком»...

— А сейчас?

— Сейчас... голубыми «волнительными» колготками, — рассмеялся мужчина.

— Вы это о чем? — спросила Верочка.

— Секрет, — ответил мужчина.

— Все. Пора, — сказала Вера Яновна.

Сестры обнялись и расцеловались на прощание. Андрей Петрович тоже приобнял Иришку и трижды поцеловал в щеки.

— Счастливой поездки и удачи! — сказал он.

— И вам удачи! — ответила девушка.

Она ушла, а Верочка и Андрей сели в машину и отправились в Ното.

В 17:30 они были у цели. Проехав 200 метров вдоль кипарисовой аллеи, им удалось в тени припарковать машину. Аллея заканчивалась небольшой площадью.

— Ты всю дорогу сюда читал путеводитель. Рассказывай, только кратко, если... сможешь.

— Один из древнейших городов Великой Греции. После сильного землетрясения в 1693 г. был восстановлен. Отстройка в стиле барокко и Ното — лучший из образцов сицилийского барокко.

— Подожди, пожалуйста. Ты так часто упоминаешь барокко, что...

— Я и готику люблю. Только на Сицилии ее мало.

— Я хочу пить, давай купим воды и присядем, — предложила женщина.

— Зачем нам сидеть? Попьем по дороге.

— Нет, я должна уже поговорить... обсудить вопрос твоей зарплаты. Я все откладывала...

— Чушь! Не хочу об этом говорить.

— Так я и знала. Ты что, такой богач? Платишь все время в кафе, ресторанах...

— Ваша контора оплатила мне проезд и проживание, а я просто путешествую, развлекаюсь.

— Как прошлой ночью в катакомбах? Ничего себе развлечение!

— Ну, допустим, часть ночи была прекрасной! — улыбнулся мужчина.

— Подожди. Я не люблю путать дела и личную жизнь.

— Так у нас переплетены. Кроме всего прочего я недавно продал машину, как-то стала не нужна. Живу в 15 минутах ходьбы от университета.

— И не жалеешь? Водители со стажем — автомобильные наркоманы.

— Если честно — жалею.

— Ну, вот и купишь в Питере новую машину!

У Андрея Петровича приподнялись брови.

— Я что, за 10 дней заработал денег на машину?

— Разумеется. Думаю, по 20 тысяч евро мы получим гонораром. И это помимос собственно денег по гранту. Но по гранту премия только в конце декабря. И большая сумма. А если найдем *Укладку*, то... Но об этом нельзя загадывать.

Мужчина задумчиво смотрел в сторону Королевских ворот Порта-Реале. Вера Яновна продолжила:

— По возвращению в Питер я доложу о результатах командировки. Но главный доклад не в институте. Там я и слова не скажу о *Пергаменте*. Мне нужно будет встретиться с А.В. Деевым. Наедине. Это очень умный, благородный и интеллигентный человек.

— Извини, что перебиваю. Но мне кажется, что и Иришке нужно...

— Выслушай до конца. Естественно, что я не обижу сестренку. Ей, как и нам, 20. Сейчас в усадьбе музей, но теперешний мэр собирается его закрыть, усадьбу забрать. Выкупить я ее не могу. Но я уже просила того же Деева через Министерство культуры помочь организовать в усадьбе пансионат для творческой интеллигенции Петербурга. Он обещал посодействовать. Будет у Иришки работа и зарплата. Свой гонорар и премию я отдам на обустройство пансионата. Флигель уже сейчас строю. Если дело «выгорит», и тебе там, в усадьбе, найдем работу.

— Я подумаю, — сказал Андрей серьезно, — *Пергамент* ты отдашь Дееву?

— Обязательно. Он его должен будет, наверное, вернуть Ордену. Или хотя бы показать Папе и великому магистру. Кстати, — она улыбнулась, — рассказ о британце и то, что удалось выведать у него кучу информации понравится Дееву. Ему будет чем «козырнуть» в Ордене! И свои планы, точнее наши с тобой планы о поиске *Укладки*, я тоже ему позже изложу. Но очень кратко. И вообще, нужно остыть и хорошо подумать...

Она посмотрела с любовью на мужчину.

— Непременно расскажу Александру Владимировичу о тебе. О твоём *Даре Видеть*. О том, что вы с Иришкой рисковали. Да и я тоже. Но без подробностей!

— Про сов не надо говорить! — нахмурился Андрей.

— Хорошо, как-нибудь обойдусь, — ответила Вера. — Пойдем, мой дорогой.

Путешественники прошли ворота и очутились на главной улице, проспекте Vittorio Emanuele.

— Смотри, Верочка, сразу направо улица Архимеда.

— Это который что-то сказал про тело? — прищурилась женщина.

— Погруженное в воду, — наставительно поправил доцент.

Настроение прекрасное! Городок великолепен! Они шли вдоль проспекта по правой стороне и любовались церквями и дворцами, коих было во множестве. Целью Андрея был кафедральный собор Сан-Николо. При восстановлении Ното был использован туф, который

после многих лет пребывания на солнце, приобрел где-то горчичный, а где-то золотистый цвет, отчего сама «архитектура приобретает, с одной стороны, искрометность и торжественность, а с другой — драматичную игру света и тени».

Планировка проспекта как широкой улицы с множеством больших и малых площадей открывает возможность обустроить и магазинчики, и кафешки, что является, конечно, необходимым условием качественного променада. Гуляющего народа было много.

Верочка начала проявлять любопытство в отношении узеньких, очень милых улочек, буквально 1,5–2 метра шириной, с одной стороны проспекта уходящих вверх довольно круто, а с другой — вниз, более полого.

— Ты знаешь, мой любезный эрудит, как называются эти улочки-закоулочки? — спросила она игривым тоном.

— Нет, но можно прочесть название.

— В народе как их называют?

— Что-то не могу припомнить... — мямлил мужчина.

— Сейчас будем вспоминать!

Женщина крепко взяла Андрея за локоть, они завернули за угол, и когда дошли несколько метров до ближайшей ниши, она начала целовать мужчину в губы.

В переулочке не было ни души и, хотя Андрей Петрович стеснялся и косил глаза вправо-влево, ему было лестно, что такая красивая молодая женщина страстно целует его на улице.

— Обними меня крепко, — простонала Верочка.

Мужчина выполнил просьбу, но руки через секунду ослабели, когда он машинально поднял голову и прочел название улочки: Диогена.

— Что случилось? — недовольно проворчала женщина, все еще плотно прижавшаяся к Андрею Петровичу и прикрывшая глаза.

— Открой глаза и прочти название улицы.

— Ну, Диогена... И что? А улочки эти узенькие мы называли в молодости «поцелуйными»!

Мужчина рассмеялся, обнял подругу за плечи, и они направились дальше.

Вот и кафедральный собор. К нему вела чудесная лестница, широкая и высокая.

— Давай зайдем в собор, — предложил Андрей Петрович.

— Конечно.

Выйдя из храма, они обратили внимание, что на площади напротив собралась большая группа людей. Заиграла музыка из выставленных на улицу больших динамиков. В тени под деревьями появились столики, и кое-кто уже сидел за ними и ел мороженое.

— Хочу мороженого и вина! — воскликнула Верочка.

— Замечательно! — вторил ей Андрей.

Пока они пили вино и ели мороженое, мужчина рассказывал об особенностях сицилийского барокко:

— ...Много закругленных и яйцевидных форм с целью достичь эффекта движения... Планировка в виде эллипса... Выступающий вперед или волнообразный фасад... Использование игры света и тени... Вогнутые формы, пышные украшения. Я еще выделяю наверху т. н. «шляпу Наполеона». Здесь еще и парадные лестницы. И, конечно, множество удивительно элегантных колонн.

— «Застывшая музыка», — заметила Вера Яновна. — Это точно.

— Да. Кстати, сейчас вот звучит Моцарт, — сказал Андрей Петрович.

— Нет, дорогой. Это Вивальди. Поспорим?

— Давай. А на что?

— На ночь! Если я выиграю, ты будешь делать все, что я попрошу, если ты — наоборот.

— Уже не знаю. Ты из Снежной Королевы превращаешься в маленькую разбойницу.

— Да, сама себя не узнаю. Это солнце! Это удача! Это ты!

Она достала свой телефон, направила в сторону звучащей музыки и через несколько секунд показала мужчине: Вивальди.

Они пошли дальше. Позвонила Иришка, сообщила, что добралась до аэропорта.

— Прекрасно! — сказала Верочка, отдала телефон и вдруг ударила себя ладошкой по лбу. — Я совсем забыла про «шопинг». Вот как раз бутик дамского белья. Жди здесь и жди сюрпризов!

Через полчаса она, счастливая, вышла с пакетом.

— Прелюдия к «ночи разврата» есть! — Верочка приоткрыла пакет и показала Андрею нечто шелково-воздушное, ажурно-нежное и розово-черное.

Мужчина поднял кверху большой палец. Затем показал рукой вверх.

— Прочти название улицы, — и засмеялся.

— Джордано Бруно. Гореть мне как ведьме... в огне любви! — тоже рассмеялась женщина.

— А ведь он сидел вместе с Караваджо в одной тюремной камере, — грустно заметил Андрей Петрович.

Друзья отправились далее. Следующая улочка справа оказалась имени Галилео Галилея. А напротив — храм! Так, по иронии судьбы и соседствуют, споря о вечном.

Заканчивался проспект красивой церковью с вогнутым фасадом. Обратно Вера и Андрей шли уже по другой стороне. Когда они проходили мимо дворца Дучезио, по всей длине фасада которого проходит великолепная лоджия с нишами, женщина спросила.

— А ты ничего не замечаешь в моем облике?

— Ты — инопланетянка! Ты — тайна! Ты — золотой иероглиф, парящий в небе!

— А ты — прелесть! Как ты умеешь метафорично говорить! Это ты — инопланетянин. Я не встречала таких раньше. Все, умолкаю, а то волнуюсь. Сама не в себе!

— Ничего, сядешь в Питере за свою «машину времени», уйдешь с головой в работу и успокоишься.

— Я пока не буду работать с «машинкой». Устала. А в институте ждут много дел. Да, ты прав. Но золотой иероглиф будет иногда появляться в ночи?

— Да, ты права — улыбнулся мужчина.

— Так что же о моем внешнем виде ты можешь добавить по существу? — глаза женщины были лукавы.

Андрей начал снова говорить изящный комплимент, но Вера прервала его.

— Иди-ка сюда, — она затащила Андрея Петровича в нишу за колонну. — Смотри! Я же без лифчика! Положи мне руки на грудь.

Женщина плотно прижалась своей спиной к груди мужчины.

— Все. Давай поедem на Ортиджиа, — добавила, сделав шаг вперед.

В восемь вечера они уже были у храма Аполлона.

— Я хочу пройти до «двери в никуда». Меня тянет туда. На пять минут, — предложил Андрей Петрович.

— Хорошо. На пять минут, — ответила Вера Яновна недовольно.

Андрей поднялся по лестнице наверх и прислонился к пустой раме, вглядываясь в открывающийся горизонт. И торжественно, с выражением начал декламировать Пастернака:

«Гул затих. Я вышел на подмости.

Прислонясь к дверному косяку,

Я ловлю в далеком отголоске

Что случится на моем веку.

На меня наставлен сумрак ночи...»

Когда они сели в машину, Вера заметила, что лицо Андрея вновь было бледным, глаза тусклыми. Он задумался о чем-то.

— Поедем-ка отсюда. О чем ты вот думаешь сейчас? — спросила женщина.

— Об Иуде. О том нашем разговоре, помнишь? Он думал, что предательство близкого человека откроет ему заветную «дверь»... он возвысится до Богов Олимпа. Этот сатанинский мистицизм был в древности характерен для многих... Для Нерона, например... Мои совы вылетают в эту дверь... — он натужно улыбнулся. — Хотя почему бы на Ортиджиа не прилетать перепёлкам. Ведь перевод Ортиджиа — «перепёлка».

— Хватит! Опять у тебя в голове «выверты эти»... — и добавила примирительно. — Ты ведь сейчас со мной! И проблемы наши закончились.

— Нет, не закончились, — он провел рукой по глазам. — Извини. Ты, Верочка — весна, а я — осень. И между нами знойное лето и студеная зима.

— Что-то вертится на языке... Ах, да! Как точно сказано у Пушкина. Прямо о твоём характере: «Унылая пора! Очей очарованье...». То ты унылый, то очаровательный. Я вылечу тебя своей любовью!

— Да, добрая фея, гипноз любви спасает, но ведь формы ее бывают болезненными. Впрочем, я — оптимист... с «осенью в сердце».

— Это в 25 лет формы болезненными бывают. А в нашей межсезонной любви мы будем умными, — ласково говорила Вера Яновна. — Хотя, если честно, не умею быть для мужчины нянькой. Поэтому и женой была всего два года, а так все любовницей, — грустно заключила женщина.

— Все замечательно. Смотри, какое великолепие! — вырвалось у Андрея Петровича.

Они вышли к Дуомской площади. Ее обрамляли роскошные барочные палаццо. Элегантные порталы, часто со сдвоенными колоннами, балконы с кованными живописными перилами, гербы в виде орлов, рельефный декор из тимпанов над окнами и овалов аттика, много лепнины. Где-то балконы вдоль всего фасада разделяли первый и второй этажи. Пилястры и капители по классическим канонам дорического ордера.

Главное украшение площади — Дуома, «кафедрал», одна из лучших жемчужин

сицилийского барокко. Внизу статуи Св. Павла и Св. Петра, стоящие по бокам чудесной входной лестницы. Над центральными воротами королевский орел. Выше статуя Св. Люции. Фасад состоит из двух уровней, оформленных круглыми коринфскими колоннами.

— А ведь раньше «кафедралом» города была церковь Сан-Джованни, где мы «поработали» вчерашней ночью, — задумчиво отметил Андрей.

Он что-то хотел еще добавить, но не успел. Из центра большой площади раздался звук аккордеона, и полилась волшебная «Санта Лючия». Друзья повернули головы в направлении звуков музыки и увидели молодую светловолосую девушку, сидящую на стульчике и склонившую голову набок над аккордеоном. Девушка еще и неплохо пела.

Верочка подхватила Андрея, и они закружились в танце, делая широкие движения ногами и наклоняя туловища то вправо, то влево. И две чайки кружили в небе, почти повторяя движения танцующих людей.

Андрей посмотрел на девушку, на чаек и проговорил подобие хокку:

Зачем размышлять о добре и зле
Лучше смотреть на ту вон блондинку
И сочинять новую пьесу о чайке...

Когда музыка умолкла, публика, сидевшая за столиками летнего кафе напротив Дуомы, зааплодировала и девушке, и танцорам. Некоторые это делали стоя. Андрей Петрович подошел к блондинке и положил в фетровую рыбацкую шляпу монеты. Девушка сказала:

— Grazie, — и заиграла «O sole mio».

Подошла Верочка, сказала:

— Успех! А как твои колени?

— Вы из России? — спросила девушка по-русски, продолжая играть. — Я тоже. Из Одессы. Не уходите, подождите три минуты.

На блондинке тельняшка, белая, плиссированная, очень коротенькая юбочка и белый берет с голубым помпоном.

— Меня зовут Оксана. Я здесь живу три года. Очень нравится. В России нам не стали бы хлопать стоя, радоваться чужим удачам — там не любят. Тем более чужому счастью, — девушка встала, поставив аккордеон на мостовую.

Небольшого росточка, изящная...

— Да, — ответил доцент истории. — Еще в середине 17 века улыбаться на улицах России считалось преступлением. Вот народ наш и смотрит исподлобья. У нас — мещане, у европейцев — обыватели.

— Так, хватит, — раздражилась Вера, — начинаешь опять лекцию.

— Я так радуюсь русским туристам. Их, к сожалению, на Сицилии мало, — щебетала Оксана. — Утром я иногда провожу экскурсии, а вечером играю вот здесь. Вон там стоит мой муж, Сэби. Он полицейский.

На самом краю площади почти незаметно для глаз стояла группа полицейских: две молодые женщины и парень. Он внимательно смотрел в сторону жены и не слушал женщин, которые о чем-то горячо говорили и жестикулировали. Головы этих дам украшали рубиновые вьющиеся пряди. Их ярко-фиолетовые губы, орлино-крючковатые носы устрашали не меньше, чем кобуры с оружием и наручники на белых фирменных ремнях.

— Сэби сейчас заканчивает дежурство, и мы обычно заходим поужинать в кафе «Караваджо». Пойдете с нами?

— С удовольствием, — ответила Вера Яновна, — мы уже дважды были в этом кафе и знакомы с Игорем. Мы тоже из Питера.

Подошел Сэби. Он добродушно поздоровался после того как Оксана сказала ему, что Андрей и Вера — русские туристы из Петербурга.

Игорь очень обрадовался приходу русских друзей.

— Извините, Сэби, а разве в Италии разрешают после дежурства ужинать в кафе в форме и с оружием? — спросил Андрей.

Оксана перевела вопрос и ответ:

— В Сиракузах утром объявили повышенную боевую готовность полицейских. На двое суток.

— А что случилось? — заинтересовался Андрей.

— Утром на площади возле катакомб Св. Джованни нашли мужчину арабской внешности со множеством рваных ранений на лице. Без документов. Объяснить ничего не может. Рядом машина на имя какого-то англичанина. Номера мальтийские.

— Он жив? — спросила Вера Яновна.

— Увезли в больницу в очень тяжелом состоянии. Без сознания.

— А англичанина нашли?

— Он утром улетел в Лондон. Говорит, что машину эту у него угнали, и он не успел заявить.

— И какая версия главная?

— Полиция считает, что этот араб — беженец из Ливии, их сейчас много в Сиракузах. Они наводняют спокойные Сиракузы криминалом. Поэтому это варварское нападение — наверняка «разборки» ливийцев. В их традиции выкалывать глаза и вырывать язык. Жуть!

— Хватит о грустном! Давайте ужинать! — как ни в чем не бывало воскликнула Вера Яновна и хлопнула ладошкой о стол.

Пока Андрей и молодая пара делали заказ, она, задумавшись, смотрела на столик, за которым сутки назад сама чуть не потеряла сознание. И только когда официант обратился к ней во второй раз «Mi scusi»... «Quale...?», Вера попросила фирменный стейк, овощи и десерт. И три бутылки вина, самого лучшего.

— Одну мы выпьем сейчас, другую я хочу подарить вам, Оксана и Сэби, а третью мы возьмем в гостиницу.

Когда стол был накрыт, Вера Яновна пригласила Игоря посидеть с ними немного.

— За Сицилию. За Сиракузы! За Караваджо! За вас, Игорь! Вы — настоящий странствующий рыцарь! Смелый и надежный. Спасибо вам!

— Вы, Вера, смутили меня... Я тоже рад был познакомиться с красивыми и смелыми петербуржцами. За вас! За удачу!

Они выпили.

— Почему вы говорите о смелости? Извините, может я уже забываю русский? — вежливо поинтересовалась Оксана.

— Нет, девочка, все в порядке с твоим русским. И вообще все отлично! За победу! — Верочка была взволнованна.

Ричард действительно улетел в Лондон, араб, если и придет в себя, вряд ли сможет что-либо сказать или даже написать. А присутствие за ужином полицейского только возбуждало

авантюрные струны ее характера. Он и его Оксана вряд ли что-то поймут, а благородный и умный Игорь, конечно, ничего никому не расскажет. Любое приключение с его участием ему по душе и добавляет ярких красок в картину его сицилийской жизни.

Вера Яновна уже не брезгливо отнеслась к куску прожаренного мяса с кровью. Наоборот, она с удовольствием резала маленьким римским мечом, а подцепленную вилкой телятину аппетитно отправляла в рот.

Сэби внимательно наблюдал, как ярко-красные ногти пальцев этой русской экспрессивной женщины витают с мечом и вилкой над буро-красным ломтём мяса. Как клювы хищной птицы.

Андрей Петрович перехватил взгляды полицейского и, ухмыльнувшись чуть рискованным намёком Верочки, тоже произнёс тост:

— За отважных женщин!

Чувствовалось, что Оксана испытывает неловкость из-за непонимания того, почему ее новые русские знакомые говорят о смелости и отваге.

Андрей заметил её беспокойство. Нужно было что-то сказать, что-то нейтрально-успокаивающее.

— Не следует юной и прекрасной одесситке пытаться разгадывать чужие секреты. Даже я не понял, что они, Вера Яновна и Игорь нашли смелого в романе Аретузы и Алфея, с которым они вчера тут горячо спорили.

Верочка благодарно посмотрела на хитроумного доцента. И вновь произнесла тост:

— За Алфея. За благородных и умных мужчин!

Игорь ничего не ел и не пил, а лишь внимательным профессиональным взглядом всматривался в лица земляков.

— Я на службе. Какой пример я подам своим работникам? — вежливо объяснил он, когда Вера хотела чокнуться с ним.

Сэби тоже не пригубил вина.

— Он на службе. И вообще-то нам пора идти. Сэби еще учится в полицейской академии и скоро у него зачеты. Вечерами он готовится к ним. Извините. Очень не хочется уходить. Может быть завтра утром я свожу вас... — искренне говорила Оксана.

— На рассвете, мы, моя девочка, покидаем великолепную Италию, — сказала Вера. — И нам жаль, и нам грустно. И наша грусть светла! — она сделала глоток вина.

Андрей жестом показал на вино. «Хватит, дорогая». А вслух сказал на прощание:

— Вы, Оксана, были прелестны там, на площади, с аккордеоном. Удачи вам. А вы, Сэби, крепите боевой дух!

Он чуть было не добавил: «И вам удачи!», но вовремя спохватился, поняв, что сейчас это неуместно.

Когда молодые люди ушли, Вера обратилась к Игорю:

— Вы, наверное, принимаете нас за авантюристов. Говорим странно, о смелости, отваге, а вчера здесь в кафе... — она сделала паузу. — Я все-таки должна вам сказать, что если кто-то будет спрашивать...

Игорь замотал головой и рукой сделал движение, обозначающее, что ничего объяснить не нужно:

— Я принимаю вас за милую, близкую мне по духу пару влюбленных. Извините за прямооту. А если кто-то будет что-то спрашивать... я просто скажу, что у меня плохая память на лица.

— Это у художника-то? — рассмеялся Андрей.

Игорь пожал плечами:

— Что ж поделаешь...

Верочка, осмелившись, спросила:

— Дорогой Игорь! Могу ли я попросить продать мне какие-нибудь ваши картины?

— Я бы просто подарил. Но уверяю, что ничего кроме тех, что на стенах нет. Я сжег всё, что было и больше не рисую. Извините.

Сейчас его взгляд был направлен поверх головы Андрея Петровича. Он вымолвил:

— Интересно.

Перевел взгляд поверх головы Веры Яновны.

— У нас нимбы над головами? — удивленно спросила женщина.

Игорь ничего не ответил. Он отрешенно смотрел то на лица, то вообще куда-то рядом с Верой и Андреем.

— Что с вами, Игорь? Вы так смотрите. Вы видите? Слышите? — Андрей провел рукой около своего лица.

— Извините, ради Бога. Мне захотелось... Могла бы получиться неплохая работа.

Игорь уже «вернулся к себе», стал «живым», простым и приветливым хозяином ресторанчика.

— Вы разрешите отвезти вас утром до парома? — спросил он.

— О! Это было бы замечательно! Приятно, когда с берега машут вослед уходящему кораблю. Но это очень рано, — ответила Вера Яновна.

— Я встаю на зорьке. В котором часу мне подъехать к гостинице?

— В шесть.

— Хорошо. А сейчас мне нужно идти работать. Извините. До завтра!

— До завтра! — одновременно ответили Вера и Андрей.

— Давай-ка и мы поедem в гостиницу. Я, честно говоря, устала, — предложила женщина.

— Да, конечно, — подтвердил мужчина. — Нам вновь удастся поспать очень немного. Подъем и сборы в дорогу в 4 утра?

— В пять. Сейчас лишь четверть двенадцатого. И ты, мой милый, не рассчитывай на скорый сон. Я устала «работать головой» и хочу скорее ее «потерять»! Потом, я еще не принимала тебя в своем номере. Далее, ты проиграл мне спор о Вивальди. И наконец, эротическое белье в моей сумке зовет к новым радостям! Эти три причины убедительны для тебя?

— Еще как! Я ведь заметил как ты в машине, когда мы выезжали за Ното, надела новый сногшибательный лифчик. Сейчас он недостаточно четко просматривается сквозь блузку, но интригует безумно!

— Вот и чудесненько! Поехали, поручик! — скомандовала Нежная Королева.

Поспать действительно удалось только четыре часа, но любовники проснулись бодрыми и в отличном настроении. Верочка лишь немного жаловалась на тяжесть в голове и сухость во рту.

— Что-то я, мой дорогой Андрей, совсем «распоясалась». Вот не могу найти пояс от своего халатика.

— Да уж, это точно! — подтвердил мужчина, — ты скачешь в галоп, в прямом и переносном смысле. Crazy horse! А пояс вон там, за изголовьем кровати. Ты сначала

попросила связать тебе руки, затем попросила развязать и швырнула его туда.

— Всего не припомню, но я, наверное, боялась поцарапать тебя? — тревожно спросила женщина.

— Было большое желание царапаться? Необычное для тебя? — ответил вопросом на вопрос Андрей.

— Да, большое... Да, необычное... Так я царапалась?

— Все было... Я тоже ведь мог... И я всего не припомню. Трудно отдать себе отчет и во время и после нашей такой яркой любви.

— Как здорово ты сказал — яркой! — рассмеялась Верочка, — Какой синоним еще уместен: пылкой, неудержимой, ретивой, рьяной, неукротимой, неистовой, стихийной, звереватой...?

— Вот, последний больше всего подходит. Следы-то на коже шеи, плеч и груди у обоих, — ответил Андрей.

Он подошел к зеркалу. Всматривался в свое отражение так внимательно, наверное, впервые за последние 10–15 лет. Верочка, совершенно обнаженная тихонько встала рядом. Оба молчали и с волнением смотрели в зеркало, и казались и себе и друг другу новыми, теперь другими. А какими?

... Пока Игорь вез друзей к парому, они договорились с ним, что на «ноябрьские», как выразился Андрей Петрович, он приедет в Петербург.

— Ухом клянусь — приеду! — улыбнулся художник. — На неделю. А в кафе как раз проведу ремонт на кухне и в подсобке. Человек для присмотра у меня надежный есть.

Когда уже Вера и Андрей собрались подняться на палубу, Игорь вручил им большой пакет, обернутый картоном и скотчем.

— Буду рад, если эта моя работа не обременит вас в дороге и понравится. Она в жестком паспорту и в подрамнике. Не помнёте. Но в багаж не сдавайте и раскройте уже дома.

— Как это замечательно! Огромное спасибо! Уверенна, что там — сказка! — воскликнула Вера.

— Да, там есть некая тайна. А может — две, — как-то загадочно подтвердил Игорь. — Все, счастливого пути!

— Удачи вам! Рисуйте! Будем ждать встречи! — неожиданно эмоционально для себя сказал Андрей.

Но бóльшей неожиданностью было то, что на глазах своей подруги он увидел слезинки. И еще бóльшей то, что его сердце кольнула ревность.

«Вот это сюрприз! Седина в бороду, а бес...» — подумал Андрей Петрович.

Паром отошел уже метров на 200 от причала, а Игорь все стоял и махал рукой. Как хотела Вера Яновна. И как хотел бы он, чтобы в его жизни появилась женщина, которая махала бы ему рукой, ждала, а он стремился бы к ней. И тоже махал рукой при кратком расставании с ней. И как хотел бы он не хотеть этого. Чтобы не вляпаться снова в... не попасть в капкан ложных отношений, гнилых связей, просто вранья. Люди держат в руках хрупкую чашу их отношений. И вдруг волнение, обида... руки задрожали... А ведь так бережно вместе держали свой сосуд любви.

А корабль плыл. И тянул за собой новую невидимую нить, что соткалась тут, на Сицилии, и вплетётся в бесчисленную паутину других нитей. Они будут наматываться в клубок. И кто-то любознательный, может он станет называть себя историком, начнет

попытки распутывать нити.

А для Веры Яновны и Андрея Петровича, да и для всех путников, отплывающих на пароме, шел обратный отсчет. Дальше от берега... дальше... и вот видимость земной тверди становится нулевой. Но начинается приближение к *Новому*...

— «*Рукописи не горят*», барон. Вам бы следовало об этом знать, — вдруг донеслось откуда-то сверху, из крон платанов.

Гомпеш вздрогнул от неожиданности. Совсем рядом с ним стоял человек в черном плаще. В руках он держал шпагу. Это был *тот самый... тот самый...* из его тяжелых сновидений.

— Кто вы? Как подошли сюда незаметно? Калитка закрыта, а на тропинке секунду назад никого не было! Такая полная луна! Я бы... Или вас нет... и это из-за моей... душевной болезни?

— Я вижу, барон, вы узнали меня, — грустно улыбнулся «тот». — Люди всегда узнают меня.

— Что вам нужно?

— Называйте меня *мессир*, — он стал строг, и голос приобрел гулкость эха. — Да, вы больны и я иногда навещаю ваше подсознание... ночью... во снах.

Барон с трудом, на подломленных коленях поднялся со стула, опершись рукой на край перил крыльца.

— Мне от вас, барон, ничего не нужно. Я лишь хочу полюбопытствовать: зачем вы раздвоили *Пергамент* и *Укладку*? — мессир достал из под плаща футляр. — Какая безумная наивность! И невежливость! Это, — он показал на *Укладку*, — моя вещь!

Барон, конечно, понял, что разговаривает с Сатаной. Но вот наяву ли? Или во сне?

— Я хотел... я должен уберечь христианский мир от Зла!.. от Тебя! — барон снова опустился на стул, бессильно, едва не промахнувшись мимо.

Сатана рассмеялся:

— Вот... свою задницу и этот стул вы не способны уже соединить!

Гомпеш возмущенно замахал руками и зашевелил губами, но мессир остановил его телодвижения ударом шпаги об пол.

— Мне не лгут! Ты, Фердинанд фон Гомпеш, бывший великий магистр, хотел «усидеть на двух стульях», угодить «и вашим и нашим». Да, ты всегда себя считал хитроумным и отличался осторожностью. И вот теперь твоя болезнь — раздвоение личности. Типичнейший случай.

— Но Орден был в опасности и погибал! Что нам нужно было делать?

— Что должен делать рыцарь? Драться!

— С Наполеоном? — Гомпеш опять вскочил и шевелил губами, подыскивая наиболее весомые аргументы в свою защиту.

— Да, драться и погибнуть! — глаза мессира пронзали барона насквозь, будто его шпага.

Барон еле стоял на ногах. Мутные от смятения и страха глаза его неотрывно смотрели на *Укладку*. «Откуда она у него? Он же раздвоил... Ах, это же Сатана, всесильный князь Тьмы...». Затем он перевел взгляд на шпагу мессира. «Пусть бы эта шпага наконец пронзила мою измученную грудь», — взгляд Гомпеша уже умолял об этом.

— Нет, барон! Эта шпага для избранных героев. А вы умрете сегодня другой смертью. Вы свернете себе шею!

Человек в черном плаще повернулся и стал удаляться, постепенно будто погружаясь в

землю. Шпага его осталась воткнутой в камень. Барон своими бессильными уже руками схватился за эфес, пытаясь выдернуть шпагу, но она вмиг обернулась змеей и исчезла в траве.

Он, покачиваясь и держась рукой за сердце, направился в свою хижину. Прилег на кровать. Нужно поспать, а с рассветом пойти на море, чтобы наловить немного рыбы.

Но сну не суждено было хоть чуть-чуть успокоить душу. Мысли и память бестолковой и беспорядочной чередой терзали мозг.

Великим магистром Ордена госпитальеров рыцарь Гомпеш, австриец по национальности, был избран в 1797 году. Он — представитель германского ланга, и в силу союзнических отношений между Россией и Австрией такой выбор казался благоприятным в политической борьбе с Францией. Ведь Наполеон уже в 1796–1797 годах провел итальянскую кампанию. В 1798 этот «гениальный выскочка» начал авантюрную кампанию в Египте. Как Александр Македонский он планировал аж завоевание Индии. В том же 1798 флот первого консула Французской республики был у берегов Мальты.

Барон разражено вспоминал, что к моменту захвата Мальты Наполеоном в Ордене шел процесс разложения. Всякие попытки модернизации были безуспешны. Рыцари были ослаблены и «успокоены» и в моральном, и в военном отношении. Гомпеш неоднократно с гневом отчитывал и даже строго наказывал этих воинов-монахов за их уже нескрываемые связи с женщинами, невыполнение рыцарских обязанностей. Да, Орден позорно сдался Наполеону без боя, практически без сопротивления!

Барон вспомнил также, что когда еще был послом Ордена в Вене, он вместе с послом России на Мальте Псаро обсуждал невозможность сближения Ордена ни с Наполеоном, ни тем более с Францией. Те же мысли он высказывал и графу Литте.

Уже тогда Гомпешу было ясно, что все эти беседы весьма и весьма «дипломатические». Ситуация в Европе становилась крайне сложной и запутанной. И Россия, православная империя, вплоть до августа 1798 года главной защитницей, а тем паче спасительницей католического Ордена, никем не рассматривалась.

«Кровный замес» каждого игрока мог отразиться как угодно и в политической игре. Взять хотя бы Литту. Он — сын генерального комиссара австрийской армии, внук неаполитанского вице-короля. А эта его любовь к жене русского посланника в Неаполе. Это потом она овдовеет и Литта в 1798 женится на ней. И вообще он постепенно «обрусееет».

Незадолго до избрания великим магистром, когда 52-летний Гомпеш занимал должность великого приора Бранденбургского, Австрия и Франция подписали мирный договор, и вот через год наполеоновские войска беззастенчиво грабят Мальту. Из Дворца великого магистра, из собора Св. Иоанна исчезают драгоценные реликвии, которые Орден восемь веков тщательно собирал и берег. Гомпешу Бонапарт обещал командорство в Германии и 300 тыс. франков ежегодно. Позже барон узнает, что большая часть награбленного затонет в Средиземном море, когда Нельсон потопит перегруженный сокровищами «Орьян». Но были и слухи, что французы успели почти все выгрузить в Египте.

Так или иначе, но барону удалось сохранить часть реликвий Ордена, а главное большую часть архивов, пергамент и *Укладку*. Кто знает, что произошло бы, но Бонапарт пробыл на острове всего неделю! Он спешил к своим дальнейшим завоеваниям!

Часть рыцарей поспешила в королевство обеих Сицилий. Гомпеш решил воспользоваться этим и отправить *Пергамент* и *Укладку* в Сиракузы, в катакомбы Св. Иоанна. Так как сам он планировал направиться в Триест, который тогда находился под

владычеством Австрии, выполнить это сложное и ответственное поручение должен был его секретарь, аббат Руайе. Барон знал аббата давно, еще в Вене Руайе также выполнял обязанности секретаря при Гомпеше. Между ними было полное доверие и взаимопонимание. Кроме того, аббат хорошо знал епископа Сиракуз, что позволит согласовать тайные работы Руайе в катакомбах. Все нужно было, конечно, тщательно обдумать. В деталях и не информируя епископа о том, что, как и где точно спрятано. Сказать: важнейшая реликвия Ордена и не более того. Аббат тоже не будет осведомлен, что именно содержится в том пенале и том футляре. Мастера-каменотеса, который будет делать закладку в катакомбах, после завершения всех работ нужно под строгим присмотром Руайе привезти в Триест.

В начале лета 1798 г. Большой Совет возложил на Павла титул Протектора (Покровителя) Ордена иоаннитов, а Литта назначен послом Ордена в Петербурге. Далее Большой Совет примет решение об учреждении второго (православного!) Великого приорства российского.

«О, этот 1798 год! *Театр абсурда!* Нужно, необходимо было мгновенно принимать ответственные решения! И я же «держал нос по ветру!» — думал барон, раскуривая трубку, набитую дешевым вонючим табаком.

«Но ветер удачи изменил мне!» — он глубоко затянулся несколько раз и облака дыма повисли под низким потолком, символизируя собой туманность ситуации 1798, особенно его «среднегодовья».

Литта в письмах Гомпешу отзывается о Павле с удовлетворением. Русским послом на Мальте назначен О'Харра. Через него барон неоднократно обращался к Павлу за помощью, финансовой, да и военной. Однажды в странном для него эмоциональном порыве Гомпеш достал из кармана золотой мальтийский крест, усыпанный бриллиантами и вручил О'Харре. В присутствии членов Совета Большого Креста! Это же признание за О'Харрой статус: «рыцаря по праву». И такой же крест дается графу Литте.

Не только во Франции, но и по всей Европе исчезают приорства Ордена. И «побрегли» многие рыцари в Россию. И не просто странствовать отправились, а стали упорно просить Павла принять титул великого магистра. 15 августа 1798 г. в Петербурге состоялся капитул Великого приорства российского, на котором его, Гомпеша, заочно (он уже почти месяц «отсиживался» в Триесте), сняли с должности великого магистра и выбрали новым 72-м великим магистром Ордена госпитальеров российского императора Павла I! Но, несмотря на то, что 27 октября 1798 г. это решение было ратифицировано Орденом, Павел ждал окончательного официального решения Папы. Но тот был во французском плену и лишь написал в письме Литте о поддержке Павла.

В то же время европейские лидеры ждут от барона его официальной реакции на агрессию Наполеона. Он еще юридически великий магистр. Но он четко высказал свое осуждение Бонапарта лишь 12 октября 1798 года. Гомпеш был уверен, что «игра» не окончена. И все-таки 6 июля 1799 (чрез год!) под давлением императора Франца II он «добровольно» отречется от звания великого магистра. Ведь иначе ему грозило лишение австрийского подданства!

«Все зыбко, все может поменяться! Я могу все еще вернуть», — тогда подумал барон.

Между тем в ноябре 1798 г. Павел I принимает звание великого магистра. Ватикан был возмущен, но решения и указы Павла не отменял. Тем более что Павел, став великим магистром, оплатил долги Ордена и оказывал большую и разностороннюю помощь рыцарям.

И звон монет как всегда приглушал возмущенные восклицания чересчур ревностных рыцарей и других догматичных католиков: «Павел — православный, ранее не был даже членом Ордена, женат, не давал обетов нестяжательства, благочестия и послушания».

От табачного дыма ело глаза, и барон сел у маленького оконца, чуть приоткрыв его. И все вспоминал и анализировал события последних лет. Ум его до конца дней был проницательным и память великолепной. Он один из немногих понял весь замысел Павла в отношении Ордена: тот хотел «наднационального и межконфессионального» сплочения европейской аристократии против влияния (весьма зловредного и крайне опасного!) Французской революции! Это конечно и умно, и благородно, но такие глобальные донкихотские идеи всегда чреваты неожиданными и самыми серьезными поворотами. Да еще в России, где над головой монарха всегда «висит петля».

Да и Наполеон ведь тоже оправдывал свои действия в отношении Ордена якобы тем, что тот хочет «отдаться» православной России, разыгрывал в глазах Европы карту защитника католической веры.

«Я никогда не доверял этому «прагматичному цинику» Бонапарту, но и русским тем более», — барон встал со стула и направился к прикроватному столику, чтобы набить еще одну трубку.

Орден был унижен и обессилен, и играть в благородство поздно и глупо. И как показали дальнейшие события, он ведь во многом оказался прав!

От великого до смешного один шаг... В России 1799 г. все началось по-русски: «семейные» командорства, по селениям стали появляться «рыцари». Вокруг Павла интрига за интригой. Сам он в вечном эмоционально-мистическом напряжении, меняет решения, сумасбродствует. 17 марта 1800 г. губернатор Петербурга граф Пален (протестант!) объявил Литте волю императора: он лишается звания лейтенанта великого магистра и отправляется в ссылку в имение своей жены.

Гомпеш вспомнил время своего пребывания в Триесте. Он тогда остановился в загородном доме А. Псаро. И даже общался с О'Харрой до тех пор пока Павел I не высказался с сердитым отзывом относительно поведения барона.

У него разболелась голова. Нужно приять сердечные и успокоительные капли и лечь в кровать. Во дворе уже кричали петухи, моросил дождь. Станный, нудный дождик для мая. Он, не успев прилечь, снова встал, чтобы закрыть окно. На обратном пути к кровати по привычке отметил на календаре дату: 12 мая 1805 года.

Уже более четырех лет он живет во Франции и из них почти два года в Монпелье, в небольшом крестьянском доме, в изгнании и бедности. Больной и измученный человек. Что произошло, где он просчитался? Он вновь сосредоточил мысли на характерах Наполеона и Павла I.

Оба склонны к мистицизму. Для него эта их черта была главной тогда, в 1801, когда он задумал разделить *Укладку*... Ах, ошибка, ошибка!

Бонапарт, став императором, уже не стеснялся своей атеистической политики, сажает священников, закрывает церкви. А этот чудак Павел? Заявил однажды, что он католик сердцем. Как и его кумир — Фридрих, хотел соединить мораль и политику! А ведь убили его отца, Петра III, потом и его, Павла. Имена-то какие: апостольские! Ты, бедный, бедный барон Гомпеш, бывший великий магистр, оказался плохим политиком и плохим рыцарем! Ведь были знаки! Ты «купился» на то, что Павел в конце 1800 года начал сближаться с Наполеоном. И ты написал тогда, 25 декабря, в католическое Рождество, это секретное

злосчастное письмо Бонапарту...

Он вдруг вспомнил один случай, который произошел с ним там, в Триесте в начале октября 1800 г. Как-то утром, гуляя по городу, он оказался перед православным храмом. Он в очередной раз (который уже!) мучительно размышлял о том, как ему следует поступить со второй частью *Пергамента* и *Укладки*. Дать окончательный приказ Италийскому отдать эту вторую часть в руки Павла (Она у Италийского сейчас)?

Просто хранить их у себя в тайнике и ждать не разумно. «Богу — богово, кесарю — кесарево». Последние его козыри и он не хочет сгруппить и «сбросить» их «задешево».

Он полагал: «Корпус *Укладки* переправить в Россию. Вместе со спрятанной в Сиракузах первой половиной *Пергамента* — это будет для Божьего Провидения, так как об этом корпусе он не скажет правды. Золотая старинная вещь, подарок императрице Марие Федоровне...»

Гомпеш не решался войти в храм. Ему, католику, трудно перешагнуть порог... Мысль перескочила на прискорбный для великого магистра католического Ордена факт, что его родной брат, живший в Вене, принял протестантизм и собирается стать служителем в лютеранской церкви.

Барон обошел храм. Задняя дверь со стороны алтарной части была приоткрыта.

«Да, да, именно Марие Федоровне! Хотя слухи, что она переживает, что среди множества ее талантов, у нее отсутствует голос, а футляр вполне сойдет за укладку для яиц. Далее кесарю... Павлу нужно неофициально, но секретно, с оказией окончательно передать вторую часть пергамента, сопроводив письмом. Лично в руки передать! Остался главный кесарь... главный козырь — Наполеон. У него нужно испросить личной аудиенции и передать «камушки» из *Укладки*! Но в обмен! Пусть вернет, что отнял... Хотя бы титул великого магистра. Это все нужно тщательно обдумать... Ах, да, секретный конверт от ля Валетта пусть лежит пока у меня в архиве Ордена...»

Гомпеш заглянул вовнутрь храма. И опрянул, чуть не упав навзничь от увиденного! Прямо перед ним спиной к двери стоял человек в черном одеянии до пола, ростом более двух метров, с невероятно широкими прямыми плечами и длинными чуть волнистыми черными волосами до плеч. Теперь он знает его имя: *мессир*. «Черный монах» обернулся, посмотрел на барона внимательно и строго, произнес лишь одну фразу:

— Ничего не нужно разделять, оставь все в пещере, барон Гомпеш.

И исчез, растворился.

«Нет, нет, — подумал тогда Гомпеш, — это какой-то священник, он просто высоко стоит на ступенях алтаря в типичном облачении».

Однако *Черный человек* стал являться к нему во снах, тяжелых видениях. Он сажал ему на голову страшную огромную сову, та очень больно сжимала когтями лоб и капли крови, соединяясь в струйку, оставляли на мокрой подушке след и утром барон мог прочесть: «Иуда!»

«Нужно вставать, нужно наловить рыбы», — думал Гомпеш ранним утром 12 мая 1805 года. Но тяжелые, будто ватные ноги не слушались. И мысли путались.

Австрийский император «нажимал» на барона, чтобы тот передал Павлу реликвии Ордена и Дж. Литта выполнил эту миссию. А среди них и футляр для *Укладки*... Все положили на хранение в Гатчинской дворцовой церкви. Этот футляр Гомпеш не включил в опись. «Личный подарок императрице», — написал он своей рукой в сопроводительном письме.

Барон продолжал общаться с камермейстерами, архиепископами, кардиналами. Изредка он выезжал из Триеста в Венецию, Рим, Неаполь. У него много агентов. Он имеет сведения о секретных конвенциях, статьях договоров, указов. Некоторые преданные ему рыцари готовы выполнить любые самые рискованные поручения экс-магистра.

Барон вспомнил о после России в Неаполитанском королевстве графе Андрее Итальянском. «Лиса»! Он несколько раз появлялся на Мальте. Официально он вел по указанию Павла переговоры о том, чтобы разделить Мальту между Россией, Неаполем и Англией. Сем же он намерен стать губернатором Мальты. А пока останавливается в доме теперешнего губернатора Александра Болла. И вот представился случай, которым Гомпеш решил непременно воспользоваться. Итальянский на английском бриге должен был отправиться на Сицилию, в Мессину, где в это время находилась эскадра Ушакова. И барон через одного из верных ему рыцарей передает в руки Итальянского вторую половину *Пергамента*, оставив первую в катакомбах Сиракуз. В записке графу он указывает, что вверяет ему секретнейший документ огромной сакральной силы и просит по его дополнительному распоряжению передать этот документ лично в руки императора Павла.

«Почему, почему Итальянский не дал отчета о своих действиях? Что случилось?» — думал барон. Да, на сцене театра политического абсурда того времени все очень быстро менялось. В ночь с II на 12 марта 1801 г. Павел был убит! «Своими»! В том же 1801 Папа Римский и католическая церковь во всеуслышание поддерживает Наполеона! Станный ход, сложная и запутанная интрига между всеми!

Барон начинает искать возможность сблизиться с Наполеоном. Наконец он был принят в Париже. Визит был обставлен как официальный, и ничего не предвещало того унижения и позора, что выпал на долю Гомпеша. Наполеон выслушал сбивчивый доклад бывшего великого магистра, покрутил в руках камушки из *Укладки* и вдруг, вскочив и бросая на барона колючие взгляды, проговорил: «Я отправляю вас, барон, на юг моей страны. Поживите, погостите во Франции. А когда я пойму, что эти «камушки» способны делать... Или лучше вы сами вспомните и более внятно и убедительно объясните мне... Тогда... может быть... Снова встретимся... Прощайте...»

Он очень часто вспоминал эти слова Наполеона. И не мог без комка в горле и сдавленного дыхания думать о них. И слезы, даже слезы бежали по щекам. Он был глубоко обижен! И хотя понимал, что не был откровенен с Наполеоном, гневно ругался: «Кот в сапогах! Выходка!»

«Котом в сапогах» супруга называла Жозефина, и эта кличка очень нравилась Гомпешу. Он взял удочки, надел длинный плащ, сапоги, шляпу и вышел из дома. Уже подходя к краю берега, довольно крутому, уже поставив ногу на ступеньку каменистой из крупной гальки лестницы, он вспомнил, что забыл ведро и, огорчившись, резко повернулся назад. В тот же миг нога соскользнула с мокрого от дождя камня, барон кубарем слетел вниз и, ударившись крепко головой и потеряв сознание, остался лежать на чужом пустынном берегу, у самой кромки воды.

«Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут!»

Эта цитата из «Мастера и Маргариты» была андреевым девизом. И он никогда и ничего не просил. И они ничего не предлагали и не давали. Но такой паритет во взаимоотношениях с теми, кто сильнее, устраивал Андрея Петровича.

За время пути на пароме до Мальты им удалось восполнить часы сна, скраденные короткой ночью. Легкая морская качка прекрасно убаюкивала. Вера Яновна очнулась ото сна бодрой, и на протяжении всего дальнейшего пути до Стамбула строила радужные планы в отношении своей жизни и жизни Андрея. Но то, как вдохновенно она заглядывала ему в глаза, ища поддержки, слегка раздражало мужчину. Особенно в тех эпизодах, где «стол воображения» накрывался «дарами Волхвов» от Деева.

Тон Верочки сначала был мечтательным, затем уже немножко настойчивым, она все активнее употребляла знак «плюс» между их именами. Однако в намерениях Андрея не было определенности после знака «равно». Он просто не мог и не хотел об этом думать сейчас.

— Почему ты ничего не говоришь, никак не реагируешь на мои высказывания, Андрей? — обиженно проворчала женщина.

— Я уже пару лет мечтаю ограничить до минимума свои отношения со временем и пространством. Точнее, пожалуй, ограничить всяческие официальные, деловые отношения с начальниками любого рода и ранга. А построение планов обяжет меня нитями-путами, да и столкнет нечаянно в бездну времени и пространства. Поэтому буду и далее придерживаться: «Не верь!», «Не бойся!», «Не проси!»

— Если вернешься к себе... неужели лекции будешь читать далее изо дня в день? Это не пути?

— Возможно. Одну-две лекции в неделю. Это нормально для хорошего, интересного спецкурса. Или двух-трех дипломников лучше возьму... А пока вот поживу недельку-другую в усадьбе, мне ваша компания очень нравится: ты, пани Мария... все. Если будет случай снова окунуться с головой в приключения как на Мальте и Сицилии, да еще такие, — он не смог подобрать «какие», поэтому поднял большой палец, — только позови! Примчусь!

— Что ж... Будешь фельдмаршалом в запасе. И иногда поручиком для особых поручений. Гвардии поручиком, — очень грустно пошутила Вера.

— Вот это с удовольствием! Я еще клады люблю и умею искать. Парочку ведь вот нашел.

— Один. *Пергамент*, — улыбнулась Вера.

— Другой — ты! — Андрей нежно поцеловал подругу.

— Я снова любовница. Как свежая лошадь на старинных почтовых станциях.

— Ну зачем ты так. Любовница — хорошее слово.

— Одолженная у Любви? — она губами поцеловала бабочку.

— За высокую цену! Нежная моя Королева, ты ведь прекрасно понимаешь: если хочешь оставить бабочку легко порхающей — не трогай ее крыльев.

— А может, ты просто боишься стартовать на длинную дистанцию? — вновь нахмурилась молодая женщина.

— И это тоже. У меня не такое легкое дыхание, как у тебя, — спокойно ответил

мужчина.

Они устроились в уютном уголке в ожидании рейса до Санкт — Петербурга.

Вера Яновна пробормотала:

— Ожидать придется почти три часа. — И после паузы. — Ты извини меня, Андрей, за бабскую болтовню о... планах. Я не буду тебе сейчас досаждать.

— Ты не досаждала. Диванчик мягкий, я, пожалуй, поразмышляю чуток. Этак вяленько, — сказал Андрей Петрович.

— Хорошо. Я пойду в Duty Free.

— Удачи! — напутствовал мужчина.

Верочка «прошоппинговала» по залам огромного пространства «свободной торговли» около двух часов и вернулась расслабленная и довольная. Чуть взмокшие корни волос у висков и капельки пота над верхней губой и за крыльями носа свидетельствовали, что процесс был настолько увлекательным, что не давал возможности приостановиться.

— Ты опять дремал? — она жадно пила воду из пластиковой бутылки.

— А ты очень хозяйственная, — сыронизировал Андрей, указывая на три больших фирменных пакета.

— К сожалению, нет. Такие вот «приступы» бывают очень редко в моей обычной жизни.

— И чего там вкусенького? — он шаловливо просунул ладошку в одну из сумок.

— Именно там, куда ты столь простодушно сунул свой нос, — восточные сладости, набор специальных чаев (и успокоительных, и бодрящих), бутылка ликера на травах. Приедем домой и устроим пир.

«Домой?!» — опять тревожным эхом отозвалось в душе мужчины. — «Хорошо, что не к нам домой».

— А в остальных двух?

— Секрет. Кое-что сразу покажу дома, другое — позже, — она поцеловала горячими губами Андрееву щеку.

А в остальных двух сумках были: халат и тапки для Андрея, наряд для восточных танцев. Вера занималась ими в университете, имела призы на студенческих веснах.

— Сон был интересный, — задумчиво произнес мужчина.

— Расскажи, — Верочка устроилась на диване, и пока Андрей Петрович рассказывал свой сон, жадно «уплетала» купленные сладости.

— Ночь. Огромная луна. На высоком холме среди черно леса дом. В окнах яркий свет. Проливной дождь. От дома вниз к озеру сбегает широкая длинная лестница. Поток воды буквально водопадом стремительно стекает по лестнице к озеру. Ветви близлежащих ив свисают над ступенями. Двое, мужчина и женщина, поднимаются по скользким ступеням, оступаются, хватаются за ветви, падают. Внизу в озере из тумана «вырастает» город, похоже, византийский. Порыв ветра распахнул створки окна в доме. Вот разбилась ваза, вот ветер разметал стопку бумаги на столе. Длинные белые шторы вылетают из окна наружу...

— Подожди! — вскрикнула Вера, — эти шторы несет к падающим путникам огромная сова. Они хватаются за них. И... они в доме. Ветер мгновенно стих, ливень прекратился. Листки бумаги тихо плывут по лестнице к озеру.

— И туман рассеялся. Исчез город.

— И запела птичка-невеличка.

— Поразительно! Все точно! Опять *совпадения*, — воскликнул Андрей.

— Я скажу больше: это *проникновения*! Что-то твое сокровенное вошло в меня. В плоть и душу. С *этими ранами*...

— Подожди. Какими ранами? Ты про царапины? — удивился мужчина.

— Ну вот, ты ничего не замечаешь по утрам... Я позже тебе кое-что скажу и... покажу... А сова и птичка-невеличка мне не приснились... Я только минуту назад... *Увидела твой сон!*

Когда они вошли в салон самолета, Вера Яновна попросила:

— Пожалуйста, Андрей, позволь мне сесть с краю, у прохода. Я, кажется, переела сладкого. Мутит.

— Пожалуйста, конечно, — ответил мужчина и сел на среднее место в ряду.

У окошка оказалась молодая турчанка, лет двадцати, одетая по-европейски. Через некоторое время после взлета соседки Андрея начали дремать, положив руки на подлокотники. Он невольно обратил внимание на обнаженные до плеч руки восточной красавицы. Кожа была белая, мраморная, с мелкими темными точками у корней черных волосков.

«Красиво. Привлекательно», — подумал Андрей и, повернув голову, посмотрел на загорелые со светлым пушком руки Верочки.

«Красиво. Привлекательно. Если вертеть головой, можно заметить и увлечься многим», — иронично-философски умозаключил Андрей Петрович.

Верочка открыла глаза, желудок больше не беспокоил. Она взяла руку Андрея и положила себе на бедро. Хоть и следовало перед посадкой пристегнуть ремень безопасности, в голове у молодой женщины отстегнулся «карабин сдержанности».

Когда они направились к стойке заказа такси, Андрей спросил:

— Поскольку я впервые еду к женщине домой на ночь, я должен спросить...

Вера поняла его и быстро ответила:

— Я совершенно свободна. Последний мой «бой-френд» вернул мне ключи два месяца назад. К счастью, — крылья носа чуть задрожали.

— Почему к счастью?

— Я бы сейчас мучилась от раздвоения... Как Гомпеш, — рассмеялась она.

Андрей заметил, что в глазах её не сверкали обычные огонечки, в них отображались стальной цвет невиской воды и петербургского неба.

Такси двигалось по Невскому проспекту.

— Остановитесь у «Севера», пожалуйста, — попросила шофера Вера Яновна. — Я хочу купить пирожное «Белые ночи», — это уже Андрею.

— У тебя куча восточных сладостей! — удивился мужчина.

— Это я оставляю тебе. Ты же любишь восточных женщин с матовой или глянцевой мраморной кожей?!

«Вот это да!» — подумал Андрей Петрович — «Ведь вроде спала...»

Они уже ехали по Смольной набережной. Темнело. Серо-оранжевые тучи все сгущались, чернели, предвещая грозу.

Друзья поднялись в квартиру Веры на семнадцатом этаже. Пока они ехали в лифте переглядывались как старшеклассники.

— Покажи, что обещала, — с порога заявил мужчина.

— Что я обещала? — смутилась женщина.

— Смольный монастырь.

— Ох, Господи! Я уже подумала... Вот, иди сюда.

Они подошли к окну. Небо совершенно почернело, вдали уже сверкали молнии. Через миг небо с землей соединилось завесой ливня. Нити струй в этой завесе выделяли десяток оттенков серого. Лучи прожекторов мягко и выразительно «обнимали» монастырь. Купола башен четырех церквей по углам архитектурного ансамбля были на уровне глаз Веры и Андрея.

Верочка горячим взволнованным шепотом прочла:

— Это небо в порезах тревоги,
Как глаза человека, что близко.
Я хочу рассмотреть у дороги
Красных маков, как шрамов, полосы.

— Что это? Твои стихи? — спросил мужчина.

— Да, сейчас на ум пришли. Подражание Вознесенскому. А посвящаю тебе!

И в этот момент оба широко открытыми глазами удивленно стали наблюдать, как над куполами центрального Собора проклюнулось и быстро разрослось большое, чистое и светлое пятно! *А вокруг гроза!*

Мужчина и женщина в одном порыве сцепили пальцы рук друг друга.

— Удивительно! И здесь чудеса. Хороший знак! — Андрей вспомнил светлое пятно в катакомбах.

— Повенчаны! — еле слышно выдавила из себя Верочка.

— Что? Я не расслышал.

— Так.

— А почему у тебя не стеклопакеты? И в усадьбе тоже. Правда, в дорогах красивых рамах из красного дерева.

— А ты догадайся! — задорно ответила молодая женщина.

— Нравятся такие...

— А чем особенно? В какое время года?

— Да, точно — Андрей Петрович хлопнул себя по лбу — «рисует узоры мороз на оконном стекле...»

— Молодец! Ты посиди здесь, в гостиной, посмотри альбомы фотографий, а я пойду в кухню, приготовлю что-нибудь «на скорую руку». Позову.

Андрей сел в кресло в углу комнаты, включил торшер, огляделся. Во всю стену и до потолка книжный шкаф, два плетеных кресла, четыре стула и стол, тоже плетеные. Стол большой, круглый, по центру комнаты. Над ним — зеленый старинный абажур. По стенам развешаны картины. Похоже, что натуральные копии известных полотен в солидных рамах. Виды Праги и Вены. Известные виды, но стиль конца девятнадцатого века: длинные платья, котелки и шляпки, кареты вперемиш с первыми автомобилями.

Вот золотая улочка. Конечно, ведь Прага — европейская столица алхимии, замешанной на мистике. Кажется, что из этой вот двери выйдет сейчас Кафка. А этот мужчина явно фрондер. Он ждет писателя. Хочет высказать ему. Староместская площадь, Карлов мост. А здесь общий вид города в темно-коричневых тонах. От множества шпилей готических соборов ощущение, будто колючие шипы на спине Левиафана торчат из морской пучины и

упираются в лимонно-горчичное небо. Вена изображена другой. Праздник, венский блеск в имперском величии. От дам и кавалеров веет куртуазностью.

Художественная литература в шкафу стояла аккуратными рядами, а вот тома специальной литературы, папки и тетради, в бóльшем количестве, чем художественная, были в том творческом беспорядке, который свидетельствовал, что хозяйка постоянно с ними работает. На полке торшера, под ним, на подоконнике лежали стопки газет и журналов: «Москва», «Нева», «Культура», «Литературка».

Он принялся листать фотоальбомы. Два малоформатных современных содержали фото с друзьями, коллегами, впечатления о праздниках, важных событиях, поездках. Эти альбомы Андрей отложил в сторону, лишь бегло заглянув в них. А третий, старый и тяжелый, в кожаном затрепанном переплете он листал неспешно. Это личный. Только Верочка и родные. Вот Вера еще ребенок, вот лет шесть с куклой и косичками. В косичках большие банты. Глаза девочки широко открыты. Добрая, доверчивая улыбка. А здесь она школьница, класс пятый или шестой. Тут десятый класс. Гордый взгляд красавицы, знающей себе цену. На этой фотографии Вере уже лет двадцать, взгляд подстреленной птицы, зовущей на помощь. К этой страничке альбома двумя скрепками прикреплены два десятка листочков. Стихи. Написанные от руки. Видимо, Верочкины. Без разрешения прочесть неудобно.

Мужчина подошел к двери кухни, хозяйки не было. Он окрикнул ее. Ответ прозвучал из другой комнаты, наверное, спальни.

— Сюда пока нельзя! Я перед отъездом не успела прибраться.

— Думается мне, ты не любишь делать уборку? — спросил Андрей Петрович ехидно, заранее зная ответ.

— Ненавижу! Квартира небольшая, двухкомнатная, но на качественную уборку ни сил, ни времени не остается. Иногда приезжает Иришка и до одури трет что-то в ванной и на кухне. И ворчит. Любит идеальную чистоту!

— Там в альбоме стихи... — начал, было, мужчина.

— Их читать нельзя! — тревожно воскликнула женщина. — Это черновики... Черновой полосы моей жизни.

Андрей вернулся в кресло.

«Да», — подумал он — «запечатленное время, застывающие моменты жизни. Фотографии, особенно давнишние, обладают какой-то притягательной задушевностью. Даже чужие, даже незнакомых людей. Они «воронкой» засасывают в другую жизнь, иную, былую. И эта жизнь непостижимым образом становится близкой тебе. И эти люди делаются ближе. Лечебное воздействие сопричастности, психотерапия от равнодушия».

Андрей Петрович еще раз с нежностью посмотрел на фото Верочки с косичками, улыбнулся и закрыл альбом.

— Давай поужинаем в кухне, — крикнула Вера, — одиннадцать вечера. Ужин должен быть легким, но не кратким.

Когда гость появился на пороге кухни без туфель, в носках, она всплеснула руками, воскликнув:

— Господи, дура же я. В душ, потом переоденешься вот в это, — она взяла в руки пакет. — Привет из Византии.

Через двадцать минут Андрей предстал перед Верочкой в тонком, длинном шелковом халате, фиолетовом с ярко-желтыми звездами, окаймляющими ворот, рукава и подол. И в турецких домашних туфлях с загнутыми вверх носками.

— Отлично! Тебе нравится? — спросила женщина.

— Да, спасибо!

Она тоже переоделась в чудесный халатик и исчезла в ванной комнате.

— Слушай, а я ведь, олух, ничего тебе не приобрёл в подарок. Мне стыдно, — сокрушался мужчина, когда Верочка вернулась в кухню.

— Жаль, конечно, но я от твоего имени купила в Стамбуле наряд для арабских танцев: лифчик с блёстками, шаровары... Ты ведь любишь? А я раньше занималась танцами.

— Хочу сейчас всё увидеть! И танцы! — вспыхнул мужчина.

— Нет, без репетиции я не могу! А вот терпкий турецкий ликёр с поцелуями обещаю.

Она нажала «Play» на музыкальном центре. Полилась нежная, романтическая музыка.

— За возвращение в родной Питер! За тебя! — провозгласил тост Андрей Петрович.

— И за тебя! — поддержала Вера Яновна.

Мужчина рассматривал картины на стенах. Тематика снова одна: лошади, парами. В утреннем тумане, в лугах, вечером в степи. Луна, закат.

— Ты любишь одну живописную тематику в одном помещении?

— Да.

— Можно угадаю, какая тема в спальне?

— Попробуй.

Андрей задумался: «Так, в коридоре виды мостов, висящие в диковинных, дремучих, волшебных лесистых ущельях». Он использовал и логику, и интуицию.

Вера уловила направление его мыслей:

— Подсказываю: до мостов в коридоре были абстракционисты, а ещё раньше — символисты.

— В спальне — импрессионисты! — выпалил Андрей Петрович.

— Мимо.

— Тема космоса? — гадал мужчина.

— Опять мимо. Впрочем, эти экспозиции тоже были. Раньше, — женщина тревожно посмотрела на Андрея, — куда девался твой дар?

Тот печально опустил голову.

— Не расстраивайся. Трудно угадать. Я заказываю 4–7 картин одной тематики знакомым художникам. Год они висят у меня. Потом меняю. Прежние картины отдаю или продаю: на работу, в гостиницы, рестораны, школы и т. д. И технику меняю: масло, акварель, грифель, гравюры. А сейчас в спальне... Пойдём.

Они вошли в спальную комнату. Андрей сразу оглядел стены. Яркие мазки на картинах: чёрные, оранжевые, зелёные, красные. Тема — кабаре: дамы в платьях с разрезами, с длинными сигаретами в мундштуках. Пальцы, держащие сигареты, тоже длинные, ломкие. Пухлые губы накрашены ярко-красной помадой. Перья, зелёные и оранжевые на чёрных широкополых шляпах. Мужчины во фраках. Галстуки, трости, цилиндры и усы. Усы пышные, загнутые вверх. А мебель в кабаре выписана лишь штрихами, угловатыми, порой бледными.

Почти всю площадь спальни занимала кровать с овальным изголовьем, в которое вмонтировано зеркало. Плетёный комод со множеством ящиков и ящичков также с зеркалом сверху. На комод косметика, пред ним плетёная банкетка. Две прикроватные тумбочки. Узкий высокий платяной шкаф. На потолке оригинальная люстра, по бокам кровати — два бра. Сейчас из освещения были эти бра и два ночных светильника, стоящие на полу в углах комнаты при входе. Они стилизованы под морских гребешков и медленно меняют свой цвет.

Возле кровати на полу стереосистема. На стене телевизор.

— Нравится? — спросила Верочка, обведя рукой помещение.

— Весьма, — ответил Андрей Петрович.

— Хочу послушать блюз, страстный и горячий, — произнесла заговорщеским тоном молодая женщина, нажимая пальцем ноги сенсорное пятнышко на стереосистеме, обозначенное «блюз».

Затем она сбросила с кровати покрывало, подошла к мужчине, расстегнула на нём халат.

— Я что-то мёрзну. Не буду пока снимать халатик и ещё, пожалуй, надену чулки. Не против?

— Нет. Это еще больше возбуждает.

Верочка открыла ящик комода, не приглядываясь особенно, выщипнула оттуда пару чулочков. Из ящика прикроватной тумбочки достала две баночки с волшебными эротическими бальзамами.

Когда ножки проказницы были у лица мужчины, он обратил внимание, что чулки немного отличаются по цвету.

— Ты по утрам одеваешься на работу внимательно, при освещении? — спросил он.

— А в чём дело? — недовольно вопросом на вопрос ответила Вера.

— Один чулок светло-бежевый, другой — тёмно-бежевый.

— Ну и что? Зато у тебя больше разнообразия в фантазиях, — рассмеялась женщина и закинула ножки на плечи Андрея.

— О! Это чудесное раздвоение! — воскликнул тот — А ты кто по знаку Зодиака? Водолей?

— Точно! Как ты угадал? Это хорошо? Или плохо? — она дышала возбуждённо, вдохи становились резкими, голосовыми, судорожными.

А выдохи обжигали лицо мужчины жаром и сладким запахом смеси трав, на котором настаивался выпитый за ужином ликёр.

— Отлично! С тобой не придётся скучать! — улыбнулся Андрей Петрович.

Верочка на миг показалась Андрею невесомой, будто бестелесной, а в следующую секунду он поразился и вовсе: её глаза были совиными, круглыми и ярко-жёлтыми, брови были вразлёт, изо рта вырывались стоны вперемешку с клёкотом. Она начала непроизвольно взмахивать руками словно крыльями, затем заскребла ногтями по андреевым плечам, вонзила их и наконец рухнула на живот, совершенно обессиленная и недвижимая.

Утром в ванной комнате Андрей Петрович, вставший раньше Верочки, увидел на своих плечах несколько новых глубоких порезов.

«Нет, это была уже не просто женская страсть... Эти круглые жёлтые глаза, этот клёкот. Что это было?» — взволнованно думал он. И боялся того ответа, который приходил на ум. И не в первый раз!

Он отправился на кухню, заварил себе кофе. Вышел на балкон. Туман внизу, под золотыми куполами собора. А выше — ясно. Он в зоне благодати!

«Нужно разбудить Веру Яновну? У ней, она говорила, много дел на работе. Но ведь только из командировки вернулась. И всего-то семь часов утра».

Андрей осторожно вернулся в спальню. Утро просветило шторы терракотового цвета. Он сразу наткнулся на верины глаза. Они внимательно смотрели на вошедшего мужчину. Как на незнакомца. Но без страха, с любопытством.

— Доброе утро, Вера Яновна!

— Доброе? — неуверенно спросила женщина.

— Тебе приснился дурной сон?

— Я не знаю, не уверена... сон ли это был. Сядь ко мне. Сними, пожалуйста, халат, — приподнялась и сбросила свой.

Пауза. Андрей Петрович заговорил первым.

— Это три наши ночи. Это пройдёт!

Вера продолжала молчать.

— Я обидел тебя?

— Нет же... Вот смотри, — она стала показывать на раны свои и партнёра, — это первая ночь в Сиракузах, вот это и это — вторая, а это безобразие натворила я уже одна сегодняшней ночью. Больно?

Глаза её стали влажными.

— Это пройдёт, — повторил мужчина.

— Послушай мои сны. Три сна из этих трёх ночей. Первый: я — сова, передо мной стена неизвестности, тайн. Я пытаюсь взлететь, заглянуть за ту сторону стены. Не получается. Второй: я взлетаю и заглядываю за стену. И падаю туда, сломав крыло. А сегодня третий сон: я взлетаю и парю над стеной тайн. Я — *Вижу!* Далеко, за горизонт. Я от тебя... получила эти совиные крылья... и... похоже... *Дар Видеть!*

Её губы дрожали.

— Я понимаю. Но не мог этого предугадать. С женой такого не было ни разу. Только не пугайся, пожалуйста. Я уверен, что такая «острая форма» быстро пройдёт. Летать ты, наверное, будешь, но царапаться — нет.

Андрей улыбнулся и взял обе ладони подруги в свои руки.

— Эти совы станут тебе верными подругами! Вот увидишь, — продолжил он.

— А ты? *Твои* совы? — вопрошали её глаза и губы.

— Не знаю. Увидим.

Верочка немного успокоилась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А что приснилось тебе, мой милый? — спросила она, вставая с кровати и потягивая

руки вверх. — Нет, сначала зарядка, потом — ванная, а вот за завтраком я выслушаю тебя. Дай мне полчаса.

Андрей Петрович ушёл в гостиную. Встал напротив картины, где был изображён пражский храм Девы Марии.

В его голове быстро сплетался узор из нитей, связанных именем Мария. «Мария Фёдоровна, Мария-Терезия, Мария Антуанетта...». Со дна его памяти совершенно отчётливо всплывали даты, факты, исторические параллели. Но эта новая память угодливо несла свои «блюда» на стол не обычной его интуиции, а в матрицу расчёта, точного и непривычного для него.

«Мария-Терезия умерла в 1780 году, Мария Антуанетта казнена в 1793 году. Не подходят». И всё же интуиция ещё ни в малой толике не угасла. Ему было ясно, что подсознание работает в том направлении, в котором «растворилась» *Укладка* в тумане истории. Он по-прежнему *Видит*.

«Да, Франция, Россия, Австрия... Годы 1798–1805».

«Да, на авансцене драмы с Орденом иоаннитов пока одна Мария Фёдоровна, жена Павла I».

К завтраку Вера Яновна вышла уже нарядно одетая. Строгий бежевый костюм: юбка и жилетка, белоснежная кофточка. И даже в туфлях. На шее бусы из нескольких ниток мелкого жемчуга, опала и янтаря. Строгая Снежная Королева, ведущий научный сотрудник. Ведает архивами тайнописи и тайнами тантрической любви. Накрахмаленный стоячий воротничок блузки скрывал следы последней.

— Класс! У тебя вид повелительницы! — восхитился мужчина.

— У меня всего двадцать минут! — она начала быстро намазывать на ломтики твёрдого швейцарского сыра красную икру.

Сделала несколько глотков кофе.

— Я работаю до позднего вечера. Ты почитай, погуляй, а вечером я позвоню. Сходим куда-нибудь поужинать. Так какой сон? — она ещё отпила кофе из чашечки. — Про мост?

Ему и правда приснился мост! Кажется «Биржевый». По мосту медленно движется фаэтон. В нём Яков Брюс, и хоть шляпа сильно надвинута на глаза, в его облике Андрей узнал себя. Он держит в руках «Чёрную книгу». Под его ногами глобус. Раннее утро. Над рекой дымка. Мужчина видит трёх дам, опёршихся о перила моста и задумчиво смотрящих в воду. Брюс приказывает кучеру остановиться. Выходит, идёт к дамам.

— Здравствуйте, сударыни.

— Здравствуйте, Андрей Петрович.

— Меня зовут не Андрей Петрович, и я с вами не знаком. Я — Яков Брюс, астролог, нумеролог, алхимик, магистр оккультных наук. Вы сейчас смотрели в тёмную воду реки. Хотите заглянуть дальше, в бездну неизвестности? Я начертаю ваше будущее. Имен не нужно, только точные даты и время рождения.

Андрей-Яков открыл книгу и начал чётко, аргументированно открывать дамам тайны их судеб.

Андрей Петрович замолчал на пару секунд, а затем сказал тихо и задумчиво:

— Самое странное, что я во сне точно составил женщинам гороскопы, рассчитывал и чертил сложные схемы из огромной матрицы информации в своей голове! Но, Вера, ни нумерологии, ни астрологии я не знаю!

— Ты вчера в коридоре очень внимательно рассматривал картины с волшебными

мостами, — улыбнувшись как-то загадочно, сказала Вера.

— Ты же понимаешь: *это* от тебя... — горячо начал мужчина.

— Я всё понимаю, — вежливо перебила его женщина, приложив свой пальчик к губам Андрея. — Нам было так хорошо эти три ночи! И вот — *обменялись... Дарами*. Всё, я убегаю. Вот ключи.

Она чмокнула Андрея Петровича в щёку и вышла из квартиры.

Он вышел снова на балкон. Солнце было уже высоко. Воздух свеж после вчерашней грозы.

— На улицу! На Невский! Шляпу и трость мне! — скомандовал мужчина сам себе.

Он приближался к метро «Чернышевская», когда ему позвонила Вера.

— Я сейчас была на приёме у директора. Его секретаршу зовут Маша... Одну из приснившихся тебе дам зовут *Мария*, — она говорила, растягивая слова и делая паузы. — Может почудилось?

— Вроде нет. Я это имя тоже... *просчитывал*, — ответил мужчина.

— Не спешి работать со всей матрицей! По кусочкам, шажками, «крадучись», как говорит Анна Никитична, — беспокоилась женщина.

— Анна?! Ты случайно её вспомнила?

— Хм... всё, пока, нужно работать.

— И ты, дорогая, сов приручай постепенно, лаской, с открытым сердцем. Целую тебя, — Андрей чмокнул телефон.

— И я целую.

Андрея Петровича осенила идея о подарке Верочке. Брошь с совой! Конечно! Художественная, изящная, дорогая. И заказать нужно немедленно!

Он вспомнил, как они с Юрием сделали подарок Ольге на её 20-летие. Замечательный ювелир в Гостинном дворе тогда работал. Это была тоже брошь, серебряная, в виде раскрытой книги. Ольга тогда увлеклась историей искусств, и на одной «страничке» они попросили изобразить из полудрагоценных камней ветку с птичкой, а на другой надпись «Рисуя ветку, надо слышать, как свистит ветер». Андрей улыбался своим воспоминаниям. Как замечательно было безобидно спорить о науке и искусстве, не убедительно жонглируя афоризмами-аргументами.

Они цепляли Оленьку, выговаривая: «Пока художник пробьётся, учёный успеет сделать карьеру». Девушка легко парировала: «Ложь, конечно же, расположена ниже науки, но художественный вымысел выше». И добавляла: Это сказал один польский математик. Метафора, мальчики, обгоняет исследование». Мы ворчали: «Ты не собираешься творить, ты хочешь изучать творчество других. А волшебство искусства исчезает, как только его начинают исследовать».

Андрей Петрович зашёл в Гостинный двор, нашёл тот самый киоск ювелира. Но работал в этом киоске молодой мужчина.

— Извините, на этом месте в 1975 году «колдовал» такой более чем средних лет мужчина. Очень толковый ювелир. Вы, случайно не знаете...

— Знаю. Это мой дедушка, — радушно отозвался молодой человек. — А что?

— У меня есть заказ. Для него.

Андрей изложил суть своей просьбы, пытаясь донести образ совы как можно яснее:

— ... сидит на пенёчке, крылья расправлены, мгновение до взлёта... рельеф оперения... серое... белое... серебристое. Лицевой диск, жёлтые яркие круглые глаза, жёлтый клюв...

чёрные когти. Размер небольшой, не тяжёлая... Да, ещё: на пенёчке сидит также птичка-невеличка, рядом свёрток бумаги и золотая шкатулка.

— Понимаю, — внимательно слушал ювелир.

— Да, но в облике должна быть не только мудрость, но и загадочность, даже мистичность, — волновался заказчик.

— Дед обожает такие вещи! Он уже руками не работает, но головой — ой-ёй! Поможет мне идеями и советами в технологии. Материалов у нас предостаточно.

— Да, да... на его усмотрение.

— Вещь не будет дешёвой, не менее 50 тысяч рублей, — подумав, сказал парень. — Точнее скажет дед через пару дней.

— Я зайду в понедельник. Мы можем, я полагаю, «разогнаться» в ювелирных экспрессиях и до 100 тысяч.

— Можем и разогнаться. В понедельник я покажу вам «раскраски»: 5–6 вариантов с пояснениями о металлах и камнях. Все детали нужно обсудить. На выполнение заказа потребуется две недели.

— Пусть будет так, — сказал Андрей.

— Let it be, — подтвердил, улыбнувшись, молодой мужчина.

Андрей Петрович вышел на улицу и решил направиться к площади Искусств. На углу собирались автобусные экскурсии. Сновали женщины с плакатами на плечах, выкрикивая надписи с плакатов: «Петергоф», «Стрельня», «Кронштадт»... Очень знакомые. Но и новые: «Ночной Петербург», «Легенды и мифы Петербурга», «Храмы Петербурга». Он отошёл в сторонку, за колонну, раздумывая, а не съездить ли ему на «Легенды...». Неожиданно над его ухом прошелестел девичий голосок. Девушка, тоже с плакатом.

— Молодой человек, — обратилась она к Андрею Петровичу. В глазах и голосе девушки лесть и призыв. — Именно вас мы ждём. Через двадцать пять минут наш автобус отправляется в Павловск. Остались два свободных места. Сегодня замечательный, прямо волшебный экскурсовод-сопроводитель. Вернетесь в 18:30.

— Я вот думал о «Легендах...».

— Уверяю вас, напрасно. Вам сейчас *нужен* Павловск!

«Наверное, студентка-психолог. Впрочем, сейчас каждая...» — подумал мужчина и взял билет.

Место было в последнем ряду автобуса, но работал кондиционер. За ним зашёл мужчина среднего роста, полноватый, в тёмных очках, лёгкой шляпе и с тростью. Что-то сказал шофёру и вышел. Через десять минут в автобус вошла женщина.

«Неинтересная, — подумал Андрей, — сопроводитель должен быть опрятнее и ухоженнее».

Однако дама быстро проверила билеты и вышла, а вновь вошедший мужчина с тростью сел на служебное место и сказал в микрофон:

— Господа! Все ли осознают степень ответственности перед встречей с тенью императора Павла I?

Кто-то крикнул:

— А точно будет тень?

— Точно будет тень императрицы Марии Фёдоровны. А тень Павла я гарантирую завтра в поездке в Гатчину. Кто назовёт ещё одно место в Петербурге, где будет даже не тень, а призрак императора? Где жив его дух.

— Михайловский замок. Там Павел испустил дух, — громко крикнул весёлый молоденький парень.

— Отлично! Я объявляю конкурс эрудитов, знатоков и любителей истории, — сказал экскурсовод.

Автобус тронулся.

— Весь прямой путь я с удовольствием и неустанно буду занимать ваш слух, а, главное, ум, своими рассказами. А вот на обратном пути с тем же удовольствием буду, в большей мере, чем сейчас, отвечать на ваши вопросы.

— Как к вам обращаться? — спросил тот же весёлый паренёк.

— Товарищ экскурсовод, а если кто-то твёрдо запомнит, лучше Борис Ильич.

Рассказ Бориса Ильича действительно был и эмоциональным, и познавательным. И пока ехали по набережной Фонтанки, Андрей прислушивался, но как только свернули на Московский проспект, проехали «Техноложку», он предался воспоминаниям.

«... Вот Парк Победы, справа Новоизмайловский проспект, где жила Ольга, а рядом Благодатная, куда Ольга с родителями переехала на 5 курсе».

Автобус покинул проспект, и вниманием Андрея опять начал завладевать Борис Ильич.

— ... позволю себе предположить, и высказать моим слушателям свою, как говорят математики, «нулевую гипотезу», что император Павел I был единственным европейским монархом, который еще в 1799 году мог составить конкуренцию Наполеону. Если бы не доверчивость Павла, лукавейший граф Пален не смог бы увлечь императора идеями, а главное, целями немецкого масонства, еще до Ницше заговорившего о высшей мудрости, высшем праве для избранных. Протестантизм того времени тоже был окрашен идеями, что права избранных выше их обязанностей. И Павел, в начале своего правления говоривший об обязанностях императора российского, всё больше начал подумывать о правах общеевропейского монарха. И об общеевропейской церкви католиков и православных.

— Извините, — вмешался умненький весёлый парень, — но по мнению масона-историка Карамзина Павел стоял в ложе «Золотой венец» и даже был мастером стула.

— Не думаю. Да, было русское масонство, но это мода, дань времени, «игрушка для праздных и высоких» умов. Русский романтизм и идеализм резко отличались от немецкого. И даже английского.

— Лефорт и Яков Брюс были далеко не романтиками и идеалистами, — решил поговорить Андрей Петрович. — И кровь Павла замешана на немецком «молодом пиве». Впрочем, это косвенно подтверждает ваши соображения.

— О! Отлично! У нас есть лидер конкурса! Не отставайте, друзья!

Андрей громко спросил, включаясь в игру:

— Меня, Борис Ильич, уже лет 30 занимает вопрос: по какой причине Павел пытался вызвать на дуэль Наполеона. Я думаю, это личный повод. Хамство француза.

— О-го-го! — Борис Ильич даже приподнялся и посмотрел в конец автобуса. — Я «таки кое-что имею вам сообщить» по этому сложному вопросу. Есть всего два документа, в которых вскользь упоминается, что Наполеон в наглой форме требовал от Павла «вернуть» ему какую-то часть реликвий Мальтийского ордена.

— Но барон Гомпеш официально передал их русскому императору, — осторожно заметил Андрей. — Может не все русскому, и не все официально?

— Да, возможно была двойная игра... Тройная. Павлу довелось править в тот отрезок времени, когда на исторической сцене был театр абсурда. Извините, не могу точнее

ответить.

— Спасибо.

Автобус остановился у ворот парка. Борис Ильич вышел первым, встал неподалёку, раскуривая трубку. Когда Андрей проходил мимо него, их взгляды встретились.

— Извините, вы не учились в аспирантуре ЛГУ в 80-х? — спросил Андрей Петрович.

— Да, потом работал там на кафедре «Отечественной истории».

— Я тоже. Только на кафедре «Древней истории и средневековья». Андрей, — он подал руку.

— Да, да, я вас, Андрей, сейчас припоминаю. Вы ученик Г.Н. Богдановича?

— Да. А ваша фамилия... э... Поварской? Борис Ильич Поварской.

— Да, точно, — Борис радостно заулыбался и тоже крепко пожал руку Андрея.

Подошла женщина-экскурсовод. Затараторила резкими негармоничными обертонами:

— Быстренько, быстренько, в кучку, в кучку... Самый поэтичный из Петербургских пригородов... Сначала парк, затем Дворец.

Андрей не пошёл вместе с группой. Ему хотелось эти полтора часа погулять одному. А во Дворец он подойдёт в оговорённое время.

— Мужчина, вы куда? Пропустите интереснейший рассказ, — занудила тётка.

— Вы уверены, что он будет интересным? — зло спросил Андрей, но потом добавил мягче. — Я тут лет 35 назад клад закопал, пойду, откопаю.

Борис Ильич прыснул, сказал Андрею «Удачи!» и ушёл в направлении Дворца.

Во Дворец Андрей Петрович зашёл с группой. Он всё же прислушивался к дамочке-экскурсоводу, хотя и бродил на нужном звуковом удалении от её проржавевшего голоса. Вдруг интуиция зацепится за какую-то мысль, слово, образ, и придёт *Знак*, и упадёт он зерном в пашню подсознательного и затем прорастёт в матрице рационального.

«Храм Весты выточен собственноручно Марией Фёдоровной из слоновой кости...» — услышал он экскурсовода.

Неожиданно для себя он спросил:

— Говорят, Мария Фёдоровна очень была огорчена тем, что среди многочисленных её талантов не было одного: она не умела петь...

— Она пела прекрасно! — гордо соврала дамочка, будто речь шла о ней самой.

«Она ещё и двоечница!» — огорчённо подумал Андрей. Далее по залам быстро проследовал один и вышел на воздух.

Когда группа рассаживалась в автобус, а Борис Ильич и Андрей в сторонке предавались воспоминаниям, к ним подошла эта дамочка-горе-экскурсовод и, отдав Борису какую-то деловую бумагу, спросила заносчиво Андрея:

— Ну что, нашли клад?

— Конечно.

— И где же он?

— О, это вы, мадам. Но я его должен закопать обратно, — обрезал Андрей Петрович.

Женщина вспыхнула, бросила виноватый взгляд на Бориса и быстро засеменила обратно во Дворец.

— Зачем ты так, Андрей?

— Нужно учить, нужно готовиться к занятиям, тем паче — к лекциям! — ещё раз обрезал доцент.

— У ней зарплата уборщицы, муж недавно бросил... Ты хочешь видеть дам-

экскурсоводов с породой и статью Ани Жирардо и Катрин Денёв? — убеждал добрый Борис Ильич.

— Да, точно! — Андрей хлопнул приятеля по плечу. — Анна и Екатерина! Эти имена.

— Что с тобой?

— Они. Эти дамы были в моём сне!

— Неплохие дамы тебе снятся! Неслабо, весьма, — удивлённо бормотал Борис.

Он предложил Андрею сесть рядом с ним.

— Люди устают, дремлют. На обратном пути мы можем поговорить.

— С удовольствием, — подтвердил Андрей.

— Только давай на «ты».

— Правильно, мы же из одного гнезда.

Борис Ильич немного поговорил с народом и выключил микрофон. Вопросов пока не было.

— Борис, можно я задам три вопроса по теме экскурсии? О Марии Фёдоровне.

— Валяй!

— Первый: она умела петь?

Вопрос был подленький, на «засыпку». Ответ-то Андрей знал.

— Нет, и очень переживала по этому поводу... — спокойно ответил Борис Ильич.

— Второй: императрица любила изящные дорогие безделушки. В запасниках Павловска их больше, чем в запасниках Гатчины?

— Да, намного больше.

— Третий: была ли у неё некая золотая шкатулка, напоминающая, ну, что ли, укладку для яиц, очень старинная, с такими вот углублениями.

— Я не знаю, Андрей. Могу лишь сказать, что она ведь ещё очень долго жила в Павловске и после смерти мужа, — Борис задумался. — А ты знаешь, ведь Павел любил перепелиные яйца. Может и она ела их для улучшения голоса и держала в специальной коробочке. А может в подобной коробке, — он задумался, — она перевозила мешочки с семенами, укладывая их в ячейки. Она ведь, ты знаешь, обожала цветоводство. А почему тебя интересует эта шкатулочка?

— Спасибо, Борис. Твои версии очень интересны. А я так... Есть один вопросик в связи с тем, что я... вернулся недавно с одного острова, где великое множество перепёлок, — он с трудом ушёл от ответа, обмахиваясь своей шляпой и рассеянно улыбаясь.

— И трость у тебя необычная какая-то. Скипетр фараона. Ты, Андрей, чем занимаешься, где?

— Доцент кафедры «Древней истории и средневековья» в Екатеринбургском университете. На долю ставки. За «малую толику». Но есть и планы... изменить и работу и местожительство, — неохотно отвечал Андрей Петрович.

Борис внимательно посмотрел на бывшего коллегу.

— Понимаю. Чтобы открылась новая дверь, должна закрыться старая, — проговорил он. — А сколько времени пробудешь в Питере?

— Месяц, наверное, — пожал неуверенно плечами Андрей. — А ты, Борис, больше не преподаёшь?

— Я — путник, сталкер. Девять лет назад (а мне, представляешь, до пенсии оставалось 4 года) я уже работал на четверть ставки и, находясь в докторантуре, вынес на обсуждение кафедры свою научную монографию о Павле I. Кафедра пропустила, а вот Учёный Совет

факультета не рекомендовал для публикации. Докторскую уже было не защитить. Припомнили мне и моё увлечение, как они сказали, «бизнес-планами». Осудили.

— Что за планы? Поделись!

— Всё скромно, интеллигентно и благородно. Я был одним из организаторов «Клуба любителей истории» в Питере. Подобие «Что? Где? Когда?». И реальные игры, и виртуальные. Ну, сейчас этого навалом в интернете, и вообще... А зарабатывал этим раз в 100 больше, чем в университете. Короче, мой друг, я уволился семь лет назад. Два года работал научным консультантом в Гатчине, за это время монографию переписал в роман под заглавием «В тени Михайловского замка». Выкладывал отрывками на литературных сайтах, свой сделал, носил в различные издательства. И, наконец, в издательстве «Астрель» приняли. Заключил договор, прошёл редакцию, качественную, слава Богу, лишь «причесали» текст. Пообещали тираж тысячу экземпляров, по нашим-то временам достаточно. В конце этого года покажут сигнальный экземпляр.

— Как интересно! Я ведь тоже написал повесть. О Павле, апостоле. Да... Два Павла.. Но мой литературный корабль ржавеет у причала.

— Не переживай. Этот причал гигантский. Архипелаг затонувших «гениев». Не признайся: ты же получаешь огромное удовольствие от писательства.

— Есть такое. Было.

— А я сейчас одновременно работаю над тремя повестями: об Иуде, об Аристотеле и о Сталине. Один день в жизни каждого героя.

— Прельщает писательство, несомненно, — Андрей бросил ироничный взгляд на приятеля. — Ты, Боря, помнишь басню Крылова о том, как великий писатель и убийца оказались в аду.

— Не припоминаю.

— Через тысячу лет костёр под убийцей потушили, а под писателем — нет.

— Ах, да, вспомнил. «Почему?» — возмутился писатель. «Люди, убитые этим человеком, стёрлись из памяти их родных, а твои сочинения будут искушать, прельщать дальше. Гори!»

В этот момент тот самый весёлый парень, читавший вместе с подругой до этого что-то из своего планшета, подал голос:

— Извините, моя невеста хочет спросить, но стесняется...

— Если девушка стесняется спросить, то вопрос её, скорее всего, частного свойства, — отозвался Борис Ильич, включив микрофон.

— Анна Петровна Лопухина была любовницей Павла I? — выпалила девица.

Андрей заметил, как Борис скривил гримасу недовольства, но вежливо ответил:

— Нет! Она была любимица Павла. У него были высокие рыцарские чувства. Цвет Михайловского замка был выбран по цвету её перчаток, её именем император называл русские боевые корабли!

— Что-то не верится! Она по гороскопу — Скорпион, он — сын своей любвеобильной мамы, — уже наступала девица.

— Да, Екатерина II — наша «Мессалина» и тем не менее — нет! Только очарование и влюблённость, — отрезал Борис.

Девица ещё что-то ворчала, подталкивала своего жениха, и тот решился спросить сам:

— Извините, Борис Ильич, если я тоже спрошу глупость о семье Лопухиной... Массонство, оппозиция...

— Я знаю об этих интернетных сплетнях, — Борис Ильич взял паузу и держал её несколько секунд. — Анна была «подставлена» Павлу его оппозицией. Это — да. В начале. В пику Нелидовой. А вот масонство Лопухиной и её отца вымышлены недоучками. Анна была кавалерственной дамой Большого креста Ордена св. Иоанна Иерусалимского. Строить козни против императора ей и её отцу было глупо. Они были накрыты лавиной августейших милостей. Впрочем, муж Анны, князь Гагарин, возможно и был масоном ввиду его близости к Суворову и мог быть втянут в оппозицию Павлу из-за романа с графиней Зубовой. Сам Зубов — откровенный враг императора. Я уверен, что убийство Павла I разработано английскими и, главное, немецкими масонами. И глава заговорщиков — граф Петер Людвиг фон дер Пален, гений интриги и мастер стула ложи с двадцатью семью степенями посвящения. Кроме всего — большой знаток еврейской каббалистики.

Он вновь взял паузу и вдруг декламировал из древних китайцев:

— «Там, где скалы, глубокие каньоны с дремучими лесами кричит птица...»

— Какая? О чём? — удивился парень.

— Сова. О том, что истину до конца никогда и никому не познать. Только *эхо совы* из лабиринтов истины, — закончил мысль уже Андрей Петрович, давая отдохнуть коллеге.

Борис выключил микрофон.

— Почему сова? В тексте просто птица, — удивлённо спросил он Андрея.

— Так... Тебе нравится общаться в автобусах с дилетантами? — в ответ спросил тихо Андрей Петрович.

— Это мои будущие читатели, — строго ответил Борис Ильич и, улыбнувшись, добавил. — А скоро я буду в этих автобусах и в музейных киосках распространять свои книги! Да ещё с автографом автора! И реклама! Хитро? Мои пассажиры — это, в основном, школьники, студенты, их учителя и преподаватели. Особенно в дни каникул. Молодые пенсионеры. Ну и старые девы, «разведёнки», влюблённые. В общем, народ восприимчивый. «Креативная» молодёжь, слава Богу, и бизнесмены не садятся в мой автобус. Они после ресторанов и кафешек едут по «Ночному Петербургу».

— Вместе с трезвыми влюблёнными, старыми девами, «разведёнками» и молодыми пенсионерами, — хохотнул Андрей.

Когда автобус остановился и люди стали выходить, Борис Ильич достал из кармана сиреневую картонку квадратной формы, где в жёлтом круге была изображена белая сова, а по кругу надпись «Клуб любителей истории». Эту картонку он вручил весёлому любознательному парню — победителю сегодняшнего автобусного конкурса.

— Откуда это у тебя? — заинтересовался Андрей.

— Остались, ещё много, из того клуба знатоков...

— Подари мне штуки 3–4, — попросил Андрей Петрович.

— Легко! Возьми вот, — он достал из кармана пять картонок. — Вот ещё моя визитка. Я буду ждать звонка. Прокатимся в Гатчину. Я там работал, там я свой человек.

— А ты, Боря, запиши мой номер телефона. До встречи!

— До встречи! Буду ей рад!

В 19:20 позвонила Вера Яновна. Сказала, что очень устала на работе. Заедет в «Азбуку вкуса» купить продуктов на ужин. Может забрать Андрея Петровича.

— Я, как обычно, буду ждать у памятника Кутузову.

— Что ты хочешь на ужин?

— Пельмени.

— Ты хороший человек. Не вредный. Пельмени я как раз умею варить! Целую.

Верочка заправляла сметаной, майонезом и оливковым маслом салаты, варила Андрею пельмени, а себе голубцы. По ходу этого занятия она сообщила, что в 6 утра завтра отправляется «Сапсаном» в Москву. В суточную командировку.

— Деев попросил срочно приехать. Он на выходные прилетает в нашу столицу. Мне и самой нужно торопить события.

Она жевала и читала что-то в планшете. После ужина женщина сказала:

— Я пойду спать, дорогой. Не обидишься?

— Нет, конечно.

— Вот, «скинь» себе письмо Иришки из Флоренции. Секретов там нет. Прочтешь сейчас или позже.

— Завтра прочту.

— Она прилетает завтра из Венеции в 14:00 нашего времени. Созвонись утром с Платонычем, встретьте её и поезжайте втроём в усадьбу. А я в воскресенье приеду. Постараюсь к обеду, даже раньше. Всё. Спать... спать. Целую... целую.

Она убрала еду в холодильник, грязную посуду в моечную машину и удалилась в спальню.

Проводив рано утром Веру Яновну до дверей квартиры и пожелав удачной поездки, Андрей Петрович взял в коридоре свою сумку, Верочкин чемодан и отнёс в гостиную. Вспомнил неожиданно, что «рыцарская перчатка» для Платоныча находится в чемодане у Веры. Он закрыт и до сих пор замотан плёнкой. Другие подарки в его сумке.

Она уже подъезжала на такси к Московскому вокзалу, когда на телефоне раздался звонок:

— Конечно открой, Андрей. Код 7531. Целую.

Он достал коробку, в которой лежала сувенирная перчатка. Вспомнил, как шутила Вера Яновна, рисуя по четырём граням коробки рожицы с закрытыми глазами и прижатыми к губам пальцами.

— Я со своей стороны попыталась обмануть таможенню, нарисовав знаки Вуду, а ты попробуй тоже «отвезти» глаза.

— Легко, — рассмеялся тогда мужчина.

Сейчас одна из рожиц показывала язык, наглый, красный, очень длинный. Этого, кажется, Вера не рисовала. Он достал перчатку, осмотрел её, положил обратно в коробку и в лёгкую складную сумку, которую решил взять с собой усадьбу. «Чем же заняться до обеда? Ах, да, сначала позвонить Платонычу». Договорились о месте и времени в аэропорту. Из аэропорта удобнее, не заезжая в город, сразу отправиться в усадьбу. «Значит, сумку, если пойду гулять, нужно взять с собой. Точно! Пойду-ка я почитаю — погуляю в парке Победы! И место это памятно сердцу, и в аэропорт оттуда удобно добраться на экспрессе.

Андрей положил в сумку ещё том «Российские династии: тысячелетняя история». Увесистый, в тысячу пятьсот страниц мелкими шрифтами. Он начал читать его вчера вечером, очень интересно. Положил в сумку и планшет, купальные плавки и ещё кое-что из одежды. Взял трость, надел шляпу, повесил сумку на плечо. Ничего, нормально для сталкера.

В утреннем парке было тихо и безлюдно. Несколько человек бежали трусцой по аллеям, несколько дворников и садовников убрали территорию и поливали редкие рокарии и клумбы. Андрей шёл вдоль главной аллеи, вспоминая, как на этих лавочках они с Ольгой и Юриком готовились к экзаменам. Затем он свернул с главной аллеи в сторону пруда, устроился поудобнее в тенистом месте и достал планшет. Прежде всего нужно не забыть прочесть письмо Ирины о дне, проведённом в столице Возрождения.

«Привет, сестренка! Я обещала тебе написать и вот делаю это в поезде Флоренция-Венеция. Уютный вагон, есть кондиционер. Много людей, шумно. Я постараюсь написать не длинное письмо, так как наконец меня упорно клонит ко сну. А ведь с часу ночи до часу дня бродила пешком...

Ещё в самолёте сюда я выбрала план путешествия. И всё выбрала верно, и всё было удивительно и фантастично. Днём очень жарко, в городе нет ни дуновения ветерочка при +40° С. И я решила сразу, что «изобилие горделивой красоты и великолепия церквей и надменную величественность роскошных дворцов», всю грандиозность этого города — храма Средневековья и Возрождения лучше осмотреть ночью и утром. Извини, но избежать «штампов» трудно. Я буду стараться. И потом, после обаятельной Сицилии, действительно изобилие художественного десерта Флоренции, может быть для меня было излишним. Да и наплыв туристов здесь сшибает с ног днём, не давая возможности толком любоваться

достопримечательностями.

Такси из аэропорта подвезло меня к отелю в 23:00. Спасибо тебе, Вера, что ты выбрала номер с видом на церковь Санта-Кроче! Я быстренько приняла ванну и отправилась в путь. Но сначала нужно немного перекусить, выпить крепкого кофе и наметить чёткий маршрут. Я зашла в ближайшую тратторию, которая даже здесь, на тихой улочке близ отеля работала до часу ночи.

Посетителей почти нет. Я сделала заказ и открыла на планшете карту города. Через двадцать минут в кафе зашли три молоденькие девчушки лет 15–16 с большой немецкой овчаркой. Однако присутствие собаки никого не смутило. Ведь без намордника! Та тут же улеглась под столик, за которым разместились девчонки. Рядом с моим столиком. Пёс поджал лапы, положил морду на пол. Умные глаза, не отрываясь, смотрели на меня. А я рассматривала красивый дорогой ошейник с какой-то надписью и исподтишка бросила под свой столик кусочек прошутто и ломтик молодого овечьего сыра.

Девочки были, очевидно, голодны. Шумно болтая, они мгновенно «уплели» тарелку хлеба. А овчарка уже лежала под моим столиком, сложив морду на мои ноги. Как тепло и приятно! Наконец девчонки заметили «измену», но, неожиданно рассмеявшись, предложили взять собаку себе.

— Мы из Сиены, приехали на выходные погулять здесь. А он, — они показали на пса, — прибился к нам в поезде. Может потерялся. На ошейнике указано, что он поводырь. А телефон затёрт. Во всяком случае мальчик очень послушный.

Они быстро поняли, что я говорю и понимаю по-итальянски с трудом, и спросили.

— Вы откуда?

— Из России. Я смогу взять собаку на одну эту ночь, в качестве охранника. А потом? Я ведь завтра вечером уезжаю.

Некоторое недоразумение на лицах юных итальянок принудило меня добавить:

— Я ночью, без духоты и столпотворения хочу полюбоваться городом.

— Хорошо, — сказала одна из девиц. — Я как раз собиралась позвонить дяде. Он живёт здесь, правда в пригороде. Держит магазинчик, сам готовит и продаёт панини, разные другие бутерброды. Магазинчик пристроен к его дому. Может он возьмёт пса.

И всё удачно «склеилось». Дядя берёт собаку! Утром в 5 часов он подъедет к площади у церкви Санта-Кроче. Возле памятника Данте я должна ожидать его. На всякий случай девочка дала его номер телефона.

Я была счастлива! Взяла собаку «напрокат»! На радостях я заказала популярный здесь «бифштекс по-флорентийски» — большой кусок мяса, размером со среднюю книгу. Мясо это готовят быстро, на гриле, без специй и с кровью. Сразу попросила разделить кусок на две части и одну упаковать с собой. Вторую скормила Сиру. Назвала так в память о Сиракузах.

— Девчонки, а можно мне угостить вас в знак признательности? — спросила я.

— Не откажемся! — хором ответили они.

Я заказала им три пиццы и три порции мороженого, расплатилась и вышла из кафе.

— Ты, Сир, до утра поступил ко мне на службу! — погладила я жёсткую щетину на спине овчарки.

Та завиляла хвостом. Я смело погладила уже мягкую шевелюру между ушей Сира. Он нежно облизал мою руку.

В первую очередь я направилась к Дуоме, Собору Санта-Мария-дель-Фьоре. Нс

ожидаемых восторгов он у меня не вызвал. Может быть ночные сумерки отнимали у зрительного образа необходимую игру света и красок. Облицовка фасада белым, зелёным и розовым мрамором в купе с блочно-горизонтальным орнаментом показались мне пёстрой и скучноватой. А вот купол... Я его рассмотрела позже... И пусть меня простит Стендаль, который у Дуомы потерял дар речи и три дня молчал.

А я со своим дружкой направились дальше. Всю ночь благородный Сир шёл рядом, шаг в шаг. Когда я останавливалась, он без приказания садился, когда я где-нибудь присаживалась передохнуть, он ложился в ноги, языком облизывая мои и свои уставшие ступни. Голоса он ни разу не подал, не залаял. Когда пару раз ко мне близко подходили люди, да еще вытягивали руки в мою сторону, он грозно рычал. Прелесть! А туристов, Верочка, и ночью предостаточно! Но они движутся нешумно, как призраки. Или как в музее. А мы с Сиром их обходим... Немой кинематограф с ночным сюжетом!

... Мы смотрим снизу-вверх задрав головы на глыбу Палаццо-Веккьо. Мне показалось, что пес сейчас завоюет. Или я... Зубцы основной галереи дважды еще повторяются на высоченной башне. Облицовка рустом, окна-бойницы дополняют ощущение, что это — фантастический корабль-крепость. Движение темных туч провоцирует почти реальную видимость «движения» дворца: вот через мгновение эта мощь раздавит скульптуры на площади. И людей, таких маленьких людей в толпе. Сюр же: «падает башня»!

Углы, слишком много углов. Помнишь наш спор: ты говорила, что в углах концентрируется мысль, а я утверждала, что в углах «черт накакал», как говорит Анна Никитична. Да, там драматизм. В Палаццо, в готике вообще так много драматизма! Я же люблю плавные очертания барокко, они будят воображение. И не страшно!

... В 5 утра мы с Сиром сидим на лесенках у памятника Данте. Скульптурный орёл гордо смотрит на поэта. Поэт гордо смотрит на скульптуры львов внизу. Львы гордо смотрят на меня и мою собаку. «Мою»... Я чуть не плачу перед расставанием с моим четвероногим другом.

... Всё... его увели. Я отдала кусок бифштекса. Откупились. Теперь можно и всплакнуть. Не здесь. Я добрела до гостиницы. Не могла уснуть. Приняла контрастный душ и снова в путь. Молодец я, что поменяла балетки на кроссовки. Почему? Потому что я направились в Форт Бельведере. На этот чудесный зелёный холм нужно подниматься по извилистой, очень длинной дороге. Но это стоит того! Справа и слева высокие каменные заборы, за ними виллы богатых флорентийцев. Через два часа такого похода я была награждена небольшим отдыхом в саду Боболи. Ещё через час я у цели: обзорная терраса Пьяццале Микеланджело. Скульптурная группа бронзовых копий Буонаротти. А какой божественный вид на город сверху. Его сумрачное величие теперь сменилось солнечным романтическим великолепием! Мост Понте-Веккьо теперь не серая, облепленная домиками-магазинами стена с брешами, а изящная конструкция из трёх арок, а красноватый купол Брунеллески как парашют летит над Арно.

Я обнаружила, что спуститься вниз можно другой дорогой: по крутой, но не такой длинной лестнице.

Но я не спешила. Вернулась в сад Боболи...

... Извини, сестрёнка, я, наверное, многословна и велеречива... Вон сколько написала. Всё, заканчиваю... Да, ещё: в соседнем купе сидят трое русских и разговаривают о литературе. Дама и мужчина лет шестидесяти, а молодой мужчина лет сорока. Может быть это их сын. Он сейчас увлечённо что-то доказывает, говорит о Достоевском, в руках у него

том «Преступление и наказание». Сейчас они обсуждают слова Набокова о романе... Ой, я хочу послушать. Очень интересно! До встречи. Целую, твоя Ирина».

Андрей немножко прогулялся, обогнув пруд. Размял ноги и «переварил» в себе ночные впечатления Иришки. Ему захотелось иметь собаку. Свою собственную. Лучше немецкую овчарку. Он сел на траву возле самой воды. И вдруг сзади услышал шорох! Рядом, на дорожке у склона к пруду, стояла девушка. Она держала на поводочке... сову. Небольшая, пёстрая, наверное, молодая птица натянула шнур и была уже у руки Андрея.

— Извините, она обычно спокойно себя ведёт. А тут...?! Что же это?

— Не волнуйтесь, девушка. Это любовь с первого взгляда! — пошутил мужчина, успокаивая владелицу.

— Я фотографирую людей и моей Клё. Вас снять?

— Прошу, пожалуйста. Только отстегните Клё с поводка.

— Что вы? А если...?

Андрей посадил птицу на плечо. Та успокоилась и даже как-то приобняла шею мужчины своими крыльями.

Девушка сделала десяток снимков и, забирая свою подружку, сказала тихо, удивлённо и восхищённо:

— Если вы не опытный дрессировщик сов, то вы — чародей, а я снимала Любовь!

— Вот деньги, вот адрес. Жду снимки! Спасибо!

Девушка ушла, а Андрей Петрович достал из сумки увесистый том «Династий». Огорчился, вспомнив, что забыл ручку и блокнот. Начал читать и через пять минут понял, что в голове чётко укладывается сложный математический граф родов, фамилий, дат и поместий. Память услужливо заносила в определённый кружочек информацию, и чья-то рука верно вычерчивала из этого кружка множество стрелок к другим таким кружкам. И эта нелюбимая им в исторических курсах хронология и генеалогия теперь давалась удивительно легко!

Так прошёл ещё час. Пора на автобус-экспресс, следующий в аэропорт. Андрей обрадовался, что место посадки в автобус было прежним, как и сорок лет назад. Стабильность и покой — вот чего желала уставшая душа мужчины.

Платоныч был очень рад встрече. Приобнял Андрея Петровича, спросил, глядя своими зоркими глазами в его глаза:

— Как съездил? Как Вера Яновна? Доложи кратко.

— Поход в Средиземноморье был удачным. Чести не уронили. И трофеи есть! — отрапортовал лоцман.

— Тоже мне моряк: поход... трофеи... — привычно пробурчал морской волк, но в усах было удовлетворение от доклада.

— Я тебе сувенир привёз, — сказал Андрей.

— Ну, покажи, — по-детски заинтересовался Платоныч.

— А поработать на строительстве нового флигеля дашь? Рыбачить научишь? — задиристо спросил доцент.

— Ишь ты, как много и сразу.

— Мне командующая флотом предписала умеренный физический труд и душевный покой.

— Кто, кто предписал?

— Вера Яновна.

— Она умеет. Настоящий адмирал в юбке.

Андрей вручил сувенир. Когда Платоныч надел перчатку на руку и ощутил, что она ему впору, он чуть не подпрыгнул от радости и удивления.

— Ну, Петрович! Ну, брат! Не ожидал. Спасибо, — и вновь обнял Андрея Петровича.

У того прервало дыхание. Резкая боль в позвоночнике.

— Ты чего? Ах, я идиот! Больно? Прости. Вечером в бане всё поправлю! Не робей!

— Крепка «десница командора»! — уже улыбался пострадавший.

— Принцесса меня называет «железным дровосеком». Поделом. А вот и она!

Навстречу им шла, нет, летела на невидимых крыльях Ирина Яновна. Расцеловала мужчин.

— Ты чего бабочкой порхаешь? — спросил внимательный моряк.

— Совы научили! — она стрельнула глазами в сторону Андрея Петровича.

— Какие совы? — не понял капитан.

Но так как расспросы он не любил, то отнёс «сов» к обычной женской болтовне.

— Как отдохнула, дочка? — снова спросил Платоныч.

— А ты, дядька, бывал в шторме? На гребне волны, одной, потом другой... — возбуждённо говорила девушка.

— Я везде бывал: и на гребне, и под ним, — рассеянно ответил морской волк и больше вопросов не задавал.

Путешественники проехали полпути к усадьбе и устроили недолгий привал. Платоныч достал припасы еды, положенные Анной Никитичной, а сам закурил и отошёл в сторону, сказав:

— Я сыт. Тут клубника, смородина, крыжовник, пироги, молоко, чай и прочее.

Иришка налегла на клубнику, Андрей на пироги.

Подошёл моряк.

— Что: оголодали в Европе? То-то же! — сказал он.

— Поехали быстрее домой! Я в машине доем, — воскликнула девушка. — Я только отойду позвонить.

Вернулась она грустная. Рука с телефоном висела как плеть. Мужчины молча переглянулись.

Тронулись. Когда молчание стало тягостным, Андрей спросил:

— Так что, капитан, дашь поработать на стройке?

— Доверю небольшой топорик. А там посмотрим. Мне, главное, бревно, доску придержать, поровнять. Тут и профессор сгодится.

Проницательный доцент знал, что девушка быстро вовлечётся в разговор.

— Ой, а я хочу сразу обустроить землю вокруг! Хочу аллею, лужайку... Поможете, Андрей Петрович? Работа с землёй даёт много положительных эмоций, прибавляет энергии.

— Да, пожалуй, — задумчиво отозвался моряк. — Надо чернозёма, песка, мелкого гравия привезти. Машин 15–20. Саженцы в лесу найду, а вот газонная трава... Пока всё вырастет, окрепнет — время надо. И труд большой.

Ирина Яновна погрузилась в хозяйственные планы, приговаривая:

— Дом получается большой, красивый. Двести квадратных метров. Два этажа вместе с мансардой. Пять комнат. Нужно предусмотреть эркеры: фасадную террасу с балконом, сзади дома — крыльцо. Хочу как в Сирагузах — она посмотрела на Андрея.

Платоныч добавил:

— Вера Яновна хочет начать отделку, но сначала нужно водоснабжение, электроснабжение, канализация. К «ноябрьским» она планировала закончить всё. Мне нужны «бурилы», электрики, пара чернорабочих и пара отделочников. И материалы.

— Ты мне обещал в мансарде сделать «светёлку» для меня. С особой фантазией. Своды из коряг...

— Эх, дочка. Хватит тебе по светёлкам сидеть. Пора уж и жениха выглядеть, — ворчал «дядька».

Ирина сразу потупила глаза и замкнулась.

— Сам там буду иной раз ночевать. Как Анна запилит. И русалочек приведу, — не обратив внимания, добавил моряк.

Андрей незаметно тронул его за руку.

А вот и появилась усадьба. Дмитрий Платонович сделал короткий звонок жене, и в момент, когда машина остановилась возле парадной террасы, навстречу вышла счастливо улыбающаяся Мария Родиславовна. Вслед ей Анна Никитична, уже с мокрыми глазами и платочком в руке.

Бабуля расцеловалась с внучкой, затем сделала шаг к Андрею Петровичу. Спина её приняла особый торжественный вид, глаза лучились нежным теплом. Мужчина даже вытянул руки по швам и наклонил голову.

— Добрый день, дорогая Мария Родиславовна.

Пани Мария взяла обеими руками голову Андрея и поцеловала в лоб. Тот в ответ обнял старушку за плечи и затем поцеловал ей руки.

— Добрый день, Андрей Петрович! Вы — рыцарь. Я горжусь вами!

Ясно было, что сёстры уже успели по телефонам похвастать перед бабулей тем, что «операция прошла успешно». Может и сюжетные картинки схваток подкрасили яркими мазками героики.

— Спасибо за столь возвышенные слова. Но я должен сказать, что нашими замечательными приключениями мы обязаны вам и Георгию Натановичу.

— Ваша комната ждёт вас, Андрей Петрович. Устраивайтесь, и через час сбор в столовой. Сегодня предпраздничный ужин, а завтра, когда придет Верочка, устроим пир.

Андрей попросил минуту внимания:

— Извините, но я имею провинциальную привычку сразу преподносить сувениры из дальних стран.

Он быстро достал из сумки то, что приготовил женщинам. Анна Никитична аж прижала колотушку к груди, искоса взглянув на хозяйственного мужа.

— Не бойся, не заберу. Вон мне-то что Петрович привёз! — Платоныч похвастал перчаткой.

Пани Мария тоже осталась очень довольна картиной и даже поцеловала её.

— А тебе, моя героическая сестрёнка, — Андрей неожиданно для себя и Ириши перешёл на «ты», — вот: памятная медаль за отвагу.

Андрей протянул ей карточку с изображением совы.

— Ой, как здорово! Где вы взяли? И хорошо, что вы обратились на «ты». И «сестрёнка» мне ужасно понравилось, — она прижала свою щёку к щеке мужчины.

— У тебя волосы пахнут Венецией, — тихо шепнул ей на ушко Андрей Петрович.

— Что вы там шепчетесь? Ну-ка, покажи! — заинтересовалась бабуля. — Вот про сов я и хочу узнать в первую очередь!

Иришка тоже одарила всех сувенирами.

Ужинали долго, толково и с беседой. Парадность ужина выдавали и сервировка, и закуски, и особенно несколько бутылок вина, из которых «вкусили» раньше, но вина были из очень дорогих, и грех было выпить всё сразу людям, не имеющим ярко выраженной склонности и опыта в виночерпии.

— Это с Иришкиного дня рождения осталось. С 21 мая. Вера привозила, — указала рукой на бутылки пани Мария и добавила. — Мне вон из той тёмно-зелёной бутылки, пожалуйста. Полней, полней налей, Андрей!

— О! Бабуля перешла от прозы к поэзии. А поэзия и вино неразделимы, — рассмеялась, слегка удивившись, внучка.

— Да, я заявляю, что ухожу в двухдневный «запой»: 150, нет 200 грамм вина сегодня за ужином и так же завтра.

Она сделала паузу и продолжила:

— Вы, Андрей Петрович, назвали Иришку сестрёнкой. Это замечательно! Позвольте и мне, Андрей, называть тебя сынком и обращаться на «ты». Хотя иногда, — она просительно смотрела на мужчину.

В глазах её Андрей увидел тяжёлую боль от воспоминания о погибшем сыне Яне.

— Конечно, я тронут, — он сглотнул комочек волнения.

— Иди, поцелуемся.

— А вы, пани Мария, позвольте и мне хоть иногда называть вас тётушкой. Можно? — уже спокойно спросил «сынок».

— Конечно. Молодец! Это вполне в духе нашей семьи. Давай ещё раз расцелуемся.

Они расцеловались трижды, все выпили. Иришка начала делиться своими впечатлениями о поездке. Говорила эмоционально, сбивчиво. Начала она с Сицилии. Восторженный окрас речи об Ортиджиа и Ното быстро сменился окрасом триллера. Как она мужественно участвовала в опасных приключениях. И про страшного Ричарда, и про катакомбы рассказала. А какой необыкновенный человек Андрей Петрович! А каковы его совы! И *Видит* он всё! Насквозь. И клад нашёл!

— А ты изменилась, внучка. Тебе была полезна эта встряска. А то киснешь тут со мной в усадьбе...

— Ну что ты, бабуля...

— Я знаю, что Вера увезла *Пергамент* в Москву. Я знаю теперь весь текст. Да и догадывались мы с Георгием... Но каковы совпадения! А что ты скажешь, Андрюша?

— Иришка сгущает краски, всё было достаточно элегантно... Лучше расскажи пани Марии о Флоренции и Венеции.

— Да, внученька. Где обещанные мне письма-эссе?

— О Флоренции отдам после ужина. А о Венеции... не пишется... А Вера приедет — посмотрим вместе фотографии...

— Надеюсь, письмо написано не так сбивчиво, как твой устный рассказ. Мы с Андреем Петровичем оценим стиль, — бабуля говорила тоном учительницы, хоть и чуть лукаво и мягко улыбаясь.

— Мы с Верой Яновной прочли. Всё замечательно! — поддержал «сестрёнку» Андрей. — От литературных оценок воздержусь. Я в отпуске и оценок, слава Богу, не выставляю.

— Хорошо, я прочту одна. На ночь глядя, — спокойно заключила Мария Родиславовна.

— Я с вашего разрешения пойду отдыхать к себе в комнату. Поезда и самолёты в таком объёме утомили меня, — сказала Ирина.

Вид у неё действительно был утомлённый. Может быть не только дорожная усталость, но и пылкий рассказ о Сицилии были причиной этому. Кроме того, мудрые глаза пани Марии и Андрея Петровича заметили, что упоминание о Венеции было чем-то огорчительным для девушки.

Когда Ирина вышла из столовой, Андрей сказал:

— А я пойду к Платонычу. Он меня пригласил в баню. И на стройку загляну. Можно, тётушка, я поживу тут у вас недельку-другую?

— И годик-другой, и десяток-другой... Я только не знаю, что будет тут... — её лицо стало тревожным. — И зачем новый флигель...

— Что вы имеете в виду?

— Вера приедет — обсудим.

Мужчина отнёс её тревожность на счёт преклонного возраста и продолжил:

— Я ещё обещал Платонычу партию в шахматы. А утром рано пойти с ним на рыбалку... Можно «сынку» пожить в таком «отвязанном» режиме?

— Можно. Взрослый сынок не должен быть пай-мальчиком. Но два условия...

Андрей насторожился.

— Первое: ужинаем здесь все вместе! — она сделала паузу.

— Хорошо. А второе?

— Ты подаришь мне медаль с совой. Как внучке, — её глаза по-детски капризно засветились надеждой.

— Пожалуйста, тётушка! — Андрей вручил «медаль».

Пани Мария глубокомысленно смотрела на кусочек картона. Затем резко вскинула глаза на мужчину:

— Андрей! Я совсем забыла спросить тебя... — глаза стали прищуренными, в них пряталась не забывчивость, а наоборот, ожидание, давно приготовленный вопрос. — Как вы «сработались», — она поморщилась от «неудобного» слова, — с Верой Яновной?

Рентген почти бесцветных глаз пани Марии просвечивал Андрея Петровича. Он начал что-то жевать губами и Мария Родиславовна чуть «нажала на педаль»:

— Она тоже изменилась? Мне Иришка сказала, что вы называете Верочку Снежной Королевой.

— Да, есть изменения, — спокойно ответил мужчина.

— Какие? — голос всё требовательней.

— Вот вы, пани Мария, забыли, что ко мне лучше обращаться «ты», а Верочка... забыла где-то букву «с» в своём титуле.

— Ага! Подтаяла?! Стала «Нежная Королева»?! — она хлопнула от восторга в ладоши. — И за это тоже тебе спасибо, рыцарь, — добавила она уже тихо.

Андрей поднялся в свою комнату. Открыл ящик стола, где лежали тетради Г.Н. Он провёл пальцами по ним, потом по паруснику на столе. Много лет он, Андрей, ждал своего «Дозора», своего главного дела в профессии. И интуиция подсказывала, что он на пути к нему, но самое-то главное служение — впереди.

Ему захотелось вдруг, чтобы тут, на столе, были фотографии и Г.Н. и Верочки. И, конечно, своих детей и внуков. «Да, — подумал он. — Эта комната будто рада была вместить в себя то, что вмещает теперь моё сердце.»

Андрей Петрович отодвинул висящие перед ним облачко сентиментальности, быстро переоделся, вышел в сад и направился в сторону строящегося флигеля.

Сруб «подрос» и на нём уже были выставлены стропила для крыши. Он окрикнул Дмитрия Платоновича, тот спустился вниз.

— Ну, садись. Сейчас перекурю и пойдём. Банька уже протопилась.

Они сели в старые кожаные кресла под большим навесом возле стройки.

— Трость пригодилась? — спросил моряк.

— Спасибо, очень, — ответил Андрей.

Он рассматривал верстак, мощный, длинный, инструменты под ним. Всё было организовано и продуманно чётко, по-флотски.

— Пойдём. После бани нужно ещё мат тебе поставить, профессор. До отъезда была ничья. Не люблю ничьих!

Когда после бани, чаёвничая, они сели играть, не прошло и двадцати минут, как Дмитрий Платонович сдался. И это на семнадцатом ходу!

Он был в полной растерянности:

— Я был одним из сильнейших шахматистов в нашем пароходстве!

Андрей Петрович успокаивал моряка:

— Вот, смотри, — он вновь расставил фигуры и повторил все ходы с подробным комментарием, объясняя наилучшие варианты из тысяч возможных.

— Ты, Петрович, что — гроссмейстер!? Ты просчитываешь на 25 ходов вперёд!?

— Нет, — растерялся Андрей, вдруг удивившись самому себе. — Я увлекался в юности очень, да и играть люблю, — он сделал паузу. — А матрицу... доску, фигуры так отчётливо просчитываю впервые.

— Давай реванш! — воскликнул горячий моряк.

— Извини, разболелась голова. Потом. И на рыбалку... не завтра... потом. А на стройку приду сразу завтрака. С удовольствием!

— Добро! Приходи! Коряги наверху ошкуришь. Чтобы гладкие были!

Покрасишь лаком, — Дмитрий пожал руку Андрею.

Тот взял у Анны Никитичны запасные ключи от парадной и задней дверей усадьбы, попрощался с хозяевами и ушёл.

Близилась полночь. Сумерки сгустились и осели в кронах деревьев причудливыми тёмными одеяниями. Ветер шелестел листвой, и этот шелест более всего напоминал шипение, которое изредка прерывалось чудными «охами и ахами», неизвестными зовами, мало чем напоминающими человеческие. А вот вскрикнули, а вот заплакали...

В доме было тихо. Андрей Петрович осторожно прошёл в свою комнату. Через десять минут он уже спал. Спокойно и крепко, пока под утро, перед самым рассветом не началась гроза, и сон, весьма эротичный, заставил его проснуться в возбуждённом состоянии.

Шесть утра. Рассвело. Гроза кончилась, и над рекой лежал туман. Светлая полоса неба окаймляла картину. Андрей постоял у окна и снова лёг.

«Платоныч рыбачит, наверное. Это нужно очень любить, чтобы в такой влажной среде, среди комаров... А может он среди русалок...»

Он с удовольствием вспомнил сон. Будто он во флигеле, в светёлке с двумя русалками. Те сидят на гладких корягах напротив друг друга и ритмично трутся своими хвостами по отполированным сучкам, и закатывают глаза, и из приоткрытых ртов вырываются сладкие стоны...

«Да, — подумал доцент, — почему, интересно, засыпая, бывает, что думаешь о науке, а снятся... «русалки»

Когда Андрей вошел в столовую, пани Мария и Ирина уже завтракали. Он поздоровался, те ответили:

— Вот видите... видишь, Андрей, мы с внучкой уже завтракаем, не дожидаясь...тебя, сынка отвязанного, — бабуля была весела. — Как провели вечер у Дмитрия и Анны?

— Принят на работу, на строительство флигеля. Подмастерьем.

— Замечательно. А как выпались? Твоя комната приняла тебя? Гроза не мешала?

— Комната уверенно перешла на «ты» со мной. А гроза... Наоборот. Приснились русалки... непозволительно вульгарные...

Мария Родиславовна расхохоталась.

— Восхитительно дерзкие? Головокружительно сладострастные?

— Очень! — признался «сын» доброй «тетушке».

— Это тебе, Андрюша, не твои совы! Будь осторожней: увлекут, утянут за собой...

Иришке явно не нравился диалог и она не приминула сыронизировать:

— Мы, бабуля, только что говорили о Микеланжело...

— И что с того? Мы просто не касались темы... его «курочек» — парировала пани Мария.

И, обращаясь уже к Андрею Петровичу, пояснила:

— Я вспомнила своего деда, — лицо ее помолодело лет на 30. — Он, когда вышел в отставку, зажил помещиком. Часто после утренних прогулок он говаривал бабушке: «заслушался соловья», «зачитался», но чаще «засмотрелся на молоденькую пастушку». Бабушка никогда не сердилась. Наоборот — всегда шутила: «Мой Генрих — всегда молодой петушок». А он отвечал: «А ты, Моника, моя веселая, маленькая курочка». И они нежно целовались.

Ирина Яновна быстро закончила завтракать и убежала. Мария Родиславовна сказала:

— Побежала к Анне во флигель. И садик свой навестить. Соскучилась, — и добавила потупив глаза, — у нее быстро меняется настроение. И о Венеции не хочет рассказать. Странно. Иришка ведь только второй раз была за границей. В первый раз мы с Верой повезли ее на восемнадцатилетие в Польшу. Путешествовали три недели. Большею частью жили у родни в Гданьске. Конечно, и в Варшаве, и в Кракове. И вот сейчас, в 25 лет, снова юбилей и снова путешествие. Но мало, мало у нее общения, впечатлений. Я виновата, держу ее здесь возле себя.

— А у вас, дорогая тетушка, когда день рождения? — спросил Андрей.

— У меня 10 августа, — улыбнулась пани Мария.

— Ого, скоро совсем, — и добавил. — «Львица» по гороскопу. У меня, вы знаете, появилось странное ощущение... склонность и способность к астрологии, нумерологии.

Мужчина искал какое-то понимание и может, даже ответ в глазах Марии Родиславовны, но та сказала просто:

— Вот и подарите мне на день рождение гороскоп. Я в молодости жуть как любила гадать и верила и картам и цифрам. А в звезды и сейчас верю!

— С удовольствием! Но, боюсь, ваши внучки меня высмеют. Они опытные маги.

— А вот и сравним! — коварно заключила пани Мария.

— Я пойду. Платоныч уже там, на стройке, наверное.

К полудню на стройплощадке появилась Ирина. Все внимательно, по-хозяйски осмотрела, обошла вокруг.

— Тебя уже больше интересует этот новый флигель, чем наш, старый? — спросил Платоныч.

— Не знаю, я в какой-то растерянности. Но мне, дядька, хочется...самостоятельности.

— Понимаю, дочка.

— А я вижу, что Андрей Петрович оказался полезным и тут! — улыбнулась девушка, наблюдая, как поодаль работает Андрей.

— Так точно. Я и не ожидал. Он спроектировал за три часа эркеры с парадной террасой и задним крыльцом. Без калькулятора до сантиметров. Вот смотри: выставил колышки, натянул бечевку. А вот его рисунки. Прямо настоящий архитектор!

— Он любит архитектуру, — девушка посмотрела на рисунки. — Заметны два его любимых стиля: барокко и готика. А не слишком сложно и дорого?

— Не знаю. Но ведь красиво? — сказал подошедший Андрей Петрович.

— Мне очень нравится! — ответила Ирина Яновна. — Скоро, через час-другой, приедет сестра-начальница. Я буду голосовать «за». Она, кстати позвонила, что съездила в Москву успешно. Поедет на такси, дожди наверняка подпортили дорогу, и её кабриолет не «вытянет». Платоныч, заканчивай здесь, пойди с Андреем Петровичем, поможете Анне Никитичне доставить праздничный обед. А я пойду в усадьбу, помогу бабуле расставить приборы на столе. Она хочет выставить тот сервиз, который отец подарил ей и дедушке на серебряную свадьбу. Он привез его из Японии.

...Вера Яновна с решительным видом победительницы и загадочным видом волшебницы вошла в гостиную. С огромным букетом цветов, с подарками и сияющим лицом.

— Ты чего, Верунчик, такая счастливая? Тебе сделал предложение какой-нибудь принц? — прищурила глаза Мария Родиславовна.

— Пока нет, — рассмеялась молодая женщина. — Жду!

Расцеловалась с бабулей, сестрой, Андреем.

— А от тебя, сестренка, жду рассказа о Венеции и фотки о... Что такое? — старшая сестра посмотрела на младшую добрыми и мудрыми глазами опытной женщины. — Потом расскажешь.

Перевела взгляд на Андрея.

— А ты, Андрей Петрович, чем занимаешься? Не скучаешь?

— Только по тебе! — галантно ответил рыцарь. — А все оставшееся время зарабатываю трудодни у Дмитрия Платоновича.

— И много заработал? — улыбаясь, спросила Верочка.

— Поставили на постой и кормят на убой, — вдруг стихами ответил мужчина и посмотрел в сторону пани Марии.

— Я тоже буду выдавать зарплату, — значительно сказала Верна Яновна.

— Пойдемте в столовую, друзья! Я так люблю деньги, что у меня жутко разыгрался аппетит. И выпить пора. Не забывайте: я в запое, — скомандовала, хохоча, бабуля.

— А где Анна Никитична и Дмитрий Платонович? — спросила Вера, войдя в столовую.

— Они будут ждать вечером у себя на ужин, — сказала Ирина.

Все сели к столу. Андрей наполнил бокалы.

— За ветку, на которой сидят птицы удачи, — молодая женщина на ходу сочиняла

тост, — И за ветер удачи!

Когда все выпили, Мария Родиславовна не приминула отметить:

— Для экспромта... начало неплохое, но потом... излишний пафос, штампы. Я бы сказала так: за пиратские паруса удачи, на которые не смогли покакать черные птицы. Налей, сынок!

— Сынок? — удивилась Вера, посмотрев на Андрея.

— Да, представь себе. Я дала Андрюше титул. А ты если будешь еще затягивать с нашей зарплатой, лишишься... Хм... Королева... Хи-хи...

— Вот, пожалуйста.

Вера Яновна достала пачки евро, разделила на четыре равные части и положила напротив каждого.

— По 40 тысяч евро. Это гонорар за работу. И только за работу в этой командировке. Александр Владимирович с нашего разрешения покажет *Пергамент* в Риме великому магистру и Папе. Скажет, что это из частной коллекции одной российской аристократической семьи. Потребуется проверка подлинности. И вероятнее всего Рим захочет выкупить этот *Пергамент*. Деев снова будет в Москве через месяц. По мере необходимости он за это время будет звонить мне, но ответ наш, точнее готовность к вариантам развития событий я должна дать завтра до полудня.

— Каковы же варианты? — спросила пани Мария.

— Первый: забираем *Пергамент* обратно себе и храним далее; второй: передаем официально *Пергамент* в Министерство иностранных дел России и... тут есть масса сложностей... тут чиновничество и бюрократия и...рты... А третий мне нравится более всего: сами назначаем достойную цену за *Пергамент* и продаем его как свою собственность Риму через нашего представителя Деева. Своему министру он, возможно, пока не доложит и полной мере... впрочем, там свои игры, — доложила Вера Яновна.

Все четверо медленно потягивали вино, рассеяно закусывая и пребывая в некоторой счастливой задумчивости.

Молчание нарушила Иришка:

— А можно я потрачу часть своей доли по своему усмотрению? Я очень хочу автомобиль!

Её глаза сияли.

— Да, конечно, родная моя. Вот и Андрей Петрович хочет автомобиль, — подтвердила старшая сестра.

Мужчина вскинул глаза на Веру и проговорил нерешительно:

— Да, возможно, — и посмотрел на Марию Родиславовну.

Та кивнула утвердительно и сказала:

— Я хочу, чтобы ты, Андрей Петрович, не оставлял нас надолго. Еще больше была бы рада твоему переезду сюда или в Петербург. Автомобиль в определенной степени будет давать нам надежду. И еще: прошу тебя купить авто посолидней.

— Let it be! — уже уверенней сказал Андрей.

— Моя доля пойдет на завершения строительства нового флигеля. И еще добавлю... позже, — сказала Верочка.

— И моя доля тоже, — задумчиво сказала пани Мария — Но...

— Что? — спросили обе внучки одновременно.

— Давайте сначала спокойно пообедаем. О проблемах чуть позже. А вот десятину, то

есть по 4 тысячи евро, нужно передать Дмитрию Платоновичу и Анне Никитичне. Его «Ласточка» совершенно негодная. А ведь он по реке возит лес, готовит бревна, доски, дрова на зиму...

— Молодец, бабуля! Правильно, — подтвердила Иришка.

Когда обед уже подходил к концу и сестры сервировали чайный стол, бабуля ушла к себе в комнату и, вернувшись, принесла папку с бумагами.

— Это документы по усадьбе... по музею. Тут есть новое письмо из мэрии. Получила два дня назад? — она достала дрожащей рукой листок. — Вы знаете, что теперешний мэр считает музей не рентабельным и, следовательно, ненужным. Об этом он уже написал и ранее. Я без вашего ведома отписала ему еще полгода назад, что это усадьба наших предков, и спросила разрешения выкупить её по кредиту в собственность семьи Богдановичей. Предлагала и другие варианты. Твой, Верочка, тоже: база отдыха творческой интеллигенции Петербурга. Отказ!

Вера Яновна быстро, опытным взглядом пробежала документы.

— Вот и я думаю, — сдерживаясь, продолжила бабушка, — следует ли вкладывать деньги в новый флигель. Ведь, если мы будем вынуждены отсюда... Правда, мэр хочет здесь обустроить, как это... м... спа-отель и village. Даже может предложить Иришке, Дмитрию и Анне работу. Жить во флигелях и им, и мне можно будет... Опять...опять не дают умереть в своем доме.

— Этого не будет! — закричала Ирина Яновна. — Мы найдем спонсоров, мы... — она споткнулась о «тугой кошелек» администрации.

— Успокойся, Ирина. — Вера подсела к бабуле и обняла её за плечи. — Самое плохое для нас, что у мэрии на нашу усадьбу есть виды, — она сделала паузу — по бумагам 1997 года кадастровая стоимость земли и строений 45,6 миллионов рублей. Рыночная на сегодняшний день примерно 140–150 миллионов рублей. Плюс взятки в мэрию еще 10–15 миллионов. Да, сложно.

— Вот еще бумага, — глаза Марии Родиславовны совсем потускнели и руки одеревенели. — Постановление о том, что музей ликвидируется. Срок — 15 января будущего года. Работники музея со своими личными вещами должны к этому времени освободить территорию.

— Нет! Мы можем продать *Пергамент*! Вера, ты же знакома с ценами на древние артефакты... — выкрикнула Ирина.

— Это сложные торги. Но 150 миллионов рублей мы можем попытаться выручить. Но до 15 января?

— Бабуля, соглашайся продать! Прошу тебя... — чуть не плача, обняла за шею бабушку младшая внучка.

— Я приняла решение! — уже твердыми губами сказала пани Мария. — Что тут думать: усадьба — моя малая Родина и по праву должна принадлежать нам, а *Пергамент* — Ордену иоаннитов. Но нам не возвращают наше, а могут только лишь продать. И мы имеем право продать *Пергамент*. Лишь бы хватило средств. Наши родовые угодья советская власть урезала еще в 1918 году, но имеющиеся теперь почти сто гектар земли вполне достаточно.

Когда чаепитие закончилось, и сестры убирали со стола, пожилая женщина спросила:

— Деев интересовался *Укладкой*?

— Конечно, но я в этом вопросе пока лавирую. Рано открывать карты, — ответила Вера Яновна.

— Правильно. А подробностями поездки на Мальту интересовался?

— Он весьма умён и опытен, чтобы спрашивать лишнее. А вот Андреем Петровичем он заинтересовался, — молодая женщина задорно посмотрела на мужчину.

Тот насупился и спросил.

— Почему? Ты что-то рассказала обо мне?

— Разумеется. И попросила помочь найти достойную работу образованнейшему и талантливейшему историку.

— Я и здесь может быть сгложусь, — проворчал Андрей. — Ладно, мне пора на стройку. Платоныч ругаться будет.

— Иди, иди, пролетарий, — засмеялась Верочка и поцеловала его при всех в щеку. — Я поболтаю тут еще, посплю часок и вечером приду на стройку и во флигель. В каком часу капитан дает команду «суши вёсла»?

— По-разному.

— Я приду к шести-семи.

Андрей Петрович ушел, а сестрички поднялись в Иришкину комнату. Хозяйка села в кресло, а сестра разделась и легла в кровать.

— Расскажи о Венеции, — попросила Верочка, когда устроилась на кровати поудобней.

— Зачем? — насупилась Ирина. — Он не звонит и не отвечает на мои звонки... — расплакалась.

— Так, давай по порядку и спокойно — Вера села на кровать, положив под спину две подушки. — Садись ко мне и рассказывай.

— Его зовут Сергей. Вечерний поезд Флоренция-Венеция. Дама, Ольга... отчество забыла — его мать. Солидный мужчина рядом с ними — профессор искусствоведения, бывший россиянин, везет шумную ватагу студентов в Венецию на практику.

— Да, помню, ты в письме писала; что тебя привлек спор о... что-то Набоков сказал о «Преступлении и Наказании».

— Да, профессор цитировала слова Набокова насчет того, что не убеждает сцена, когда «убийца и блудница (Раскольников и Мармеладова) читают Библию». А Сергей утверждал, что в поэтике Достоевского сочетается разрушение себя с разрушением мира, добро со злом. Он еще сказал: «Если человек потерян во грехе...». Ведь точно, потерявшаяся собака может учуять добро и в убийце, и в блуднице... Потом он стал смотреть на меня. Большие зеленые глаза, добрые, а губы, прикрытые бородкой часто в беседе чуть искривлены, ироничны. Взгляд очень сильный. Он смотрел мне прямо в глаза, чаще и чаще. А я в его глаза. Как замороженная, не шевелясь. Он по профессии — психоаналитик, и это невероятное чувство, когда тебя изучают взглядом профессионала, и еще невероятно приятно, если это молодой красивый мужчина. Сергей заметил, что я прислушиваюсь к разговору, и мне почудилось, что он шепнул тихо: «Иди ко мне»... Я решительно под села к ним, сказав, что я филолог, петербурженка и разговор мне их очень интересен. А про себя подумала: «Этот парень (бородка делала его старше, на самом деле ему оказалось всего 31 год) потащил меня, как щеночка за веревочку...» Понимаешь, я почувствовала себя маленькой, хотелось сказки на ночь... Но когда я увидела близко его руки, сильные мужские руки, я... стала дрожать...

— Понимаю, милая. Ты влюбилась! Рада за тебя! — Верочка обняла и поцеловала сестричку. — Рассказывай.

— В Венецию мы приехали к полуночи. Все: и профессор со студентами, и Сергей с мамой, и я сели в вапоретто (водный автобус) и покатались по Гранд-каналу. Мои новые

знакомые вышли на «Академии». Сергей с мамой направились в отель «Pensione Accademia Villa Maravege», а я поплыла дальше до станции San Zaccaria в свой отель «Campiello». Это уютный отель совсем рядом с Палаццо Дукале и базиликой Сан-Марко.

...Я весь следующий день провела с Сергеем. Его мама ушла в Галерею Академии (она искусствовед, работала до последнего времени в Венском центре архитектуры). Ой, я же не рассказала... Мысли путаются...

— Ничего, девочка, ничего. У тебя смятение души, да еще после катакомб новое... продолжай. Я слушаю и все понимаю.

— Сергей и его мама — бывшие ленинградцы, но уже двадцать лет живут и работают в Вене. Сергей закончил университет, работает там на кафедре. Но его что-то не устраивает... он во многом не согласен с Фрейдом, а это же кумир западной психоаналитики... Он хочет вернуться в Петербург, все расспрашивал о Питере. Говорил, что если Питер так же прекрасен, как девушки, живущие там... Я пробормотала, что-то вроде того, что Петербург наверное похож на Вену... Он так красиво и умно разговаривает! Когда рассказывал о знаменитых венецианских карнавалах, о масках, о людях в масках, о невербальной семиотике (жест, мимика), я вспомнила тебя. Ты бы тоже влюбилась в него!

— Ну, если о семиотике красиво говорит — пожалуй! — рассмеялась сестра. — Расскажи о вашем дне в Венеции.

— Да! Сказочный день! И ночь! Он ведь проводил меня в аэропорт. Водный экспресс от станции S.Zaccaria до аэропорта «Марко Поло» плывет по лагуне более часа. Легкая морская качка нас убаюкала, и мы, обнявшись, продремали весь путь. Мы ведь всю ночь бродили, катались на гондолах!

...Мост Риальто, мост Вздохов, вообще весь Гранд-канал. Прокатились по лагуне. А прекрасный вид на ночную Венецию через лагуну! Ты знаешь, мне казалось иногда, что я в Питере на «Ваське» и это Нева, а не лагуна, и это Зимний, а не Дворец дождей. То ли небс напоминало питерское, то ли здания купались в воде и вечернем свете так же, как возле Финского залива. При ночном освещении полная иллюзия сходства. Верунчик, я тебя заговорила, ты ведь хотела подремать. Ох, извини... Да и мне... что теперь... он не хочет...

Вера действительно была погружена в какие-то ассоциации, видения, которые как воды лагуны колыхались в сознании нестройными рядами гондол.

— Это ты, родная, устала от рассказа. Вот опять плачешь. Не волнуйся. Он позвонит! Я чувствую, что это какое-то недоразумение. А фото, видео есть?

— Все снимал Сергей.

— Давай отдыхать. Может быть совы нашепчут мне что-то во сне.

Ирина удивленно посмотрела на Веру и, ничего не сказав, вышла из комнаты.

Когда Вера Яновна пробудилась, она нашла сестру в библиотеке. Та листала альбом венецианских живописцев.

— Что тебе нашептали совы во сне? Ты разве умеешь их *видеть*?

— Не знаю точно, что я умею... А видела воду, каналы, лагуну и твоего Сергея, ныряющего... Раз, два... семь. Пойдем-ка, погуляем, дойдем до нового флигеля, — сказала старшая сестра.

— Пойдем, — обрадовалась Ирина.

— Скажи-ка, а мама Оля этого Сергея какая? Андрей говорил...

Иришка резко оборвала Веру, остановившись и взволнованно посмотрев на сестру:

— Ты что, собираешься поговорить с Андреем Петровичем обо мне?

— Да.

— Я запрещаю! Мало ли девушек, которых бросили парни.

— Во-первых, не кричи, во-вторых, не похожи эта девушка и этот парень на «мало ли», в-третьих, и это главное, Андрей говорил, что в Вене живет его сокурсница, и мы даже подумывали съездить в Прагу и Вену вместе или по одиночке. Отложили пока поездку.

А зачем?

— Следы одного барона поискать, — нехотя ответила Вера.

Младшая сестра потупилась и вымолвила:

— Извини меня, Верунчик. Ты умная, а я — дура. И Сергей очень умный, а я ему, наверное, показалась дурой.

— Всё-всё! Ты — умница и красавица, — Вера Яновна обняла сестрёнку и вдруг воскликнула, — ого! А флигель то подрос. И крыша есть. А где герои труда?

Героев труда не было. Сестры обошли стройку, покричали. Никто не отозвался. И они направились к старому флигелю. Но и Анны Никитичны не было ни дома, ни в огороде.

— Она, наверное, всё-таки повезла ужин в дом. Бабуля ведь настаивает на ужине в семейном кругу. Да, точно, время-то четверть седьмого, — сказала Ирина и неожиданно рассмеялась, — Смотри! Вон там: на реке.

По реке двигалась «Ласточка», его управлял мореход. Моторка жутко тарахтела, таща за собой плот, на котором лежали несколько огромных чурок и куча коряг замысловатого вида. На самом конце плота стоял Андрей Петрович, по пояс голый, широко расставив ноги и держа в руках гребень — длинное весло, вставленное в уключины по центру кормы плота.

Лодка уже причаливала. Платоныч выпрыгнул на берег, держа в руках фал с якорем на конце, подтянул другой рукой плот к берегу и надежно закрепил.

Когда Андрей и капитан направились в сторону дома, раздались аплодисменты. Рукоплескали восторженные сестры. Крепкие мужские тела и спорая работа сильных рук возбудили их.

— Как ловко вы причалили! А как красиво подплывали! Особенно Андрей: варяг, викинг, норманн, — восклицали наперебой Верочка и Иришка.

— Норманн-не норманн, а мужик нормальный, — улыбнулся моряк, — а вот «Ласточка» совсем не тянет.

— А зачем эти деревянные колоды и коряги? — спросила старшая сестра.

— Петровича потянуло на деревянную скульптуру. И принцесса интересуется этим. И я: ростры кораблей всегда были с красивыми фигурами из дерева, — ответил Дмитрий Платонович.

— Не знаю... если эстетически... Это ремесло приближенно к художественному творчеству, — протянула неуверенно Вера Яновна. — Вот, капитан, это ваши с Анной Никитичной деньги. Купите новый катер.

Она протянула морскому волку пачку в 16 тысяч евро.

— Спасибо огромное! — и все увидели, как умеет радоваться этот воин.

Подошла Анна Никитична.

— Мария Родиславовна ждет к ужину. Я отвезла, — сказала женщина. — Мы-то с Димой хотели здесь вас покормить, но...

Потом обратилась к мужу:

— Ты совсем замучил Андрея Петровича. Совесть-то поимей!

Она вынесла воды, Андрей умылся, надел рубашку и кроссовки.

— Ты, Никитична, не ворчи, а скажи-ка спасибо Вере Яновне. Она нам дала денег на новый катер, большой и мощный.

— Ой, спасибочки! Ах, Верочка, ах, красавица наша! Господь услышал мою просьбу. Он ведь, — она показала рукой на мужа, — замучился вовсе ремонтировать «Ласточку».

— Я рада! И рада, — Вера посмотрела на мужчин, — что флигель новый подрастает и хорошеет.

— Петрович запроектировал и в уме рассчитал крыльцо и террасу. — Рассчитывает и запоминает шахматные партии, — добродушествовал моряк.

Вера посмотрела на Андрея:

— Я же просила тебя работать с матрицей осторожно, экономя силы...

— Я экономлю, — хмуро ответил Андрей Петрович.

По дороге к дому Верочка спросила:

— Ты, Андрей, как-то обмолвился, что в Вене у тебя есть знакомая. Сокурсница.

— Да.

Он подустал и шел вялой походкой, все еще широко расставлял ноги.

— Расскажи, кто она, как зовут? Дети есть? — Вера Яновна взяла мужчину под руку.

— Зачем тебе это сейчас знать? Хочешь все-таки поехать? — удивленно спросил Андрей.

— Нет, не поехать. Так, строю планы.

— Её зовут Ольга Сергеевна, она искусствовед, культуролог, сына зовут Сергей, он — психоаналитик.

Шедшая рядом Иришка ойкнула и, теряя равновесие, взялась обеими руками за локоть сестры.

— У тебя телефон с собой? Знаешь её номер?

— Номер, конечно, знаю, а телефон в моей комнате, в усадьбе.

Младшая сестренка заметно ускорила шаг, а Вера, наоборот, остановилась позвонить, вспомнив что-то:

— Алло, Платоныч? Я забыла попросить тебя увезти меня в 9 утра. Может быть поедут также Андрей Петрович и Ириша. Они собираются купить авто. У тебя ведь в Питере есть специалист по автомобилям. Вот и прекрасно. До завтра.

— Ну чего ты встала? Потом бы позвонила, — торопила старшую сестру младшая.

Зайдя в дом, троица сразу поднялась в комнату к Андрею. Тот сделал звонок Ольге:

— Привет, Оленька! Как дела?... Вы в Венеции... Еще день... А Сергей с тобой?... Нервничает, утопил свой телефон?... Да... Дай ему трубку, если он рядом... Привет Серёжа! Не удивляйся моему вопросу: познакомился ли ты в Венеции с одной очаровательной девушкой из Питера?... Как зовут?... Правильно — Ирина... Страдаешь? То-то же, психотерапевт. А хочешь сейчас с ней поговорить?

Девушка, вся красная лицом, со вспотевшим лбом, дрожащими руками выхватила из рук Андрея телефон, и пока она добежала до своей комнаты, было слышно:

— Как утопил?... А я... чуть не умерла тоже!.. Когда?... Запиши мой номер...

— Ключи совпадений помогают нам и сейчас! — тихо сказала Верочка, нежно глядя в глаза мужчине.

— Мне нужно переодеться, — Андрей начал расстёгивать рубашку.

— Дай я помогу.

Её руки уже расстёгивали брючный ремень.

— Как ты был хорош на плоту! Широко расставленные ноги, обе руки держат длинное... весло. Ты движешь им, конец весла чуть ниже твоего живота... твердое... туда сюда, туда сюда... хочу... нет, сейчас же. Экспресс!

— Это «весло» называется гребень... — Андрей целовал её шею.

— Как эротично... Гр...ебень, — она уже манипулировала руками и губами под животом мужчины и вздыхала- Гр...ебень...

«Да» — подумал весело мужчина, — опытный лингвист всегда заглянет глубже в... корень...и в...суффикс...» Ему было хорошо!

Когда парочка вошла в столовую, Иришка бросилась обнимать и целовать сначала сестру, а затем Андрея Петровича.

— Ох, удивительный вы человек! И милый! Вы творите чудеса! Я так счастлива, так благодарна, — и вдруг секундная пауза, — хм, от вас пахнет Верочкиными духами.

Всем стало неловко. Мария Родиславовна строго посмотрела на младшую внучку, покачала головой:

— Взрослые, благовоспитанные девочки должны иметь больше ума и такта, — тихо сказала она на немецком языке, самом подходящем для выговоров.

Андрей быстро нашелся и пошутил, пожав плечами и перефразируя Ломоносова:

— Широко простирает парфюмерия запахи свои в тела человеческие.

Пани Мария попросила мужчину наполнить бокалы. Встала, держа свой бокал в руке и ласково обводя взглядом присутствующих.

— Дети мои! Мне эта озорница, — она посмотрела на Ирину, — сказала уже два слова о своем венецианском романе и о том, как эта веселая парочка, — она посмотрела на Веру и Андрея, — нашла след Сергея. И мое обоняние тоже чувствует, что в атмосфере скопились какие-то добрые крохотные ангелочки-амурчики. За любовь! — выпила и села, что-то буркнув по-польски.

— Что она сказала? — спросил Андрей Иришку на ушко.

Та ответила ему тоже на ухо:

— Бабулино любимое: «Тяпну еще двадцать капель и завяжу». Каждый вечер перед сном она говорит это о валерьянке.

Андрей снова приблизил губы к ушку девушки:

— Между прочим, ваше ушко тоже источает какой-то нежный аромат. А губки горячие!

Девушка вновь коснулась губами уха мужчины:

— Вы добрый и мудрый. Извините меня за...

— Чего вы шепчитесь за столом? — недовольно спросила пани Мария.

Вера Яновна тоже недоверчиво поглядывала на покрасневшие щеки сестры и масляные глаза друга.

— Я пытаюсь выучить несколько слов по-польски, — рассмеялся Андрей.

— Ну, ну, — добродушно сказала бабуля, — а какие у вас, друзья, планы на завтра?

— Я уеду сразу после завтрака. С Платонычем договорилась, — сказала Вера.

— И я хочу, — просительно, глядя на бабулю, сказала младшая внучка. — Мне нужно на пару дней.

— Я тоже с вашего позволения на пару дней...Прогулы отработаю. Да, Платоныч, видимо, едет с нами на весь завтрашний день, — сказал Андрей Петрович, заискивающе глядя на тетюшку.

— Не переживайте за меня. Мы с Анной вполне управимся и без вас. Авто хотите

купить? — прищурилась пани Мария. — Правильно.

После ужина Верочка заявила:

— Я, ребята, катастрофически не высыпаюсь. Мне нужен... — она замаялась.

— «День бревна»! Это такой ежемесячный праздник, когда, расположившись уютно на диване, следует созерцать что-то невинное, отдавшись милому и лукавому одиночеству. Рекомендую, — наставительно изрек мужчина.

— А позволительно к этим невинным радостям добавить винные? — Вера отпила из бокала вина.

— К правильному употреблению вина в «День бревна» нужен талант и опыт, — снова наставительно изрек Андрей.

— Давайте назначим следующее воскресенье, — подняла руку Ирина.

— «Одобря...м!» — подняли руки остальные.

— Я пойду в библиотеку, почитаю, может там и засну. Принеси, пожалуйста, туда постельное белье, сестрица. И я первая иду в ванную.

— Я вторая, — сказала Иришка.

— Я третий. Извини, Ирина, какие у Сергея планы?

Иришка вовсе не сочла такой вопрос от старого друга семьи Сергея бестактно. Наоборот, обрадованно пыталась объяснить.

— Я успела понять лишь в общих чертах. Волновалась. Да и он все обо мне спрашивал.

— И все-таки, — улыбаясь, настаивал Андрей, — вы же проговорили минут пятнадцать. Хотя разговор влюбленных... малоинформативен.

Он чуть не сказал «малосодержателен». Его побуждало непростое любопытство, он как-то подспудно намеревался связать свои планы и планы Сергея.

— Сергей собирается в октябре-ноябре переезжать в Питер. А вот надолго ли, он не знает. Документы готовы пока на год. Жилье здесь есть, на Благодатной, возле Парка Победы. Нужна работа, кабинет психоаналитика. Он создал очень перспективную методику работы с клиентами. Эта методика заложена, увязана в дорогостоящем приборе, в создании которого принимали участие разные специалисты. Ни прибор, ни техническую документацию ему на кафедре не отдадут. И потом...его мама не хочет возвращаться в Россию. В Австрии у нее и высокая пенсия, и страховки, и классное медицинское обóлуживание... Да и квартиру, и две машины достойно не продать. В общем, она будет ждать как сложатся дела у сына.

— Да, да, знаю, понимаю... Жаль, что я пока ничем не могу помочь... Но думаю... Выстраиваю намерения... — как-то рассеяно сказал Андрей Петрович.

Девушка долго не могла заснуть, слушала музыку: сначала два диска «Романтика в классической музыке», затем... ей вдруг послышались странные, порой очень громкие звуки из комнаты мужчины.

Она тихонечко вышла и заглянула в библиотеку. Пусто, сестрицы нет.

«Ясно! Не высыпается она, бедненькая».

Ирина вернулась обратно, поставила диск «Зов мистика». Начала медитировать под звуки колокольчиков, тибетских чаш. Вступившие китайские флейты и индийские скрипки наполнили душу мистическим, чувственным зовом. Девушка, предавшись сладостным мечтаниям и фантазиям, наконец, уснула, зажав между бедрами любимого белого медведя, игрушку которой была верна пятнадцать лет.

Утро было ясное и теплое. Андрей встал пораньше и до завтрака сбегал на речку искупаться.

Уже в машине, как только пассажиры устроились, Дмитрий Платонович проворчал сидевшему рядом Андрею:

— Купаться на реку бегаешь, а рыбачить не хочешь научиться. Зря, очень занятная штука, — и, повернув голову к сестрам, спросил, — в какую цену машины, какая марка, масть? Наличность, кредит?

Андрей первым высказал свои пожелания:

— До двух миллионов, наличными, «Volvo XC90», цвет темно-синий или бежевый.

Ирина Яновна медлила с ответом.

— А твой друг хорошо разбирается в машинах? — спросила она.

— Это мой старпом, Данилыч, восемнадцать лет служили без аварий. В полугодовом походе на слух определял, где и что в судовой машине. Уйдя в отставку, взял автомастерскую. А теперь сын его владеет большим автосалоном и большими связями в делах купли-продажи автомобилей. Я вчера вечером позвонил Данилычу. И сейчас нужно доложить ему «схему навигации», то есть ваши пожелания.

Иришка, колеблясь, начала рассуждать вслух:

— До полутора миллионов, наличными, светлую... может «Nissan Note», в честь города Ното. Она небольшая, парковаться в Питере удобно.

Моряк возразил:

— «Задницы» у этой «Note» нет. Ну да, она не баба, парковаться действительно удобней. Но малогабаритная и подвеска низкая для наших сугробов.

— Эстетика без «попы» страдает. Возьми «Volvo XC90», — посоветовала Вера Яновна.

— Хорошо, — подтвердила, решившись, девушка.

Платоныч позвонил другу, передавая пожелания:

— Да, да, Данилыч... К 16 часам информация... В 21:00 у тебя... Там же, на Пестеля?... Будь здоров, старпом! Спасибо! — и, обращаясь к пассажирам, — встречаемся в 16:30 у метро «Петроградская». Там по Каменноостровскому уйдем... 3–4 салона посмотрим. Нам подготовят машины для показа. Сегодня нужно выбрать, завтра оформить и забрать. Я до 16:30 поезжу по строймагазинам, закуплюсь кое-чем. И салон весь забью. Так что обратно в усадьбу сами...

— Хорошо, а я сегодня поищу по интернету буровиков и электромонтажников, живущих ближе к усадьбе. Нужно побыстрее «добыть воды и огня», — вставила, будто опомнившись, Вера Яновна.

— А я пойду к маме, а вечером поеду к Соне, она ведь живет у метро «Горьковская», нам по пути обратно. Заночую, наверное, у неё, а может у мамы, — Ирина посмотрела на сестру вопросительно.

— Да, ты всё правильно говоришь, — подтвердила та.

— А Петрович? — спросил моряк. — Хочешь, поедem со мной. У меня друзей — пол-Питера.

— Спасибо, дружище. Но я как раз в пятницу тоже встретил друга. Историк, одного года выпуска. Он книгу интересную написал о Павле I. Работал в Гатчине. Сейчас

подрабатывает...Ах, да! Вот тебя, Вера Яновна, удостоверение, что ты принята в Клуб Совиной Мудрости, — улыбнулся Андрей Петрович и отдал женщине карточку.

Вера удивленно вскинула брови:

— Твои совы? — она сделала ударение на первом слове.

— Да нет, просто карточка «Клуба знатоков истории». Друг подарил. Совпадение... как обычно! — он вновь улыбнулся.

— Где кого высадить? — спросил водитель, когда они проехали мост Александра Невского.

— Меня у Гостиного двора, — первым ответил Андрей.

— Меня на Садовый, — сказала Верочка, глянув на часы, — я тоже к маме забегу и Пашульку очень хочу увидеть. Подарки вот дома оставила. У меня не было времени даже разобрать чемоданы. Ладно, денег подкину пока.

Машина остановилась у Мучного переулка. Сестры пошли к маме, а Андрею захотелось пройтись пешком до Невского по Садовой.

Зайдя в Гостиный двор мужчина сразу направился к киоску ювелира. Тот показал несколько цветных рисунков-эскизов будущего изделия. Внизу по стрелкам можно было прочесть, где какой материал использовался, а в самом низу цена с пометкой Т 5 %. Одно изображение отвечало внутреннему запросу Андрея и передавало энергетическую сущность образа. Его он и выбрал.

— Отлично! Ваш заказ будет готов через неделю. Оплата наличными. Сейчас нужно произвести предоплату.

— Сколько? Можно в евро?

— Конечно можно в евро, по курсу. 50 тысяч рублей.

— Хорошо, возьмите, — Андрей Петрович отдал ювелиру деньги и вышел на Невский, раздумывая, куда направиться и чем занять три часа до встречи на «Петроградской». Он вновь непроизвольно направился по Садовой в обратную сторону. Этот позыв привел его опять в Мучной переулок. Разные его сердцу места заставляли звучать симфонию воспоминаний. Но, дойдя до Гороховой, Андрей всё отчётливей слышал в этой знакомой музыке новую сильную и волнующую мелодию, которая проросла из кокона, защищающего его от тревог и волнений, и становится не скрытой, а ярко проявленной. Более того, зазвучали скрипки нежностей и страсти. Мужчина понимал, что это проявление и эти скрипки родились в образе Верочки. Кокон, внутри которого пряталось от мира любящее, могущественное и мистическое истинное андреево «Я» не просто дал трещину, он раскололся.

Верочка где-то здесь. Миг, и она выйдет из подъезда в образе Прекрасной Дамы, женщины «эпохи танго». В длинном узком платье с большим боковым разрезом по голени и бедру. Стать, тени под глазами, поворот головы, узкие голые плечи, припухлые детские губы, дрожание ресниц, тонкие запястья, изящная щиколотка в ажурном чулке.

В голове Андрея, как в юности, зашелестел легкий душистый ветерок. Память заговорила стихами, будто этот летний ветерок погнал по луговой траве волны неожиданной беспричинной радости.

«Что с тобой, дружище? Ты видишь её каждый день. И можешь дальше... день за днём... годы. К чему волнение: а вдруг она не выйдет из подъезда, или выйдет другой, чужой...»

Он снова вышел на Садовую, вновь дошел до Гороховой. Пастернаковское точнее всего обрисовывало это смятение:

«В тот день всю тебя, от гребенок до ног,
Как трагик в провинции драму Шекспирову,
Носил я с собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал».

Уменьшило внутреннюю пафосность названия кафешки на углу: «Тещины блины». Он вспомнил Юлию Станиславовну, свою ровесницу.

«Ну что ж: не вижу причины не попробовать тещиных блинов», — улыбнулся он своим ассоциациям. Закусил несколькими блинами с разной начинкой, выпил чашечку «эспresso» и вышел на улицу.

«Нет, не следует поддаваться эмоциям. Вот же знак: она там, в квартире, а он и рядом, и на отдалении...»

Он еще гулял то вдоль набережной Фонтанки, то по набережной Мойки, заходил на мосты и неотступно думал о том сне, о трёх женщинах на мосту, о брюсовой «Черной книге».

«Одна Мария... А другие две? Да, я же составил гороскопы всем троим, нужно вспомнить, вернуться в матрицу...»

Нить мыслей протянулась к недавней экскурсии в Павловск. Вопрос девушки об Анне Лопухиной. А ещё, кто еще любимая фаворитка императора Павла? Екатерина Нелидова. Да, конечно! Нужно искать ключи совпадений, знаки. Вот, например, Нелидова долгое время жила в Смольном монастыре... это странное светлое пятно во время грозы. Андрей всмотрелся в отражение воды. Блики света на водной ряби накалывали в подсознании свои кодовые метки о связи места исчезнувшей *Укладки* и... чего-то. Анны? Марии? Екатерины? Смольного? Говорят, *вода обладает памятью*.

Ровно в 16:30 он вышел из метро «Петроградская» и сразу столкнулся с Ириной Яновной.

— Как мама? Как племянник? — спросил Андрей Петрович.

— Все хорошо. Вон там, в ста метрах, машина Платоныча. А вот он звонит... Идём...

После трёх часов поисков и раздумий машины были выбраны. Андрей взял «Volvo XC90» цвета кофе с молоком.

— Довольно редкий цвет. Мне нравится! — хлопнул он в ладоши. — Коричневый и бежевый цвета отделки салона тоже приятны моему глазу.

Ириша выбрала «Volvo XC60».

— Чудесная! И цвет слоновой кости я люблю, — радовалась она.

Поздно вечером уже дома на Смольной набережной Вера Яновна разбирала чемодан.

— Андрей, мы забыли раскрыть коробку с картиной Игоря, той, что он подарил нам перед посадкой на паром, — воскликнула молодая женщина, доставая картину.

Она с картиной подсела к мужчине в большое плетеное кресло. Сердце Андрея забилось громче, и он не сдержался от удивления:

— Я сегодня днём представил тебя точно в таком виде!

— Ты думал обо мне?

— Да, ты... стала мне... дорогой...

Верочка поцеловала мужчину в губы:

— И ты...

— А знаешь: я рад, что не все мои совы покинули меня.

— И я рада, что не вся моя матрица растворилась в моей голове.

Они молча начали рассматривать картину. Парусник, закат, огромная луна. На носу корабля стоят двое: мужчина и женщина. Женщина в широкополой шляпе, в длинном платье. Стоит в профиль, смотрит на мужчину. Верочкины черты лица очевидны. А мужчина стоит спиной к зрителю. Одной рукой он опирается на трость, другой держит руку дамы. На плече у него сова?! Желтые глаза смотрят в душу зрителю.

— Поразительно! Как он, этот Игорь, смог заглянуть в нас... — прошептала Вера Яновна. — Сова... И почему у меня такой большой живот?

— «Рисуя ветку, надо слышать, как свистит ветер», — значительно произнес, не обратив внимания на последние слова Веры, Андрей одну из своих любимых цитат. — Просто когда Игорь там в «Караваджо» внимательно рассматривал нас, наши совы проявились в его подсознании. Кроме того подсознанию явлена была и моя любовь к творчеству Фридриха Каспара Давида. И вот некий коллаж из тем трёх известных картин: «Двое, созерцающие закат», «На паруснике» и «Странник над туманом». Романтика, символизм, экспрессионизм.

— Я помню его, этого Фридриха. В Эрмитаже «На паруснике» мне очень нравится.

— Тем более, Игорь все это и «считал». Это легко, — Андрей посмотрел на подругу своими мудрыми глазами. — А вот любить поздней любовью нелегко.

Когда на другой день все формальности с приобретением машин были закончены, путники начали собираться в обратный путь, в усадьбу. Дмитрий Платонович тоже был в отличном настроении. Он успел договориться о покупке нового катера.

— Я тебе, дочка, должен сказать про твои коробки, которые ты оставила в моем багажнике еще по прилету в Питер. Стал укладывать свои покупки и обнаружил.

— Какая я дура! Забыла про эти подарки из Венеции. Но ничего, — Ирина задумалась на секунду. — Я планировала устроить карнавал на Новый год, а мы устроим его сегодня. И на Новый год тоже. Там знаменитые венецианские маски. Мы их наденем перед встречей с бабулей, выходя из машин! Маскарад! Класс!

Она достала из коробки женскую маску: белая, с золотыми губами, в ажурных очках. Сверху черная шапочка с павлиньим пером.

— Эту мне подарил Сергей, — Иришка любовно приложила маску к лицу. — А вот две мужские: одна — головной убор дожа. Её наденете вы, Андрей Петрович. А эту вот, страшную: черная накидка на плечи, черная треуголка, маска со зловещим огромным клювом, наденет дядька.

— А бабуля не «дрогнет»? — спросил моряк.

— Мы позвоним, подъезжая. Попросим быть готовой к сюрпризам. Она обожает сюрпризы!

— Ты бы лучше тельняшку и белую соломенную шляпу гондольера привезла на маскарад, — хмыкнул Платоныч.

— Конечно, дорогой капитан! Я купила это и хочу подарить Сергею в Питере на первой прогулке по Неве и каналам.

Капитан беспокойно поглядывал на свою принцессу. О Сергее он уже знал, и немного ревновал:

— Врежем мы с твоим Сергеем 140 на новом катере. Не слабо будет?

Ирина нахмурилась, но Андрей Петрович как всегда умело и вовремя пошутил.

— Главное, телефон у него заранее забрать. А то выронит, как на Гранд — канале.

Это нужно было видеть! Снять бы на камеру! К парадному входу усадьбы сначала подъехала одна незнакомая «Volvo», из которой с поклоном и вальяжным достоинством вышел венецианский дож.

— Buonasera, dona Maria.

Следом другая «Volvo», из которой вышла венецианская аристократка и сказала:

— Salve, бабуля!

И наконец из «уазика» вышел двухметровый человек-ворон и громовым голосом спросил:

— А где моя Анна? Надо бы её подпугнуть для порядка.

И действительно, появившаяся Анна Никитична чуть не выронила из рук поднос с кувшином морса и стаканами.

— Ну, мой-то чисто чёрт носатый! — охнула женщина.

За ужином Мария Родиславовна подняла бокал с брусничным морсом и произнесла:

— Выбор авто одобряю, легких дорог желаю!

Вера Яновна также поздравила по телефону Андрея и Ирину с приобретениями.

Прошла неделя. Мужчины занимались строительством. Наступил август. Погода стояла чудесная: не особенно тепло, но и дождей унылых пока нет.

Андрей, оказавшись в Питере, позвонил Борису Ильичу. И попросил съездить с ним в Гатчину. Он как раз забрал у ювелира брошь и был очень доволен работой.

— Привет, Андрей. Гатчина у меня прямо сегодня. Сейчас 10. Ты может успеешь к 11:30?... Хорошо, жду.

Андрей буквально засыпал Бориса вопросами.

— Слушай, дружище. Поскольку твои вопросы не праздные, заостренные в одну, пока не ясную мне точку, я делаю вывод, что у тебя есть какой-то личный, мучающий тебя интерес к Павлу. Или Марие Фёдоровне? Или к Анне Лопухиной? Или к Екатерине Нелидовой?

— Есть интерес! Но точка и мне не ясна. Но чувствую: «Шерше ля фам». Во всех смыслах, — Андрей улыбнулся. — Я имею в виду, что кроме перечисленных дам, мне необходимо с твоей помощью установить деловые контакты с работниками музеев, особенно с хранителями музейных предметов.

— Ты пишешь некие предметы? Один предмет?

— Да, один, но не могу его описать точно. Это какая-то шкатулка, или пенал, футляр...

— Я в Гатчине всех знаю, работал там. Познакомлю. Помогут, чем могут. А вот в Павловске сложнее. Ты ведь сейчас тоже странник, сталкер? — Взгляд Бориса Ильича был пронзающим Андрея.

— Да.

— Ну и вот моё предложение. Ты со мной едешь в Гатчину несколько раз. Я тебя знакомлю с музейщиками. Роль автобусного экскурсовода в Павловск я готов с радостью уступить тебе полностью. Опять же едешь со мной, запоминаешь, знакомишься...

— Мне трудно будет по городу координировать, хронометрировать движение автобуса и рассказ.

— Ты прав. Знаний у тебя предостаточно. Тематики можно разнообразить, импровизировать, но придерживаясь стандарта. А остальное? Запиши сегодня за мной на видео со звуком. Сможешь?

— Да.

— Ну и анализируй потом дома. Пару раз съездишь со мной и порядок.

— Хорошо, — уверенно сказал Андрей Петрович.

— Поехали! — скомандовал радостно Борис Ильич.

Музейным дамочкам он представлял Андрея как «крупного знатока» отечественной истории начала 19-го века.

Те охотно кокетничали с двумя интересными мужчинами с красивыми тростями, отвечали на вопросы Андрея, предлагали чай. Одна даже воспарила до того, что согласилась помочь предоставить архивы и документацию хранилища.

И действительно, когда Андрей Петрович в следующий раз был в Гатчине, ему разрешили посмотреть списки реликвий Мальтийского ордена, те, что были переданы Павлу. Главный хранитель попытался даже рассказать о судьбе каждого предмета.

Вечером за ужином в ресторанчике у Таврического сада Андрей рассказал Вере о своих планах.

— Смотри, дорогой, чтобы эти правнучки Варфоломея Коробейникова не охмурили тебя, — пошутила молодая женщина.

— Ну, зачем так язвительно. Ты ведь и сама архивариус.

Верочка вспыхнула:

— Я — Архивариус N1!

Но тут же, засмеявшись, добавила:

— Трудись, милый. Я даже рада. Мои принципы: во-первых, помнить, что мужчина никогда не изменится, и надо дать ему быть собой; во-вторых, надо делать для своего мужчины все то, что я сама ожидаю от него; в-третьих, не идеализировать и не жаловаться. Это мне внушила одна подруга-француженка. Известная актриса, между прочим.

— Познакомь! — лукаво попросил мужчина.

— И в-четвёртых, не знакомить своего мужчину с интересными подругами! — грустно заключила Вера.

Так прошла еще неделя. Андрей Петрович жил на Смольной набережной. Ездил в Павловск, Гатчину, читал архивные документы, пока группа экскурсантов ходила по паркам и дворцам. Он удивительно быстро и легко разработал тематические тексты экскурсий, в нескольких вариантах со всевозможными отступлениями. Топографическое хронометрирование, то, чего он опасался более всего, к третьей поездке было доведено до автоматизма: «Посмотрите направо... налево...». В контексты рассказов Андрей вкраплял множество исторических баек, увлекал слушателей сведениями и об архитектуре, и о литературе, и о жизни замечательных людей вообще и блистательного Петербурга, в частности.

Две первые поездки; одна в Гатчину, другая в Павловск, провёл самостоятельно, Борис был рядом и, делая резюме, сказал:

— Классические блюда по-университетски ты, Андрей, готовишь, разумеется, великолепно. Вовремя и умеренно импровизируешь, приправляя блюда. Когда мы ехали из Гатчины, ты рассказывал о готике и мальтийских рыцарях и дух твоего повествования был наполнен эхом тех древних шотландских замков, их призраками. А на обратном пути из Павловска ты, рассказывая о барокко, пышно, по-барочному, вылепляешь в рассказе выпуклые сюжеты из литературы, живописи. И главное: тебе ведь самому интересно! И на вопросы ты любишь отвечать, но пока излишне «растекаешься мыслью по древу».

Делового контакта с музейщиками Павловска у Андрея Петровича пока не случилось. Один только молодой человек — экскурсовод — выразил желание помочь Андрею, познакомив со своим дядей, главным хранителем.

Когда изредка Андрею звонили сын, дочь или жена он вскользь говорил о своих планах. О том лишь, что собирается работать в Петербурге или его окрестностях в одном из музеев-усадб или дворцов. Квартиру в Екатеринбурге продать.

Раз-другой в неделю он звонил Марии Родиславовне, Ирине и Платонычу. Моряк был весь в делах, ему нравилось командовать пусть не боевым кораблём, а тремя узбеками-рабочими. Он кричал им порой: «У флотских всё и все на крючке!». Или: «Всё пропьём, но флот не опозорим!».

А вот Ирина скучала. Ни работа в старом своём садике, ни участие в дизайнерских работах на новой площадке не заполняли всего её времени, не забирали всех моральных и физических сил. Оставалась брешь, пустота ожидания Сергея.

— У Сергея осложняется отъезд в Россию. Из университета не отдадут прибор. Да ещё и пытаются наложить и на сам прибор, и на методику Сергея вето. Якобы исследования имеют степень государственной секретности. А Серёжа переживает. Прибор и методику следует ещё дорабатывать. Дорабатывать практикой психоаналитика. Но в Вене отношение к славянским, особенно русским и польским врачам традиционно холодное... А с другой стороны самому Сергею профессионально интереснее русская, рефлексивная, эмоциональная душа. И ему это ещё понятней и ближе!

В одну из суббот Андрей Петрович предложил Верочке съездить в Гатчинский парк. Погулять и поговорить. Поехать вдвоём, самостоятельно, без экскурсий.

— Охрана меня знает. Везде пропустит, — гордо заявил Андрей.

— У нас много дел в усадьбе, Андрей. И там тоже можно погулять вволю. Потом, у

бабули во вторник был день рождения. Мы поздравили устно, по телефону. Но нужно, хоть она и не любит сейчас этот день, посидеть всем за общим столом. И понарядней накрыть. Я уже купила шикарного алкоголя и закусок. И подарок у меня есть, — возражала женщина. — Все в машине. И Пашуля давно не был у бабули!

Затем взяла руку Андрея в свою, другой провела по его лбу и глазам. И добавила:

— Милый мой! Ну чего ты такой... трудоголик. Прямо ежи под кожей. Я ведь понимаю твои упорные поиски. Но не принимаю. Говорить об *Укладке* рано. Рано! Я пока не готова. Давай, заберём Пашу и поедem в усадьбу.

— Хорошо, я обещаю не заострять этого вопроса, — хмуро отозвался Андрей Петрович. — Но и ты не забывай, что через несколько дней, 23-24-го мне необходимо поехать в Екатеринбург. Решать! И для этого нужна нить, зацепка, перспектива, наконец.

— Тебе недостаточно, неперспективно быть со мной? — занервничала Вера. — Я для тебя не путеводная ниточка?

— Мне нужно дело, интересное, серьёзная творческая работа. Ты ведь, дорогая, сама великолепно это понимаешь. А ты — моё путеводное созвездие в виде буквы «V», золотой иероглиф, плывущий по фиолетовому небу!

— Ох, хитрый! Уговорил. Поехали. — Верочка прищурилась. — Всё-таки в Гатчину наша шальная императрица таскалась к Орлову. Может и мы пошалим — примнём травку.

Когда они приехали и вошли на территорию Дворцового парка, Вере Яновне захотелось в первую очередь подойти к Дворцу. И пока парочка чинно прогуливалась по большому плацу вокруг памятника императору, на небе появились тучи. Солнце скрылось и жёлтый цвет известняка, которым был отделан дворец, превратился в серо-стальной. Статуя Павла I приобрела суровый вид командора. Быстрое движение туч создавало эффект движения памятника. Павел грозно шагал подобно своему прадеду Петру Великому! Андрей даже отшатнулся, схватив за плечи Верочку. Та удивлённо посмотрела на него, но ничего не сказала.

Они направились в парк. По дороге мужчина рассуждал, как нечаянно и удачно любимый архитектор Екатерины II Ринальди, начавший строить романтический и суровый замок, ядро будущего дворца, угодил «принцу Гатчинскому» Павлу. А тот уже поручил своему любимому Бренна продолжить в архитектуре дух рыцарского охотничьего замка.

— Павел более любил Гатчину, а Мария Павловск? — спросила Вера Яновна.

— Да.

Они подошли к колонне Орла.

— От наших сов я хочу лишь пока, чтобы они отреагировали... дали знак на имена Мария, Екатерина, Анна, — тихо проговорил Андрей, осторожно исподлобья взглянув на подругу.

— Мне ведь нужны знаки, герметика, мне нужно в матрице подготовить ячейку..., а совы — это биоэнергетика, нужно *Эхо* от этих дам. Точно, именно, *Эхо*!

— Ну, вот видишь, — рассмеялся Андрей. — Ты уже и ответила на вопрос, нашла вектор поиска.

— Не поняла, — удивилась Верочка.

— Через два часа будет *Эхо*, — загадочно ответил мужчина. — А сейчас просто гуляем. Парк в Павловске мне нравится больше, но и здесь смена пейзажного и регулярного стиля, внезапная смена картин цепляют, помогают обнаружить скрытые от яви символы.

— Наоборот, знаки «цепляются» за проявленное. Как эхо рождается от реального звука.

— Не будем спорить о наших методах, — Андрей обнял женщину. — Важно, что мне ужасно нравится гулять с такой умной и обворожительной женщиной. Примнём травку?

Они добрались до Острова Любви и сели на траву рядом с Павильоном Венеры. Потом прилегли, понежились, пошли далее.

— Вот образец «скрытого и проявленного», — Андрей Петрович показал на огромную поленницу берёзовых дров.

— Я знаю, что за поленьями домик и весьма нарядный изнутри, — засмеялась Вера Яновна и вдруг, внимательно глядя на мужчину произнесла шепотом. — Мария, Анна, Екатерина.

Затем напевно ещё раз и ещё, будто тренируя своих молоденьких *совушек*.

За поворотом открылся вид на Приоратский дворец на берегу Черного озера.

— Ты сейчас подумал, как хорошо было бы там, в замке, остаться жить. Ведь так? — серьёзно спросила Вера.

— Да. Молодец. *Увидела*.

Когда они вновь подошли ко Дворцу, Андрей Петрович позвонил кому-то, им открыли двери, и мужчина быстро провёл свою спутницу к Подземному Ходу. Чаще всего к этому мистическому месту экскурсии не водили, но Андрей любил бывать там, размышлять в абсолютной тишине и мраке.

Вера как вкопанная стояла у Хода. Лицо её приобрело необычный вид: глаза потускнели, свойственный им блеск потух, щеки впали, побледнели, губы растянулись в безразличном, равнодушном выражении. И только крылья носа привычно подрагивали. Они вынюхивали, а глаза пристально вглядывались в черноту тоннеля.

— Кричи! — хрипло и сдавленно скомандовал Андрей.

И женщина кричала:

— Мария-я-я...

И эхо:

— Ия, ия, ия...

— Анна-а-а...

— На-на-на...

— Катя-тя-тя...

— Тя...*та...та...*

Когда они молча покинули Подземный Ход, вышли из Дворца и парка, Андрей спросил:

— Что-то было?

— Будто бы. Нет... Не могу проявить! — она напряжённо, с тревожным видом смотрела перед собой.

Это её неприятное состояние нарушил телефонный звонок. Звонил А.В. Деев.

— Да, Александр Владимирович, здравствуйте! Рада звонку... А мы с Андреем Петровичем сейчас в Гатчине... Да, да, пытаемся работать... и отдыхать... Спасибо. Да, «колдуем». Собираемся выезжать... Хотели в усадьбу, но если вы... Да?! Что вы, я и бабуля будем очень польщены... Андрей Петрович тоже едет в усадьбу... И он рад будет знакомству... Хорошо, в 18:00 на Московском проспекте... Да, знаю это место... Да, созвонимся через 1 час 45 минут. До встречи!

— Александр Владимирович в Питере! Через два часа он собирается поехать с нами в усадьбу! — Вера Яновна вытащила из сумочки зеркальце и нервно стала поправлять что-то в причёске.

«Тусклые глаза. Фу, как некрасиво! Мне идёт яркий взгляд. Как бы эти игры с совами не довели меня до невроза!» — подумала молодая женщина.

— А что ты заволновалась-то? — спросил Андрей.

— Потому что мне под сорок! И моё тело трудно поддержать «на 25» фитнесом и салонами красоты. Особенно лицо. Ещё три-четыре года — и к пластическим хирургам.

— А как проблема женского старения связана со мной? — снова недовольно спросил Андрей.

— Мне нужна ласка! — выкрикнула Верочка. — Ласка, больше нежности и праздников. Если я буду пахать... — она резко остановилась и виновато посмотрела на мужчину. — Извини, что это я?

Когда они уже сели в машину, Андрей сыронизировал:

— Ты изменяешь принципам своей французской подруги: жалуешься.

— Ах, дорогой, — рассмеялась Вера Яновна. — Это только в отсутствии близкого, родного мужчины можно не жаловаться, выглядеть свежо, холодно — насмешливо и равнодушно-недоступно.

Она абсолютно успокоилась, напряжение и раздражительность, обострившиеся в её душе после посещения Подземного Хода, растворились. Причем растворились они в невесть откуда взявшемся озере ожидания чего-то очень хорошего, большого, даже праздничного.

«Ах, да! Праздник. У бабули. В машине праздничный набор.» Она позвонила в усадьбу Анне Никитичне, попросила как-то понарядней приготовить ужин. Но бабуле о том, что будет высокий гость не говорить. «Пусть будет сюрприз на День рождения», — думала Верочка.

«Может сегодня подарить брошь? Или... позже?» — думал Андрей. Он всё ждал подходящего случая и всё откладывал.

В назначенное время Вера Яновна и Андрей Петрович были в условленном месте.

— Вот он! Возле «Mercedesa». Одет только просто, без официоза. Я таким его еще не видела, — сказала Верочка.

Александр Владимирович достал из машины букет, подарил молодой женщине, поцеловав её руку. Андрею он тепло, сильно, по-дружески потряс руку.

— Наслышан! Очень рад знакомству! Да, таким вот я и представлял вас, Андрей Петрович.

— Каким?

Андрей тоже присматривался к лицу, рукам и движениям дипломата. Чувствовался и профессионализм, и ум, и благородство. И артистичность натуры.

— У вас наше лицо: дипломатов... разведчиков... — улыбнулся Деев.

— И у вас лицо человека, привыкшего «поглаживать пса, пока не будет готов ошейник», — Андрей усмехнулся, бросив резкий, колючий взгляд.

— Отличная фраза! Я её люблю и скажу о нашем брате ещё больше: мы должны «прислуживать Богу так, чтобы не оскорбить чёрта», — заметил Александр Владимирович, остро прищуривая глаза. — Однако пора в усадьбу. Мне очень хочется поздравить и поблагодарить Марию Родиславовну.

— За что? — Верочке хотелось быстрее узнать, с чем пожаловал Деев.

— Прежде всего, с её Днём рождения... Да, да, знаю... Затем с большой удачей: Рим доволен *Пергаментом*! Великий магистр и папа дают и быстро 3 миллиона евро. Я сегодня должен вернуться в Питер с вашим ответом. А в понедельник в Риме я начну всё оформлять.

Думайте, друзья!

До усадьбы добрались довольно быстро. Пани Мария была неотразима в новеньком очень красивом кружевном воротнике. Ещё она надела свою любимую брошь, размером и видом с крупную бабочку винно-желтого окраса с голубой и тёмно-синей окантовкой. Топаз приносил ей удачу. А любовь обещал голубой сапфир. И сережки-капельки и кольцо на руке более полувека держали своё обещание.

Александр Владимирович подарил ей шикарный букет цветов и великолепный солидный том в кожаном переплёте с золотом.

— Это Данте. На итальянском. Иллюстрированная величайшими Эль Греко и Босхом, — поклонился дипломат, вручая фолиант.

— Ох, какая тяжёлая эта его «Божественная комедия», — многозначительно произнесла бабуля, процитировав наизусть кусочек текста.

— Вашему роду и вам лично тоже нелегко было хранить... сжимали... о Добре и Зле, — также многозначительно отреагировал Деев, целуя руку Марии Родиславовны.

Он достал ещё один букет цветов, большую коробку бельгийского шоколада и подарил Ирине Яновне.

За ужином компаньоны без труда договорились о продаже Ордену госпитальеров *Пергамента*.

— Сумма в три миллиона евро не такая уж большая для артефакта такого мирового значения. Но мы считаем передачу *Пергамента* иоаннитам серьезным шагом к сближению. И сотрудничеству. Подробнее об этом позже. А сейчас я должен уведомить вас о том, что указанная ранее сумма не проходит через моё ведомство в её подлинном значении. Вера Яновна прокомментирует, если угодно. Не сейчас. Папа и магистр заинтересовались поисками *Укладки* и намерены выделить нам, друзья, именно нам, ещё большую сумму и даже... Эх, не располагаю временем побеседовать о планах обстоятельно, а по-другому не привык, — он посмотрел на часы. — Давайте посмотрим дом и парк.

Во время прогулки Вера Яновна пыталась что-то рассказывать и объяснять Александру Владимировичу, но тот, рассеяннo внимая ей, всё же ухитрился, взяв под руку Андрея Петровича, вежливо отделиться от сестричек. Мило бросил:

— Мужчинам нужно кое-что обсудить.

Он осведомился о планах Андрея, о его намерениях работать над поисками *Укладки*, и когда тот сказал, что уже обдумывает этот вопрос, бывает в Павловске и Гатчине, пытается работать там, Деев просто и прямо спросил:

— Хотите, чтобы я похлопотал в дирекции этих музеев, чтобы вам дали полный карт-бланш? Оказывали всяческую помощь. Вы будете прикомандированное официальное научное лицо.

— Да, спасибо, — поблагодарил Андрей.

Мужчины присоединились к молодым женщинам, они ещё полчаса непринужденно обсуждали дизайнерские варианты.

Ужин завершился чаепитием.

На прощание, поцеловав руку пани Марии и уже выходя из столовой, он обернулся и сказал быстро, обращаясь к старшей хозяйке:

— Вы собираетесь выкупить усадьбу у мэрии. Это правильный и дальновидный шаг. Не хочу показаться прожектером, но я предложил бы на базе вашего родового гнезда создать впоследствии, скажем так, родовое командорство. Пока так. Если Вы, пани Мария, не

возражаете.

— Здорово! — первой выкрикнула Иришка.

— Вы — мудрый человек, Александр Владимирович, — одобрила пани.

— А вы — удивительная женщина! — поклонился ещё раз дипломат.

Подходя к машине, Деев сказал:

— Деньги я переведу достаточно быстро. Буду вести дальнейшие переговоры со Святым Престолом и Орденом. С Ватиканом будет сложнее. Но деньги на поиск *Укладки* будут, я думаю, представлены. Не скоро. Назовём это условно международным научным грантом. Придётся оформлять через Министерство. И поделиться. Через месяц я, если позволите, навещу вас в этой чудесной усадьбе.

Дипломат был в прекрасном настроении и уже открывая дверцу «Mercedesa», вспомнил вдруг (или сделал вид):

— Ах, да, забыл ведь совсем. Вашего «приятеля» Ричарда Старки «вызывали на ковёр». Понизили в «праве чести». Теперь он — рыцарь по милости. Но, — Деев задумался, — этот искатель может быть фигурой опасной. Я попрошу знакомых из ГРУ, ФСБ прощупать его связи.

Тут Иришка, услышав грозные аббревиатуры, вскинула на дипломата большие круглые глаза.

— Я чем-то напугал вас, Ирина Яновна? — спросил тот.

— Вот ещё! — девушка уже смотрела гордым взглядом. — Я с фельдмаршалом была в таких переделках и... и...

Она уже хотела разболтать про сов, прочей боеспособности своей «усадебной группировки», но вовремя остановилась.

— В 22:00 я должен быть в гостинице, люблю порядок во всём и режим, — Александр Владимирович трижды расцеловал молодых женщин, а Андрея приобнял и тихо проговорил почти на ухо:

— До встречи, фельдмаршал! Это о вас было...

Мужчины крепко пожали на прощание руки и машина тронулась.

Верочка довольно потянула руки, подняв их высоко и широко разводя в стороны. Промурлыкала:

— Ах! Как хороша идея командорства на территории нашей усадьбы! Но вот рыцарей Ордена что-то не наблюдается... — и добавила. — Следовательно, необходимо обзавестись парочкой своих, доморощенных, а потом... может ещё... размножим.

— Как это? — спросил Андрей.

— Поживём — увидим.

Прежде чем уснуть, Андрей почитал «Дон Кихота». Несколько любимых мест. Но облачка мыслей отрывались от текста и на крыльях фантазии воспаряли сразу к двум прекрасным дамам. Одна вот рядом, до него доходят волны её легкого дыхания, другая — чужая, неизвестная, близкая Павлу, бездыханная. Обе хранят тайны. И неизвестно, какую труднее разгадать.

Последними перед сном обрывками мыслей были... «Этот дом такой милый... уже почти родной... И к нему отношение... Его близость с Верочкой очевидна, но... не вмешиваются... живут без суесловия, без...»

Утром Андрей, не разбудив подругу, оделся и ушёл на стройку. Ему был разрешён свободный режим, а завтрак принесёт Платоныч.

А Вера проснулась поздно. По воскресеньям она не любила контролировать себя, планировать распорядок дня. Воскресными утрами она любила, лёжа в кровати помечтать, пофантазировать. Однако сегодняшние сны, тревожные, фантазмагорические, сделали тревожным и пробуждение.

«Не так страшен собственный тяжёлый сон, хуже, если чувствуешь, что побывала в чужих ужасных сновидениях», — подумала Вера Яновна. Сначала она спорила с Андреем: «Ты плетёшь Нити Накала... из песка». Потом ей приснилась паутина, сеть. Сети была погружена в песок, и Вера пыталась выбраться из песка и запуталась в паутине... Затем песок будто бы провалился и она уже в Подземном Ходу. Вот Павел I бродит по нему, вот слышит голос прадеда: «Бедный, бедный Павел», вот апостол Павел что-то строго говорит императору. Потом они оба замечают её, ползущую по земле, всю в песке, грязную... Она хочет встать и не может, хочет крикнуть и не может. Павел I хочет приблизиться и подать руку, но апостол уводит его, говоря: «Нельзя, это змея».

В реальности она, конечно, понимала, что упорство Андрея в поиске *Укладки* будет удерживать его рядом с ней. И она, разумеется, будет помогать ему. Но сколько времени он будет заряжен идеей поиска? А если неудача? Как его психика отреагирует на провал? Да, да, если как во сне... провал. Ведь можно найти ему дело менее рискованное. Здесь, в усадьбе, или в Питере, можно вовлечь её в мои исследования, устроить в отдел. Вот сейчас интересную работу предложили, новый грант. И тоже куча загадок.

«Э-э-э, дорогая! Тебе хочется гнездышко! Своё и без сов», — улыбнулась своим мыслям женщина. «Да, хочется!» — был ответ.

Что-то не дает покоя?! Что?

Почему эхо на имя «Катя» отозвалось раз «тя», а дважды «*та*». Отчётливо. Её лингвистическое ухо не могло ослышаться. «Может я что-то уже сумела пусть не *Увидеть*, так хоть *Услышать*!

Она спустилась вниз, в столовую. Завтрак она проспала, но по воскресеньям в усадьбе царит демократия. Быстро перекусила и направилась в гостиную, где застала бабулю в мечтательной задумчивости. О покойности её мыслей свидетельствовали и глаза, и губы, и руки. Эти части тела расслабленно «провисли» под приподнятыми бровями.

— Привет, бабуля! Воспаряешь в мечтах?

— Доброе утро, внучка! Да, воспаряю.

— Я тоже хочу воспарить! Но крылышки у меня нележки. Мысли вязнут! Можно поделюсь с тобой?

— Валяй!

Такое «валяй» означало в устах пани Марии, что собеседник должен быть лаконичным и точным в высказываниях.

Вера отошла к окну, задумавшись. Внизу, в траве сидела какая-то кошка и тоже, будто задумавшись смотрела по обыкновению в одну точку. Старшая сестра в отличие от младшей не любила кошек.

— Мне бы их заботы. То спят, то делают вид, что пронзают невидимые миры своим взором, — говорила Вера сестре.

— Да, они видят *параллельный мир*, — сердито и наставительно выговаривала Ирина. — А как они красивы! Как умеют *изогнуть линию*!

— А я люблю параллельные линии! И перпендикулярные! Я не желаю чувствовать себя дурой перед этими всевидящими, всезнающими существами, — не сдавалась женщина.

Она любила точность, ясность. И всё же понимала с годами, что жизнь чаще и чаще требует умения *«изогнуть линию»*. Не только в вопросах вкуса и стиля, но и в гораздо более важных предпочтениях.

— Чего замерла? Не выпади в окно. Воспарить она хочет... — ворчала бабуля. — Говори уже!

— Я о возможности обустроить в усадьбе «родовое» командорство, — начала Вера Яновна.

— Догадываюсь, что думаешь об этом. Я тоже.

— Вероятнее всего, учитывая традиции Ордена госпитальеров, в усадьбе нужно обустроить не базу отдыха, а лечебницу для питербургских интел...

Тут она запнулась на полуслове, так как в мозгу вспыхнула новая, необдуманная пока идея использовать Сергея как психотерапевта. Конечно, будущая лечебница — не «психушка», но основной профиль сосредоточить на неврологических и психиатрических заболеваниях!

— Логично, — отреагировала, улыбнувшись, бабуля. — Продолжай.

— Вот, например, неблагодарные дитяти одного моего бывшего коллеги, теперь весьма престарелого человека, ослабевшего и телом и умом, хотят лечить его в обычной «дурке». Вряд ли там понимают, что это доктор философских наук, специалист по буддийской обрядовой культуре и духовных традициях Тибета. У этого умницы и двадцать лет назад сознание было многослойным, раскрепощенным. Когда я молодой аспиранткой читала его статьи, то замечала что каждая мысль не чётка, сидит на каждой линии нотного стана рассуждений. Я уже не говорю об его устной речи. Но обдумав всю статью, всю речь, поражаешься глубинной логике метода познания этого учёного.

— Не мудрено «спрыгнуть» с ума от многолетних занятий такого, — рассудила пани Мария.

— Я хочу спросить твоего разрешения выделить в усадьбе несколько комнат для переоборудования их в лечебные палаты и кабинеты для медперсонала. И жить им где-то надо и готовить и стирать... Это, бабуля, предварительный разговор, я ничего конкретного пока не знаю и не думала, — Вера пожалела, что так неподготовленно затеяла непростой разговор.

Возникла пауза. Мария Родиславовна встала из глубокого кресла, направилась к окну. Постояла там минуту, медленно вернулась обратно к креслу, но не села, а гордо выпрямив спину, глядя прямо собой на внуку, четко, решительно проговорила:

— Мне довелось жить в ненормальное, сумасшедшее время. В доме то склады после революции, то больница во время отечественной войны, то интернат, то музей. Я надеялась, что это время закончилось. По крайней мере, для нас, Богдановичей. Мы ведь выкупим усадьбу и будем здесь жить большой семьей как наши предки!

— Извини меня, бабуля. Я — дура, — огорченно промолвила Верочка.

— Нет, не дура! Твой план верен! Позже мы построим на территории большой лечебный корпус. А пока нам... — она быстро подошла к Вере Яновне, сидевший с опущенными глазами.

Молодая женщина встала, а пожилая женщина мягко положила ей на плечо тяжелую руку.

— А пока нам можно пожить рядом с блаженными. Кроткими, смирными и смятенными душой, — договорила та.

Верочка с благодарностью посмотрела на бабушку.

— Теперь конкретнее, — продолжила пани Мария. — Я оставляю за собой часть левого крыла дома, где сейчас моя комната и гостиная. Столовую отдадим больным и персоналу. Кабинет — Андрею Петровичу, он будет начальником, — она подняла указательный палец вверх.

Далее Мария Родиславовна толково, хоть и приблизительно, обрисовала свой проект:

— Так примерно и было во время существования здесь интерната. Иришка переберётся в новый флигель, её комната наверху — твоя. Библиотеку и спальную для Андрея наверху оставим. Сергей — психотерапевт. И может быть полезен нам в этой новой лечебнице, — бабуля весело потёрла ладоши. — Всё складывается удачно.

— Работы по переделке дома очень много. Еще одна столовая, туалеты, ванны, кухня, ординаторская, лаборантская... — хмуро вставила Вера. — А когда ещё мэр...

— Перестань нудить! Выстраивай *Намерение*! Мы должны «свить» новые гнезда: моё, иришкино и твоё.

Слово «гнездо» амбивалентно отозвалась в душе Веры Яновны: с одной стороны оно совпадало с её личными желаниями, а с другой стороны, наоборот, пугало возможными неожиданными *совиными* криками. Но всё же она сумела «отжать педаль заботы» и «нажать педаль» радостного ожидания».

— Да. Открыть вслед за Павлом I в православной стране рыцарское командорство — это большая заслуга. Александр Владимирович похлопочет. Ему-то козырей привалит. Трудно ему будет в главной проблеме — отторжение нашей церковью католицизма, — задумчиво сказала Вера.

— Ну, ну, не такое уже и махровое отторжение. Хотя... По крайней мере, по нашей крови и вере дела обстоят прилично. В нас и польская, и сербская, и немецкая и русская кровь. По вере я — протестантка, ты — католичка, Иришка — православная формально, так как стоит на позициях эзотерики. У Андрея, он мне как-то сказал, предки — поляки. Склонен, точнее, воодушевлён аурой католицизма, хотя и православный. Все мы, короче говоря, из одного первоисточника! — рассуждала Мария Родиславовна.

— Возможно. Ведь у всех христиан на первом плане самые высокие гуманистические цели, цели ордена. Например, борьба с терроризмом, экстремистскими вылазками. Ты, бабуля, хорошо знакома с современными задачами, которые ставит перед собой Орден?

— Почитываю газетки, посматриваю телевизор. Есть у меня и вырезки из газет с интервью Деева, да, и другая информация... Всё в «подшивочках», как положено!

— Всё ведь есть в интернете, — рассмеялась внучка.

— И про него, про интернет ваш тоже компроматик собираю. Вместе с Деевым! — бабуля лукаво и как-то задиристо посмотрела на Верочку.

— Ты не бабуля, ты — клад!

— Всё, иди по своим делам, Верочка.

Вера Яновна поцеловала бабушку, вышла из дома и направилась к новому флигелю.

Работа кипела. С разных сторон слышны были звуки работающего электроинструмента. Она не хотела никому мешать, лишь отметила про себя с удовольствием, что к середине ноября в новый дом можно будет реально заселяться. Андрея не было видно. Вера поднялась на второй этаж. Подошла к окну, выходящему в сторону парка. Ветки пихты с большим количеством шишек буквально можно было достать рукой, а верхушка дерева вообще невероятным образом густо была облеплена этими шишками.

Верочка выглянула в окошко, посмотрела вниз. Вот и Андрей. Она тихо любовалась как тот обрабатывал деревянную колоду. Он брал в руки то небольшой топорик, то большую с выпуклым лезвием стамеску и ловко ударял по ней киянкой. Работал ловко и с удовольствием, без обычного напряжения ученика в подобной работе.

«Он ведь изменился, стал спокойней. Лицо подобрело, в глазах иногда огонечки... И я тоже изменилась. Мне больше не хочется питаться в ресторанах, хочется научиться готовить самой. Вкусно готовить. Стряпать... уральские пельмени», — думала молодая женщина.

Она бесшумно спустилась вниз и побрела по аллее в сторону старого флигеля.

«Может прямо сейчас с Никитичной и начну стряпать. И... и... к приезду Андрея из Екатеринбурга... Ах, он уезжает! Не хочу... не могу отпустить... Говорит дней на десять максимум... Но вдруг... вдруг там... в этом его городе кто-то есть... женщина... Задержит, вцепится и не пустит. Ох, какая я стала глупая баба...»

Она улыбнулась про себя, вспомнив, как Андрей назвал себя «Бармалео Недострелли» за своё увлечение резьбой по дереву. Он как раз вырезал из коряги нечто похожее на кикимору.

— А почему руки у неё разные: одна большая, другая почти незаметна? Метафора какая-нибудь? — ехидно спросила тогда Вера.

— Метафизический метаболизм метафор как металогика метагалактики, — многозначительно «брякнул» мужчина.

— А-а-а! Теперь понятно! — рассмеялась Верочка.

Андрей Петрович возвращался из Екатеринбурга. На лобовое стекло его «Volvo» иногда налипали первые жёлтые листья начала сентября. Листья, облетевшие с деревьев, падали на машину, в которой ехал мужчина, покинувший свой дом, свой родной город, свой университет. Уезжавший в другой, но не чужой, а любимый Ленинград-Петербург. И чудесная, ясная погода «бабьего лета» не давала грусти прокрасться глубоко в сердце. На небе ни облачка. И только почти невесомые облачка воспоминаний о последних днях отъезда пеленали лёгким туманом осени сознание водителя. Да золотисто-багряный ковёр под колёсами шуршал: «Уходишь, уходишь...»

Проще всего Андрею было расстаться с квартирой. За те три года, что он жил в ней, она не стала дорогой его сердцу: не была согрета ничьим теплом, стены её не впитали ничьего родного дыхания, ни детского плача, ни детского смеха.

По-другому было, когда он, продав свою прежнюю квартиру, родительскую, слышал эхо памяти. В этих четырёх, полногабаритных комнатах повсюду была память его детства, детства его детей, его жены. И память мужской брани и женской истерики. И добрых слов, и злых. После отъезда жены, когда стало ясно, что она не вернётся в Россию, Андрей Петрович продал эту квартиру и купил «однушку» в самом центре, улучшенной планировки, в двух минутах ходьбы до университета. В ней кое-как удалось разместить большую библиотеку и весь тот накопленный за годы жизни его и его родителей багаж из фотоальбомов, детских, рисунков, картин, памятных сувениров и прочего.

Конечно, многими вещами, в том числе библиотекой, теперь пришлось пожертвовать, раздав что-то друзьям-приятелям, ближайшим большим больницам и «Дому детства».

Воспоминания расплывались, как лужица на гладком полу. Вот ручеек направился в годы, когда Андрею 16 лет. Эта рабочая окраина Свердловска у большого могучего завода сейчас не является такой удалённой, как казалась тогда, почти полвека назад. Отец, ставший начальником одного из самых ответственных цехов завода получает четырёхкомнатную квартиру в одном из огромных домов сталинской застройки, где жило руководство завода. В последнем, десятом классе за парту к Андрюше посадили новенькую девочку, отличницу. Девочка знала всё, даже может быть и то, что через восемь лет станет женой Андрея. И правда, он влюбился в эту девочку сразу и сразу сильно, но, впрочем, через год, когда он уехал учиться в Ленинград, он тоже сразу и сразу сильно влюбился в Оленьку. А потом, вернувшись в свой город, обнаружил, что любовь к девочке-отличнице не прошла. Эта молодая любовь меняла свой уровень, как в системе шлюзов, когда душевная задвижка перепускала чувства от одного бассейна воображения в другой.

Выйдя на пенсию, родители уехали жить в Краснодарский край. Немного позднее к ним переехала и старшая сестра Андрея со своей семьёй. Хаты (как любовно называли свои дома местные жители) их были рядом и даже так близко, что ветви яблонь свисали в соседний сад, и можно было из окошек при необходимости поговорить, обходясь без телефонов. Отец умер девять лет назад, а за престарелой матерью ухаживает сестра. А за уже немолодой сестрой её дети. «А ты, Андрей? Вдруг захочешь «попить» в последний час? Кто подаст кружку?» — наставительно спрашивала сестра. Звала переехать в родительский дом к матери. «Дом большой и невест вокруг полно» — приговаривала она.

Но сейчас колёса его машины отмеряют вёрсты пути совсем в другом направлении. Он

вдруг вспомнил, как укладывал книги в коробки, а затем в машину. Сначала упаковал в дорогу семь коробок, потом выбрал четыре и, наконец, погрузил в машину только две. Это воспоминание кольнуло в сердце: «Шагреновая кожа моей жизни... также... половинками...».

Затем память перенесла направление мыслей к тем двум посещениям университета, когда нужно было оформить увольнение. Это расставание давалось сложнее, чем с квартирой. И разговор с заведующим кафедрой, Константином Михайловичем, был доверительным и непростым. Он всё пытался уговорить Андрея Петровича остаться. Кафедре дали большой грант на написание монографии о первом президенте России. «Ты и только ты, Андрей, можешь написать и художественно, и достоверно, и убедительно. Да, какой он был деловой и решительный, написано немало. Но вдова президента хочет... красок... добросердечия, человечности», — убеждал заведующий. «Ты знаешь, Костя, что я не пишу о... об осколках рабочего движения и о *нём* писать тоже не хочу. Давай без подробных объяснений. Пожалуйста, подпиши заявление и все», — решительно обрезал Андрей.

Ещё более сожалел Андрей Петрович о том, что оставляет несколько приятелей и коллег, с которыми ему было легко общаться, взгляд которых при прощании был искренне грустным. Особенно тронули красные от волнения, с дрожащими седыми ресницами влажные глаза соседа по площадке, пожилого скрипача из Оперного театр. Тот часто вечерами и по выходным заходил в гости к Андрею, или Андрей к нему. Тоже одинокий человек. Сосед этот взялся присматривать за квартирой, показывать её покупателям. Ему оставлены ключи и право распорядиться оставшимся имуществом.

Подобрать агентство недвижимости, найти хорошего риэлтора оказалось увлекательной игрой. И если раньше Андрей Петрович не любил и не умел заниматься скучными практического или хозяйственного характера делами, то теперь, открыв интернетные страницы с темой «Продажа недвижимости», он *увидел* возможность на базе информационной тьмы построить матрицу оптимального планирования действий. Особый привкус этой экспериментальной деятельности придал звонок жене, когда та сказала в обычной своей манере: «Делай что хочешь! Только теперь я не могу «подпинывать» тебя и направлять, так что не «продешеви» того, что у тебя осталось». «Вдохновенные слова!» — подумал Андрей и на душе стало даже как-то веселей. Будто и вправду «дали пинка».

За три дня звонков и обсуждений с риэлторами были выбраны три, а в последний перед отъездом день был заключён договор с одним из них, тем, чья эффективность была наиболее убедительной. Впрочем, может ли вообще стоять вопрос об эффективности, разумности и убедительности в таком деле, как расставание с прошлым.

Меру расставания с прошлым фиксировали вешки на трассе, эти глупые зачеркнутые знаки: конец города, конец области, края. Край! Чего?

Андрей вспомнил последний перед отъездом вечер с Верочкой. Он молчал и листал (в который раз листал!) фотоальбом. Он уже полюбил несколько фотографий Веры-девочки и Веры-девушки. Она сидела за ноутбуком и что-то набирала текстом, заглядывая то в одну толстую книгу, то в другую, то шурша листами в тетрадях с записями от руки. Лицо её было сосредоточенным и даже непроницаемым.

Мужчина решил нарушить тягостное молчание. Ведь через несколько часов ему отправляться в дорогу. Сразу на рассвете. Нужно найти лёгкую тему для разговора. И такую, что даст надежду. Надежду обоим.

— Скажи, пожалуйста, дорогая. В начале сентября, когда я вернусь, будет День знаний.

— Знаю.

— Обещаешь научить меня пользоваться твоей «машиной времени»?

Вера Яновна наконец повернула к Андрею Петровичу лицо и улыбнулась.

— Обещаю, дорогой. Обещаю показать и объяснить суть работы. А научиться ты должен сам!

— Спасибо. Я хороший ученик, «хорошист».

— Ты — «отличник»!

— Ещё раз спасибо, — и тут Андрея заметил, как Верочка бросила недовольный взгляд на его руки, в которых он держал листочки со стихами из фотоальбома.

— Ты здесь похожа на раненую птицу. И сейчас так смотришь! Что тебя ранило тогда? Расскажи, пожалуйста. Мне это важно знать!

Вера резко вскинула огромные глаза. Секунду внимательно смотрела в глаза Андрею, пока лёд взгляда не подтаял, и появилась влага доверчивости.

— Правда? Хорошо, но коротко и один раз! Я познакомилась с мужем, отцом Паши в Тарту. Он старше меня на семь лет. Мне тогда 20, ему 27. Он музыкант, уже лауреат престижных конкурсов. В 21 год я родила. Мы к тому времени поженились, муж переехал в Петербург. У меня «на носу» защита кандидатской, разъезды, семинары, консультации. Пашке всего два годика. И муж требует к себе внимания, заботы и о нём, и о сыне. И его таланту нужен покой, уединение и репетиции, репетиции. И тоже разъезды! Я прошу подругу помочь с ребёнком на время моих командировок. Она и «помогла». Стерва! Остальное, думаю, тебе, мужику, не нужно разобъяснять?!

— Не нужно, — тихо ответил мужчина. — А стихи, вложенные здесь, об этом? Можно пару-тройку прочесть?

— Чего уж там: читай.

И сейчас, в машине, эти стихи отчётливо зазвучали в голове Андрея. Оказывается, он выучил их наизусть. Вот первое:

Что-то изменилось,
Я ли поменялась?
Небо опустилось...
Разве ожидалось?
Слёзы горячее
Кровь бурлит по жилам,
Ты ушёл навеки,
Почему, мой милый?

И сразу второе:

Девочка на фото,
С бантиком нелепым.
Дяденька фотограф,
С взглядом столь свирепым.
Всех любить с душою

Нараспаш открытой,
И бояться жутко
Быть тобой забытой!
Вырасти как в коконе,
Подлости не зная,
Получить пощёчину,
Плохо понимая...
Люди скажут — опыт,
Бисер ли пред свиньями,
Ты — со всей душою —
Разве не обидно ли?!
Жизнь всё повернула,
Крик души всё тише...
Рассмотреть «Что будет?»...
Вышло море с крыши.

Андрей Петрович остановил машину.

«Почему, прочитав эти чудесные стихи лишь единожды, я запомнил их наизусть?»

«Потому что они очень искренние. Это — крик! Это крик, обращённый к тебе. Лично к тебе, Андрей!»

«Способен ты взять на себя ответственность? Новую ответственность! Трудно, очень трудно ответить».

«Конечно, я не буду «перетягивать одеяло на себя». Но под одним одеялом... я разучился... Как быть вместе, быть родными, но и быть свободными? Как?»

Мысли об одеяле услужливо подняла из подвала памяти ещё одно Верочкино стихотворение:

Оберните меня счастьем,
Просто оберните.
Напоите меня счастьем,
Просто напоите.
Окуните меня в счастье,
Глубоко и сладко,
Отпустите меня в счастье,
Где дорога гладка.
Полетит пичужка,
Побежит девица,
В маковое поле,
Где от всех укрыться.
Надышусь я счастьем,
Насмеюсь я вдоволь,
Но обьятий ложных

Не хочу я боле![\[1\]](#)

На обочине дороги стояла машина, в которой дремал уставший Андрей Петрович. Он был за рулём уже пять часов. Нужно поспать минут сорок и снова в путь. Ему снился сон о том, что они с Верочкой гуляют по тёплому песку на закате у кромки моря.

Она спрашивает: «Тебе правда понравились мои стихи? Они ведь очень грустные!» Он отвечает: «Очень грустные! И очень понравились! Но есть, есть в них... отражение солнца... есть остров надежды, где «улыбается печаль». «Она говорит: «Мне стыдно признаться, но я снова хочу замуж... За тебя...» «Да, да, разумеется», — неопределённо протянул он, неожиданно увидев поразительную картину: из моря на крепеньких ножках, но ещё неуверенной походкой, выходит на песок... мальчуган, возрастом чуть за годик и направляется к ним. И улыбается, и тянет ручки. И над головой мальчугана светлое пятно и оно вращается, всё увеличиваясь и увеличиваясь в размерах. И наконец, это пятно превращается в рассветное небо.

Андрей Петрович не мог знать, что этот сон окажется вещим! Когда через 42 часа, в нетерпении, не дожидаясь рассвета, он позвонит в дверь квартиры на Смольной набережной, он также не будет ведать, какие две ошеломительные новости ждут его. Точнее одна новость и одно открытие. Ещё точнее *предчувствие, знак открытия*. Но сначала. *Новость*.

Вера Яновна открыла дверь. Часы показывали половину четвертого утра, но вид у неё был не заспанный, будто она и не ложилась спать.

— Доброе утро, Верочка! Я вернулся! — выпалил мужчина.

— Доброе утро, Андрей! С возвращением! — выдохнула молодая женщина.

Андрей крепко обнял и поцеловал Веру. Слишком крепко, потому что та, прикрыв рот рукой, убежала в ванную. Вернувшись, она, виновато улыбаясь, промолвила:

— Я побаиваюсь своих сов, Андрей. Они не дают заснуть. За ночь они... они успевают и поклевать, и нагадить... Извини...

— Чего ты извиняешься? Посмотри-ка на меня, родная!

Пауза.

— Ну и причём здесь совы? — прищурился Андрей. — Когда кого-то с чем-то нужно поздравить!

— Всё-то ты *Видишь!* — улыбнулась уже радостно Верочка. — Да, я беременна. Ты рад?

— Да! Тебе очень подойдёт быть матерью, а мне отцом! Это такой... такой... *Прирост смысла!*

Он поцеловал нежно в губы свою женщину, свою Нежную Королеву и воскликнул:

— Слушай! А ведь не зря ты заговорила о совах! Он открыл свою сумку и достал футляр с брошью.

— Это что? *Укладка?* У тебя такой значительный вид!

— Пока нет. Это подарок тебе!

Вера Яновна открыла коробку и достала брошь.

— Какое чудо! Где ты раздобыл такую прелесть? — она приложила брошь к груди, подбежала к зеркалу. — Нет, нужен другой свет! Естественный!

И подбежала к окну, забыв, что еще только светает.

Но какое-то невидимое излучение упало на жёлтые глаза «совы» и они будто бы прожекторы направили два мощных луча на башни Смольного собора. Это был миг! Яркий миг! В следующую секунду «прожекторы» погасли, но над одним из куполов в районе северного корпуса появилось светлое пятно!

— Иди скорее сюда! — воскликнула Вера. — Смотри! Над Собором опять пятно, светлое пятно на фоне тёмного неба. Ой, оно начинает *вращаться!*

Андрей вперил взор во вращающееся световое пятно. Это пятно обжигало и ум, и душу и высвечивало в памяти то другое пятно в катакомбах, тоже вращающееся. *Подсказка!* Снова подсказка!

— Это Павел, апостол Павел с нами разговаривает, — тихо, чтобы не спугнуть видение, сказал Андрей Петрович.

— Что он говорит? — также одними губами спросила женщина.

— А что ты *слышишь?*

— Там... там... *Укладка!* — с горячим воздухом, с хрипом из горла вырвалась *догадка*.

— Конечно! Конечно *она!* — торжественно подтвердил Андрей Петрович. — Ты опять о чём-то задумалась.

— Над цитатой апостола Павла из твоей повести: «Весь человек есть ложь». Гоголь в «Авторской исповеди» болел этой мыслью. И я болею мыслью, что я теперь Одетта —

закалдованная в птицу девушка из «Лебединого озера». И ещё: в Большой Игре Бога и Сатаны наша *Укладка* может оказаться «ящиком Пандоры»... Давай ты отдохнёшь с дороги, примешь ванную и поспишь. И я тоже хочу... хочу... с тобой.

— Ты ведь не спала эту ночь? Ждала?

Да, ожидание и предчувствия. Хорошего! Сегодня воскресенье, можно поваляться в постели подольше. А днём сходим в храм, в Смольный монастырь. Побродим, посмотрим.

— Извини, давай сначала съездим на могилу Г.Н.

Он задумался о Добре и Зле, вспомнилась притча о парне, переводящего инвалида через улицу. Парень доволен своим благородством, но инвалид просит что-то ещё, ещё... а парень вспоминает, как два года назад сбил машиной этого человека...

— Отличная мысль! А затем в Собор. Кстати, может быть на вечернее богослужение сходим?

— Хорошо. — ответил Андрей и, поцеловав подругу, отправился в ванную комнату.

Они лежали в постели. Андрей неумело, но с любовью и старанием делал Верочке успокоительный массаж пальцев ног, мочек ушей, ласкал языком затылок, между лопаток...

Проснувшись, пока Вера Яновна готовила завтрак, Андрей Петрович просматривал историю Смольного монастыря, заглядывал то в интернет, то в свои записи в тетрадях.

За завтраком Андрей подтвердил, что по воскресениям в правом Екатерининском приделе собора бывают богослужения. А вообще этот комплекс сейчас имеет статус объекта культурного наследия РФ и используется как концертно-выставочный зал. Смольный собор был закрыт в 1931 году, однако ещё в 1922 году из него было изъято всё церковное имущество. А вот... вот иконостас был демонтирован только в 1972 году.

— Может быть... Да нет... вряд ли? — невнятно проговорил мужчина.

— Говори же, — подталкивала его женщина.

Андрей задумался, опять просматривая свои записи.

— Понимаешь, в чём дело... До своего отъезда в Екатеринбург я разослал (от имени дирекции Гатчины) официальные письма-запросы в родовые имения Лопухиной и Нелидовой. Например в подмосковную усадьбу «Введенское» Лопухиной. Но сейчас там санаторий московской мэрии «Звенигород»...

— Что-что? Санаторий мэрии? — Верочка как-то сразу встревожилась.

— Да, а что ты так... «вспыхнула»? Андрей бросил на Веру внимательный взгляд.

— Потом расскажу! Продолжай!

— Ответов я пока не получил. Далее, после того как Нелидову заменила возле Павла Лопухина, Екатерина удалилась в Смольный монастырь...

— Катя! Тя-тя-*та*! — опять перебила Вера Яновна, — Извини! Очень интересно!

— Дружба Нелидовой с императрицей Марией Фёдоровной продолжалась до смерти последней. Мария Фёдоровна доживала свой век в Павловске, ещё 25 лет. После убийства Павла. Сожгла все дневники, записки свои и мужа. Однако, будучи начальницей Воспитательного общества, часто бывала в Смольном соборе. В северном корпусе располагались Актовый зал и театр, в восточном — покои императрицы. И там же была квартира фрейлины Нелидовой. После смерти Нелидовой (в возрасте 82 лет, там же в Смольном) личные вещи её забрала любимая племянница, княгиня Трубецкая. И я думал, возвратившись в Питер, идти по этому следу, — Андрей сделал паузу. — Ты знаешь, мне почему-то не даёт покоя ещё один факт: в 1777 году после урагана сильно пострадал северный корпус. Фельтен перестроил бывшую здесь трапезную в актовый зал и театр. Но

проходило немного времени и реставрацию приходилось возобновлять.

— Песок... — задумчиво сказала Вера. — У Павла I были 110 любимых пушечек. Сейчас на хранении лишь 7, остальные пропали. А уж дневники, записки...

На Смоленском кладбище было сыро и прохладно. Густые заросли в старой, лютеранской части кладбища добавляли мрачных красок в весь скорбный пейзаж. Готические декорации искосившихся и полуразрушенных надгробий и фамильных склепов были унылы и печальны. Андрей и Вера молча постояли у могилы профессора, прошедия к часовне Ксении Петербургской, помолились и направились к выходу с кладбища.

Возвратившись домой, переодевшись и пообедав, они решили отдохнуть и отправиться в Смольный монастырь, чуть позднее, к 17 часам. В городе было сухо, погода была ясной.

На площади Растрелли с трудом удалось припарковать машину. Неспешно они направились к корпусам ансамбля Собора. Прогулка и осмотр здания не могли, разумеется, дать серьёзных результатов. Как и предполагали наши исследователи, большинство помещений было просто под замком: служебные комнаты, склады, ремонтные мастерские и прочее.

— Может быть тебе через своего директора попытаться связаться с местным руководством: архивные изыскания и тому подобное, — размышлял Андрей Петрович. — Хотя бы в северном и восточном корпусах.

— А чем я объясню свой интерес? Да и долгая история: бумаги, согласования, подписи. И как взять оттуда *Укладку*, если мы её найдём?

— Мы можем сказать, что ищем известную в биографии Павла I таинственную шкатулку от монаха Авеля, где содержались различные предсказания монаха, например, казнь Николая 2 в 1918 году, — продолжал мужчина.

— Нет, Андрей. Это ребячество. — твёрдо возразила женщина.

— Значит вновь обратиться к Дееву! — резюмировал Андрей.

Вера молча кивнула и сделала звонок Александру Владимировичу. Говорили они довольно долго и не всё из слов Верочки было понятно Андрею Петровичу. Когда телефонный разговор был закончен женщина рассказала:

— Он согласился помочь. И лично сделает звонок в Смольный и попросит через Министерство культуры прислать официальную бумагу. А через две недели, возможно, приедет в Питер.

— А что ты упоминала дважды в разговоре с Деевым вашего мэра? — спросил Андрей Петрович.

— Я не успела тебе сообщить ещё одну важную новость. Неделю назад, буквально через пару дней после твоего отъезда в Екатеринбург, Александр Владимирович перевёл нам деньги. Три миллиона евро от Папы и Ордена. За *Пергамент*. 170 миллионов рублей...

— Это же прекрасная новость! — воскликнул Андрей. — Но мы ведь рассчитывали на 190? Ах, да, понятно...

— Не перебивай, пожалуйста. Дело в том, что я сразу пошла в мэрию. В прекрасном настроении пошла. А вышла оттуда ни с чем и уже в дурном настроении. Мэр не принял меня. Единственно, что секретарь взял у меня из рук нашу письменную просьбу о намерении выкупить усадьбу за 130 миллионов рублей. Этот добрый секретарь поведал мне по секрету, что мэрия намеревается на территории нашей усадьбы построить Spa-отель и village. Для отдыха администрации. Поэтому мэр вряд ли согласится на наше предложение и будет просто тянуть время и молчать. А уже в официально назначенный срок, 15 января будущего

года, просто пришлёт судебных приставов, если территория не будет нами освобождена.

— Ему что: мало берега турецкого...?

— Не будь наивным: ему хочется иметь личное поместье, где можно неофициально встречаться с разного рода купцами, девочками и прочее. В Турции не разгуляешься с размахом, как любят на Руси.

— Но ведь места в округе полно. Красивых мест! И у берегов Волхова в том числе.

— Мэр будет упрячиться. Бабуля в первом же телефонном разговоре с ним была резка и говорила высокомерно с презрительными нотками в голосе. Не знаю, что на неё нашло, но у ней неприязнь к этому чинуше возникла с первых секунд.

— У мэра тоже антипатия?

— Наверняка, — подтвердила Вера Яновна.

— Может Александр Владимирович? — неуверенно протянул Андрей Петрович. — Или больше денег предложить? Взятку?

— Нет! Деев — единственная сила воздействия! Но сначала нужно найти *Укладку*, и тогда будет реальная возможность говорить Александру Владимировичу в Риме и в Москве об организации у нас командорства. Милый, найди её, эту заветную шкатулку! Я не могу допустить, чтобы на месте нашего родового гнезда устроили бордель!

— Верный настрой! Будем работать! Завтра же поеду в Гатчину. Может пришли какие-нибудь новости по Нелидовой.

Так пролетела неделя. Новостей, к сожалению, в Гатчине, куда Андрей отправлялся ежедневно, не было. Пока экскурсанты ходили по парку и Дворцу, Андрей спускался в Подземной Ход. Бродил по нему в одиночестве. Это стало страстью, даже навязчивой идеей. Он искал, искал в *Эхе*, в тенях подземелья ответы на свои вопросы. Их пока не было. Зато начала мучить бессонница. А если и удавалось поспать, то сны были тяжёлыми. Низший миропорядок всё глубже вползал в душу Андрея, проникая и в сознание, и в подсознание.

Верочка много работала в институте.

— Ах, дорогой! Как здорово, что я скоро уйду в отпуск! — шептала она на ухо мужчине, глядя его по голове руками.

— В декретный? Рано же! — удивился тот, когда она сообщила об этом в первый раз.

— Сначала в творческий. Я хочу написать книгу.

— О чём?

— Ну, скажем, название будет таким: «Алхимия снов и мистицизм».

— Завидую.

— А ты разве не захочешь помочь мне?

— С удовольствием! — обрадовался Андрей Петрович.

В воскресенье они поехали в усадьбу. Та искренняя радость, с которой Андрея встретили все живущие там, а в особенности Мария Родиславовна и Иришка, затопили душу его волной тёплой нежности.

— Наконец-то, Андрей Петрович! — всё восклицала и хлопала в ладошки Иришка.

— Поздравляю, Андрюша, с принятым тобой решением быть с нами. В нашем кругу. С нашей семьёй... — волнуясь, проговорила пани Мария.

Она ещё хотела что-то добавить, но запнулась. Подошла к Анне Никитичне и стала повторять уже известные той распоряжения по поводу обеда.

Анна Никитична всё утирала платочком глаза и кивала.

— Всё Анна, хватит мочить палубу! — отозвался вошедший Дмитрий Платонович и

обнявший Андрея вновь с такой силой, что тот выпучил глаза и еле вымолвил:

— Дорогая Анна Никитична! Если наш милый капитан и вас так обнимает...

— Медведь! — но, потом, смиростивившись, добавила. — Да нет, меня жалеет.

Видно было, что в доме полным ходом идут кардинальные перестроечно-ремонтные работы.

— А как наш флигель, Платоныч? — спросил Андрей.

— Готов. Там сейчас Иришка командует. Мебель завозит и прочую оснастку. Я помогаю ей только с обустройством территории вокруг дома.

— Он сейчас под моим командованием! — важно сказала Анна Никитична, осторожно взглянув на мужа. — Рабочих в Усадьбе 11 человек, их нужно кормить. Вот он за кока в трёх флотских бачках готовит первое, второе и чай.

— Поговори-ка у меня! — с наигранной сердитостью отозвался моряк, любовно глядя на жену. — Сама, небось, сегодня чуть пироги не сожгла. Если б не я...

— Да, нервничала что-то. Такие дорогие гости.

Андрей, Вера и Иришка пошли перед обедом прогуляться по усадьбе.

— Сначала в мой флигель! — затараторила Иришка, объясняя, как она планирует достичь вершин ландшафтного дизайна. — Главные принципы — единство, гармония, и многообразие. Но многообразие без изобилия и многословия. В основе четыре «садовые комнаты» примерно по 5–6 соток каждая. Две аллеи с парадной террасы и с заднего крыльца. Комнаты: первая в регулярном французском стиле. Здесь особенно важно чутьё к цветовой гамме, фактуре и объёмам растений, изысканность рисунков цветников; вторая в английском стиле, то есть, в первую очередь, идеальный мягкий изумрудный газон, третья — это китайские и японские традиции, то есть секрет установки камней, четвёртая — кантри-стиль, то есть спонтанный мир диких многолетних растений: душистые травы, седуны, мхи посреди мавританского газона. И сюда бы ещё старую телегу или просто старые деревянные колёса от телеги. Парадная аллея такая, чтобы ближе к дорожке высота растений уменьшалась, то есть у дорожки расположить протяжённые рокарии или миксбордер. Задняя аллея — лесная, просто будет уходить в лес, но заканчиваться она будет гротом! А вокруг грота папоротники и мхи, опять же на камнях и среди них. А дорожка — пошаговая из камней. Всё это должно совмещать иронию, пафос и мистику!

— Bravo, Ирина Яновна! Цицерон сказал: «Если у тебя есть сад и библиотека, у тебя есть всё, что нужно...» — громко сказал Андрей и поднял указательный палец кверху.

— Молодец, сестрёнка! — подтвердила Верочка.

— Спасибо, мои дорогие. Только я рассчитываю на вашу помощь, Андрей Петрович. Те замечательные деревянные скульптурки, что вы начали делать, так и лежат незавершённые. На заднем крыльце. Ваш топорик и стамески в прихожей у крыльца. В шкафу.

— Да я вот сейчас занимаюсь... — начал оправдываться мужчина, но Вера перебила его.

— Правильно Иришка говорит. Нужно прекращать как приведению шпаться по Подземному Ходу и вслушиваться в эхо призраков!

— А откуда ты знаешь? — удивился Андрей, так как о своём этом пристрастии не говорил никому.

— Кричишь по ночам. И потом не забывай: мои совы с каждым днём всё сильнее. Я вижу!

— Тебе Бог дал сов!? Ой, как я хочу хоть одну малюсенькую... — запричитала девушка

и боязливо стрельнула глазами в сторону мужчины.

— Вам, мила девушка, это не нужно, — строго сказал Андрей Петрович. — Это нелёгкая ноша!

Троица осмотрела дом. Всё было сделано и с любовью, и со вкусом. Продумано всё до мелочей. Только одна комната была пустой, без мебели. Люди стояли посреди неё, будто вслушиваясь в тихую пустоту. Вера внимательно посмотрела на сестру и сказала Андрею:

— Сходи погулять на 5 минут. Мы чуть посекретничаем.

Когда Андрей вышел, Вера Яновна обняла сестрёнку и спросила:

— Здесь планируется детская комната?

— Да, — тихо призналась Иришка.

— И что: уже... намечена... запланирована эта востребованность?

— Нет, что ты, Вера! — фыркнула младшая сестра.

— А что Сергей? Звонит?

— Каждый день, — щёки Ирины слегка покраснели. — Знаешь, Вера: я боюсь.

— Чего?

— Я боюсь своей... неопытности в любви. Я ведь не была близка с мужчиной ни разу. Это в 25 лет! У меня страхи старой девы.

— Глупости! Вот увидишь: прольётся дождик, нежный и тёплый, и взойдут прекрасные яркие цветы. — Верочка сделала паузу. — Ты знаешь, а у меня вновь взойшли... И мне... нам с Андреем скоро потребуется детская комната, точнее детский уголок пока.

— Поздравляю! Отлично! Бабуля...

— Да, бабуля догадывается и будет рада. Но пока мы ничего не станем ей сообщать.

— Ну почему!?

— Потому что она сейчас тревожна, мы все погружены в липкое ожидание решения мэрии по поводу нашей усадьбы.

— Я чувствую: решение будет в нашу пользу! — решительно воскликнула девушка.

— Ты молода и поэтому так оптимистична. И ожидание твоё такое восторженное и... возбуждённое, — грустно заметила старшая сестра. — Пойдём, родная. Пора на обед.

За обедом Вера Яновна, опасаясь тошноты, почти ни к чему не притрагивалась и лишь украдкой, чтобы не заметила Мария Родиславовна «дёргала» из хрустальной салатницы солёные огурчики-малютки и быстро направляла в рот.

Пани Мария действительно ничего не замечала, была сосредоточена на своих мыслях и поднимала иногда вопросительные взоры лишь на Андрея Петровича.

— Чем ты собираешься заниматься, сынок? — спросила она мужчину, который с неудовольствием ожидал этого вопроса и был готов к ответу.

— Пока буду работать в Гатчине и ждать ответа из Смольного.

Последняя фраза прозвучала загадочно и вызвала, наконец, улыбку пожилой дамы.

— Что, Смольный вновь в центре событий? — хохотнула она. — Как в 1917-ом.

Андрей пожал плечами и взглянул на Веру, спрашивая разрешения рассказать об их планах. Та одобительно чуть кивнула.

— Вы, дорогая тётушка, как всегда метки в словах. Да, в центре.

Он рассказал о соображениях по поводу поиска *Укладки*.

Мария Родиславовна внимательно, с очень серьёзным лицом выслушала доводы мужчины и, помолчав, сказала:

— Хм, Нелидова... Мне давеча приснился сон, в котором Вера просит меня посмотреть

бумаги, что оставила у меня, когда я редактировала её книгу об Ордене и о Павле I. Так вот я обнаружила в этом пухе, ворохе архивных ксерокопий интереснейший документик. Сейчас принесу.

Она вернулась с листком бумаги, в котором Вера и Андрей с трепетом в душе прочли запись:

«На верхнем этаже Михайловского замка при жизни императора и некоторое время после его гибели жила группка мистиков. Посещала этот кружок и Нелидова. Религиозно-мистический флёр этой восторженно-сентиментальной дамы, очень пылкой умом до старости был необычайно густым и проникновенным»

«Камер-фрейлина Нелидова сообщила собранию, что имеет некую золотую, очень старинной работы, шкатулку, подарок императрицы Марии Фёдоровны. Той же её подарил барон Гонпеш, бывший великий магистр Ордена иоаннитов. Когда иной раз фрейлина открывает эту шкатулку, руки её обжигает огонь. У этого огня, чувствует она, *Дух Преисподней*».

— А я и забыла об этой своей записке, — удивилась Вера Яновна.

Андрей же от радости обронил нож, которым разрезал мясо.

— Какая вы умница, тётушка! Я вас люблю! — он привстал, поцеловал пани Марию и нагнулся, чтобы поднять нож.

— Мужчина придёт, — рассмеялась Иришка и тоже расцеловала бабушку.

— Вот, Андрюша, кто настоящая «Пиковая дама»: Нелидова. А ты меня обзываешь, — довольно бросила пани.

— Пусть в нашей колоде, в нашей *игре* их, пиковых дам, будет две! — возразил мужчина.

— Я посвящу этому сну свою отдельную большую главу в моей будущей... нет, в нашей будущей книге. Ты, Андрей, и ты, сестрица, будете мне помогать? — спросила Вера.

— С удовольствием! — обрадовалась сестрица. — Но кто нам нужен — это Сергей. Сны — ключевая тема его исследований и его методика целительства.

— Отлично! — сказала старшая сестра. — Вот этого товарища нужно «поисцелять» от его походов в Гатчину, в Подземный Ход, — она указала на Андрея.

— Я уже говорил тебе, что там я ищу подсказку, дух апостола, — начал раздражённо оправдываться мужчина, но тут у Ирины раздался телефонный звонок.

— Ой, Серёжа! Привет! Как я рада! У нас только вот нож упал... Мы вспоминали и говорили о тебе... Это так великолепно... 25 октября... утром в четыре... Мы будем все счастливы... Конечно, я по-особенному...

Девушка сказала сидевшим за столом:

— 25 октября рано утром он прилетает в Питер! Спасибо, я сыта и счастлива, — и убежала договорить с другом сердца наедине.

— Эта молодёжь не умеет бороться за счастье! Всё лирика и мечты! — задумчиво, потирая красивое кольцо с камнем сказала Мария Родиславовна. — Уже измучались оба. Нужно ему, Сергею этому оставаться и сделать гражданство, двойное.

— Легко сказать... — тоже задумчиво сказала Вера.

— Сергей не просто жених, он в нашей... банде. В нашей будущей лечебнице, — строго сказала «пиковая дама».

— Фу, филолог. Скажи уж коалиции, группировке, бригаде, наконец, — возмутилась молодая женщина.

— Нет, банде. Пока не побью мэра, буду считать себя... старой разбойницей, — расхохоталась бабуля.

Затем встала.

— Спасибо, дети. Обед был сытным во всех смыслах. Пойду к себе. Это я заберу. Погадаю на него, — Мария Родиславовна взяла листочек, что принесла и необычайно бодрой походкой, воодушевленно подмигнув Вере и Андрею, удалилась.

Андрей Петрович ездил с экскурсиями в Гатчину, но, пообещав Вере не спускаться в Подземный Ход, держал слово. В среду вечером, за ужином Верочка сообщила:

— У нас, дорогой, благоприятная новость. Мне позвонила директор из Смольного и сообщила, что ей звонил Деев. Получено также письменное распоряжение из Минкульта по поводу нашей работы. Она рада и готова помочь нам. Завтра назначена встреча, на 14:00 в её кабинете. Зовут Виктория Евсеевна.

— Прекрасно, дорогая. Вот с её кабинета и начнём! — улыбнулся Андрей.

Директором оказалась грузная дама, немного старше бальзаковского возраста. Очень красивые очки, аккуратная причёска. Только руки почему-то натруженные, с огрубевшей кожей и утолщёнными суставами пальцев.

— Я двадцать лет проработала реставратором: влажный гипс, краски, часто на помостах: вверху, на ветру, — каким-то извиняющимся тоном сказала женщина, поймав взгляд мужчины и перебросив свой взгляд на холёные ручки его спутницы.

— Извините, я вовсе... — начал Андрей, но Виктория Евсеевна остановила его движением руки.

— Я сейчас проведу вас лично. Для первого знакомства с ансамблем, считаю это необходимым. Вы располагаете 3–4 часами?

— Да, конечно. Спасибо огромное, — в унисон ответили Вера и Андрей.

— А паспорта, пожалуйста, отдайте моей секретарше, Валерии. Ко времени нашего возвращения сюда будут готовы пропуска. Какие-то ещё указания Валерии будут?

— Да. Если можно — планы комнат и их сегодняшние назначения... Пока ограничимся северным и восточным корпусами.

Когда после более трёхчасового осмотра помещений они вернулись в кабинет, уставшие и уже молчаливые, Виктория Евсеевна попросила Валерию принести бутерброды к чаю. Пропуска и планы корпусов были готовы.

Вера Яновна взяла пропуска в руки и, не сумев сдержать неудовлетворения, спросила:

— Здесь указан срок действия: с 23 сентября по 23 октября сего года. В рабочие дни с 9 до 18 часов.

— Да, обычная практика. Я установила график дежурства трём своим сотрудникам и двум охранникам, которые будут сопровождать вас. На этом листке указаны фамилии и телефоны. Возьмите, пожалуйста.

— Но дело в том, что мы запланировали работу у вас в своё нерабочее время. По вечерам и по выходным. И... и наш метод... скажем, биолокационных изысканий, предполагает отсутствие в помещении посторонних людей.

— Я не знакома с этим методом, но теперь проясняю для себя показавшуюся странной фразу Александра Владимировича: «... для исследований и изысканий», — она сделала паузу и продолжила. — Позвольте уж любопытствовать у вас, Андрей Петрович: манипуляции с тростью вы продельваете с целью... биолокации? Я заметила это.

— Совершенно верно, — ответил тот.

К нему пришёл кураж. Он прогулялся по кабинету, вычерчивая в воздухе замысловатые траектории своей тростью.

— Трость реагирует лишь на вас, Виктория Евсеевна, — наконец сообщил Андрей,

присаживаясь обратно к столу.

— И что вы обнаружили... во мне? — осторожно спросила директор.

— Чуть более пятнадцати лет назад вы упали со строительных лесов, был перелом левой ключицы, — остро вглядываясь в даму, сказал мужчина.

— Так же был повреждён голеностопный сустав на... на левой ноге, — уверенно добавила Вера Яновна.

Виктория Евсеевна невольно спрятала левую ногу под длинной шёлковой юбкой и прикоснулась рукой к своему левому плечу. Она ошарашенно смотрела на вздрагивания крыльев носика молодой женщины, побелевшие полуприкрытые глаза мужчины. Наконец она обрела дар речи.

— Вы намерены искать трещины и в наших стенах? — неуверенно спросила директор.

— Главным образом. Но и историко-архивные исследования тоже, — сказал Андрей Петрович.

— Вряд ли вас ждут открытия в архивах. А вот трещин и каких-то вмурованных в стены камер у нас предостаточно. Так или иначе ваша работа очень нам нужна. Очень. Я даже сразу вслед вашим работам намерена просить Министерство культуры организовать большие ремонтно-реставрационные работы. Но на это уйдёт не месяц и даже не год, — грустно заключила она.

— Хочется предупредить вас, что у нас узко-специальные цели и никаких итоговых документов мы через месяц не сможем представить. Мы же не специалисты в ремонтно-реставрационных работах, — сказала Вера, сделав вежливо-холодную гримасу.

Андрей поспешил смягчить тон подруги:

— Список опасных трещин и таинственных камер с кладками мы обещаем передать вам. В меру наших способностей, разумеется.

Вера Яновна бросила на него насмешливый взгляд и затем, мгновенно обратив этот взгляд в доверительно-детский, спросила Викторию Евсеевну:

— Как же мы решим вопрос с нашим режимом работы у вас?

— Я в течение двух дней согласую этот режим с начальником охраны, с главным бухгалтером и прочими. Вы же понимаете, что в бухгалтерию, в отдел кадров и ещё ряд помещений я не вправе... Многое в субаренде... Чужое имущество...

— Да, мы понимаем.

— Попытаемся сделать так, чтобы охранники открывали вам двери и ждали за ними. Но кое-где возможен досмотр... Извините... Я всё попытаюсь организовать... В меру моих возможностей, естественно. В субботу утром, часов в 10 я позвоню и подготовлю новые пропуска. Я, между прочим, работаю часто и по субботам. Так что милости просим.

Парочка изыскателей поблагодарили Викторию Евсеевну, и, обнадёженные её заверениями, отправились домой. В машине Вера, поглаживая андреево бедро, весело сказала:

— Большого я и не ожидала. Но как ты сумел вовремя и точно про ключицу!

— А ты про голеностоп! — подхватил Андрей и тоже положил руку женщине на бедро.

Когда они легли в кровать, и чувственность завибрировала и была готова перейти в страсть, Верочка не смогла удержаться от вечной женской привычки попросить о чём-нибудь мужчину перед *этим*:

— Обещай поговорить с Борисом Ильичом и в пятницу закончить с работой в Гатчине. У вас ведь был договор на месяц.

Андрей сбросил руку с её груди и жёстко проговорил, медленно, разделяя слова:

— Я начинаю часто увольняться. Я также не хочу приобретать привычки зависимого человека. Не хочу, чтобы и ты приобретала привычки...

Верочка не дала ему договорить. Положила ладошку мужчине на рот и проворковала на ухо:

— Прости мой бабий тон. Но мы ведь одна... семья, — она неуверенно выговорила последнее слово.

Андрей примирительно положил руку обратно:

— Мне больше нравится тётушкино словечко: «банда», — он улыбнулся и ласково поцеловал Веру — давай не будем играть высокими словами, смысл которых больше их обычного значения. Конечно мы — семья, двое на крохотном необитаемом острове.

Верочка уже горячо дышала ему в ухо.

— Бабуля назвала себя «старой разбойницей»... Ха! Давай Иришку звать «маленькая разбойница». Тебя... тебя... «Большой Гребень»... вон *он* уже совсем большой... меня... не знаю...

— Как принято — Нежная Королева — *она* у тебя припухла и стала влажной...

— Подожди... это слишком по-доброму. Не годится для... военных действий.

Она подумала секунды три.

— Лучше «Гончая Собака». Она сейчас хочет помчаться во весь опор. Давай же, Большой Гребень... давай... — Верочка закрыла глаза и спина её упруго выгнулась.

Какой примирительной бывает ночь любви, как целительно действует она на душу и тело, подизношенных дневными житейскими заботами.

Разговор с Борисом оказался простым.

— Не нужно ничего объяснять. Я рад, что ты в Питере надолго. Рад тому, что у тебя появилась любимая женщина. Уверен, что хорошая. Только вот, брат, работать с женой в одной организации — это перебор.

— Мы с ней умеем договариваться: она тоже — странник.

— Очень любопытно. Может в гости позовешь, познакомишь со своей странной странницей. И ко мне заходи запросто. Если по твоим поискам в Гатчине мне что-нибудь сообщат — обязательно передам тебе. А захочешь прокатиться туда — всегда пожалуйста. Сотрудники, а особенно сотрудницы полюбили тебя, как родного. До встречи. И удачи!

— И тебе удачи, Борис. До встречи!

Но удача — сестра случая и дитя любви. Ни большой талант, ни большие знания, ни огромное трудолюбие, ни даже искренняя вера и преданность не гарантируют её: так скромная и красивая девушка может предпочесть яркого пошляка глубокому интеллектуалу.

Более трёх недель ежедневных упорных трудов в Смольном, почти месяц изматывающего напряжения всех сил не дали результата. Ни умение *видеть*, ни построение хитроумных расчётов обоих искателей — ничего не помогало. *Сатана отводил глаза*. Берёг, берёг свою *Укладку*. Андрей нервничал, передавая свою нервозность Вере. Он повторял:

— В нашем *намерении* нет истиной чистоты и полноты помыслов. Нет Божьей Любви. Нас ведёт практический результат — сохранить родовое имя.

— Ты вовсе свихнулся в этом монастыре. Ты мешаешь сакральное с религиозным, — возражала Вера.

— Это одно *Целое* — упирался доцент Цельнов. — Сакральное — подперчённое мистикой и эзотерикой религиозное. Тебе ли это объяснять.

— Допустим. Но что значит — сохранить имяние?! Это — наш истинный, чистый и правый помысел. Иначе... — она готова была разрыдаться.

Андрей сидел с опущенной головой. Он припомнил верины слова: «Мы — семья». «А кто? Глава семьи? Тогда я в ответе! Вот тебе и высокие слова. Быть главой семьи труднее, чем главой банды. И у меня ведь есть уже семья. И я с ней не расстался. Ты запутался, Андрей Петрович! Ты — двоеженец, врун и хвастун. И может от этих новых, родных людей вновь, как восемь лет назад от жены я услышу приговор: неудачник. По заслугам. За грехи».

— Ты не слушаешь меня?! Я говорю, что может попросить ещё какой-то помощи у сотрудников Смольного, продлить срок работы? — говорила Вера Яновна с видом больной, уставшей собаки.

— Да нет, дорогая, не нужно. Они сделали всё, что смогли. А мы, я — нет. А *Укладка* там, точно там. *Я знаю*. А найти не могу. Грешен!

— Прекрати! Твоё уныние — тоже грех! У нас будет ребёнок. У нас куча денег. Мы купим и себе, и бабуле, и Иришке квартиры, дома, всё, что они захотят. Всё нормально. Всё уйдёт в прошлое, а придёт новое, другое, хорошее. Время всё лечит.

— Да, да, — вымолвил Андрей с видом сомнамбулы, — «Всё боится времени, а время боится только пирамид».

Эта чья-то цитата странным образом подействовала на обоих. Они задрали в задумчивости головы и посмотрели в потолок, будто туда упёрлась своей верхушкой невидимая пирамида. Женщина тряхнула головой и сказала:

— Не нужно чему-то одному дать съесть всё остальное. «Не сотвори себе кумира!». Давай успокоимся, давай купим виллу на Сицилии, уедем туда.

Мужчина молчал, продолжая поглядывать в потолок.

— Ну скажи же мне что-то хорошее, чтобы я успокоилась, — попросила Верочка.

— Сумма квадратов катетов равно квадрату гипотенузы, — протянул Андрей и натужно улыбнулся. — Я о пирамиде.

Он долго не мог заснуть ночью. Мысли путались, перескакивая одна через другую, кружились то в медленном хороводе, то в беспорядочном диком танце. И лишь перед рассветом некие уже сонные, неосознанные ясно мысли немного успокоили душу. А мысли эти были о душе. Сначала было видение пани Марии в образе «пиковой дамы»: в чёрном платье, в чёрном чепце и с чёрными неприятными усиками. Она молвила: «Тысячи мужчин ради родных и близких идут на сговор с дьяволом. Нужно уметь договариваться с ним. Ты сможешь сделать *это*... Вспомни Посох Моисея: он то оборачивался змеей, и та жалила, то излечивал, а то обращал воду в кровь... Ты, Андрей, находишься внутри ситуаций, а пусть, наоборот, они будут внутри тебя. И ты *увидишь*!». «Впустить в душу *его*?» Дама кивнула и растворилась.

Затем приснилось как он, Андрей, гуляет с апостолом Павлом по Подземному Ходу. Апостол говорит: «Ты — человек *силы*, ты — *отмеченный*». Андрей: «Я хочу бороться со злом». Апостол: «Бороться надо с собой». Андрей: «Поясни». Но Павел указал куда-то вверх и исчез. Андрей вскрикнул: «Подожди!» и начал метаться по подземелью. Этот тоннель обернулся в зону ада, мир нижнего астрала. Канализационные трубы, узкие коридоры... *Портал*! Монстры и химеры, фантомы и другие сущности демонического мира вяло и безвольно кружились под потолком. Были они кто в образах маленьких извивающихся белёсых человеческих фигурок, кто в виде чёрных клубков, сгустков, клочьях липкого тумана, змей, колючек. Они не видели мужчину, но когда тот начал обречённо

кричать: «Где, где *Укладка?*». В тоннеле появились окошки, и оттуда начали высовываться лисьи, волчьи морды, вытянутые и злобные. Затем появились клешнеобразные, рогатые, хвостатые, копытные. Андрей кричал и кричал до боли в сердце.

Вера трясла его за плечи.

— Проснись! Проснись сейчас же!

Андрей Петрович открыл глаза. Женщина сбегала за святой водой, что взяла в часовне Ксении Петербургской.

— Попей и умой лицо!

Затем открыла ящичек комода, достала оттуда раковину рапана и пирамидку Пифагора из горного хрусталя.

— Возьми это в руки и рассказывай! Можешь говорить?

Андрей прошептал: «Ангел — хранитель, храни меня от врагов видимых и невидимых», затем встал с кровати, накинул халат и надел тапки. Прихватив с собой бутылочку воды, сел в кресло. Озноб перемежался с жаром. Вера принесла ему горячего чаю. Сделав несколько глотков, мужчина неспешно, пытаясь вспоминать детали, рассказал свои сны.

Женщина сидела на банкетке рядом и слушала. Слушала, не перебивая и не торопя Андрея, лишь с опаской наблюдая за его лицом.

Когда рассказ был окончен, она встала и начала медленно бродить по комнате из угла в угол, решая какой-то вопрос. А может целый ряд вопросов.

— Сегодня 22-е, суббота. Мы уже месяц не были в усадьбе. Бабуля и сестрица волнуются. Чувствуют нашу тревогу. Давай позавтракаем и отправимся туда. Как ты?

— Вполне, — Андрей помолчал и добавил. — Завтра 23-е октября. Последний день работы в Смольном. Нужно сдать отчёт, — он внимательно исподлобья посмотрел на Веру Яновну.

— Не ребячься. Виктория Евсеевна давно догадалась о неких тайных целях нашей биолокации. И отчётом сильно не озабочена. Она сама мне сказала.

— Я озабочен. Я привык всякую научную работу доводить до конца.

— Ты час назад был на грани «конца»!

Андрей был непреклонен. Молчал.

— Ну хорошо. Давай до обеда ты поработаешь дома. Я побуду с тобой. А потом погуляем, сходим в театр, в оперу, на балет, — она заглядывала ему в глаза, ожидая одобрения.

— В цирк.

— Почему? Почему именно в цирк? — удивилась Верочка.

— Не знаю. Хочу в цирк.

— Хорошо. Я сейчас закажу электронные билеты.

После завтра мужчина остался поработать в кухне. Он достал свой блокнот, в который записывал и зарисовывал те наблюдения, что они провели в монастыре.

Потом они гуляли. Покружили возле храма «Спас на крови», затем около Михайловского замка. И там, и там Андрей чувствовал запах тех исторических убийств, запах крови. Он нехорошо кривил рот. Парочка прошла вдоль Фонтанки. Мужчина часто останавливался и вглядывался в толщу воды.

— Мне нужно зайти в церковь целителя Пантелеймона, — сказал он.

— Хорошо, — обрадованно поддержала Вера. — Поставим свечи.

По дороге они задержались у Чижика-Пыжика. Андрей всё бросал и бросал монетки. Нс

ни одна не желала остаться на фуражке маленькой птички.

— Андрей, пойдем отсюда. Время поджигает, — женщина потянула его за руку, когда тот полез в карман за очередной монеткой.

— Я раздумал идти в церковь, — буркнул мужчина. — Наша машина далеко?

Он растерянно повертел головой.

— Быстрее пешком, — ответила Вера Яновна.

Действительно, до цирка они дошли довольно скоро. В середине первого отделения, когда группа воздушных гимнастов под самым куполом проделывала невероятные пируэты, Андрей вскочил и вскрикнул:

— Смотри, смотри! Крест! Знак!

Он схватил женщину за руку и потянул к выходу.

— Вызывай скорее такси. Пойдем домой!

Она не сопротивлялась и не спорила.

Дома Андрей Петрович ворвался в кухню и стал лихорадочно листать свой блокнот.

— Вот! Точно! Гляди сюда внимательно. И гимнасты в цирке выстроились перевёрнутым крестом...

— О Боже, правда...

— Эта комната в северном корпусе. Мы ведь как обычные кладоискатели больше интересовались полом и стенами. А Нелидова перехитрила всех: чаще ремонтируют полы и стены. И спрятать *Укладку* над балкой перекрытия — отличная идея! Едем!

— Куда едем?

— В Смольный. Эх, были ведь знаки: пирамида, апостол, сон...

— Около десяти вечера. Давай уже завтра утром, — умоляюще просила Вера.

— Тогда я один. *Он* любит беседовать по ночам, — глаза мужчины побелели. На губах брезгливое выражение.

Но вот лицо изменилось. Всё начало выдавать появившийся кураж!

— Тебе и вправду я ехать со мной не разрешаю! *Он*... может запросить высокую *плату*. Дай мне только телефон Деева.

— Я с тобой! Не спорить, фельдмаршал! — из глаз Снежной Королевы сыпались бриллианты света. Ноздри вздрагивали с необычайной остротой. Эта красавица была похожа на резвую лошадку, готовую подставить хребет и мчать своего рыцаря-наездника куда ему будет угодно. Лишь бы вместе!

— Ты — хороший «парень», дорогая! Уважаю! И люблю!

Они взяли такси до Смольного. И, конечно, трость. И сумку.

Дверь северного корпуса открыл охранник Кирилл.

— Андрей Петрович? Вера Яновна? — удивился он позднему приходу «учёных». — Не отдыхает наука!

Троица прошла к заветной комнате. Какой-то склад. Кирилл открыл дверь и остался снаружи. Андрей и Вера вошли в зал. Тихо.

— Вера, может ты подождёшь за дверью, рядом с охранником? — шёпотом спросил мужчина.

— Ты чего шепчешь? — улыбнулась женщина. — Нет, милый: я буду рядом с тобой.

Она сделала несколько шагов вперёд, всматриваясь в потолок.

— Не волнуйся ты за меня! Не теряй настрой. И меня не сбивай.

— Ну, ну, — лишь сказал Андрей Петрович и показал наверх. — Вот она, трещина в потолке. Перевернутый крест.

Он направил на трещину трость. Сверху осыпались несколько фрагментов штукатурки.

— Ага! — обрадовался мужчина.

Он вернулся к двери, попросил охранника принести стремянку и дать его кепку с большим козырьком.

Когда тот ушёл, Вера спросила:

— Может следует сейчас позвонить Александру Владимировичу, чтобы тот официально вызвал сюда людей из Спецкомитета ФСБ?

Андрей нахмурился и отрицательно покачал головой:

— Ты сама мне говорила, там, на пароме, что в этих структурах любят победителей и не жалуют проигравших. Помнишь? Вдруг здесь пустышка?

Кирилл пришёл со стремянкой.

— Не уходи далеко от двери, — попросила Вера.

— Конечно, — ответил охранник.

Андрей установил лестницу под трещиной, натянул поглубже кепку, поднялся. Едва он успел направить трость на крест, послышался гул. Весь зал начал наполняться этим странным гулом. Наверное так бывает в горах перед камнепадом.

— Отойди подальше, Вера, — сказал мужчина и коснулся тростью потолка.

В мгновение ока трещина начала раскрываться, посыпались куски из бетона, гипса, дерева. Всё это падало в сантиметрах от андреева плеча. Через миг раздался резкий звук и какой-то тяжёлый предмет, обёрнутый в тряпицу с грохотом рухнул оземь.

— Она! — вырвалось у Верочки.

Андрей Петрович открыл было рот, чтобы подтвердить факт находки и оторвал ногу от ступеньки лестницы, чтобы начать спускаться, как туча чёрных ворон вылетела из зияющей полости в потолке и начала кружить над головой мужчины. В эту же самую секунду упавший предмет вспыхнул огнём. Сразу сгорела тряпка, обнажив золотой ларец. Но и ларец был в огне и каменный пол вокруг него начал плавиться, образуя всё разрастающееся бурое пятно! Вороны опустились вниз и начали кружить уже вокруг этого пятна. Страшный танец: клювы их были открыты, задраны кверху, из них вырывались хрипы.

Вера стояла, прижав ладошки к своим горячим щекам, пальцами надавливая на виски, чтобы хоть как-то успокоить удары крови там. Надо найти выход, нужно спасти Андрея!

Когда бурое пятно было уже у самого основания стремянки и, когда она увидела совершенно безжизненного друга, у которого на лбу под закрытыми глазами, на скулах, на подбородке и на костяшках пальцев, вцепившихся в перила лестницы, выступили тёмно-серые пятна, сознание чуть было не оставило её. Особенно пугала андреева нога, так и не опёршаяся на ступеньку, дрожащая в воздухе и уже будто не принадлежащая хозяину.

— Кыш! — отчаянно крикнула женщина воронам, но те не среагировали ни малейшим образом.

— На помощь! — вновь крикнула Вера.

В дверь ворвался Кирилл и первое, что увидел — как из Веры Яновны вылетела стая больших белых сов. Они окружили ворон и начали бешено вращаться, уничтожая острым опереньем своих крыльев чёрных птиц. Через пять секунд и совы, и вороны исчезли. Исчез и огонь. Пятно больше не разрасталось, но и не исчезало. *Укладка* лежала и сверкала золотом в центре этого пятна, будто и не горела вовсе!

Вера с помощью Кирилла осторожно сняла Андрея Петровича с лестницы и уложила на пол. Охранник положил под голову мужчины свою курточку, аккуратно свернув её валиком. А женщина достала из сумочки АНКХ-петлевой крест жизни, надела его кольцо на палец правой руки Андрея и попросила Кирилла подержать руку так, чтобы крест висел вертикально. Сама же позвонила Дееву. Тот быстро оценил ситуацию и сказал, что через час, полтора прибудет группа.

— Держитесь! Берегите себя и Андрея Петровича! К *Укладке* не прикасайтесь! — закончил он, выказывая искреннее беспокойство.

Через сорок минут Андрей открыл глаза и слегка улыбнулся Вере Яновне. И даже смог еле слышно пошутить:

— Не так страшен *он*, как его малюют. Не так, а еще страшнее...

— Слава Богу! Шутит. Кирилл, пойдите, пожалуйста, встречать людей из ФСБ. Я побуду с Андреем Петровичем.

Ещё через полчаса в комнату вошли трое мужчин в штатском и человек в белом халате. Старший и по возрасту и по чину представился:

— Полковник Луценко.

Пока врач осматривал Андрея, Луценко опросил Веру Яновну и Кирилла. Взяв с охранника подписку о неразглашении, полковник отправил его и одного из младших офицеров встречать ещё одного человека, пояснив:

— Скоро прибудет наш специалист по древним артефактам. Он сейчас на даче.

— Позвольте угадать — это профессор Кайтанов Олег Сергеевич? У него дача под Выборгом. Это два часа дороги... Зачем ждать?

Полковник в удивлении вскинул брови:

— Как вы могли догадаться об этом?

— Я с ним не раз работала вместе. И по вашему ведомству тоже. Моя фамилия Богданóвич Вера Яновна.

— Как же, слышал! Очень рад лицезреть! Лейтенант, профессор пусть едут обратно. Будем ждать в понедельник. А эта штукавина не спалит нам отдел до понедельника, — Луценко с опаской смотрел на ларец.

— Не спалит, — заверила женщина.

— И можно шкатулочку открыть? — неуверенно спросил полковник.

— Пожалуйста! Там нет «начинки». Иначе...

— Лейтенант, открой! — приказал мужчина.

В ячейках *Укладки* мирно лежали кольца, серьги и прочее.

— Ого! А вы сказали: нет начинки, — рассмеялся офицер.

— Это не та начинка, это безделушки из золота и драгоценных камней, — ухмыльнулась Вера Яновна.

— Из уст женщины слышать это... мда, — усмехнулся в ответ Луценко.

Подошёл врач, сказал:

— Больному лучше. Давление, пульс в норме. Можно отвезти?

— Мы никуда не поедem. Подбросьте нас лучше до нашей машины, возле Михайловского замка, пожалуйста. Я укажу, — твердо проговорил Андрей Петрович.

От серых пятен не осталось и следов. Но поднялся на ноги он все же с трудом, хотя без посторонней помощи.

— Да, пожалуйста, до нашей машины. У нас есть хорошие врачи, — попросила Вера.

— Но у больного большая потеря крови, — врач показал на лужу бурой жидкости под стремянкой.

Её никто не заметил вначале, так как она слилась с бурым обгорелым пятном на полу.

— Но это не моя кровь! — удивленно пробормотал Андрей, ощупывая себя.

Возникла пауза. Все смотрели на женщину — объяснить это могла, наверное, только она. И действительно, Вера Яновна высказала гипотезу, в который была уверена и которая была понятна только ей:

— Это кровь двойника Андрея, — и помолчав секунду, добавила. — У каждого человека есть так называемый двойник. В проявленном мире это иногда близнец, брат, сестра, но чаще это дух в параллельном мире. Этот близнец может, как в нашем случае, быть ангелом-хранителем. Он спас Андрея Петровича, явившись из сущностного мира во внешней.

— И что? Он, этот двойник... — грустно спросил доктор.

— Не волнуйтесь, он не погибнет тоже, не исчезнет. Восстановятся энергетические нити и всё. Я сегодня поработаю дома с парой чакр, манипулой и вишудхой. Все будет хорошо. Я устала, извините.

— Но почему гибнут люди? — не унимался врач.

— По разным причинам: не вовремя начали лечить, неправильно. Андрей Петрович сенситивный человек, он чётко ощущает свой объём и силу энергии в пространстве и способен к осознанному путешествию в иные миры.

— А... — начал было полковник.

— Ещё раз извините: я не готова сейчас прочесть лекцию.

— Это вы нас извините, — поклонился доктор и отошёл к двери.

— Что стоишь, капитан? Сфотографируй здесь все и пакуй эту штуковину, — он указал на *Укладку*. — А вы, уважаемые чудотворцы, распишитесь вот здесь. О неразглашении.

— Что, и мы тоже? — рассмеялась Верочка.

— Так положено. Всем, без исключения, — сурово отрезал Луценко.

— А можно, я оставлю автограф кровью? Той, двойника, — Андрей уже хотел обмакнуть палец в лужицу.

— Попрошу посерьёзней! — вскрикнул полковник.

— Я более, чем серьёзен. Сегодня событие серьёзное: и для нас с Верой Яновной, да и для многих, многих людей, — Андрей Петрович посмотрел на офицеров своим тяжёлым равнодушно-брезгливым взглядом.

Верочка быстро нашлась, смягчив разговор:

— Наверное, служба безопасности опасается, что твоя роспись кровью двойника исчезнет.

У неё раздался телефонный звонок. Луценко поднёс палец к своим губам, давая понять, чтобы женщина не сболтнула лишнего.

— Это Деев, — успокоила она полковника.

Отошла в сторону, поговорила и отдала телефон старшему офицеру.

— Вас.

Судя по ответам полковника: «Да, Александр Владимирович... Так точно... Нет... Но...» Деев дал кое-какие важные распоряжения.

— Давайте к выходу. Время, — сказал Луценко, отдавая Вере телефон. — Да, ещё... Расписки не нужны...неделю шкатулка побудет у нас, мы её поизучаем... и здесь поизучаем, — он посмотрел на потолок, на пятна, покачал головой, — затем артефакт будет передан в МИД.

Капитан осторожно вынес *Укладку*, полковник самолично опечатал дверь. Прежде чем сесть по машинам Луценко ещё раз спросил Веру Яновну.

— Может, всё-таки вызвать Олега Сергеевича? Я могу доставить его вертолётom.

— Зачем профессору подниматься в небо, а затем погружаться... И зачем отрывать от мира Яви на даче, с семьёй и погружаться в миры Нави и Прави. Подождёт, подождёт шкатулка до понедельника.

— Я верю вам, Вера Яновна.

Андрей наконец снял с пальца петлевой крест и надел на палец левой руки Веры.

— Поноси, пожалуйста. До дома, — попросил он.

* * *

Когда уже в своей машине они ехали домой, на Смольную набережную, мужчина рассуждал:

— Жаль, что мы отдали *Укладку*, не покрутив её в своих руках, не показав в усадьбе...

— Не нужно тащить *такое* в дом. Кто ведь знает... — устало сказала Вера.

Поднявшись в квартиру сразу, не сговариваясь, подошли к окну. Их будто притянуло. Купола собора спокойно отражали свет ночных огней.

— Спасибо! — Андрей взял Верочку за руку.

— И тебе спасибо! — она прижалась плечом к плечу мужчины.

— Я не устаю удивляться твоим талантам, знаниям и мужеству.

— А я твоим!

— Я хочу тебя спросить...

Андрей Петрович медлил, может быть не желая возвращаться даже мыслями в ту комнату в монастыре, а может опасаясь чего-то.

— Я беспокоюсь за тебя, — сказал он, сжав её ладошку. — И за нашего *совёнка*.

— Да что ты, со мной все в порядке, — прошептала Верочка. — Это я беспокоюсь за тебя.

— Ты, наверное, думаешь, что если никто из спецкомитета не увидел белую чайку, то и я тоже?

— Не думаю так, — она тревожно опустила глаза.

— Эта чайка... Она сначала кружила над моей головой... мне становилось все лучше...

Когда вы спустили меня со стремянки, птица лежала мёртвой в луже крови... Мёртвая чайка. Помнишь *знак* в Валетте?

— Помню, дорогой. Когда ты положил невидимую птицу на подоконник, она ведь начала оживать.

— Но её крыло! Она *потеряла* крыло! Я знаю — это твой двойник! Ты отдала его мне! *Ты отдала мне своё крыло!!!*

Мужчина отвернул лицо от женщины, чтобы та не заметила его выступивших слез.

Не каждому, далеко не каждому может *так* повезти в жизни! Андрею повезло! Лебединая верность женщины — Божий дар!

Верочка поцеловала мокрую щеку:

— Крыло отрастет. Ты ведь сам говорил: «чтобы выкупить *такой* товар, нужно заплатить очень высокую цену». А нам... Мы живы! Нам ещё удалось «сторговаться»... — она рассмеялась. — Давай спать. Нужен долгий спокойный сон. Это ещё одно мощное целительное средство.

— Я боюсь спать, боюсь снов, — неуверенно, почти шёпотом сказал Андрей Петрович.

— Мы вместе прочтём две бабушкины протестантские молитвы: покаяния и на сон. Ты будешь повторять за мной.

— Ты тоже, как и я, поклоняешься разным Богам. Это, наверное, грех?

— Нет, не грех! — уверенно сказала Вера Яновна.

Сонный был долгим, хотя и беспокойным. Трудно отрастить новым веткам на подгоревшем дереве!

Когда они проснулись была уже четверть первого. Солнечное, тихое воскресение. *Воскрешение.*

— Поедем в усадьбу? — спросил Андрей.

— Нет, я завтра утром оформлю на работе творческий отпуск. С директором есть договорённость, я тебе уже говорила. И проживём в усадьбе подольше. Материалы по двум научным грантам у меня уже собраны, архивы не нужны, я возьму все с собой и там напишу отчёты. Так что завтра после обеда и отправимся.

— А что сегодня будем делать?

— Трудоголик ты мой! Может объявим «пижамный день»? Или сходим все же в церковь целителя Св. Пантелеймона, — она листала интернетные странички о театральных представлениях. — Затем, вот как раз дают «Лебединое озеро»...

— Нет, не хочу... пока...

— Тогда вот: театр «Буфф». Спектакль «О, Париж!». Там уютный маленький зал, со столиками, с шампанским.

— Вот это — то, что доктор прописал!

В понедельник с утра Вера Яновна ушла на работу. Вернись только к обеду.

— Слава Богу, творческий отпуск оформила без проблем. В машине бумаги, документы. Обещала к 15 декабря сдать готовые отчёты.

— А я приготовил духовое мясо в фольге. С помидорами, чесноком, приправами. Давно не упражнялся, волнуюсь: понравится ли?

— Кулинар! — Верочка с благодарностью смотрела на друга, с удовольствием пережевывая последние кусочки. — Давай приедем в усадьбу с сюрпризом. Ты на ужин

сделаешь эту свою «вкусняшку». И купить ещё кое-что по дороге.

Так они и сделали и в 18 вечера уже обнимали обрадовавшихся пани Марию и Иришу.

— Почему долго не приезжали? Почему редко звоните? Понимаю, дела... — Мария Родиславовна вглядывалась в лица Веры и Андрея. — Ага, гуси-лебеди! Вижу, есть хорошие новости. Вот и приехали без предупреждения. Ничего, сейчас Платонычу позвоню, Анна приготовит...

— У нас все с собой. — Вера указала на три большие сумки у ног Андрея. — Есть и кулинарный сюрприз от Андрея Петровича. Так что звонить не нужно. Кухня ведь готова? Та, интернатовская, что была раньше?

— Почти вся перепланировка и ремонт закончены. И кухня готова и ванная комната. Две палаты обустроены, — похвасталась Ирина Яновна. — Двое рабочих остались, они заканчивают ординаторскую и комнату для сестры-хозяйки. На этом пока остановимся. Да! Завтра утром прилетает Сергей. Рано. Я после ужина уеду, переночую у мамы и встречу его.

Пани Мария всё оглядывала поочерёдно то старшую внучку, то «сынка», И взгляд поочерёдно заполнялся то тревогой, то надеждой, то радостью.

— Давай-ка, сестрица, — Андрей обратился к Иришке. — Веди на кухню! — Он взял одну из сумок.

— Это что: в сумках столько еды? — спросил та.

— Нет, дорогая, — рассмеялась Вера. — Это мы с Андреем решили пожить у вас тут. Месяца 2–3. На свежем воздухе, без суеты города. У меня творческий отпуск.

— Ой, как здорово! — всплеснула руками девушка. — А что будете готовить, Андрей Петрович? Можно мне поучиться? Мне нужно учиться готовить.

— Не сегодня. Я думаю, Вере Яновне не терпится рассказать вам обоим кое-что.

— Да, а нам не терпится услышать! — сказала Мария Родиславовна.

Вера рассказала бабуле и сестрёнке события, происшедшие в комнате Смольного. Хотя она старалась не сгущать краски, изложить только о *находке*, избежать *бесовской* темы ей не удалось в полной мере. Правда, о воронах, совах и чайке она всё же умолчала. И о состоянии Андрея Петровича. Но мудрой пожилой женщине не нужно много объяснений о жизни и смерти. И о мирах явных и неявных. Поэтому, когда Ириша спросила:

— А совы? Совы были?

Бабушка, видя, что Верочке не хочется сейчас распространяться на эту тему, сказала просто:

— Были, конечно, внученька. Были и совы, — подошла к Верочке, провела по ее лбу рукой и поцеловала.

В эту секунду в гостиную вошел Андрей, и, оценив мизансцену, попытался весело спросить:

— Где будем накрывать стол?

Мария Родиславовна не ответила, а подошла к «сынку», приложила свою седую голову к его груди, посмотрела снизу вверх ему в глаза, потом положила руки на плечи, как будто ощупывая их, и лишь затем сказала тихо:

— В столовой, разумеется.

Когда Вера, Ирина и Андрей отправились в кухню, пани Мария зашла в свою комнату, взяла в руки старинную, от своих пращуров доставшуюся ей небольшую оловянную фигурку Христа и скупое, по-протестански, но искренне помолилась. Затем вернулась в столовую.

Ужинали недолго. Иришка, поняв, что психоэмоциональное состояние у всех на

высокой планке (*Укладка* найдена, вероятность сохранения усадьбы и открытия командорства существенно возросла), но энергетическая целостность сестры и Андрея Петровича требует долговременного латания, не заговаривала более ни о совах, ни о прочих подробностях.

«Потом с Сергеем всё выпросим. Он и поможет исцелить и сознание, и душу», — подумала девушка.

Бабуля прочитала эти её мысли, и когда внучка сказала:

— Спасибо. Мясо-вкуснятина. Я пойду, пока доеду до мамы, улягусь спать часа хоть на три...

Попросила её:

— Посиди ещё 5 минут. Скажи-ка нам: как ты собираешься провести время с Сергеем завтра, когда встретишь его?

— Маме, я думаю, следует сказать, кого я еду утром рано встречать. Но познакомлю её с Сергеем через недельку. Встречу, покатаю Сергея по рассветному Петербургу. Затем ему нужно в его квартиру на Благодатной. Там сейчас никто не живёт, Серёжа договорился забрать ключи у председателя ТСЖ с 12:00 до 13:00. Осмотрим квартиру, ну и к ужину будем в усадьбе.

— Хорошо, — одобрительно отозвалась Верочка. — Но бабулю и меня больше интересует, что ты уже рассказала и что собираешься рассказать Сергею завтра.

— Меня бабуля давно уже проинструктировала: ни о *Пергаменте*, ни об *Укладке* пока ни слова, до конкретных указаний Александра Владимировича. Но о планах организации госпиталя с психиатрическим профилем для лечения известных учёных и поддержания их интеллектуальных и духовных сил говорить следует.

— Следует, — подтвердила пани Мария. — Но без нажима относительно работы Сергея у нас. Пойми, внученька, вопрос о командорстве и госпитале открыт и втягивать чужого (пока чужого) человека, — она улыбнулась. — В наше... нашу «банду» нехорошо. По мере развития событий...

— Да что ты, бабуля, я же не маленькая, все понимаю, — и, обращаясь к Вере, добавила. — Мы направили в мэрию запрос, когда будет вывезено музейное имущество. Молчание. Ещё запрос, звонки. Сухо какой-то чиновник, не представившись, обрезал: когда усадьба будет освобождена от работников музея, то есть нас, то есть в срок до 15 января следующего года.

— Хитры. Это обычная практика — держать свое имущество на спорной территории, — нахмурила брови Вера Яновна. — Езжай, сестрица, с Богом. Удачи тебе. Через неделю-другую Деев позвонит, и многое прояснится. Он будет в Москве в первых числах ноября. Что касается планов Сергея, твоих... бабуля права: не нажимай. Мужчина сам должен понять и решить. Как мой Андрей, — она обняла мужчину и поцеловала.

— Счастливого пути, внучка.

— Счастливо, — заключил Андрей Петрович.

На следующем ужине за большим столом в столовой сидели уже впятером. Чтобы не обсуждать наспех серьёзные темы и «причесать» известную неловкость первых минут беседы, Ирина говорила об увлечении Сергея фотографией. А сам фотограф подарил всем присутствующим несколько своих работ. Вере Яновне понравились фото, где наездник и наездница сидят на лошадях, в жокеях, прочей форме и целуются. И не видят, что лошади целуются тоже! Также она отметила высокий профессионализм и на тех снимках, где изображены виды городов с разных ракурсов и в разное время суток.

Мария Родиславовна больше молчала и украдкой рассматривала гостя, думая про себя: «Питерец, всё-таки питерец! Глаза петербургские: светло-зелёные, водянистые, будто невская вода всё время плещется в них. И холоден в общении по-питерски. Но фронт, венский щеголь проявляется в манерах одеваться и надевать маски вежливости. Светлые, выющиеся слегка волосы, чуть с рыжа, как у Иришки. Может подарят мне кудрявого правнучка?! Но притягивает больше всего взгляд — колючий, ван-гоговский и шкиперская борода, делающая манеру Сергея кривить рот более ироничной».

Ириша же в свою очередь ловила во взглядах бабули одобрение её выбора. Вера Яновна говорила об искусстве. И только Андрей Петрович нарушал чопорность этого первого часа общения, обнимая по-свойски Сергея и этим заставляя того обнаруживать детскую незавуалированную открытость. Та же очевидная влюблённость, которую не скрывали Сергей и Ирина, дарила уют и тепло всей компании. Но вот Вера Яновна сделала ледяными свои глаза Снежной Королевы, и, намереваясь чуть «прощупать» гостя и как вероятного родственника и как возможного сотрудника-психоаналитика, спросила:

— Каковы же ваши планы, дорогой Серёжа?

Каким бы мудрым и опытным психотерапевтом ты ни был, дорогой читатель, под хирургией внимательного и острого, как скальпель, взгляда красивой и умной женщины тебе придется напрячься и «попросить анестезию». Так и Сергей, прежде чем ответить, сделал два больших глотка вина и довольно жалобно посмотрел на дядю Андрея.

— Собственно, какие именно мои планы вас интересуют? — и вновь голос спокойный и вид непринуждённо-независимый. — Завтра после полудня у меня назначена встреча на Мойке. Там в районе Певческого моста есть психоаналитический центр. Я уже с ними дважды разговаривал по телефону из Вены по поводу работы. Но... но это первый шаг. И то... Впрочем от него зависят и другие. Задача — устроиться на работу, цель — остаться жить и работать в России, мечта — открыть собственный Целительный Центр.

— Это очень хорошо! Это на векторе нашего будущего Целительного Центра, — обрадованно смягчила тон Вера. — Здесь, в усадьбе. И на вас у нас виды.

— Да, мне Ирина говорила об этом. Но весьма туманно, — рассеяно отреагировал Сергей.

— Туман рассеется через пару недель! — уверенно сказала Вера Яновна.

Европеец, любой, даже с природным русским менталитетом, не любит говорить о делах «туманных». Поэтому молодой человек вежливо, не выказывая своей заинтересованности констатировал:

— Эту пару недель мы с Ириной будем заниматься моей квартирой на Благодатной.

Все посмотрели на Иришку, Сергей тут же добавил:

— Возможно нашей квартирой. Нашей с Иришкой, — сделал паузу, посмотрев на дядю Андрея. — Я забыл, как точно звучит русская пословица про...шкуру неубитого медведя.

Он перевёл взгляд на Марию Родиславовну.

— Дайте мне, пожалуйста, оглядеться... Почувствовать Родину... Встать на ноги, — с надеждой в глазах и уже по-русски горячо сказал Сергей.

— Конечно, конечно, — скупойотреагировала пани Мария.

Андрей Петрович намеренно молчал, не помогая «дружочку Серёжке» (так он называл мальчика с детства) сдавать этот первый «зачёт знакомства». «Пусть», — думал Андрей — «понапрягается. Ему теперь жить в России, и такая вот «сержантская школа» не помешает избалованному удобствами, холёному и чуть самоуверенному молодому другу из города вальсов». А сам, любя этого «юнца» и видя в нем черты Ольги, той, из его юности, те, что сейчас лечебными листьями добрых воспоминаний обертывали усталое сердце мужчины, переживал за зачетную оценку, которую выставит Снежная Королева. А она продолжала:

— Вы, Сережа, о Центре на Мойке упомянули. В голосе вашем была не только неуверенность в трудоустройстве, но и что-то еще. Ведь так?

— Да, так. Вы прекрасно чувствуете интонацию, Вера Яновна. И точно! — молодой человек сделал паузу и продолжил. — Методы этого центра на Мойке традиционные в психоанализе: либидо, мортидо, Ид, Эго. В Вене это «священная корова» старика Фрейда. А я потому и хочу покинуть Запад, что вижу ограниченность теории Фрейда. Тем более так же, как когда-то извратили и выхолостили христианство, фрейдисты застыли на месте в научном развитии. Извините, вам, наверное, скучно слушать об этих вещах. Впрочем, мне Ирина говорила, что вы, Вера Яновна, как и она, интересуетесь эзотерикой, буддизмом и еще сакральной геометрией.

— По мере своих скромных сил, — «мякнула», как опасная тигрица, Вера.

Ирине очень хотелось вмешаться в разговор. Она забыла предупредить возлюбленного, что сестра очень и очень образована и что может быть язвительной, но и доброй.

— Позвольте же спросить: что в современном христианстве не так, с вашей точки зрения, — мило улыбалась Вера.

— Извольте. Под толщей врёменных людских знаний потерялась истина Евангелия. Это — идея реинкарнации. Это стержень религиозности. Любой. Без этой идеи не объясните почему один родился калекой, другой — здоровым, третий умер в месяц. Только карма может объяснить кто и за что получает то-то и то-то. Заработать за одну жизнь так называемые ад или рай — ни о чем не говорит.

— Умно! Я с вами согласна, — сказала Вера Яновна. — Ваша же методика целительства основана на энергетических нитях и вибрации ауры. Вы используете знаковую систему пространства. Перемещаете человека в параллельные миры. Вы — ситтер, помощник, проводник. Часто вы используете техники сновидений, медитацию и духовных двойников пациента.

Глаза Веры Яновны были полуприкрыты, она сама говорила будто во сне.

— Поразительно! Откуда вам известна моя техника? — Сергей имел вид ребенка, у которого взрослая тетя легко разгадала его загадку. — Вы читали мои публикации?

— Нет, но я сама тиснула недавно пару статей о знаковой системе и сакральной геометрии. Это, Сережа, видите ли — моя профессия. Кроме того с вашим «дядей» Андреем буквально пару дней назад мы участвовали в одном сеансе черной магии. Помогали нам наши эфирные двойники.

— Это очень серьезно и опасно! — насторожился психоаналитик.

— Мы с вами, Сереженька, через пару неделек проконсультируемся, если что. Хорошо?

— Конечно.

— А пока своими средствами будем исцеляться.

Коварная женщина наклонилась и прошептала Сергею на ухо: «И лучше из них — концентрация на чем-то хорошем в момент оргазма».

Ухо молодого человека стало красным, но он не дал себе волю покраснеть дальше, а улыбнулся и тихо шепнул Верочке тоже на ушко: «Прекрасно знаю».

Зато Иришка давно уже сидела с пунцовыми щеками. И только она начала успокаиваться, что ее Сережа успешно «сдает зачет» как эта «вероломная» сестрица начала шептаться с ее женихом. О чем? И что он так восторженно смотрит на нее?!

— Я изобрел гениальный прибор, — уже хвастливо сказал австрийский подданный. — Он измеряет вибрации ауры, накалы энергетический полей. Подобные есть, но мой ранжирует все по чакрам и отвечает изменением структур на экране на мои вопросы о причинах и следствиях болезни, душевного мира пациента. Но — глаза стали грустными — прибор мне не отдадут. В университете в его изготовлении участвовала целая лаборатория биофизиков, электронщиков, нейрофизиологов.

— Пустяки. Сделаем! Я попрошу Вадика поработать с вами и через 3–4 месяца будем патентовать. Или оставим в секрете.

— Кто такой Вадик? — спросил Сергей.

— Лодочник, — загадочно ответила Вера.

— А... а-а. Понял, — многозначительно кивнул молодой человек. — Харон?

— Типа да, — рассмеялась молодая женщина. — Все может!

«Нужно запомнить это новое для меня русское выражение «типа да», ведь она опытный лингвист, мне нужно совершенствовать русский», — подумал молодой человек.

— Ни в коем случае. Не следует вам, Сережа, запоминать этот молодежный сленг, — вдруг сказала Мария Родиславовна.

Сергей вздрогнул: «Она что, прочитала мои мысли» и посмотрел растерянно на Андрея Петровича».

— Ваще крутяк! — многозначительно развел руками мужчина.

Гость перевел взгляд на Иришку. Ее выражение лица говорило: «Вот так вот, милый».

— Извините, а где мне можно покурить? У меня электронная трубка, — Сергей достал из кармана элегантную трубку.

— Пойдем, дружок, в гостиную, — предложил Андрей и отправился с юношей.

Они сели на диван и мужчина сказал добродушно, положив свою руку на руку нового друга.

— Не смущайся ничем. Все тайны эти добрые люди тебе скоро откроют. Я сам был примерно в твоём положении четыре месяца назад. А сейчас уехал из Екатеринбурга, уволился из университета и продаю там квартиру. Буду жить и работать в Питере. Вероятнее всего — в усадьбе, в будущем Целительном Центре. Но точнее и больше сказать не могу. Правда. А как мама?

— Вам привет передала. Пока собирается жить в Вене.

Они поговорили еще минут десять и, когда оба уже встали с дивана, Андрей Петрович спросил:

— Итак: ты, если я правильно понял, с помощью своей методики и своего чудо-прибора

погружаешь пациента после сна в особое состояние, прокручиваешь калейдоскопы сновидений и расшифровываешь сигналы подсознания.

— Правильно в общих чертах.

— А без прибора можно поработать?

— Можно, но с меньшей эффективностью. И если случай не связан с запущенными кармическими узлами. А что?

— Есть у нас уже пара пациентов на примете. Один — академик, старичок.

— А другой?

— А вот с другим пока не ясно. Может само «проморгается», — вяло ответил Андрей, опустив глаза.

Сергей внимательно посмотрел на дядю Андрея и сказал уверенно:

— Оба случая мне интересны. Практика моей методики должна совершенствоваться. Ведь когда еще не было прибора, методика давала хорошие результаты. Только... откладывать надолго первичную беседу не следует.

Они вошли обратно в столовую. Женщины весело болтали о чем-то.

— Иришка сказала, что первое впечатление о Петербурге у вас, Сергей, весьма восторженное? — спросила Вера.

— О, да! И мой Питер чем-то похож на мою Вену! Только здесь непривычно холодно, сыро и мало солнца. Но солнышко у меня свое! — он подошел к Иришке и обнял ее.

— Все, молодежь. Я устала. Я замечательно провела вечер. Мне пора «бай-бай», — сказала пани Мария, расцеловалась со всеми и ушла к себе.

— Ой, действительно, уже десять вечера. Я ведь хотела показать Сереже весь дом, всю усадьбу... — расстроено «ойкнула» Ириша.

— Еще успеешь, — успокоила ее Вера. — Ты сегодня ведь почти не спала ночь, ездила в аэропорт. Поэтому на сегодня достаточно будет... экскурсии в твой флигель. И мы с Андреем полны впечатлений и пойдем сейчас отдыхать наверх.

Старшая сестра обняла младшую, прошептала ей что-то на ушко. Сергею Вера сказала:

— Утром вы уедете в Питер. Бабуля утром разрешила свободный режим. Можем утром и не увидаться. Мы будем вас ждать через недельку. Обещаете?

— Да, обещаю, Вера Яновна, — улыбался Сергей.

Андрей крепко подал руку молодому другу, пожелал «спокойной ночи».

Вера прыснула и поправила мужчину:

— Пре-крас-ной, ты хотел сказать.

— Типа да, — буркнул Андрей, улыбнувшись.

Действительно, через четыре дня Ирина и Сережа появились в усадьбе вновь.

— Мы начали ремонт на Благодатной. Бригада хорошая, но потребуется три-четыре недели... — начала рассказывать Ириша. Она вся светила счастьем!

Вера поморщила нос:

— Господи, опять ремонт! Какая ты у нас хозяйственная! Как ты не устаешь от этих ремонтов?

— Так получается, — виновато отреагировала девушка.

— Да Слава Богу! Будете жить здесь, в усадьбе. Смотрите, как мы все рады. Ну рассказывайте, я перебила тебя. Извини. И не стойте на пороге, проходите в гостиную и присаживайтесь.

Ирина села и продолжила:

— На Мойке у Сережи не «вырисовывается». Им серьезные конкуренты из Вены не нужны. Погуляли по городу, посетили Эрмитаж и Русский, зашли к маме. Сергей настоял, — она замолчала, посмотрев на жениха.

Молодой человек продолжал стоять между двух чемоданов, набитых книгами, рукописями, тетрадями и дневниками наблюдений за пациентами. Лицо у него было уже не холодным, он чувствовал себя среди своих. Но голос, которым он заговорил, был взволнованным:

— Я попросил руки Ирины у Юлии Станиславовны, — он сделал паузу. — Она благословила нас. Считаю необходимым попросить руки Ирины и у вас, Мария Родиславовна.

— Я рада, дети мои. Доброго вам семейного счастья, благополучия. Пусть удача будет с вами и нами.

Андрей с огорчением отметил, что пани Мария сдала за последние четыре месяца. Трудно в ее возрасте переживать серьезные тревоги и быть в мучительном ожидании: что будет с усадьбой?

— Я вижу, вижу, что в машине Иришки есть ящик шампанского! — сказал Андрей Петрович, шутливо прикрыв веки.

— Я уже ничему не удивляюсь, — весело сказал Сергей и двинулся за шампанским. Праздник начался.

Игорь прилетел в Петербург 3 ноября. Он не стал сразу звонить Андрею и Вере. Ему хотелось побродить по родному Санкт-Петербургу одному. Он так давно не был в любимейшем на всем свете городе. Вспомнить запах питерских ветров, шелест тревожных гармоник волн рек и каналов, мистерию проспектов и мистификацию проходных дворов. Было холодно. Периодически валил мокрый снег. Игорь с удовольствием сгребал с перил и поребриков эти новые для себя и для наступающей зимы крупные хлопья белого пушка, сжимал в руке и прикладывал к щекам, ко лбу. И радовался, улыбался как ребенок.

Вот знакомая парадная, а вот еще. Здесь жил, а может и сейчас живет старый приятель, также художник. «Уже темнеет, зайти что ли, на авось. Вдруг Слава дома? Поболтаем», — подумал Игорь.

Он зашел в ближайший магазин. Купил дорогой коньяк и большую коробку конфет. Подумал: «Если не застану дома, отнесу в гостиницу. Какая-то новая, на Невском, называется «Агни». От Агни-йоги что ли?»

Дверь открыл мужик, неопрятно одетый, весь седой. От него разило перегаром, на бороде давно уже живут крошки хлеба, табака и тяжелых мыслей. Узнать Вячеслава было трудно, но это был он. Разве художник может ошибиться.

Однако хозяин не признал в госте старого друга.

— Тебе чего, старичок? — спросил Слава.

Мысли мгновенно пробежали в растерянном сознании Игоря струями на перекате горной речки: «Может уйти. Обознался квартирой и все. Нет. Мелко. Ведь старый друг».

Вячеслав был по образованию технарь, но как художник-самоучка в молодости был оригинален и подавал надежды. Товарищи по кисти, окончившие, как и Игорь, художественные академии, давали Славе советы, но его крайне неприятный снобизм отталкивал всяческое участие. Мало того, он еще и обожал критиковать других, жестко, бескомпромиссно. Лишь с Игорем и еще Женькой он мог держать себя в рамках спокойного дружелюбия.

— Славка! Да это я, Игорь, — улыбнулся гость.

— Точно! Проходи, старичок. Сто лет, — в ответ улыбнулся хозяин и с бороды, давно не ощущавшей улыбки, осыпались крошки.

С порога открылась живописнейшая картина. На каждой горизонтальной поверхности, будь то пол, стол или подоконник стояли батареи грязных пустых бутылок. Было так же заметно, что предпочтение хозяин отдавал дешевым портвейнам. Тремор рук, с которым Вячеслав боролся, разливая по стаканам игорев коньяк, не мог обещать теплой беседы давно не видевшихся приятелей.

— За встречу, — буркнул хозяин и выпил полстакана коньяку одним залпом.

— Один живешь? — спросил Игорь.

— Один, — махнул рукой Слава.

— Но все равно, мне кажется, дружище, что бутылки пора сдать.

— Ха! Будет первая производная!

— Как понять? — спросил гость.

— Ах, да. Ты же необразованный гуманитарий. «Первой производной от выпивки называется новая выпивка, организованная от сдачи бутылок», — процитировал технарь

заветное определение.

Они поговорили полчаса. Закуска была скромна: две дряблые помидорки, баночка квашеной капусты и три корочки хлеба. Удручающим фоном беседы была и неумная агрессивность хозяина:

— Ни с кем из старых бездарей-художников давно не общаюсь. И сам не живописую.

— На что живешь?

Вячеслав не ответил. Молча, в очередной раз махнул рукой, замахнул порцию конька и стал искать подходящий окурочек в ржавом детском ведерке.

— А как Женя? Тоже не созваниваешься, не видишься? — спросил Игорь.

Вдруг глаза хозяина потеплели и прояснились.

— Она одна и осталась человеком. Два раза в год перезваниваемся. Рисует! Представляешь? И продает. И даже в выставках участвует. При такой то жизни...

— А что такое?

— Муж, ну тот хорека-торгаш, ее бросил с двумя девочками. Пять лет назад. А два года назад у ее отца случился инсульт. Забрала к себе. Во как, брат, жизнь пригибает. Но она молодчина!

«Женя-Женечка», — подумал Игорь, вспомнив веселую и талантливую девушку из общей тогдашней тусовки.

— Мне пора, Слава. У меня встреча в 22:00, — соврал гость, собираясь уходить.

— погоди. Ты же о себе ничего не рассказал.

— Я зайду еще, — неуверенно сказал Игорь.

— Буду ждать, — грустно промолвил хозяин и у порога спросил о главном. — Рисует?

— Нет. Но буду. Обязательно буду.

— Понимаю... Знаешь, если честно, ты ведь единственный в нашей компании настоящий художник. Настоящий! Я... я всегда... завидовал, жутко завидовал... Прости.

Уже на улице Игорь подумал о том, что нельзя предать свой талант, он может обидеться и покинуть человека навсегда.

В гостинице, которая была наполнена репродукциями картин Н. Рериха, он еще раз поклялся себе, что вернется к живописи. И еще ему захотелось завтра же позвонить Женечке. Какая она сейчас? Он достал из кармана бумажку с ее телефоном, что дал Вячеслав и аккуратно положил в кошелек.

Но на следующее утро он сначала позвонил Андрею Петровичу. Услышав в трубке, как обрадовался звонку мужчина, и как радостно вскрикнула Вера Яновна, он предложил встретиться в районе полудня у Казанского собора.

— Дорогой Игорь, мы сейчас в усадьбе, за городом. Это далеко. Давайте встретимся возле памятника Кутузову, — Андрей улыбнулся про себя. — Скажем...

— В пять... именно Кутузову... — слышался голос женщины.

— Отлично! В пять вечера. Буду очень рад! — сказал художник.

«Позвонить Жене?» Игорь неспешно шел по Невскому. Ноги быстро промокли. Итальянские полуботинки не выдерживали в российских лужах. Он зашел в Гостинный двор, быстро и удачно купил надежные и вполне элегантные демисезонные сапоги. Купил еще и теплую курточку. Отнес в гостиницу старые вещи. Выходя из номера, посмотрел на себя в зеркало. «Ничего! Надо звонить», — подумал он и набрал номер Евгении.

— Игореша! Какими судьбами!? Ты ведь где-то «за бугром» все прячешься... Конечно, давай встретимся... Нет, мой дорогой... Я уже не прежняя бесшабашная девчонка... Мне

нужно сделать маникюр, макияж, укладку... А ты как думал... Да, хочу понравиться... Шучу... — голос то возвышался к высоким нотам, то становился тихим, неуверенным... — Хорошо, в семь вечера... Еще созвонимся... Да, в шесть».

«Как она сказала: «прячешься». Странно. Хотя сегодня я ведь намерено «склеиваю» с малым временным промежутком две встречи... Возможно и совместить... Чем больше людей, тем легче наблюдать за каждым, тем проще... «прятаться». Более он не стал затруднять себя размышлениями этического свойства и тактического порядка.

Игорь свернул с Невского, дошел до Итальянской улицы. «Нет, в Русский музей сегодня не хочется, схожу-ка я в Этнографический. Там может быть интересная выставка. И тепло». Оказывается, он совсем отвык от холода.

Действительно, огромный зал был отведен под мультимедийную выставку Микеланджело. Все стены были задрапированы черной плотной тканью, звучала музыка.

Он улегся на большой мягкий пуф. В запасе два часа до встречи у Казанского и можно прекрасно расслабиться.

Она сказала: «я уже не прежняя...». А какая? Какая сейчас Женька?»

Картины «плавали», одна растворялась как туман и на ее месте рождалась другая.

Игорь не мог понять, почему его внимание регулярно приковывает один и тот же фрагмент из «Сотворение Адама». Бог и Адам тянут друг другу руки, пальцы их вот-вот соприкоснутся. «Сделать маникюр» — вспомнилась Женькина фраза. Он улыбнулся: Всевышний будто собирается сделать первому человеку маникюр.

Нет, Игорь, неспроста пришло тебе в голову это сравнение. В это самое время две молодые женщины Вера и Евгения делали маникюр. И думали о тебе хорошо. Все на свете неспроста.

Головы обоих фельдмаршалов были в шапочках из снега. Подошли Вера и Андрей Петрович. Расцеловались с гостем.

— Вы-настоящий мужчина, Игорь. Вы сдержали слово и приехали, — сказала Вера Яновна. — Сегодня?

— Вчера. Остановился в отеле «Агни» на Невском. На пять дней. Это вам, Вера Яновна, — он протянул букет.

— Спасибо. Милые цветы.

— Очень малый срок. Не-даль-но-вид-но, — задумчиво сказал Андрей, он что-то *видел* в ауре Игоря.

Но и Игорь, внимательно, профессионально вглядывался в лица старых знакомых и, рассмеявшись, сказал:

— Поздравляю! Ваш «срок» дальновиднее моего.

— Мы должны поблагодарить вас, Игорь, за подарок. Картина сказочная! Но как вы увидели то, чего не было видно вообще? — спросила Вера.

— Вы про малыша?... И про сову?... Я художник. Я *вижу* вашу оболочку... Например, недавно ваши эфирные и астральные тела были под угрозой. А что вы, Андрей Петрович, так многозначительно выразились: «недальновидно»?

— Если молодой человек один букет подарил одной даме, а второй держит в руках, значит будет еще дама. Это во-первых. Во-вторых, второй даме достанется букет из ярких-красных роз. У Веры из белых роз. В-третьих, розы простоят свежими максимум эти ваши пять дней, а потом? Что второй даме ждать потом?

Игорь чуть смутился:

— Можно эта дама присоединится к нам через некоторое время? Она тоже художник. Давнишняя знакомая. Я хочу... хочу попробовать начать рисовать... с ней... завтра.

— Советую *с ней*... начать сегодня! — настоятельно произнес Андрей. — Для вдохновения.

— Фу, Андрей Петрович, — недовольно фыркнула Верочка.

Троица зашла в ресторан «Летучий голландец». Уютно. И очень красивая панорама на Неву, и Эрмитаж, и Стрелку. Ресторан размещен в красивом старинном корабле. Аристократический флер белых шелковых завесей, редкое сейчас великосветское обоблуживание: мясо, например, принесли на огромном блюде с металлической крышкой-колоколом.

— Как? — спросил Андрей сиракузского ресторатора.

— Все отлично! — ответил тот.

— Обещайте через день-другой приехать к нам в усадьбу. Хоть один, хоть вдвоем. Порисуете. У нас виды! Ах! — с капризным видом, но искренне потребовала Вера.

— Обещаю. Я позвоню завтра-послезавтра. А вы там живете сейчас?

— Да. И места у нас предостаточно.

— Я отойду позвонить Евгении, — сказал Игорь и удалился. — Придет через час, — сообщил он, когда вернулся.

Друзья увлеченно беседовали и не заметили, как в зал вошла высокая брюнетка «бальзаковского» возраста с карими печальными глазами. Игорь сидел к ней спиной и не мог заметить появление Жени. Та быстро достала из сумочки очки, надела и также быстро растерянно сняла и положила их обратно в сумочку. Вера же, сидевшая ко входу лицом, привычным женским взглядом делала моментальную мысленную ревизию вошедшей дамы: «Элегантно одета, стройна, хоть чуть сутула, сумочка и очки старомодны и контрастируют с необычным ярким и неординарным образом молодой женщины.

— Игорь, не ваша ли Евгения стоит вон там у входа? — спросила Вера Яновна.

Тот повернул голову, встал и рванулся навстречу к Жене.

— Цветы! — Андрей успел сунуть ему в руку букет.

— Женя! Привет! Тебя же не узнать! Ты такая... такая... новая и красивая!

— Ты тоже... новый. С бородой. Почему такой худой? Цветы? Спасибо огромное.

— Пойдем, пойдем к нам. Это мои новые друзья. Познакомьтесь.

Евгения от ужина отказалась, а вот присоединиться к назревавшему за столом десерту с удовольствием согласилась.

Расспросы-ответы, пока Женя и Игорь обменивались скухими новостями друг о друге, Верочка украдкой рассматривала молодую даму. «Да, завораживает игра текстур и цветов на длинном с разрезом на голени платье малахитового цвета. Тонкий кашемир, очень дорогое. Надела сегодня впервые. И замшевые бежевые ботильоны на высоком тонком каблуке тоже, очевидно, совершенно новые. Серые плотные колготки с вишневым нитевидным рисунком тоже очень органичны со всем обликом... Она сказала... две девочки... больной отец... без мужа... Да она купила все это сегодня! Чтобы понравиться Игорю!.. Вот кожа на руках... на лице... Ни макияж, ни маникюр не могут скрыть, что Женя много и тяжело работает. Смотрит на Игоря неуверенно, но сколько ожидания в глазах! Такие женщины всю жизнь самоотверженно служат всем и всему и при этом еще вечно считают себя виноватыми во всем, во всех чужих и своих проблемах. Чем помочь этой паре? Надо уйти, оставить их одних!»

Вера Яновна незаметно пробежала пальчиками по бедру Андрея Петровича, сидевшего рядом: «выручай».

— Дорогая Женечка! Игорь уже приглашен к нам в усадьбу, дал слово быть там. Надеемся, что и вы погостите... по возможности... вместе со своими девочками... — бодро начал мужчина и осекся.

«А на кого оставит отца?»

— А нам пора, друзья. До полуночи обещали вернуться, — добавила Вера. — Прекрасного вам вечера.

Она расцеловала Евгению. «Духи нужно поменять». Пожала руку Игорю. Тоже проделал и Андрей.

— До встречи, — сказал он, положил под свою тарелку деньги, и пара удалилась.

Как это бывает, когда двое старых друзей давно не виделись, им трудно начать откровенно говорить о пережитом и о планах на будущее. Тем более, если это мужчина и женщина, да и еще с непростым жизненным «пробегом». Нужно время, которого всегда нет, нет и дыхания для нового забега на длинную дистанцию.

Они поговорили немного об Италии, о том, чем занимались эти годы. Просто факты. И неизвестно, как долго длился бы вежливый разговор с бесполезным познавательным интересом, если бы Игорю не пришла от Веры Яновны SMS: «Хороша! Сдавайтесь в плен» Это послание отозвалось в душе его так, будто кто-то открыл заслонку и позволил волнам забытой запертой нежности вырваться наружу.

Утром следующего дня Женя, рассматривая в номере Игоря репродукцию Рериха осторожно рассуждала:

— Ты ведь хочешь снова рисовать? Молодец! Но... но как ты хочешь жить дальше один без женщины, без детей. Вот смотри, на картине женщина за руку тянет своего мужчину в гору! Я не о себе, я... вообще, — смущенно закончила она простую женскую истину.

— Есть женщины, которые могут столкнуть мужчину... — неохотно возразил художник.

— Да, много стерв и истеричек, но много тихих, добрых...

— Я знаю, Женя, что ты — из этих вторых. Но... но как подать... предложить тебе мою руку... Тебе и так тяжело тащить в гору свою семью.

— Это слова слабости. Будет чувство, появится вера, откроется любая возможность.

— Пока сказать могу одно: чувство есть! — искренне сказал Игорь.

— Вот и прекрасно! — обрадованно сказала Женя. — Мне нужно бежать домой. Я и так «проштрафилась».

— А я сегодня уеду в усадьбу на пару дней. Жаль, что ты не можешь со мной.

— Хочешь, я дам тебе мольберт, холсты, краски, кисти?... Ты возвратишься и вернешь.

— Пожалуй, да.

— Тогда подойди к 12:30 на улицу Кирочная, буквально рядом с метро «Чернышевская». Я работаю там в школе-студии, веду занятия по рисованию и дизайну. Соединимся поточнее, как выйдешь из метро.

Евгения нежно поцеловала Игоря и ушла.

В 13:00 Андрей Петрович забрал его у метро и они отправились в усадьбу.

— Молодец, что взял мольберт. И вообще — молодец, — сказал Андрей.

— Остановите здесь, — попросил Игорь. — Я сейчас вернусь.

Он зашел в большой универсам и вернулся с пятью большими пакетами.

— Я ведь не просто хозяин кафе, я еще умею неплохо готовить, — похвастал художник.

Пани Мария встретила сицилийского гостя очень приветливо.

— Здравствуйте, Игорь, мы вам рады. Вижу: у вас с собой мольберт. В непогоду можно рисовать на балконе второго этажа, выход из библиотеки. Вера, Андрей, покажите гостю дом.

Мария Родиславновна стала спокойней, чувствовала благоприятные изменения в жизни: Верочка сообщила ей, что беременна, Иришка с Сергеем ежедневно ездили в Питер на встречи с Вадиком. Нашли толковых биофизика и нейрофизиолога. Работают успешно над сергеевым прибором. Верочка, наоборот, стала нервной. Видимо, таков период беременности. Деев попросил подождать решения Ватикана и великого магистра п о Укладке. Но на крайнее беспокойство Веры Яновны о судьбе усадьбы, спокойно рассмеялся:

— Что, ему, вашему мэру, место вокруг мало? И деньги даете приличные... Да... Ну раз он так... Я посодействую. Не волнуйтесь.

Вера догадывалась о возможностях Александра Владимировича, но попросила разъяснений и уточнений.

— Я вас не узнаю, Вера Яновна. Куда девалось ваше прелестное чувство независимости. Что за глупый страх. Да... Вы с Андреем Петровичем устали. Да... А схема «убеждения»

вашего мэра обычная и простая: генпрокуратура в скором времени начнёт проводить тотальную проверку работы мэрии. Грешки, естественно, найдутся. А потом намёк по поводу государственного отношения лично мэра к планам МИДа относительно усадьбы... Пустяки. Кстати, коллеги из ГРУ и ФСБ установили, что ваш приятель Ричард с серьезными структурами на Западе не связан. Кое-какие связи у него есть, но, в принципе он — способный авантюрист, искатель-одиночка.

— Вроде меня и Андрея Петровича? — глупо спросила женщина.

— Отнюдь. Ваш *Дар* и *Дар* Андрея Петровича — это тончайший и мощнейший инструмент и, если угодно, оружие, — Деев сделал паузу. — Скажите, Вера, могу я рассчитывать на вашего друга в моей работе по некоторым направлениям?

— Например?

— Например, в апреле будущего года организуется по эгидой Ватикана и Юнеско международная конференция. Затронуты будут две основные темы: разрушение культуры неуправляемой глобализацией и вытеснение интернет-психологией духовных ценностей, нарастание морально-нравственной апатии. Андрей Петрович мог бы поучаствовать и в организации конференции, и подготовить кое-какие материалы. Да и выступить с докладом. Он сам мне говорил в усадьбе, что поддерживает точку зрения Николая Рериха о примате культуры в государственности. Говорил о духовной общности людей, стран, всего мира. Особенно ратовал за искоренение непонимания между христианами. Сейчас как раз укрепляются отношения Московского патриархата со Святым престолом.

— Извините, но он... сейчас нездоров в полной мере. Отложим разговор на пару-тройку месяцев. А если уже честно, Андрей необычный, очень противоречивый человек. Он... он не хочет быть погруженным в социум, жить в стае, — она сделала паузу. — Дело в том, что *стая внутри него*.

И все у него будто игра. И в рыцарей «поиграть» ему хочется. В то же время он человек крайне отзывчивый и ответственный. Он с удовольствием, и я тоже будем выполнять *специальные* ваши поручения, готовы к новым поискам и авантюрам. И еще... о рыцарстве и командорстве... Видите ли, дорогой Александр Владимирович, мой Андрей, да и я в какой-то мере... не крепки в ортодоксальной христианской вере, не тверды. Андрей осознает значение Веры, понимает, что мудрость людская лукава, но убежден, что только страстный, горделивый и пытливый ум, ум смятенной, не кроткой души способен *творить*. А примирившаяся в своей Вере душа чиста и благородна, и ее молитва сильна, но... Извините, я заболтала вас. Извините.

— Не нужно извинений, дорогая Вера Яновна. Я отлично все понимаю. «Clericus clericum non decimat».

— «Святой не платит святому десятины», — перевела Вера. — Спасибо, Александр Владимирович. Буду ждать хороших новостей. До свидания.

— Непременно ждите! До свидания.

* * *

... Игорь рисовал, готовил вкуснейшие обеды и ужины. Но что-то мучило его. Он решил поговорить с Андреем Петровичем.

— Все просто, Игорь. Для успешной работы нужны а) царь в голове, б) чувство меры, в)

системность и г) талант.

— И где я «промахиваюсь»?

— С царем, с царем, батенька, дела никудышные, — добродушно прокартавил историк, пародируя известного в прошлом политика. — Выкладывайте начистоту!

— Я думаю непрестанно о Женьке. И хочу принять решение. И не могу.

Игорь рассказал Андрею и Жениной семье, о ее проблемах.

— Через час ужин. Завтра утром вы намерены уехать. Можно за ужином мы кое-что вам предложим? Для успокоения ваших «Ежов под кожей».

— Это наверное неудобно. Нагружать...

— Бросьте. Все на паритетных началах. До встречи, — убедительно сказал Андрей и ушел к себе.

— За живопись! За образы, которые мастер умеет кистью «зацепить» с палитры и нанести на холст, — Мария Родиславовна произнесла этот первый за ужином тост, пригубив наливочки из красной смородины от Анны Никитичны.

— За вас, волшебная пани Мария, и за вас, чудесные сестры, и за вас, мудрейший Андрей Петрович! — Игорь в ответ осушил бокал наливочки из белой смородины той же «фирмы».

— Чудесные... волшебная... Спасибо, Игорь. Но я вас не выпущу из своего заколдованного леса, пока не увижу, что вы нарисовали за эти два дня, — пожилая женщина сощурила глаза.

— Что вы?! Нет. У меня лишь наброски, эскизы. С ними еще работать, — возразил Игорь.

— Игорь, не упрямытесь, пожалуйста, — вмешалась Верочка. — Нас с Андреем вы прекрасно нарисовали за пару часов. Там, в Сиракузах.

— Хорошо. Одну такую... подобную... картину-символ я покажу. И подарю, если понравится.

Он вышел и вернулся через пять минут.

— Вот. Примите как символ вещей колдовской усадьбы, в знак любви и уважения. На память.

Игорь достал из кармана фломастер и размашисто надписал на заднике. Затем поставил картину на стул у окна. Все встали из-за стола и подошли к окну. На картине Мария Родиславовна, но моложе лет на сорок, в образе «Мадонны с младенцем» держит на руках не младенца, а усадьбу. От основания дома вниз, в землю уходят корневища, переплетаясь там между собой и обвивая голени и стопы женщины, которые тоже погружены в землю. На заднем плане, на фоне черных верхушек сосен и среди оранжево-багряного неба с темно-серыми облаками бледные, контурно выписанные лики Веры, Ирины, Андрея и Георгия Натановича. Последний, видимо, с фото на столе в кабинете.

— Тревога и ожидание... Отличная работа! Спасибо огромное, Игорь, — тихо произнесла Вера. — И снова вы угадали, увидели невидимое...

— А я-то ручонками как крепко вцепилась в дом. Держу крепко! Молодец, мастер! — пани Мария поклонилась Игорю. — Спасибо!

И после паузы, опять хитро прищулив глаза, сказала:

— Однако, градус пафоса начинает сильно превышать градус выпивки. И наше застолье не прощание навеки. Позвольте, Игорь, мне высказать наши предложения для вас. Только предложения, с вашего разрешения. Вы имеете право даже не отвечать.

Все сели за стол. Андрей наполнил бокалы.

— На месте этой усадьбы планируется в ближайшее 2–3 месяца открытие нашего «предприятия», — серьезно заговорила пани Мария. — Это Центры восстановительный и творческий. Профиль одного — исцеление психики пожилых интеллектуалов, второго — развитие творческих способностей юных дарований.

— Но... — хотел сказать что-то художник.

Мария Родиславовна остановила его рукой и продолжила:

— Знаю, что вы хотите спросить. Да, 2–3 месяца потребуется только на оформление бумаг: разрешение, согласования, справки и прочее. Затем мы построим два корпуса для двух центров. Здесь раньше, когда были госпиталь и интернат, так и было. Госпиталь строили во время войны, наспех и в 94-ом их снесли. Но уже сейчас здесь, в усадебном доме предусмотрены три палаты для больных. Есть врачи. Сергей — психотерапевт, Людмила Иосифовна — терапевт, Ева Ивановна — невропотолог. Впоследствии в доме все окончательно освободим от музейного хлама, оборудуем по назначению. В здании усадебного дома останемся мы и медперсонал. Впрочем, я увлеклась. — пауза. — Предлагаем вам, а если угодно с Женей, ее девочками и ее отцом перебираться к нам. Вам с Женей — комната, девочкам — комната. Одна из палат — Жениному отцу.

— Да, — задумчиво отозвался Игорь. — Это оригинальная идея. Щедрый шаг с вашей стороны! Я как раз два дня мучаюсь «квартирным вопросом». Вы разрешите нам с Евгенией подумать? Я ведь даже не предложил ей... пока, ничего. И вообще пока я *taliano vero*, — он улыбнулся.

— Конечно думайте! — заключила пани Мария и устало, откинув голову, прикрыла глаза.

В этот момент в столовую вошли Ирина и Сергей.

— Что-то долго вы сегодня, — проворчала Вера.

— Извините. Мы с Вадиком засиделись над проектом, потом еще на Благодатную нужно было заехать.

— Какая прекрасная картина! Ваша, Игорь? — спросил Сергей.

— Да.

— Люблю глубину символов. Но почему такая тревожная акварель. И графика жесткая... Сов нет... — заговорила Ирина.

Игорь нахмурился и посмотрел на Андрея.

— «Художника может обидеть каждый. Нет, чтобы помочь ему материально», — попытался цитатой приободрить Игоря Андрей Петрович.

Но художник уже улыбался:

— Я не люблю объяснять свои картины. Тем паче эскизы. И не умею. Но ради вас, добрая девушка, попытаюсь. Это мое впечатление на сегодняшний день. Завтра небо начнет светлеть, лес легко вздохнет, зазеленеет. А совы вашей родовой усадьбе уже не нужны: ей ничего не угрожает!

— Прямо завтра? — наивно спросила Иришка.

— Скоро, скоро, сестренка, — ответил вместо художника Андрей.

— Извините, — вымолвила впечатлительная девушка.

Утром Ирина и Сергей объявили, что намерены подать заявление в ЗАГС. Свадьбу планируют на первую или вторую пятницу марта.

Все домочадцы бросились их поздравлять и обнимать. Андрей Петрович поднял вверх

указательный палец и процитировал со значительностью:

— «Добрая жена да жирные щи — другого добра не ищи!»

— Мы сегодня и завтра с Сергеем не поедем в Питер, побудем дома, — сказала Ирина Яновна.

— А мы с Андреем проводим Игоря и зайдем к маме. Пашку давно не видела. Соскучилась сильно, — сказала Вера Яновна и, рассмеявшись, добавила. — Андрей рвется предстать вновь пред очами Юлии Станиславовны.

Андрей Петрович чуть скривил губы, пожал плечами. С этим планом Вера его не ознакомила и он мстительно пробурчал пословицей:

— «На резвом коне знакомиться с тещей не ездят!»

Верочка вновь едко подзадорила Андрея:

— В этой пословице звучит слово «жениться», а не «знакомиться с тещей»! Чего-то ты заговорил поговорками, перефразируешь известные пословицы?

— Ты же сама подарила мне часть своей матрицы, вот и... умничаю, — парировал мужчина.

— И частенько невпопад, — добродушно напирала Вера.

— «Первый раз женился — с головою пропал; второй раз женился — свет увидал», — снова брякнул Андрей.

— Вот характерец-то! И опять ведь изменил пословицу по своему умыслу, — бросила Вера.

Ситуацию легко выправила мудрая пани Мария:

— Для мужчины последняя любовь — клинический случай. Ты, сынок, не обижайся, — она посмотрела Андрею в глаза. — Но вам с Верочкой нужно... побеседовать с Сергеем. Вы же обещали мне! Раны после Смольного плохо, видимо, заживают.

— Нужно, нужно, — серьезно сказал Андрей, посмотрев с любовью на Верочку.

Но через секунду опять высказался дерзко и упрямо, и опять пословицей, цитируя уже в точности:

— «Нужный путь Бог правит. Бог пути кажет».

Игорь, не понимая всего, но зная, что дом хранит какие-то тайны, молчал.

Сергей же, поскольку было упомянуто его имя, лишь вежливо сказал:

— Я могу предложить несколько простейших практик, медитаций...

Ирина прощалась с Игорем, говорила задушевно:

— ... Мы сообщим день свадьбы. И непременно будем вас ждать!

— Да, — говорил Игорь искренне, обнимая девушку, затем Марию Родиславовну. — Я не могу твердо обещать, извините. Но вашему дому, вам всем благодарен безмерно за понимание, за... надежду. До свидания!

В машине по пути в Петербург некоторое время стояла тишина. Первой ее нарушила Вера Яновна, которая решила высказать, точнее предложить Игорю пару не таких стратегических, как бабуля, ходов, а более тактических, конкретных на ближайшие полгода.

— Игорь, скажите откровенно: вы не сочли наши предложения хоть в малейшей степени бесцеремонными?

— Ни в коей мере. Я сам намекнул Андрею Петровичу, что... что ищу у вас определенной поддержки. Правда... — он не нашел далее точных слов.

Выручил Андрей, поняв мысль художника:

— Правда педалировать ситуацию не хотелось бы. Так?

— Точно, — улыбнулся Игорь.

— Дело в том, что мы с Андреем умеем видеть, — Вера улыбнулась. — Подобно вам. Да и моя женская интуиция убеждает меня в том, что Амур попал-таки в ваши с Женечкой сердца. Ведь так?

— Есть... немного. Меня точно этот шалун ранил. — Игорь доверчиво, по-сыновьи смотрел на Веру Яновну.

— Так вот, чтобы время не «затоптало» только что проторенный след, раны преждевременно не затянулись, нужно поддерживать отношения. Не просто звонки «Сиракузы-Санкт-Петербург», а... Вы же запланировали в своей голове пригласить Женю и ее девочек на новогодние праздники на Сицилию, а потом самому приехать на 8-е марта в Питер?

— Абсолютно верно, — удивился художник.

— Но под чьим присмотром оставить Жениного отца? Он привык к круглосуточному уходу. Больница? Няня-сиделка? Лучший вариант — поместить его в отдельную палату у нас в усадьбе. Сиделку мы найдем. Срок — не определен. Видно будет.

— Вы прямо читаете мои мысли, Вера Яновна.

— А свое кафе вы выгодно продадите Сэбиному дяде. Вместе с комнатой наверху, — почти беззвучно проговорил Андрей Петрович.

— Разве я говорил вам, что наверху, над кафе — моя комната, где я ночую?

— Не говорили. И про дядю Себастьяно ничего не говорили. Но так есть и так будет! — сказал Андрей.

Вид его был настолько странным, насколько убедительными были его слова. Игорь сказал просто:

— Да, задали вы мне... нам с Женей задачи...

— Кстати, — продолжила рассуждать Вера. — Я уже переговорила с одним пожилым академиком, Матвеем Иннокентьевичем о месячном лечении в нашем будущем Центре. Пока о месячном. После Нового года. Он специалист по Тибетской культуре. Бабуля нашла еще одну насельницу, Аллу Федоровну, поэта. Они дружили в молодости. Также о месячном пока сроке лечения после православного Рождества.

— Я позвоню через месяц. Это ваше «пока», уверен, растворится.

Друзья тепло попрощались, высадив Игоря у гостиницы, а сами проехали в Мучной переулок.

— Привет, мамуля! Ты же знакома с Андреем Петровичем? Он теперь живет с нами в усадьбе, — как-то просто, как некую очевидную данность сообщила Вера, обнимая и целуя мать.

Из своей комнаты вышел Павлик.

— Привет, мамуля! Я соскучился, — радостно сообщил сын, бросившись Вере на шею.

— Приветик, сынок! Познакомься, это — Андрей Петрович, маг и чародей! — задорно воскликнула Вера Яновна.

— Да, мама. Я помню... В июле он ночевал у нас. Здравствуйте.

Юлия Станиславовна, произнося растерянно «Здравствуй, дочка», «Здравствуйте, Андрей Петрович» собиралась с мыслями, чтобы как-то разумно отреагировать на неожиданность. Тем паче, не укрывшийся от глаз матери животик Верочки, наводил на мысль о связи его появления с явлением мага и чародея.

— Чаю хотим! — Вера Яновна ловко перевела мизансцену удивления в кухонные

хлопоты.

Когда Юлия накрывала стол, лицо ее было уже спокойнее.

— Как ваша поездка на Сицилию? Справились с мафией? С творческими планами, я заметила, все складывается удачно, — Юлия с мягкой иронией поочередно смотрела то на дочь, то на Андрея.

— Ты кого спрашиваешь? Меня или Андрея? И откуда ты знаешь про Сицилию? — Вера была в полном недоумении.

— Это я шутил в прошлый раз. Импровизировал, — отозвался Андрей.

— А-а-а, — протянула Вера Яновна.

— Вы — мастер импровизации! От актрисы это не скроешь, — улыбнулась Юлия Станиславовна.

Почаевничали. Мать и дочь остались наедине, Андрей Петрович ушел в комнату Павла, который к этому времени собрался пойти на тренировку.

Когда он был у двери, Вера спросила:

— Павлик, как ты смотришь на перспективу провести Рождественские каникулы в усадьбе? И ты, мама?

— Ну-у-у, — протянули те без особой радости.

— Я собираюсь подарить на Новый год Платонычу снегоход. Ты бы мог покататься. И ты, мама, посмотришь на новый Иришкин флигель. Она с Сергеем... Впрочем, новостей и перемен к Новому году ожидается много! Радостных! И этими переменами мы обязаны, главным образом, бабуле Марие и дяде Георгию. И ты, мама, пожалуйста, перебори...

— Да, доченька, да. Я уже давно хочу... — перебила дочь Юлия и сама тоже не нашла нужного слова.

— А я рад и с удовольствием поеду, — обрадованно сказал Павлуша и ушел, беззаботно забросив рюкзачок на широкое плечо.

Наступил декабрь, и первый день зимы морозным влажным ветром с реки разрисовал стекла в окнах усадьбы.

— Смотри, Андрей, какие чудесные узоры! — восхищенно сказала Верочка. — И утро волшебное. Я люблю зимой бывать в усадьбе. Питерская зима в городе слякотная. А здесь хороша! Здорова!

— На Урале зима еще красивей, — как-то грустно заметил мужчина.

— Скучаешь?

— Да, нет, не особенно, — он что-то не договаривал.

Но когда подошел к окну, оживился.

— Лилии... Узоры на окнах — хрустальные лилии!

— Прекрасно! Древние греки считали лилию символом надежды, — Вера Яновна стояла у зеркала и, замерев, что-то увидела в нем.

— Я...увидела себя в платье... с расшитыми белыми лилиями на рукавах и подоле. Я... скоро сошью себе такое. Будет повод!

— Да, скоро Новый год, — рассеянно проговорил Андрей Петрович.

— Раньше будет повод. Завтра на несколько дней уедем в Питер. Я приготовила отчеты по работе. Нужно сдать. И взять кое-какие книги.

— Завидую тебе. Работаешь. И отчеты готовы, и книгу пишешь интересную.

— Ты ведь не должен скучать: много читаешь, многое мне рассказываешь очень полезного для книги, — Вера тревожно взглянула в глаза Андрея.

— Мало, мало работы.

— Глупости! Твои заключения после изучения «Славяно-Арийских Вед» для моей книги — интереснейшие! Особенно твоя интерпретация символов. Ты стал специалистом по знакам! Я вышила на наших рубашках «духовную и душевную свастику» — символ исцеления. Ведь помогает! На своем поясе я вышила «зайчика» и «велесовика» — защитные обереги, особенно для беременных. И это не мешает моей протестантской душе, самостоятельно борющейся за спасение.

— Ты-то «прогрызаешься» в самую глубь, суть Герметического кабинета: твоим познаниям о Гермесе Трисмегисте, об Изумрудной Скрижали позавидует любой. Мне же достается «диванная» часть работы.

— И правильно! Тебе ли объяснять, что свободное время и диван — необходимейшая «технологическая» часть творческой работы! Ты читаешь Блейка, рассуждаешь о его картинах, «перелопачиваешь» Гегеля, анализируешь Джойса и Рембó — это труднейшее междисциплинарное исследование. А на изучение всей сложной системы герметической философии, куда вошли алхимия, астральная магия, каббала, эллинская философия, восточные религии и мистериальные культы нужны годы.

Когда время приблизилось к обеденному, Вера и Андрей услышали звуки рояля, доносившиеся снизу, из столовой. Спустившись и войдя в столовую, они застали следующую картину: за роялем сидела Мария Родиславовна, нарядно одетая и играла любимого Шопена; возле окна стояли Ирина и Сергей, пришедшие чуть раньше и уже накрывшие стол.

— Вера, смотри! — радостно сказала девушка.

На окнах выкристаллизовывался, чаруяюще следуя аккордам рояля необычный узор.

— Это Знак Валькирии — древний оберег, охраняющий Благородство, Честь и Род, — сказал Андрей Петрович.

— Вот именно! Вот именно, дети мои! — пани Мария перестала играть, села к столу. Сели и остальные.

— Я имею Честь сообщить вам всем радостную новость. Час назад мне позвонил мэр и в очень извинительных тонах сказал, что не имел времени ознакомиться с нашими бумагами раньше. А также сообщил, что завтра же в усадьбу из мэрии приедет нарочный с необходимыми документами по сделке, то есть по передаче в нашу собственность нашей же усадьбы. Приедет и нотариус и представитель банка, которому нужно передать деньги. Очень был любезен, очень.

— И сколько просит? — спросила Вера.

— Говорит: 90 миллионов, мол, меньше нельзя, аудит будет проверять, — хмуро проговорила бабуля.

— Да что ты? Это ведь отличная цена! У нас еще остается 80 миллионов! — радостно воскликнула Иришка.

— Да, цена чудненькая, — благодушно подтвердила Вера Яновна и выражение ее лица от глубокого удовлетворения быстро поменялось на деловую решительность.

— Поедем с Андреем в Питер не завтра, а послезавтра. Быстренько сдам в институт отчет и начнем искать строителей. Деньги должны без промедления заработать: строить два корпуса для наших Центров. Прикинуть сколько оставить на зарплату медперсоналу, на оборудование, на приборы Сергея, на мебель и прочее. Зарплату депонировать всем на полгода вперед. Пока не появятся новые инвестиции.

Мария Родиславовна хитро подмигнула:

— Пока Смольный вновь не поможет! Я дожила до времени, когда Смольный опять на нашей стороне.

— Скорее уж, высотка на Смоленской площади в Москве, — рассмеялся Андрей.

— Или на площади Св. Петра в Риме, — хохотнула Верочка.

— Завтра вечером после оформления сделки — брызги и пробки в потолок! — хлопнула в ладоши Мария Родиславовна. — Но возвращение начнем сегодня... Перед ужином состоится небольшое театрализованное действо. Так было часто в домах наших предков. Мужчины могут быть свободны, а вы, внучки, останьтесь: обсудим сценку.

В шесть часов вечера Андрей и Сергей были приглашены в гостиную. Мизансцена была великолепной и уморительной. За столом в кожаной куртке, в красной косынке восседала пани Мария. В зубах она держала не зажженную папиросу. Оскал зубов и рука, положенная на маузер в деревянной кобуре, выражали классовую непримиримость. Перед ней на коленях стояли двое «мужинок». Один: полненький, с зализанными, сильно поредевшими волосенками, тянул вперед губки и всхлипывал. На шее у него висела картонная табличка: «Мальчиш — плохиш». Второй с рыжей шевелюрой, тоже полноватый, но повыше ростом и кряжистей. На шее табличка «Чуб — приватизатор». Глаза у обоих «демократов-реформаторов» припухшие, суженные.

— Что глазки-то у вас обоих такие? Пьёте? Воруете? — грозно спросила «комиссар».

— Ну-у-у, — потянули оба «подсудимых».

— Какое наказание, товарищ прокурор, заслужили эти двое? — обратилась пани Мария к Андрею Петровичу.

— Наворованное отобрать и раздать страждущим. Затем вернуть на преподавательские

должности в вузы, на мизерную зарплату. Пожизненно.

— У-у-у! — завывали Плохиш и Чуб. — Не-е-е.

Когда они сняли грим, Андрей и Сергей узнали сестричек. Естественно, это были они: прекрасные и талантливые Верочка и Иришка.

На следующий день сделка была заключена. Усадьба вновь передана роду Богдановичей! Все было совершено быстро и корректно. За полчаса! Умеют работать даже бюрократы, если их припереть, например, прокуратурой.

Радость обитателей — правообладателей усадьбы бурлила до глубокой ночи. Выстрелы пробок шампанского чередовались с залпами праздничного салюта, устроенного Платонычем. Андрей и Сергей развели на двух больших полянах подальше от домов огромные ритуальные костры. Вдвоем они принесли и поставили на края поляны два деревянных тотема, сделанных Андреем Петровичем. Это были, конечно, совы и их желтые глаза из латуни страшно-сверкали в всполохах костров.

— Давайте построим наши два центра на этих полянах, — размышляла вслух Мария Родиславновна. — Причем, Верочка, ты закажи проекты зданий в виде двух частей соединённых переходом.

— Ты, наверное, хочешь в одной части устроить жилые комнаты, а в другой офисные и вспомогательные помещения?

— Да, — подтвердила бабуля. — А переход между ними из стекла, теплый, с оранжереей!

— Отлично! — все хором одобрили задумку.

Первая декада декабря была наполнена новой организационно-строительной работой. Но энергетический заряд от хороших новостей и радостных планов позволял Вере Яновне и Андрею Петровичу легко справляться с этой работой. Вера успешно сдала научные отчеты в своем институте и получила весьма одобрительные отзывы от коллег и руководства. И премия за работу была достойной. Удалось ей также найти хорошего подрядчика для быстрого строительства двух намеченных корпусов. Уже 10 декабря (до больших морозов) началась заливка фундаментов.

Андрей тщательно знакомился с предлагаемыми строительными материалами. Решил выбрать для стен оцилиндрованное бревно. Отопление — теплый пол. Предусмотрел буквально все целевые назначения помещений: и высокие окна в мастерских художников, и звукоизоляцию и вентиляцию и т. д., и т. п.

В один из таких заполненных заботами дней, а именно 12 декабря, ужин неспешно перетекал в вечернее традиционное чаепитие. Чаще этот час сопровождался игрой в лото, музицированием и легкой беседой, но иногда, как сегодня, вдруг закипали интеллектуальные споры «широкого профиля».

Сергей доказывал Ирине, что умение видеть и воображение — разные вещи как ум и талант.

Вера Яновна, испытывая, очевидно, муки творчества в работе над своей новой книгой, рассуждала, что истинное искусство не должно стремиться к оригинальности, новизне, «приросту смысла». Горячо говорила:

— Любой глубокий творец должен учиться и учиться канону своего ремесла, желать быть более учеником, нежели учителем, тем паче «просветителем»!

Андрей Петрович спокойно еще раз обозначил свою позицию по этому каверзному, скользкому вопросу:

— Глубина знаний и профессионализм, очевидно, необходимы. Но творчество рождается и живет исключениями, а не правилами. Главное — не возгордиться!

— Помните, дети мои, и о том, что по-разному звучит фраза: «Голубчик, да вы начали следить за собой!», сказанная стилистом и психотерапевтом, — сказала Мария Родиславовна.

Все рассмеялись.

— Позвольте пояснить, — продолжила она. — Вчера на канале «Культура» митрополит Илларион исполнял и дирижировал фуги Баха. Пусть это будет канон. Но исполнял он это в католических и лютеранских храмах! Это пока следует определить как исключение.

У Верочки раздался звонок:

— Да, Александр Владимирович... Да... Как? Ой! — она обвела счастливыми глазами сидящих в гостиной. — Да, я все поняла... Передам... Отзвонюсь...

Когда разговор был закончен, Вера Яновна наклонила голову и начала рассматривать то ли свой живот, то ли искать пятно на платье.

Растерянно произнесла:

— Дресс-код, а как... когда успею?

— Ты чего бормочешь себе под нос, внученька? Чего заполошённая такая сделалась вдруг? — спросила бабуля.

— Мне срочно нужно новое красивое платье! И «живот» уже виден... Господи, что я «несу»?!

Из глаз Верочки посыпались бриллиантовые огонечки, щечки и крылья носика привычно и мило задрожали, спина выпрямилась и она торжественно сказала:

— Меня и Андрея приглашают в Рим! Александр Владимирович представил нам имя великого магистра прошение о рассмотрении вопроса создания в нашей усадьбе фамильного командорства. Вопрос будет рассматриваться 21-ого декабря. На 19-е декабря он купил нам билеты. Просит сообщить дату обратного вылета, но не ранее 25-ого декабря. В Европе католическое Рождество, большое скопление народу, особенно в столицах. Но, главное, он просит привезти ему наш вариант проекта о целях, задачах командорства, видах и объемах планируемых работ сроком на год. И подробно о кадрах и кадровой политике. Прежде всего имеется ввиду наличие (или появление при создании фамильного командорства) не менее двух рыцарей. Пока и не более двух. Нам нужно срочно все обсудить. Я предлагаю кандидатами в члены Мальтийского Ордена бабулю и Андрея.

Речь произвела сильное впечатление.

— Возражаю против своей кандидатуры. Прошу принять самоотвод, — решительно высказалась пани Мария. — И вообще, друзья, негоже столь значительную и радостную для нашего рода, для нашей усадьбы новость нагружать выборами. Да и должно быть всем очевидно, что кандидаты эти — Вера Яновна и Андрей Петрович.

— Молодец, бабуля! — поддержала Иришка.

— Иришенька и Сережа, прошу вас: поиграйте нам на рояле. А мы посидим и послушаем. Посидим и послушаем тихо, будто в храме. А завтра утром сочиним проект. Да и что там сочинять — мы уже строим!

Андрей Петрович сидел, слушал музыку и рисовал что-то фломастерами на листе картона, положенного на колено.

Перед сном он показал Верочке свой рисунок.

— Такое платье ты хотела? Говорила, что скоро будет повод. Повод есть!

Та всплеснула руками.

— Да ты еще и талантливый модельер! И чуткий к... деталям. Ты угодил мне на 100 процентов. На 200!

Платье свободное, длинное с длинными расклешенными рукавами. Спереди и сзади ткань голубого цвета, по бокам, подчеркивая талию, вставки из темно-синей ткани. И, как этого хотела Вера, по кайме рукавов и подола, нашиты серебром белые лилии. На правой груди брошь с совой, подаренная Андреем.

— Завтра, как раз, Ева Ивановна приедет в усадьбу, посмотреть бабулю. Она не только толковый врач, но и прекрасная портниха. За пять дней сошьет! Главное: найти ткани. Попрошу Иришку завтра утром, пока мы напишем проект, съездить в Питер, подобрать и купить. И тебе послезавтра нужно купить одежду и обувь. Съездим вместе. Давай спать, дорогой. С такой новостью как сегодня, нужно переспать. Утро вечера мудренее.

— Да. Эта новость — поворот и... горизонт!

... Утром 20 декабря Александр Владимирович Деев сидел у себя в кабинете и читал проект фамильного командорства, что привезли в Рим Вера Яновна и Андрей Петрович. Те и это время смотрели в окно на площадь Св. Петра. Или на рабочий стол посла: идеальный порядок, папки аккуратно сложены; лампа, знаменитая, 35 лет путешествующая по миру вместе с хозяином. Стены во всей резиденции и в кабинете украшены гравюрами и репродукциями. Две большие картины с видами Петергофа и Гатчинского Дворца над диваном в углу кабинета.

— Андрей Петрович, вот посмотрите, пожалуйста, пока мы с Верой Яновной немного поработаем с вашими предложениями.

Он передал Андрею три папки, с которыми тот ушел на диван. Открыл первую из них с надписью «Интернет-психология: бездуховность и морально-нравственная апатия». Это материалы к будущей международной конференции. Вторая папка озаглавлена «Картины на Библейские сюжеты из музеев Ватикана и России». Это по поводу предстоящей совместной выставки. Третья-планы выступлений российских хоровых коллективов в католических храмах Европы и ещё какой-то странный листок!

— Да-да, прочтите. Это вам, — Деев, разговаривая с Верочкой на итальянском и на итальянском, естественно, составляя ответственный документ, мог замечать косвенные, касательные детали и события.

На листке отскерокопированы выписки из каких-то, видимо, секретных архивов. Содержание этих, буквально 30 строчек, разрозненных на десяток абзацев из разных документов, глубоко задела душу и ум Андрея Петровича. Эти пробелы в его родословной не давали покоя ему, историку. Теперь он знал что его прадед, из польских дворян, был в ближнем кругу Дзержинского и выполнял его специальные поручения в Германии, Польше, Прибалтике и Финляндии. В 1940 расстрелян. Дед, тоже партизнец и командир Красной армии, в самом начале войны попал в плен к немцам. По некоторым данным НКВД остался жить после войны на территории Австрии. Мысли Андрея улетели так далеко, что он не слышал обращенных к нему слов посла.

— Извините, Александр Владимирович. И спасибо большое за сведения о моих... Мне это было важно.

— Пожалуйста, Андрей Петрович, — он взял листок из рук Андрея и поджег его зажигалкой над пепельницей. — А я говорил, что ваши с Верой Яновной предложения будут весьма убедительны для Ватикана и Ордена. И идея с Центром творчества юных отлична

вписывается в задачи Церкви о воспитании детей и молодёжи. И целительный Центр по психолого-психиатрической... поддержке пожилых (да и не очень пожилых) россиян (да и не очень россиян) нам важен! Я думаю, здесь, в Риме вопросы решаются положительно и быстро. А вот в России...

— Но ведь мы наблюдаем развитие плодотворных отношений между Московским патриархатом и Святым престолом, — заметил Андрей.

— Да, это так. Но сложности с Российской Православной Церковью, а особенно с официальными государственными структурами будут. Первое время, — мудрые глаза Деева и его негромкий голос давали надежду.

Вера Яновна угадала ход мыслей посла:

— Уж если на развитие культуры наши чиновники дают намного меньше стандарта ЮНЕСКО (не менее 3 % ВВП), то на религиозно-духовную практику... Корпус Мальтийского Ордена и Специальная дипломатическая миссия Ордена в Российской Федерации не могут пока проявить себя в той мере, в какой хотелось бы.

— Пока, пока не могу, — строго заметил Деев.

Через секунду, сменив тему и, уже улыбаясь, он продолжил:

— Однако, вернемся в «Здесь и Сейчас». Я уже сказал, что в Риме все складывается удачно. Добавлю. То, что вас, друзья, пригласили не на 24 июня, в день рождения Святого Иоанна, когда проходят официальные ритуалы, а в канун Рождества, доказывают особое уважение к вашим заслугам. Далее, от вас не требуется доказательств католического вероисповедания. Впрочем, Мальтийский Орден давно превратился не только в гражданскую, но по преимуществу светскую организацию. Ритуалы, в том числе посвящение в рыцари часто упрощены. Вас... эх, выдам уж секрет... Вас намерены (пока намерены!) посвятить в члены Ордена Третьего класса, которые не принимают ни обета, ни обещания.

Заметив на лицах Андрея и Верочки счастливые и спокойные выражения, он добавил:

— Во всяком случае, форма одежды официальная.

— Есть, — улыбнулась Верочка.

— И приготовьте на всякий случай речь, пару предложений благодарности и обещания верного служения.

— Я не знаю итальянского, — нахмурился Андрей.

— Можно на английском. Впрочем, можно и на русском. С вами будут мой референт-секретарь и мой атташе. Они переведут. Итак: завтра к 10 утра вы приглашены на заседание Суверенного Совета. Это правительство Ордена. Совет состоит из великого магистра, великого командора, великого канцлера, великого госпитальера и хранителя общей казны. И ещё шесть членов. Советы проходят в резиденции Мальтийского Ордена. Я не смогу присутствовать, но вас проводит и поможет в разных вопросах мой атташе. Он уже сегодня передаст в Совет наши бумаги.

— Там так будут нас «допрашивать»? — улыбнулся Андрей Петрович.

— Вы будете ждать решения о создании фамильного командорства в соседнем зале. Повторяю: мой атташе поможет. Он будет на Совете представлять ваши интересы. Ах, да, к великому магистру лучше обращаться «Ваше Преосвященнейшее Величество», но разрешается и «Князь и Великий Магистр».

— А что предстоит нам делать 22-ого? — спросил Андрей.

— Завтра после Совета давайте поужинаем вместе и поговорим.

На обратном пути из Посольства Вера и Андрей прогулялись до фонтана Треви, затем

до Испанской лестницы. Начало темнеть. К тому же у Веры Яновны заболела голова. Ей не хватало свежего воздуха.

— Недаром Рим называют «городом без легких», — ворчала она.

... Совет прошел более чем удачно. Уже в 11 из резиденции Мальтийского Ордена вышли двое новых рыцарей: Андрей Петрович Цельнов — Кавалер чести и преданности и Вера Яновна Богданович — Дама чести и преданности, обладатели фамильного командорства. На груди прекрасной Верочки слева от броши с совой сверкал Большой золотой крест, усыпанный бриллиантами. Такой же был на лацкане пиджака Андрея, тоже красивого в этот замечательнейший момент жизни. Референт-секретарь сфотографировал героев и отвез в гостиницу переодеваться.

— Ты был великолепен в момент награждения, — сказала Вера Яновна. — Я впервые видела твоё волнение.

— Ты тоже смотрелась королевой, — улыбнулся Андрей. — И тоже волновалась. И глаза у тебя были...

— Какие?

— Цвета крыжовника, нет... точнее — соленого огурца.

— Спасибо за «деревенский» комплимент, — сказала «королева». — Умеешь ты сделать даме приятно.

— Пожалуйста. Спрячь Ордена в сейф, дорогая.

Вечером за ужином в дорогом ресторане Александр Владимирович сердечно поздравил героев.

— У нас ещё одна встреча с великим магистром. Об этом мне сообщил его секретарь только час назад. Да, да, у меня здесь, в Ватикане «трудный участок работы», я не всегда точно и заранее знаю дипрегламент. Встреча в Мальтийском дворце, в резиденции великого магистра. 10 минут — официальная часть, и 10 — неофициальная беседа с гроссмейстером. Будет только он и нас трое. Встреча послезавтра, в полдень.

— А что в официальной части? — любопытствовала молодая женщина.

Деев промолчал и лишь выразительно взглянул на Веру Яновну. Догадайся, мол, сама.

22 декабря Вера и Андрей отдохали в номере. И лишь к вечеру «пижамный» день наскучил и они вышли на улицу. Добрались до Пьяцца Навона, поели мороженого, послушали скрипача, пожилого седого мужчину с доброй улыбкой. Он стоял возле их столика и играл. Играл и улыбался. Будто радовался за них, незнакомых людей из далекой России.

... Вся обстановка резиденции будила в воображении славные страницы Ордена госпитальеров.

Великий магистр торжественно вручил три Больших золотых креста. Один — Дееву А.В., второй — Богданович М.Р. и третий — Богданович И.Я... В краткой беседе гроссмейстер поинтересовался у Александра Владимировича какими государственными актами и бумагами в России будет отмечено и зарегистрировано новое фамильное командорство. И аналогично в Церкви. Деев уверил, что все будет на достойном уровне и через месяц-другой он доложит об этом в Ордене и Ватикане.

Когда после приема они неспеша шли по улице Кондотти, Александр Владимирович в свойственной ему мягкой, дипломатичной манере говорил о некоторой задуманной им возможности уже расширить земли командорства и разграничить, как он выразился «сферы влияния», или даже предусмотреть второе, ещё одно командорство. За обеденным столом

они продолжали чередовать тосты поздравительные с тостами надежд и планов. Наконец, прежде чем уйти и, уже буквально вставая из-за стола, Деев выразился определенно:

— Вера Яновна, знаете ли вы о замке купца Елисеева по направлению Гатчины?

— Конечно, Александр Владимирович. У петербургских интеллигентов этот шикарный, шедевр своим запустением отзывается болью в душе. И там сзади чудная плотинка есть.

— Надо сделать так, чтобы не отзывался болью. Я задумал арендовать, а возможно, выкупить этот замок. С назначением мы определимся позже. Варианты: наша резиденция; дом творчества; филиал Ленфильма для съемок приключенческих фильмов о рыцарях. Для воспитания молодежи.

— Отличная идея, — сказали Вера и Андрей.

— У-у-у, мне пора бежать. Вот билеты на завтра. Отдыхайте! С наступающим Рождеством! Созвонимся в канун Нового года. Удачи!

Вечер Вера Яновна и Андрей Петрович провели в парке «Вилла Боргезе».

24 декабря подарило Риму теплое, ясное утро.

— У меня сегодня отличное самочувствие! — говорила Верочка, стоя у окна и поглаживая свой живот.

— Вот и замечательно, — сказал подошедший Андрей.

Он положил свою ладонь на Верочкину и добавил:

— Наш Саввушка радуется за нас...

Убрали руки с живота и молча минуту всматривались в панораму города. Отель, расположенный на Капитолийском холме и номер на верхнем этаже, давал великолепную возможность обзора.

— Какие планы на день? — бодро спросила молодая женщина.

— Эти милые кремовые шторы, — мужчина прикоснулся к ткани.

— Ясно. Ты позавчера метался по своей комнате, как гладиатор по арене. Писал?

— Да. Я же в Риме. Роман. Главу, где на арене Павел. А еще Петр и Нерон. Мирно беседуют. Одни во всем цирке. Ночь перед казнью.

— Молодчина!

— Ты знаешь, я понял, что удобней начать писать роман с середины, с главного, — улыбнулся Андрей.

— Конечно, — улыбнулась в ответ Верочка. — Но сегодня, главное — большая прогулка. По магазинам. В кафешках и храмах будем отдыхать. Нужно купить подарки. Скоро Рождество, Новый год и Иришкина свадьба. А я же в Риме! Не уеду, не получу доброй дозы этого наркотика! В путь, дорогой! Свою тетрадку и ручку можешь взять с собой.

Она взяла со стола тетрадь, хотела передать мужчине, но рука ее замерла.

— Там, на арене, за спиной этих троих во мраке стоят еще двое. Один — мужчина, похожий на тебя.

— Правильно. А вторая — женщина, похожая на тебя.

— Это замечательный роман! Я очень рада за тебя! И горжусь тобой!

... Когда поздно вечером самолет набирал высоту, наши герои заворуженно вглядывались в окошко. Улицы и загородные шоссе осветились электрическими «нитеями накала».

В эту самую минуту откуда-то сверху, из таинственной непроницаемой тьмы, всматривался в паутину нитей, исторических нитей накала, ещё один дозорный, профессор Г.Н. Богданович. Вера и Андрей чувствовали его внимательный взгляд, видели его лик,

бледный, но довольный ими, любимой племянницей и любимым учеником.

— «Все дороги ведут в Рим», — прошептала Вера Яновна.

— И из Рима, домой, — тоже тихо отозвался Андрей Петрович.

«Вечный город» был в ожидании наступающей ночи. Ночи перед Рождеством!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

---

notes

Примечания

Эти три стихотворения принадлежат дочери автора Ведерниковой Ирине Игоревне.